

Малышев А. В.

Как Меша стала русской рекой

Очерки истории и топонимики
Окско-Сурского междуречья

*Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить
о первом, нужно вспомнить последнее, одно другим,
так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее.*

Н. М. Карамзин

Ульяновск

Новоульяновск

Ульяновская область

Мальшев А.В.

Как Меша стала русской рекой

Очерки истории и топонимики
Окско-Сурского междуречья

Издательство Эдитус
Москва

Мальшев А.В.
Как Теша стала русской рекой. Очерки истории и топонимики
Окско-Сурского междуречья. – М.: Эдитус, 2017. – 338 с.

© Мальшев А.В., 2017
© Оформление. Издательство «Эдитус», 2017

Глава 1

Введение. Реки России

Проблема происхождения географических названий относится к числу тем, интерес к которым не иссякает с течением времени. Вопрос о том, как на территории Окско-Сурского междуречья, занятой в современности, в основном русским населением, возникли названия, не имеющие к русскому языку ни малейшего отношения, всегда привлекал внимание краеведов и историков Поволжья. Благодаря многолетним исследованиям, в целом, топонимика Среднего Поволжья получила достаточно полное освещение в научной литературе но, тем не менее, остается немало, «белых пятен», возникших отнюдь не из-за недостаточной информированности авторов, а скорее из-за одностороннего понимания исторического развития нашего края, и Поволжья в целом. Из-за нежелания принимать во внимание все аспекты этого развития, и из-за приверженности к некоторым «догмам» сложившимся в российской исторической науке.

Безусловно, изучение топонимики любого региона, тем более, такого как Поволжье, невозможно без обращения к истории края, особенно истории этнической. Ведь топонимика, как раздел ономастики (науки об именах собственных), и есть научная дисциплина, изучающая названия географических объектов, полученные ими от этносов, на территории расселения которых, эти объекты находились.

Топонимика Среднего Поволжья очень древняя, и ее формирование началось задолго до того как сюда пришли славяне, и задолго до того как оно было присоединено к Московской Руси. На протяжении долгих веков здесь жили народы храбрых охотников, трудолюбивых земледельцев, отважных воинов, Поволжье входило в состав могучих древних государств, и Окско-Сурское междуречье не было диким неосвоенным захолустьем, как пытаются представить иные исследователи. Эти народы и государства оставили свой след в топонимике края, они живым потоком влились в этническую историю Поволжья, в этногенез современного населения, а языки, на которых говорили эти народы, формировали древнюю топонимику края.

Сама эта древняя топонимика, при отсутствии других исторических источников, может сыграть решающую роль в установлении расселения древних племен, их движения в освоении новых территорий. Поэтому рассказ о топонимике будет неполным без рассказа об этих племенах и народах, населявших в давнее время Поволжье.

Интерес к происхождению географических названий возник еще в древности. В средние века зафиксирован ряд попыток создания лексических словарей, различные толкования географических названий встречаются и в русских летописях. В XVIII веке, российские ученые В.Н. Татищев, А.П. Сумароков, Г.В. Миллер в своих трудах делают попытки расшифровки топонимов. Такие попытки продолжаются и в XIX веке, но только в XX веке, топонимика стала изучаться систематически. Были изданы первые топонимические словари. Появилась целая плеяда выдающихся ученых, а топонимика оформилась как специальная географическая, лингвистическая и историческая дисциплина, обусловленная необходимостью установления постоянных имен географических объектов.

Людям нужно ориентироваться на местности, и прежде всего ориентирами служат названия рек, лесов, полей, гор, холмов, болот, селений и других географических объектов. В этих названиях отражаются признаки, свойства местоположения, какие-то события, произошедшие рядом с ними когда-то. Названия никогда не возникают без причины. Выдающийся русский филолог Я.К. Грот указывал: «Топографическое имя никогда не бывает случайным и лишенным всякого значения, в нем по большей части выражается или какой-ни-

будь признак самого урочища, или характерная черта местности, или намек на происхождение предмета, или, наконец, какое-нибудь обстоятельство, более менее любопытное для ума и воображения».¹

Что касается топонимики Окско-Сурского междуречья, то даже при беглом взгляде сразу бросается в глаза множество названий, которые нельзя объяснить из русского языка. Главным образом, это названия рек и вообще водоемов: Ока, Сура, Теша, Сережа, Шилокша, Нукша, Нукса, Салакса, Калнакса, Велетьма, Сиязьма, Цна, Сарова, Мелява, Канерга, Урынга, и многие другие, даны им какими-то древними народами, язык которых или забыт, или существует в виде реликта в местах первоначального расселения этих народов, там, откуда они начали свой путь по Евразии.

Ученые топонимисты, изучая подобные не выводимые из современных языков названия, как правило, делят их на части, и та часть, которая встречается неизменной во многих названиях, именуют *топоформантом*. Например, в русском языке одним из таких топоформантов является слово *город* (град), образующее такие топонимы как Новгород, Белгород, Ужгород, Волгоград и др. В нашем случае, из названий Поволжских и Приволжских рек можно выделить топоформанты *-ма*, *-ва*, *-ха* (*-га*), *-ша* (*-са*, *-за*), *-та* (*-да*) и *-ра* (*-ра*), которые не используются ни в одном из современных языков Поволжских народов для создания топонимов. Эти топоформанты принадлежали языку обитателей берегов этих рек, живших здесь в древности.

В топонимике существует доказанное положение, что названия рек, озер, других водных объектов отличаются большей древностью, нежели названия населенных пунктов и имеют первостепенное значение для установления древнего населения. Эти названия, объединенные общим термином *гидронимия*, служат, своего рода, каркасом любой топонимики, будучи первыми географическими объектами, которым люди давали имена.

Очевидно, что крупнейшие реки не только Поволжья, но и вообще всей России имеют названия не только не русского, но и даже не славянского происхождения. Это свидетельствует, что первыми жителями Восточной Европы были не славяне, а представители других

¹ Я.К. Грот. Филологические изыскания. Санкт-Петербург. 1899 г.

народностей, передавшие, пришедшим сюда позднее славянам, эти названия.

Имена Дон, Днепр, Днестр и др., вряд ли могут быть объяснены в славянских языках. Хотя, вот Волга – великая русская река, имеющая явно славянское название, произошедшее от *влага*, *волглый*, (до сих пор в Поволжье, употребляют это слово в значении «влажный»), но с Волгой история отдельная. Дело в том, что *Волга* – это уже третье имя великой реки. Древние греки называли Волгу *Ра*, но не они дали реке это имя – так называли реку индоиранцы, населявшие в древности ее берега. *Ра* (*ранха* – поток), называли Волгу арийцы-скифы и сарматы, и они передали это название другим народам. Волжские (восточные) финны, усвоив от иранцев корень *ра*, добавили к нему свой топонимант *-ва*, и называли огромную реку *Рава*, но поглотившие иранцев турки, назвали реку уже по своему *Итиль* (поток), и это название устанавливается на многие столетия. Оно зафиксировано на многих средневековых картах.

Только с XVII столетия, на всем протяжении реки, она стала называться по-русски, *Волга*, хотя в том, что это русское название есть большие сомнения. Известно, что турки не всю Волгу называли *Итиль*; выше впадения в Волгу Камы, она называлась у тюрков *Улга* (*Юлга*), и приняли они это название, вероятно от местных туземцев *праугров*.

Некоторые исследователи идут еще дальше, и выводят название великой русской реки из языка Западных финнов, предкам которых в древности принадлежала Валдайская возвышенность, где Волга берет свое начало. Финское слово *valkea* (белый), легло в основу многих гидронимов Финляндии. Валке-ярви (белое озеро), валке-акоске (белые пороги) и др. А недалеко от истока Волги начинается река Мста (*musta* – черный фин.), текущая в Онежское озеро. Если реку, текущую на запад, древние финны называли «черная», то почему бы им реку, текущую на восток, не назвать «белая» (валкеа)? А уж пришедшие потом славяне переименовали *Валкеа* в *Волга*.

Древние славяне вообще неохотно меняли названия рек, предпочитая оставлять имена уже данные рекам, другими народами. Видимо, это связано с языческими верованиями славян, в которых вода как основа жизни была сродни божеству, и менять имя реки было

страшным кощунством. Только к XVII веку, языческие традиции стали отступать под натиском христианства.

А Волга, текущая на протяжении 3500 км, перетекающая из одной области в другую, постепенно освоила свое окончательное имя, полученное от маленького истока на Валдайской возвышенности.

В гидронимии южной части Восточно-Европейской равнины практически все крупные реки имеют названия, происходящие из языка северных иранцев, скифов и сарматов. Это говорит о том, что древние кочевники были господствующим здесь народом, превосходящим другие, живущие рядом этносы в своем общественном развитии, раз сумели навязать им свои названия рек.

Но рубежом обитания кочевников была естественная граница леса и степи, а по ту сторону этой границы, в бескрайних лесах от побережья Балтийского моря на Западе, до предгорьев Урала на Востоке, жили древние *прабалтские*, *прафинские* и *праугорские* племена. Поэтому, все крупные реки лесной полосы носят названия *балтские*, *финские* и *финно-угорские*, и нет *славянских*. Славяне – это последние племена, заселившие леса Восточной Европы. Только Волго-Окский рубеж, более чем на 500 лет, стал для славян преградой. В конечном итоге был преодолен и он, и земли к Востоку от этого рубежа были освоены славянами.

Современные жители Поволжья с полным правом именуют свою малую родину Россией, а себя русскими людьми, россиянами. Однако, можно быть абсолютно уверенным в том, что любой русский человек, родившийся в Поволжье, или живущий на этой земле, хоть раз, но задавал себе вопрос: что означают названия Ока, Сура, Теша, Иржа, Выкса, Ковакса, Ворсма, Сиязьма или Кулебаки, Саконь, Саваслейка, Липелей, Кужендеево и десятки других непонятных имен? Если с названием Рогово, Липовка, Гремячево, все понятно, то, что означает имя Арзамас? Шатки? Что такое Размазлей? А Мухтолово? Неужели, правда, там было много мух и люди говорили: «Там мух толово» (толово – старинное русское слово, означающее скопище), поэтому назвали поселок так необычно?

В краеведческой литературе можно встретить много разных версий. От так называемых, «механических», например, что *Кулебаки* – это два слова, *кули* и *баки*, дескать, здесь когда-то изготавливали

мешки-кули и емкости-баки, до «экзотических». Например, село *Степурино*, названо так за помощь, которую его жители как будто оказали Степану Разину, а название *Мамлейка* произошло от фразы-просьбы «мама лейка (воду)». Или встречаются версии, трактующие происхождение названия просто по созвучию: те же Кулебаки названы так, потому что там пекли вкусные кулебаки (вид пирога), а Арзамас назван так, потому что его основали мордвин Арзя со своей женой Масей.

Это все примеры, так называемой, «народной» (по-другому «мнимой») этимологии топонимов. Мыслящий человек всегда хочет понять явления и имена, которые его окружают, не желает мириться с бессмысленностью названия, и как бы подгоняет смысл, подбирает похожее по созвучию слова, чтобы объяснить непонятное, понятным.

Это нормально, именно с таких наивных предположений началась топонимика, как наука. Совсем недавно, в XVIII веке, образованный для своего времени человек, В.К. Тредиаковский утверждал, что название страны Италия произошло от слова *удалия*, так как, эта страна удалена на много верст от России. А амазонки произошло от русского *омужонки* – омужичившиеся грубые женщины. А этруски, от русского *хитрушки*: «ибо оные этруски на всякие хитрости горазды были». Один школьный учитель утверждал, что река Теша названа так потому, что вода в ней холодная, неласковая, как теща (мать жены) у иных мужчин, вот древние мужички и назвали так речку. Вот такая этимология.

Сегодня, благодаря серьезным научным исследованиям, многие названия географических объектов Окско-Сурского междуречья получили свое толкование, основанное на языке мордвы, финно-угорского народа, населявшего междуречье непосредственно перед приходом славян. Но, остается еще целый пласт названий, в основном гидронимов, который невозможно этимологизировать из мордовских языков. Считается, что эти названия оставил древний народ, живший здесь до прихода мордвы, и исчезнувший (растворившийся) в последующих волнах переселенцев. Однако ничто не исчезает бесследно, а уж тем более целый народ. Меняются, как правило, только имена и языки, на которых разговаривают люди, а любой существо-

вавший и «исчезнувший» народ, живет в своих потомках, создавших или пополнивших новый этнос, подтверждением чему служат выводы науки антропологии, речь о которых пойдет в следующей главе.

Что же до топонимики, то Окско-Сурское междуречье знаменательно тем, что в его освоении участвовали все перечисленные выше племена, начиная с иранцев и заканчивая славянами. Поэтому и топонимика края включила в себя названия, берущие свое начало из языков всех этих этносов. И конечно, рассказ о топонимике будет не полным, без рассказа (хотя бы краткого) об историческом пути, который прошли эти этносы, потомки которых жили и живут на территории сравнительно небольшого уголка нашей страны, расположенного в западной части Среднего Поволжья, в междуречье рек Волги, Нижней Оки, Цны и Суры (*Окско-Сурское междуречье*).

Глава 2

Археология и антропология

Дописьменную историю человечества, его материальную культуру, жизнедеятельность, а также вопросы происхождения народов, их этнические взаимоотношения, изучают такие науки, как археология и антропология. Причем выводы и оценки, сделанные учеными на основании материальных останков и антропологического материала, зачастую не совпадают с выводами и оценками, сделанными при изучении письменных источников или данных этнографии и лингвистики. Тем интереснее будет краткое ознакомление с археологической, и антропологической историей нашего региона, и среднего Поволжья в целом. Об антропологии позже, а начать следует с археологии – науки, которая благодаря раскопкам восстанавливает социально-экономическую историю человечества, определяет места становления первых цивилизаций и пути миграций древнего населения, установив разделение дописменной истории на эпохи и периоды.

Первые человеческие стоянки на территории Поволжья археологи относят ко времени среднего палеолита (то есть к периоду 30–40 тыс. лет назад). Широко известны стоянки верхнего палеолита (20–25 тыс. лет назад) на территории современной Владимирской области, возле местечек Сунгирь и Карачарово, относимые к этому периоду. Но активное заселение лесной зоны Восточно-европейской равнины началось с эпохи мезолита (11–13 тыс. лет назад), сразу по-

сле отступления ледника. Это было последнее в истории земли оледенение, *Валдайское*, после которого, в северной части Восточной Европы, стали устанавливаться природные и климатические условия, похожие на современные. От мезолита и ведет свою историю все современное человечество.

Наступившее где-то порядка 10 тыс. лет назад, послеледниковое потепление покрыло лесами холодные степи, оставленные ледником. Отступили на север мамонты и шерстистые носороги, а вместо них в леса пришли лоси и кабаны, косули, волки и медведи, и следом за ними древние охотники – немногочисленные лесные кочевники.

Первые жители лесной зоны Восточной Европы, эпохи мезолита, обитали совсем рядом с нашим регионом – в бассейне верхней Волги и Верхней Оки и в бассейне Клязьмы. Отсюда первобытные племена расселялись по окрестным лесам, вступив в эпоху неолита.

Наступивший 8–10 тыс. лет назад, период неолита, характерен тем, что древний человек уже начал осваивать навыки ведения примитивного хозяйства. Улучшаются его орудия труда и охоты, с собаки начинается приручение домашних животных. Племена растут и расселяются на все большей территории, появляется какая-то специализация позволяющая археологам дифференцировать, главным образом по керамике, наиболее крупные археологические культуры.

В эпоху раннего неолита (6–8 тыс. лет назад) на территории бассейна реки Клязьмы, в результате очередного потепления климата, широко распространяется, так называемая, *Верхневолжская* неолитическая культура. Племена этой культуры, за 1000 лет до возникновения Шумера и Египта, достигли очень высокого развития, производили совершенные орудия труда, знали лук и стрелы, гончарный круг. Верхневолжская культура стала родоначальницей местных позднеледниковых культур, встретивших бронзовый век. Из этих культур для нас наиболее интересна *Волосовская* культура, названная так по имени деревни Волосово (близ г. Навашино, в устье реки Велетьмы), где впервые были обнаружены ее материальные следы.

Волосовцы, жившие 4000–6000 лет назад, расселялись и на юго-запад, в нынешние Рязанские земли, и на восток. Первые стоянки неолитического человека, обнаруженные в нашем регионе (возле

сел Саконы, Личадеево и др.), имеют возраст порядка 5000 лет, и относятся к Волосовской культуре. Нужно отметить, что представители и Верхневолжской и выделившихся из нее культур были бесспорными европеидами, и только волосовцы имели легкую примесь лапаноидных черт, то есть, в области расселения Волосовской культуры уже проникали северные монголоиды из Приуралья.

На пороге бронзового века (4000 лет назад) северная часть Восточной Европы подверглась нашествию с юго-запада племен культуры «боевых топоров» (*Фатьяновская* культура). Археологи отмечают жестокие столкновения волосовцев с фатьяновцами, и полную победу «боевых топоров», завоевавших Восточно-Европейскую равнину и поглотивших Волосовскую культуру. Боевые топоры-фатьяновцы, были ярко выраженными европеидами, характерного, западного (условно германо-балтского) типа.

Начало *Бронзового века* было периодом важных изменений и в экономике, и в социальной сфере всего древнего мира. Правда в условиях достаточно сурового климата Поволжья, развитие «бронзы» здесь несколько задержалось, по сравнению с областями Южной Европы и Средиземноморья, где переход к Бронзовому веку отмечался уже на рубеже 4 тыс. лет назад, а 2,5 тыс. лет назад, там уже существовали земледельческие государства.

Где-то около 3,5 тыс. лет назад, в Поволжье отмечается проникновение индоиранцев – представителей *Абашевской* культуры, тесно связанной с другими культурами степной зоны Восточной Европы и Северного Казахстана (*балановцы, андроновцы* и др.). Абашевцы наряду с другими подобными им культурами объединены в археологии под общим названием *Срубной* культуры, так как, они хоронили своих покойников в деревянных срубах. Абашевцы были скотоводами – они разводили лошадей и принесли в Поволжье зачатки металлургии. Археологи также в этот период отмечают в Поволжье появление первых сельскохозяйственных растений. Абашевцы, поселившиеся в Окско-Сурском междуречье вскоре выделились в отдельную Срубную культуру, *Поздняковскую*, названную по имени села Поздняково в Навашином районе, где были впервые зафиксированы ее следы. Поздняковцы, вобрав в себя фатьяновцев, вступили в Бронзовый век.

Рост производственных форм ведения хозяйства в Бронзовом веке, способствовал развитию первобытных племен. Древние люди Поволжья стали больше заниматься земледелием, стали разводить свиней, лошадей, коров. Бронзовые орудия постепенно стали вытеснять из обихода каменные. Племена Срубной культуры расселились на пространстве от современной Калужской обл. до степей Башкирии, и продолжали занимать все новые и новые территории, пока на них не обрушились с запада племена *Городецкой*, а с востока *Ананьинской* культур. Это случилось в самом начале *Железного века* (2,7 – 3 тыс. лет назад). Следует отметить что, если представители Городецкой культуры были абсолютными *европеидами* северного типа, то ананьинцы были носителями финно-пермского антропологического типа (то есть европеиды с *лапаноидной* примесью).

Железный век изменил жизнь древних людей. Железный топор был дешевле бронзового, болотная руда была повсюду, железные орудия труда позволяли расчистить больше места под пашню, вспахать больше земли, получить больше урожая, благодаря чему увеличился рост населения. У занявших Окско-Сурское междуречье городецких племен, археологи уже отмечают имущественное неравенство. Городецкие племена принято считать предками современных народов Поволжья, хотя сами археологи сомневаются, и полагают их роль в образовании этих народов не главной.

К началу письменной истории (конец I тысячелетия до нашей эры), Городецкие племена, вобравшие в себя племена Срубной культуры, расселились уже на всем пространстве от Верхней Оки, до территории современной Самарской обл. Позже они были оттеснены на север, пришедшими в Поволжье скифами и сарматами. Скифы и сарматы, народы индоиранской антропологической группы, дальние родственники современных жителей Ирана, вторгшиеся в Южные степи, из-за Кавказа и Аральского моря. Они полностью завладели степной зоной Восточно-Европейской равнины, и постоянно проникали за границу леса и степи.

Таким образом, по мнению археологов, вся дописьменная этническая история Среднего Поволжья была историей европеидов, с некоторым попаданием сюда лапаноидного субстрата. Только на заре нашей эры, в Средневолжский регион начинается проникно-

вание древних представителей *Уральской расы*,² смешивающихся с местными европейцами. Территория Среднего Поволжья становится в это время, контактной зоной двух рас и двух миров – лесного и степного, и такая ситуация продлится в регионе, по большому счету, до нового времени.

Установить расовую принадлежность древних обитателей Восточной Европы археологам помогли антропологи.

Антропология в рамках археологии – наука о развитии и формировании облика современного человека. В более широком смысле называется *расологией*, и является наукой, изучающей проблемы классификации современных рас, а также распространение и формирование общества на основе расовой принадлежности. Расология, развивавшаяся, в конце XIX начале XX веков, на стыке с *дарвинизмом*, *мальтузианством* и другими модными тогда европейскими течениями превратилась в *расизм* – лженауку, обосновывающую тезис о физической и психической неравноценности рас, и о решающем влиянии расовых различий на историю и культуру общества. Иными словами, расизм разделил людей на «высшие» и «низшие» расы, с правом «высших» повелевать «низшими».

К середине XX века, расизм, вместе с *национализмом*, и еще одним модным тогда политическим течением, *фашизмом*, превратился в высшую форму человеконенавистнического учения – *нацизм*. Нет нужды перечислять, какими усилиями и какими жертвами был побежден нацизм. Какие семена ненависти были посеяны тогда и дают всходы до сих пор. Нужно сказать только, что расология как наука, была очень сильно дискредитирована расизмом. Здоровые положения, родившиеся в ее рамках, застенчиво именуются сегодня антропологией, и *краниологией* (наука о строении черепа человека), а

² Для уральской расы характерны: прямые волосы, темные глаза, эпикантус, узкий нос с вогнутой спинкой. Уральская раса занимает промежуточное положение между *монголоидной* и *европейской* расами. В начале XX века, выделялась как Угорская раса, потом была классифицирована как раса второго порядка, внутри монголоидной. В последнее время предложено разделение, при котором, явные монголоиды Зап. Сибири объединяются в Западносибирскую расу (ханты, манси, селькупы, сибирские татары), а западные варианты Уральской расы относят к европейцам. По мнению В.П. Алексеева, представители Уральской расы доходили не только до Скандинавии и Прибалтики, но и до Восточной Германии.

главные выводы антропологии всегда сопровождаются осторожной оговоркой об «отсутствии влияния расового типа на социальное и культурное развитие общества».

На самом деле расизм (а уж тем более нацизм) имеет под собой весьма сомнительную научную основу. Тезис о превосходстве одной расы над другими, был разработан в Европе в XVIII-XIX веках, как прикладной, оправдывающий колониальную политику Европейских империй. До этого на протяжении всей европейской истории, нигде никогда не ставился вопрос о превосходстве одной расы над другой. Вся средневековая история Европы представлена нам как идея превосходства одной религии над другими, и ведущихся на этом фоне религиозных войн (крестовые походы, Реконкиста, тридцатилетняя война, гуситские войны и др.), и нигде не было и речи о расовом превосходстве.

Древняя история рабовладельческого Средиземноморья, также нигде не знает даже намеков на то, что людей порабощали на основе каких-то учений о превосходстве одной нации над другой. Рабами становились военнопленные, но могли стать и соплеменники (должники, преступники), но никто из древних не разрабатывал концепций расовой нетерпимости. Да и в условиях средневековой религиозной вражды, любому представителю гонимой конфессии, всегда давался шанс (правда порой теоретический) спасти свою жизнь, приняв веру победителей, независимо от своей расовой или национальной принадлежности.

Миф о превосходстве одной расы над другой развился, как это не парадоксально, в просвещенной Европе, и был немедленно принят на вооружение в «демократической» Северной Америке. Несмотря на длительную эпоху «рабовладельческого строя», о которой пишут школьные учебники, наивысшее развитие, рабство получило именно в эпоху Просвещения, в XVIII-XIX веках, в южных штатах Северной Америки, где рабовладение составило основу экономики целого региона, причем приобрело самые гнусные формы. Чернокорый раб считался вещью; белый рабовладелец мог поступить с ним, как ему вздумается: продать, покалечить, убить.

Такое обращение с людьми, пусть и другого цвета кожи, вызывало возмущение в передовых кругах интеллигенции. Требование

запретить рабство звучали в самых высоких кабинетах Европы, и тогда в недрах Американской дипломатии родился тезис о: «невозможности отмены рабства, так как негры принадлежат к «низшему человеческому виду» и нуждаются, чтобы ими управлял белый человек». Но этот тезис пришелся, как нельзя, кстати, и ко двору главных Европейских колониальных империй, и самой главной из этих империй – Британской.

Британская империя владела колониями по всему земному шару, и была «владычицей морей». В оправдание колониальной политики, в среде английских ученых была генерирована идея о том, что европейцы обязаны нести свет цивилизации всем остальным народам. Это, своего рода, долг, «бремя белого человека». От этой идеи вкупе с выкладками американцев, было «рукой подать» до расизма.

Расисты строили свою концепцию на изучении формы черепов принадлежащих разным людям разных рас. Зная, что череп европейцев (европеоидов) в ширину меньше чем в длину (длинноголовость-долихоцефалия), а ширина черепов негроидов (как и большинство других рас) равна длине, или больше ее (круглоголовость-брахицефалия), они сформулировали положение о принадлежности всех *долихоцефалов* к «высшей расе», якобы существовавшей с глубокой древности, и всегда повелевавшей «неполноценными» черными *брахицефалами*. Манипулируя данными измерений черепов, они убеждали общество в том, что «негры стоят в своем развитии почти на уровне обезьян, и не могут считаться полноценными людьми».

В Европе под эти «исследования» подвели «научно-историческую базу». Когда англичане захватили в XVIII веке, Индию, их поразила эта древняя цивилизация. Огромные города, великолепные храмы, глубокая метафизика философских учений ошеломили колонизаторов. После того как завоеватели ознакомились со священными «*Ведами*», в которых была записана древнейшая история Индии, стало ясно что язык на котором сложены «Веды» (Санскрит), родственен европейским!

Конечно, после этого, европейские ученые пересмотрели многие свои выводы касательно древней истории. Но расисты, изучив легенды записанные в «Ведах», выдвинули теорию о существовании 1,5-2 тыс. назад, некоего народа «белой расы» называемого в «Ве-

дах» ариями (полноправными людьми). Расисты утверждали, что арии боролись с неполноценными людьми «черной кожи» и поработили этих людей.

Была генерирована идея о превосходстве «арийской расы» (к этой расе, из-за сходства санскрита с европейскими языками, были отнесены европейцы)³ над всеми другими расами. Над *туранцами* («помесь» монголоидов с европеоидами), к которым отнесли тюрков, монголов, угро-финнов, Восточных славян, и народы дальнего востока. Над *семитами*, к которым отнесли евреев, арабов, берберов. И, само собой, над *хамитами* (негроидами). Родилась теория о непрекращающейся борьбе арийцев с другими расами, в которой арийцы носители позитивного начала, а остальные негативного.

Несостоятельность этих «научных изысканий» была видна уже тогда. Попытка смешения языковой и расовой классификаций, и самим расистам виделась надуманной, но они выполняли «социальный заказ», то есть, по меткому выражению пропагандистов марксизма-ленинизма, наука о расах стала «продажной девкой на службе империализма». Зерна теории «расового превосходства» упали на благодатную почву, а расизм еще не раз потом подгонял свои выводы под нужды «заказчиков».⁴

На самом деле никаких мифических «древних ариев» не было. В текстах «Вед» речь идет о предках, действительно существовавшей, культурно-исторической и языковой общности *арья* (так они себя называли), занимавших огромное пространство древнего мира, от Дуная до Гималаев, и от степей Казахстана до Персидского залива и Индостана. Но эта языковая общность включала в себя многие этнические группы, не представлявшие единой расы, а говорившие на родственных языках.

В Европе это были скифы, которых греки описывали как светловолосых и голубоглазых дикарей, в Средней Азии и на берегах

³ Появилось ни на чем не основанное утверждение, что арийцы не просто индоевропейцы, а люди со светлой кожей и голубыми глазами (нордический тип) и происходили они из Центральной Европы.

⁴ Как иллюстрацию этого можно привести такой факт, что фашисты в Крыму, пытаясь привлечь на службу крымских татар, уговорили германских ученых-расистов признать «туранцев» «чистокровными арийцами», якобы прямыми потомками готов.

Персидского залива это были черноглазые и чернобородые персы, а в северных степях Казахстана это были (судя по описанию антропологов) рослые, крупноголовые европейцы кавказского типа.

Что же касается разделения людей в ведах на «высшие» и «низшие» касты (*варны*) (мы еще будем впоследствии касаться этого вопроса), то известно, что члены этих каст делились не по внешнему виду, а по уровню развития, и переход из одной касты в другую считался возможным. Безусловно, из древних священных текстов иранцев – *зороастрийцев* (последователей пророка Заратустры-Зороастра), можно сделать вывод о борьбе древних ариев с окружающими их полулюдьми-полузверьми, но это деление носило социальный характер, а не расовый.

Люди во все времена отличали членов своего круга, рода, племени, от других, не своих, чужаков, награждая своих близких всеми лучшими чертами характера, и соответственно лишая этих черт «не своих». С первобытных времен так было, и видимо так будет всегда. Во всех преданиях, мифах, народных сказаниях, герои повествования, соплеменники автора (или авторов), представлены умными, добрыми и справедливыми, а их противники, чужаки, наоборот злыми, коварными, кровожадными. Это надуманное превосходство одного народа над другим, проще всего «научно обосновать» физическими различиями. Причем обосновывается превосходство одной расы на другой, как в одну, так и в другую сторону – не секрет что в XX веке, получил развитие *черный расизм*, то есть, «учение» о превосходстве негроидной расы над всеми другими.

Несмотря на это, антропология, как наука о расах, продолжает развиваться, и антропологические исследования часто вскрывают такие глубинные корни происхождения народов, какие недоступны другим специальным историческим дисциплинам. Краниологические исследования позволяют изучать расовые ареалы древности, движение народов, их взаимное проникновение.

На основании многолетних антропологических исследований известный советский антрополог В.П. Алексеев (1929-1991) пришел к парадоксальному, с точки зрения современной письменной истории, выводу. Он утверждал, что, несмотря на все описываемые в письменной истории, «этнические катаклизмы»: «современные на-

роды истоками своими уходят в глубокую древность, что человечество при всех событиях, потрясших мир, сейчас расселено приблизительно также, как и несколько десятков тысяч лет назад, и, говоря о больших расах, их приуроченность к отдельным территориям – один из законов географии и истории человечества. На каждом материке историческое развитие шло в основном в его границах, и многие современные народы восходят корнями своими к верхнепалеолитическим предкам, которые жили в тех же областях, где живут сейчас их потомки».⁵

То есть, как появились европейцы в древней Европе, а монголы в Азии, так они и оставались там, на протяжении всей истории человечества. Например, славянские, тюркские народы, и народы Сев. Кавказа, сложились по антропологическим меркам сравнительно недавно – в конце I тысячелетия, но преемственность между ними, и археологическими культурами предшествующего времени, прослеживается до 2,5-3 тыс. лет назад.

Антропология огорчит ревнителей «чистоты славянской крови». Русские с точки зрения краниологии, представляют собой, по мнению известного советского антрополога Т.И. Алексеевой (1928-2007): «...неоднородную восточно-европейскую расовую общность, со значительной долей субстрата в сложении антропологического облика. В данной расовой общности очень сильно проступают черты, присущие балтам, финно-уграм, и ираноязычным группам, населявшим Восточную Европу до прихода славян».⁶

Выводы краниологов говорят о различии в черепной морфологии средневековых ранних славянских черепов (долихоцефалов), и современных типов русских черепов (брахицефалов), что обусловлено смешением средневековых славян с дославянским, преимущественно угро-финноязычным населением, которое славяне застали при заселении Восточно-Европейской равнины.

Сказалось это смешение и на родстве Западных, Южных и Восточных славян. Эти общности складывались в окружении разных

⁵ В.П. Алексеев. «Историческая Антропология». Москва 1979.

⁶ Т.И. Алексеева. «Восточные славяне. Антропология и этническая история». Москва 1999 г.

соседних народов, смешивались с этими народами, поэтому у Западных славян отмечается сильное тяготение физического облика к средненемецкому антропологическому типу, а у Южных славян имеются черты свойственные древним фракийцам, древним иллирийцам, сарматам, даже грекам. Различий в антропологическом облике между тремя родственными по языку группами славян едва ли меньше чем сходства.

«Плохие» новости приготовила антропология и для некоторых псевдоисториков, сокрушающихся о «чистом славянском ключе-роде, который замутнила монгольская орда». Для таких «исследователей», и их поклонников нужно привести один факт, абсолютно точно установленный антропологами; «монголо-татарское нашествие» и почти 250-летнее «иго» никакого следа в антропологическом облике русского народа не оставили. То есть, как находили черепа европеидов, уральцев и смешанных «туранских» типов во временных слоях раскопок датируемых до «нашествия», также их находят и в слоях датируемых «нашествием» и «игом», также и в последующих после них горизонтах раскопок. Но что особенно интересно – останков ярко выраженных восточных монголоидов, какими рисуют «монголо-татар» иные историки, как не было, так и нет.

Расселение племен на территориях «старого света» было длительным и сложным, и без «монголо-татарских нашествий». Процесс смешения рас и их частей не закончен и сегодня⁷ (если вообще можно говорить о конце этого явления), и говорить о превосходстве одной расы над другими, по меньшей мере, глупо. Соотношение этих рас, их частей, связей между ними, преемственности между старыми и новыми расами еще только изучаются наукой. Границы между расами нечеткие, и как указывал основоположник русской антропологии А.П. Богданов (1834-1896): «Родство племен по языку, быту и обычаям не есть еще родство по происхождению».

Например, тюркские народы: татары, чуваша, киргизы, казахи, узбеки, туркмены, азербайджанцы, якуты и другие, имеют близкий между собой язык, однако по антропологическому типу различаются кардинально. Казахи, киргизы, якуты – явные монголоиды, у уз-

⁷ Порой, признаки той или иной расы проявляются в пятом и даже шестом поколении.

беков, татар, чувашей этот тип смягчен, а в чертах азербайджанцев монголоидности вообще нет. То же можно сказать и об угро-финских народах. Удмурты и марийцы (особенно луговые) имеют явную монголоидность в чертах, мордва, напротив, тяготеет к европеидности, а финны и эстонцы уже явные европеиды.

При формировании антропологического типа нужно учитывать и влияние окружающей среды – люди могут жить в определенном климате, только если они приспособлены к этому климату. Тип сложения людей зависит и от образа жизни, и от питания – скотоводы монголоиды крупнее и сильнее монголоидов Южного Китая, питающихся в основном растительной пищей, а жители севера всегда несколько крупнее южан из-за особенностей теплоотдачи организма.

Говоря же непосредственно об антропологической ситуации в Среднем Поволжье и Окско-Сурском междуречье, мы установили, что этот регион с начала Железного века стал «контактной зоной» двух великих рас, *Европеидной* и *Уральской*. Это привело к созданию своеобразного «плавильного котла» народов, в котором сложились предки современных народов Поволжья.

Глава 3

Скифы, сарматы, иирки

На каких языках разговаривали народы, населявшие наш регион в начале Железного века? Этого мы не узнаем никогда. Племена, жившие в то время на территории лесной зоны Восточно-Европейской равнины, не имели письменности, и никаких сведений о себе не оставили. Единственными дошедшими до нас источниками являются записки древнегреческих ученых и путешественников, проникавших, в середине I тысячелетия до нашей эры, во все пределы тогдашней Ойкумены (обитаемого мира). В Восточной Европе греки столкнулись со *скифами*, древними ираноязычными племенами, заселявшими Причерноморские степи и Крым.

Как уже говорилось ранее, названия крупнейших рек южной части Восточно-Европейской равнины имеют свои корни в древнем индоевропейском североиранском наречии. Днепр, Дунай, Дон, Днестр, Сейм, Ра, Хопер, и др., сохранили в своих названиях память о древнем народе, населявшем их берега. Собственно эти названия рек, и некоторые личные имена древних кочевников, и позволили лингвистам установить, что племена скифов, и родственных им сарматов, говорили на древних североиранских наречиях, так как никаких других сведений о языке скифов до нас не дошло.

Скифы были воинственными кочевниками скотоводами, которым в течение почти тысячи лет принадлежали Причерноморские степи. В IV веке до нашей эры, они создали первое, известное исто-

рии, на территории нашей страны государство, находившееся в Крыму (Скифское царство). Главным автором, давшим систематическое описание жизни и быта скифов, и ряда других народов Восточной Европы, был греческий историк и географ Геродот, живший в V веке до нашей эры.

В своих трудах Геродот рассказал о климате и ландшафте Причерноморья, о землях к востоку и северу от него, о народах населявших эти земли. Его рассказы основаны не только на свидетельствах очевидцев, но и на легендах и байках, ходивших в тогдашней среде купцов и путешественников. Правда и сам Геродот порой делал оговорки, сомневаясь в некоторых деталях своих рассказов, но в целом его описание жителей Южной и Центральной части Восточной Европы считается объективным.

К востоку от реки Днестр, Геродот указывает на живущих здесь скифов земледельцев, наиболее культурных и цивилизованных скифов. Дальше на восток от этих земледельцев живут скифы кочевники, которые: «...не сеют не пашут...населяют землю к востоку от реки Герра (Южный Буг авт.)». ⁸ Восточными соседями этих скифов кочевников, были главные скифские племена называемые Геродотом «скифы царские». Это были скифы: «Самые храбрые и самые многочисленные...считающие других скифов своими рабами». ⁹ Царские скифы населяли Причерноморье до реки Дон, а за Доном уже была земля *савроматов* (*сарматов*). Савроматы: «...населяют страну на 15 дней пути по направлению к северному ветру, страну лишенную диких и культурных деревьев (степь авт.)». ¹⁰ Родственные скифам по языку, сарматы, населявшие Приазовье, Прикавказье и Нижнюю Волгу, находились на более низкой, по отношению к ним, ступени развития.

Скифы и сарматы, из всех восточноевропейских народов, были наиболее изучены греками. Их быт, нравы, обычаи подробно описываются Геродотом, но и племена, жившие к северу от скифов, в

⁸ А.А. Нейхардт. «Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии». Ленинград 1982 г.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же

лесной зоне Восточной Европы, Геродот также пытается описать как можно детальнее, хотя чем дальше на север, тем менее внятливыми становятся его рассказы. «Выше их (сарматов авт.) живут будины, занимающие другую область всю поросшую лесом».¹¹

Нет сомнения, что речь идет о лесных массивах верховьев Десны и Оки, где археологи отмечают, в этот период, наличие очень развитой Юхновской культуры Железного века. Выходцев из этой культуры, некоторые исследователи считают непосредственными предками Восточных балтов и Восточных финнов, и тем интереснее сообщения Геродота о древней культуре и быте этих племен, названных им, общим именем будины.

«Будины племя большое и многочисленное, все они светлокожие и светловолосые (северные европеиды авт.). В их области построен деревянный город Гелон окруженный стенами. Длина стены с каждой стороны 30 стадиев; она высокая и целиком из дерева. Дома у них деревянные и храмы. Там есть храмы эллинских богов, украшенные по эллински деревянными статуями и алтарями. И каждые три года они устраивают празднества в честь Диониса и впадают в вакхическое исступление. Ведь гелоны (очевидно жители города Гелона авт.) в древности были эллины, которые покинули гавани (Причерноморские авт.) и поселились у будинов, но говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском. Будины же говорят не на том языке что гелоны, и образ жизни у них не один и тот же. Ведь будины, будучи исконными жителями, кочевники, они единственные из тех, кто здесь живет, питаются дарами леса. Гелоны же земледельцы, питаются хлебом и имеют сады, они ни сколько не похожи на будинов, ни цветом кожи, ни внешним видом. Эллины, однако, и будинов называют гелонами, называют неправильно. Вся их страна поросла разнообразными лесами...».¹²

Заметим, что описываемые Геродотом события происходят за полтысячи лет до нашей эры, и перед нами свидетельство современника о существовании в Восточной Европе, больших городов с культурными сооружениями, с земледельческим населением, испытывавшим

¹¹ Там же.

¹² М.В. Агбунов. «Путешествие в загадочную Скифию». Москва 1989 г.

воздействие передовой эллинистической культуры. Во всяком случае, навыки деревянного зодчества позволявшие им строить города, храмы, изготавливать деревянные статуи, не оставляют сомнений в развитой и самобытной культуре, сложившейся в среде древнего населения центра Европейской России.

Рядом с будинами, Геродот описывает племена меланхленов (Черные плащи). Меланхлены, по свидетельству Геродота, это племена, полностью перенявшие обычаи скифов («...ставшие как скифы»). Можно не сомневаться, что меланхлены были не одни такие в лесостепной зоне Восточно-Европейской равнины, поскольку сильнейшее влияние скифов и сарматов на местные племена, прослеживается здесь вплоть до эпохи раннего средневековья.

Дальше от будинов (восточнее) жили андрофаги. Название племена говорит само за себя, андрофаг по-гречески людоед. То есть, жили в Восточной Европе и охотники, употреблявшие в пищу себе подобных. В этом нет ничего необычного, по мнению многих исследователей-археологов, каннибализм, это прошлое самых разных человеческих сообществ, и в виде ритуального он долго сохранялся в обычаях самых разных племен.

«Выше будинов к северу идет сначала пустыня (в смысле «необитаемая земля» авт.), а за пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра живут фиссагеты, племя многочисленное и особое, живут они охотой».¹³

Фиссагеты, имя данное, несомненно, скифами, потому что соседями скифского народа саков, в Средней Азии, было племя, названное ими массагеты, и это название греки переводили на свой язык как «рыбу поедающие». Соответственно и фиссагеты можно истолковать как «что-то поедающие». Но вот что? Некоторые лингвисты видят в слове фисса, индоевропейское «убитая жертва», другие говорят что просто «жертва», а третьи утверждают, что это значит «убитый человек»...Версии разные, впрочем, наличие рядом андрофагов (людоедов) наводит на определенные ассоциации. Может быть, из-за диких и жестоких обычаев каннибализма, северные иранцы, и назы-

¹³ Там же.

вали эти лесные народы общим именем *мардвай* (древнеиранск. людоед), которое позже было перенесено на Восточных финнов?

Впрочем, это ничем не подкрепленная догадка, тем более что Геродот ничего подобного о фиссагетах не сообщает. Указанное историком местоположение фиссагетов, позволяет отождествить их с племенами Городецкой культуры, которые по данным археологов действительно находились под сильным скифо-сарматским влиянием.

От североиранцев они получили свое этническое имя, от них научились скотоводству, освоили металлы, переняли многие навыки хозяйственной деятельности. Свидетельством присутствия скифов и сарматов среди племен лесной полосы Восточной Европы, служат не только археологические находки, но и рассказ Геродота о некоторой группе *царских скифов*, отколовшейся от своего племени, и ушедшей на жительство в северные леса, «выше *иирков* если отклонится к востоку».

Иирки это следующий за фиссагетами народ, упоминаемый Геродотом. «Рядом с фиссагетами, в тех же местах обитает племя, имя которому иирки. Они также живут охотой, занимаясь ей следующим образом: охотник сидит в засаде, взобравшись на дерево, а деревьев там растет в изобилии, растут по всей стране. У каждого охотника наготове конь, обученный ложиться на брюхо, с тем, чтобы стать ниже, и собака. Как только охотник увидит с дерева зверя, он, выстрелив из лука, и сев на коня, устремится в погоню, а собака следует за ним...».¹⁴

На иирках следует остановиться особо. По мнению лингвистов иирки, это не что иное, как переименованные в древнегреческом языке *угры*, древние жители севера Восточной Европы, Приуралья и Урала. Во всяком случае, археологами установлено, что 4-6 тыс. лет назад, в эпоху неолита, на указанных территориях расселялись племена культуры *Ямочно-Гребенчатой керамики*, начавшие во II половине I тысячелетия до нашей эры, свое движение на запад и юго-запад.

Самый древний пласт, названий водных объектов северной половины Восточно-Европейской равнины, принадлежит языку древ-

нейших ее обитателей, носителей уральского языка. Урал был родиной этих племен, центром, откуда они расселились не только на запад, дойдя до Скандинавии и Прибалтики, но и на восток, в Сибирскую тайгу, вплоть до Саян и Алтая. Отсюда такое сходство, в названиях многих Сибирских рек, и рек севера Восточной Европы.

Уральская родина *праугров* (условно *иирков*), это всего лишь одна из научных гипотез. Этнограф А. Кастрен (1813-1852) полагал, что праугры сформировались в районе Саян и Алтая, откуда распространились на север и на запад Евразии, а советские ученые поначалу относили их родину на северо-восток Европы. Венгерский ученый П. Хайду (1923-2002), в результате многолетних исследований, пришел к выводу, что: «Общие предки угро-финнов и самоедов (то есть праугры авт.), проживали, судя по названиям в их языке некоторых деревьев, в лесной зоне к северу от Российской степной полосы... обнимая территории Верхней Волги и по рекам Вятке, Ламе, Чусовой и Белой (то есть там, где локализуются Геродотовы иирки авт.), а распад общего языка начался 5000 лет назад».¹⁵

В наши дни, большинство ученых считает родиной прауральского языка Западную Сибирь. Территорию между зоной тундры и Алтае-Саянским горным узлом. Отсюда праугры заселили Урал и Саяны, и отсюда ушли на северо-запад, дошли до Скандинавии и далекой Паннонии. Вряд ли, когда-нибудь теоретические споры, о родине праугров, будут закончены, важно другое. Прауральский язык, распространившись в древности на Урале и в Западной Сибири, и на северо-востоке Европы, стал одной из основ многих древних и современных языков Евразии.

Угры-иирки проникая в Железном веке, вглубь Восточно-Европейской равнины, и смешиваясь с местными племенами, изменили и лингвистическое и антропологическое «лицо» северной части этой равнины, пройдя за тысячу лет путь до Балтийского моря. Они заселили все пространство между Волгой и Уралом, а на Южном Урале столкнувшись с сарматами и западными *пратюрками*, дали начало народам *авар*, *булгар*, *мадьяр*, *хазар*, *печенегов*, *башкир*, и других племен степи. За Уралом праугры, освоив просторы Сибирской тайги, обра-

¹⁴ Там же.

¹⁵ П. Хайду. «Уральские языки и народы». Москва 1985 г.

зовали народы *ханты* и *манси*, приняли участие в этногенезе других сибирских народов.

Иирки были одним из последних племен севера Восточной Европы, сведения о которых дошли до Геродота в неискаженном виде. Дальше он сообщает о племенах одноглазых людей, и племенах людей с собачьими головами, о крае земли, о странах «вечной ночи», что говорит о скудной информированности древних греков о территориях Урала, Сибири и севера Восточной Европы.

Мы же вернемся к скифам, чтобы обозначить их место и значение в этногенезе народов Восточной Европы, России и Поволжья. Скифы были удивительным народом. Эти отважные воинственные кочевники поклонялись воткнутому в землю мечу и орошали его человеческой кровью. Воины скифов, пили кровь первого убитого врага, снимали с убитых врагов скальпы и делали чаши из черепов побежденных. Своих предводителей скифы хоронили со страшными, кровавыми обрядами. В IV веке до нашей эры, скифы разгромили огромную армию персидского царя Дария Гистаспа, заманив ее вглубь своей территории, и уничтожив. Значение древних скифов и их преемников сарматов, в этногенезе народов, населявших впоследствии Восточную Европу, очень велико.

Создавшие богатейшую культуру, имевшие свою письменность, и испытывавшие воздействие эллинистической культуры, скифы и сарматы особенно повлияли на пришедших им на смену степняков кочевников. Оружие, обращение с конем, сбруя, стремяна, сложносоставной лук, приемы ведения боя, войны, охоты, многое другое оставили им скифы, да и сами влились в ряды этих кочевников.

Неслучайно вплоть до XVIII века, народы населявшие просторы Восточной Европы и в Византии, и в Западной Европе назывались, в том числе и *скифами*, а страна *Скифией*. Лингвисты находят огромное количество скифских иранизмов, и в тюркских и в угро-финских языках, немало их и в языках славянских. Скифо-сарматская степная культура, на протяжении столетий, воздействовала на культуры других степных народов, и вплелась в них, чрезвычайно сильно.

В конце I тысячелетия до нашей эры, сарматы (савроматы) жившие, согласно Геродоту, в степях между Волгой и Доном, начали свое движение на запад. Сарматы принадлежали к той же ираноя-

зычной группе индоевропейских народов, которую называют «скифской ветвью». Родственные скифам и сарматам народы, жили и дальше в степях, на восток. В Центральной Азии это были племена саков и массагетов, которые в свою очередь были родственны древним парфянам, мидийцам и персам. Все эти народы подразделялись на много племен и родов, в той или иной степени отличавшихся друг от друга, и возможно говоривших каждый на собственном диалекте. Считается что язык современных *осетин* (*асов-алан*) есть один из диалектов скифо-сарматского языка, и он является единственным дошедшим до нас «живым» памятником древнего языка северных иранцев.

Несмотря на общность диалектов, расовый состав сарматских племен был неоднородным. Археологи и антропологи полагают, что главную роль в племенных союзах сарматов играли племена *Андроновской* культуры, упоминавшиеся выше, европеиды долихоцефалы кавказского типа. Их останки находят везде, где расселялись сарматские племена, от Нижней Волги до Причерноморья и Среднего Поволжья. Однако в слоях последних веков до нашей эры, на Южном Урале, в степях Нижней Волги и Сев. Казахстана обнаруживают также черепа монголоидные, и других типов, что говорит о начале *метисации* (смешении) сарматских племен.

Сарматы были кочевниками, в чем очень походили на скифов. Геродот говорил, что у сарматов нет домов, и они живут в повозках, и такую же картину рисует, через 500 лет, греческий географ Страбон (63 г. до н. э.-23г.). Страбон указывал, что страна, где обитали сарматы, была бедной и холодной: «Выдержать такие суровые условия может лишь местное население, привыкшее на кочевой манер жить на мясе и молоке, но для людей из других племен это невыносимо».¹⁶

Через тысячу лет после Геродота, римский историк Аммиан Марцеллин (330г.-400г.), описывая сарматское племя *алан*, полностью совпадает в своих оценках уклада жизни сарматов с Геродотом и Страбоном. Интересны заметки Марцеллина о разведении аланами лошадей, которые, по словам историка: «Так же малы, как

¹⁶ М.В. Агбунов. «Путешествие в загадочную Скифию». Москва 1989 г.

и скифские, но необычайно быстры и своенравны, поэтому приходится их холостить». То же самое сообщают средневековые авторы о размерах и свойствах лошадей в армиях Чингисхана, и других степных владетелей.

Также единодушны древние авторы, рассказывая о женщинах кочевников. По описанию Геродота, женщины сарматов: «Придерживались образа жизни древних амазонок». Они охотились верхом и сражались на войне рядом с мужчинами: «одетые также как они». То же самое говорил о сарматских женах Страбон, но, характерно, что и женщины «монголо-татарских» завоевателей вели себя точно также.

Нельзя обойти вниманием некоторые обычаи, существовавшие у сарматов. Один из них заключался в деформации черепов новорожденных, когда ребенку с рождения стягивали голову тугой повязкой, и по мере роста ребенка голова приобретала вытянутую форму. Наиболее широкое распространение этот обычай получил у сарматов «Позднего сарматского периода» (со II по IV века), обитавших в Волжских степях и предгорьях Кавказа. До 70 % мужских черепов, найденных здесь, подвергались деформации. Такой же обычай широко практиковался, в начале нашей эры, в Центральной Азии, а потом и у «ранних» гуннов. Любопытно, что точно такой же обычай деформации черепов был в ходу и у индейцев «доколумбовой» Мезоамерики. Что это значило, и для чего это делалось, остается только гадать. У кочевников средневековья этого обычая уже не было.

Геродот описал еще один «обычай» существовавший у сарматов Южного Урала, и среднеазиатских саков, подтвержденный археологами. Это, так называемый, «ритуальный» каннибализм, заключающийся в том, что: «когда человек достигает преклонного возраста, его родственники собираются вместе и приносят его в жертву, вместе с животными, потом они варят мясо и поедают его».¹⁷

Сарматы не были в этом отношении, каким-то исключением. Ритуальный каннибализм существовал в обычаях многих народов мира, и в обрядах многих религий. Например, в таинствах бога Митры в жертву приносился мальчик, тело которого съедалось потом

¹⁷ Там же.

присутствовавшими. Ритуальный каннибализм был широко распространен и среди индейцев той же Мезоамерики.

После покорения Причерноморья сарматами, в истории скифов начинается период названный *Сарматским*. Сарматы, принимая активное участие в жизни скифов, постепенно смешивались с ними, занимая ведущее положение в руководящей иерархии скифских племен. Археологи отмечают, что к началу I тысячелетия, в захоронениях скифской знати, обнаруживается антропологический материал, принадлежащий выходцам из степей Сев. Казахстана и районов Центральной Азии. С I века, сарматские племена *аланов*, *роксоланов*, *асов*, *аорсов* и др., становятся важной политической силой в жизни Северного Причерноморья, все более подчиняя себе, остатки скифских племен. Именно с первых веков нашей эры в античных, а затем и западноевропейских источниках Причерноморские степи наряду с названием *Скифия*, стали именоваться и *Сарматия*.

С началом Великого Переселения народов (IV-VII века), скифо-сарматские племена органичной частью стали вливаться в орды гуннов и других степняков. Увлекаемые завоевательным потоком, *аланы*, *асы*, *анты*, другие сарматские племена распространились по всей Европе, следы сарматских названий обнаруживаются в Европейской топонимике повсюду, от Пиренеев до Немана, но особенно много их находят в Южной и Восточной Европе.

Сарматы не просто расселялись по Европе. Они и здесь вставали во главе племен и родов как входивших, так и не входивших, в *Гуннский*, и другие степные племенные союзы. В отечественной историографии принято считать антов одними из предков славян, что вполне возможно, если изучить значение сарматского слова *анты*. Дело в том, что современные кавказские осетины-аланы используют в качестве одного из самоназваний слово *анди*. Русский ученый Г.В. Вернадский (1887-1973) сводил этноним *ант* к сармато-осетинскому *anga*, что означает «извне» (отсюда же *andag*-внешний), и допускал, что сарматы называли так племена своих союзников, у которых главенствующие позиции занимали сарматские роды. Некоторые племена не были иранцами, но назывались *анты* (*анды*), так как находились под сарматским влиянием.

Впервые название *анты*, встречается в I веке, у историка Плиния Старшего (27-79) как название сарматского племени, вместе с еще одним названием *сербы*. Плиний Старший называл так аланские племена, жившие у берегов Меотийского озера (Азовского моря). *Сарматы-аланы-анты-сербы*, вместе с гуннами пришли в Южную и Центральную Европу, и смешавшись там, в IV-V веках, с *праславянами*, встали во главе праславянских племенных союзов, дав им свои имена.

Аланы-сербы были очень широко распространены по Центральной Европе. Римский географ Вибий Секвестр, в V веке, называл на территории нынешней Саксонии и Тюрингии страну *Белая Сербия*, памятью о которой остался крошечный западнославянский народ *сорбы* в современной Германии. Даже и в середине X века, арабские путешественники отмечали у Балканских славян сарматские традиции: царя поили кобыльим молоком, среди знати был распространен обычай деформации черепа и неславянские имена, а правителей областей называли по-скифски «*жупан*» (отсюда и западнославянское «*пан*»), и др.

Сарматы-аланы, игравшие первоначально в Славянских племенных союзах роль правящего класса, постепенно славянизировались, забывая свое степное прошлое. Также они «растворялись» и среди других народов участвовавших в Великом переселении, готов, гуннов и др., и постепенно сошли с этнической карты Европы. Отдельные группы алан сохранялись еще в XIII веке, на территориях между Крымом и Уралом, но и они постепенно смешались с другими степняками и вошли в состав их племен и родов.

Рассказ о скифах-сарматах не случайно включен в книгу. Современные антропологические и лингвистические исследования говорят о генетической связи славянства со скифо-сарматами. Но, не менее глубокий след оставили североиранцы и в этногенезе народов Поволжья, и в том числе Окско-Сурского междуречья по которому проходила граница лесной и степной зон Восточной Европы. Сарматы в своем расселении подходили вплотную к этой границе.

Значительные культурные, лексические, хозяйственные заимствования находят исследователи и у Поволжских тюрок, и у мордвы, и у марийцев. Это подтверждают и источники, и археология.

Современные татарские ученые Г.Ф. Саттаров и Ф.Г. Гарипова убеждены, что топонимический корень (*аппеллятив*) *-сар* (*-соф*, *-сер*, *-сур*) восходит к названию сармато-аланского племени, жившего в первых веках нашей эры, в Среднем Поволжье, и от этого корня производят, в частности, такие названия как СУР-а, САР-ова, Чебок-САР-ы и др. Сарматский этнонимичный корень *-ас* (*-яз*) имеется во многих топонимах Поволжья, и в том числе присутствует в названии древнего народа *бурт-АС-ы*.

Глава 4

Великое Переселение

Одним из ключевых моментов всемирной истории, во многом предопределившем этническую и политическую карту Европы, стало Великое Переселение народов. Считается, что оно продолжалось с IV по VIII века новой эры. Однако начало этого явления, можно без сомнений отнести к первым векам нашей эры, когда жители Центральной Азии и Забайкалья небольшими группами стали переселяться на запад, и весь широкий «пояс» Евразийских степей от Дуная до Тувы «заволновался», пришел в движение.

Быть может, причиной тому были климатические изменения, может быть, рост населения и нехватка пастбищ, гадать бессмысленно, но упомянутое в прошлой главе, вторжение сарматов в Причерноморье было одним из актов этого «волнения». Следом за сарматами пришли гунны, затем авары, за ними другие кочевники, и по большому счету, процесс «переселения» можно считать закончившимся только к середине II тысячелетия, когда бывшие кочевники турки-османы были остановлены на Балканах.

Однако не только народы Азии приняли участие в Великом Переселении народов. Одним из этапов этого процесса стало так называемое, «движение готов», в начале III века.

Тогда, объединенные именем *готы* (*геты*, *готоны*), древнегерманские племена, из-за изменения климатических условий,¹⁸ снялись с мест своего обитания в Прибалтике и Центральной Европе и, увлекая за собой другие древние племена, двинулись вглубь континента. К началу IV века, Восточные готы (остготы) атаковали Византию, расселились на Балканах и в Северном Причерноморье.

Другие, Западные готы (вестготы), напали на находившуюся в стадии упадка Римскую империю, и в короткое время razорили Италию, а в 476 году, взяли и разграбили Рим. Распространившись по всей Западной Европе, входившие в готский племенной союз, племена *вандалов*, *бургунов*, *франков*, *свевов*, *лангобардов* и др., создали королевства на территории современных Испании, Франции, Италии, Германии и даже Северной Африки. Эти королевства во многом стали предшественниками нынешних европейских государств.

Движение готов strонуло со своих мест все племена европейцев центра Европы, заставив их двигаться не только на юг, но и на запад, и на восток. В частности племена балтов, распространившиеся на территории современной Беларуси, дошли до Оки и верховьев Западной Двины и Дона. Балты были одним из ведущих участников движения готов. Живший в VI веке, готский историк Иордан в своем труде «О происхождении и деяниях гетов» сообщает, что одним из главных готских родов был род *Балтов*.

Для истории Поволжья Иордан имеет особое значение, так как именно он, описывая события IV века, и рассказывая о готском вожде Германарихе, создавшем огромную державу, перечислил племена Восточной Европы: «Покорил же он племена гольтенскифов, тиудов, инаунсков, васинброгов, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубенегов, колдов...».¹⁹

Современные ученые отождествляют *тиудов* со средневековой *чудью*, *васинброгов* с *весью*, *меренс* с *мерей*, *морденс* с *мордвой*, а *имнискаров*, с оговорками, со средневековыми *черемисами*. Не все историки согласны с тем, что Поволжские народы *меря*, *мордва* и *весь*, сложились

¹⁸ Высказывается предположение, что из-за подъема уровня Балтийского и Северного морей прибрежные районы Европы стало затоплять.

¹⁹ Иордан. «О происхождении и деяниях гетов». Санкт-Петербург 1997 г.

как этносы уже в IV веке, когда ни о каких славянах не было и речи, но из «песни слова не выкинешь». Эти строки Иордана принято считать первым упоминанием перечисленных выше народов.

В том же IV веке, началась и «кульминация» Великого Переселения народов. Началось вторжение в Европу гуннских племен. Несмотря на весь накопленный исследователями материал, происхождение гуннов так и не ясно.

Кем были *гунны*, откуда они пришли, и на каком языке разговаривали, до сих пор вызывает споры ученых. По традиции гуннов принято считать потомками народа *сюнну* (*хунну*). Якобы, эти древние тюрки, обитавшие на севере Китая, в III веке до нашей эры, перекочевали из Забайкалья в Западную Сибирь и на Южный Урал, став первым в Европе тюркским народом.

Однако это мнение, основанное главным образом на созвучии названий, и на традиции выводить всех диких завоевателей-кочевников откуда-то из Забайкалья, не подкреплено никакими серьезными документами. Антропологи, например, до сих пор не могут выделить какой-то отдельный материал, который можно считать именно «гуннским», а лингвистам, известно лишь несколько слов и личных имен из гуннского лексикона (письменных памятников гунны не оставили). На основании этих слов и имен, скорее можно сделать вывод об индоевропейском происхождении гуннов, нежели тюркском.

А вот современники Гуннского нашествия, Римские и Византийские авторы V-VII веков, помещали родину гуннов на север, в Приуралье и дальше, и возможно были не так уж, не правы. Более смелая гипотеза происхождения гуннов утверждает, что значительная часть гуннской орды, были выходцами из того «лингвистического горизонта», где, на огромной территории от Балтики, через Поволжье и Волго-Камье, до Урала, в течение долгих веков, индоевропейские языки контактировали с уральскими. Этот регион был родиной гуннов, откуда они начали свое движение в Южную Европу. И сюда же вернулись, после падения державы Атиллы, в родные просторы Поволжья и Южного Урала.

Действительно, в дельтах Волго-Камья, на равнинах Поволжья, в степях Южного Урала, в конце I тысячелетия до нашей эры, начале I тысячелетия, образовалась «контактная зона», где сходились

племена европейцев и уральцев, и группы кочевников из Западной Сибири и Северного Казахстана. Дикие племена объединялись в союзы, постепенно «втягивая» в себя, все новые и новые группы кочевников с юга и востока Евразии. Этот гигантский «плавильный котел народов», довольно долго накапливал «критическую массу», пока, наконец, из-за потепления климата, случившегося в Евразии, в начале I тысячелетия, и вызванной им засухи в степи, не вытолкнул из своей среды мощной племенной союз получивший название *гунны* (в прауральских языках *унн*, *гун*, *огунн* означало *человек*, *мужчина*).

Около середины IV века, гунны заполнили степи в низовьях Волги и Дона, где столкнулись с Приазовскими сарматами. Считается, что между гуннами и сарматами началась кровопролитная война, но, скорее, большинство сарматов-аланов присоединилось к степной армии.

Эта огромная воинственная орда не знала никакой расовой или религиозной нетерпимости, и принимала в свои ряды всех желающих двигаться на закат солнца. Раньше бытовало мнение, что гунны были страшным бедствием для народов Европейской цивилизации, дикой ордой разрушителей, но археологические исследования конца XX начала XXI веков, внесли серьезную корректировку в это утверждение.

Скорее, речь должна идти не о тотальном уничтожении гуннами той или иной культуры, а о присоединении побежденных народов и их соседей и включении их в *Гуннский племенной союз*.

Аммиан Марцеллин (330-400), находившийся некоторое время среди гуннов, говорил о них: «Племя гуннов, о котором мало знают древние памятники, живет за Меотийским болотом (Азовским морем авт.)... и превосходит всякую меру дикости».

Описывая образ жизни, и жестокие нравы гуннов, историк указывал на отсутствие у них наследственной царской власти: «гунны... довольствуются случайными предводителями из сильнейших и сокрушают все на своем пути...». Он описывал их, как всадников, «приросших к своим коням, выносливым, но безобразным на вид». На конях гунны вступали в бой: «...клинообразным строем со сви-

репыми криками, врукопашную рубятся очертя голову мечами и... набрасывают на врагов крепко свитые арканы».²⁰

Продвинувшись из Приазовья в Центральную Европу, гунны разгромили готскую державу Германариха, и здесь уже гуннов описывает ненавидящий их Иордан: «Малорослое, отвратительное и сухопарое, свирепейшее племя, понятное как некий род людей, лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи... Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы раньше, чем воспринять питание молоком, попробовали они испытания раной. Ростом они не велики, но быстры... и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука, и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом обличье живут они в звериной дикости».²¹ Иордану, и другим европейцам, пришедшие в Европу кочевники, казались полулюдьми, полужверьми.

Ворвавшись в Центральную Европу и на Балканы, гунны, в короткое время, подчинили себе готов, сарматов, протославян, и соединившись с ними, начали громить Византию.

К середине V века, на пространстве от Рейна до Черного моря, образовалась империя гуннов во главе с предводителем *хаканом* Атилиой, о котором даже ненавидящий гуннов Иордан сказал: «Единственный в мире... правитель племен всей Скифии достойный удивления по баснословной славе своей среди варваров».²²

Держава гуннов терроризировала всю Европу. Они нападали на Византию и на Западную Римскую Империю, тревожили германские королевства. В конце концов, объединенная европейская армия римлян, вестготов, франков и др., нанесла поражение главным силам Атилы в 451 году, на Каталаунских полях в Галлии (на территории современной Франции). Через два года, в 453 году, Атила умер, а огромная, возглавляемая им империя сразу распалась. Гунны, теснимые европейцами, вернулись в степи Причерноморья и Приазо-

вья, а с их уходом, в конце V начале VI веков, на историческую сцену вышли славянские племена, сформировавшиеся и окрепшие в составе гуннской империи.

С возвращением западных гуннов в степи, связано начало письменной истории Среднего Поволжья. Между вернувшимися группировками западных гуннов, и владеющими степями Приазовья восточными гуннами, началась жестокая война за пастбища и главенство в степи. В результате часть гуннских племен стала уходить от кровопролития в бассейны рек Сейма и Десны, а так же в Среднее Поволжье, переходя границу леса и степи и заселяя лесостепную зону (возвращались на древнюю родину).

К концу VI века, степи между Волгой и Доном и предгорья Кавказа, были заселены племенами, входившими ранее в гуннский племенной союз. Это были в основном однородные этнические образования, с преобладанием уральского угорского субстрата, но уже достаточно сильно разбавленные раннетюркским этническим компонентом, что позволяет нам применять по отношению к этим группам термин *угро-тюрки*.

Этот термин не несет в себе научности, в полном смысле этого понятия. Скорее, он позволяет, одним словом, охарактеризовать племена, которые в языковом смысле были раннетюркскими (так называемыми *огурскими*), а в расовом, *смесью* племен европеидов и уральцев, «варившихся» в «котле», о котором говорилось выше.

На границах этого «котла», в Поволжье, на Кубани, в Тамани и на Кавказе, с *угро-тюрками* смешивались сарматские (аланские) племена. Смешение обуславливалось еще и тем, что все эти народы были объединены степным укладом жизни, который связывал их между собой не меньше, чем может связать общий язык или происхождение.

Племена, жившие в VI веке, в южных степях Европы, описывает сирийский церковный историк Захария Ритор (470-553): «Анвар, алан, куртагар, авар, дирмар, себир, бургар, сиургур, баграсик, абдел, кулас, эфталит, хасар эти тринадцать народов живут в палат-

²⁰ Аммиан Марцеллин. Деяния. Москва 1970 г.

²¹ Иордан. «О происхождении и деяниях гетов». Санкт-Петербург 1997 г.

²² Там же.

ках и питаются мясом скота и рыб, живут дикими зверьми и оружием...».²³

Из перечисленных Захарией, три племени сыграли ключевую роль в средневековой истории Поволжья. Это *себиры* (*северы*, *сувары*, *сувазы*), *хасары* (*хазары*) и *бургары* (*булгары*).

Первыми из них, в Среднее Поволжье, пришли себиры-северы. Это этническое имя известно с V века. Византийский автор Прокопий Кесарийский писал о них: «савиры являются гуннским племенем. Живут около Кавказских гор. Племя это многочисленное, разделенное как полагается на много самостоятельных колен».²⁴

Гумилев считал северов *уграми*, Артамонов и Кузьмин были убеждены, что они *прототиюрки*. Их родиной были просторы между Южным Уралом и Алтаем, где сложился огромный конгломерат племен ранних угро-тюрков, присоединившихся, в начале нашей эры, к движению кочевников на запад. Сабиров было так много, что по ним дали название целой географической области Сибири, а в армиях восточных гуннов они были самыми многочисленными ордами.

Сабиры первыми, в VI веке, стали уходить в лесостепные ландшафты бассейнов Десны, Сейма, в верховья Дона и Суры, постепенно заходя и в лесную зону междуречий Оки и Суры, Суры и Волги. Расселяясь среди местных жителей, они переходили к оседлой жизни.

Поселившиеся в бассейне Десны, сабиры-северы, смешались, на протяжении VI-VIII веков, с балтами и славянами, и дали начало славянскому племени северян.²⁵

Себиры заселившие верховья Дона и Хопра, вышедшие в междуречье Суры и Волги, и к Нижней Оке, смешавшись с жившими здесь

Волжскими финнами, уграми-ирками и местными аланами, стали основой племен *буртасов* и *суваров-сувазов* (*предков чувашей*).²⁶ Появление остатков гуннских орд в Поволжье, вызвало движение местных финноволжских и угорских племен, привело к их миграциям, и смешению между собой. В Среднем Поволжье, во 2-й половине I тысячелетия, смешивались языки и обычаи жителей севера, востока, юга, а позже и запада, смешивались традиции лесов и степей Евразии.

А гуннское движение, закончившееся в V веке, вскоре сменилось новыми волнами завоевателей. «Плавильный котел» продолжал выталкивать из себя все новые племена: *авары* в VI веке, *угры-мадьяры* в VIII, *печенеги* в IX, *гузы* и *кипчаки* в XI, *татары* в XIII, иссякнув только к середине II тысячелетия.

Все эти племена, порой разными путями, стремились в Южную Европу, в Паннонию, крайнюю область Евразийских степей. Имя гуннов, как и имя скифов, стало нарицательным для кочевников Евразии.

²³ С.А. Плетнева. «Хазары». Москва 1986 г.

²⁴ Там же.

²⁵ Не случайно Новгород-Северские князья, правители *Северской Земли*, всегда вели независимую политику по отношению к Киеву. Антропологи отмечают у славян-северян отличную от других славян антропологию. Сабиры-северы оставили свое имя и в русском названии одной из сторон света. Киевские князья, выступая в походы в *Залесную Землю*, говорили что пойдут «через север» (через северян). Так и стали земли, лежащие по левую сторону, если смотреть на восход солнца, называться «север» (северские земли). Термины *Севера*, *Северяне*, *Северские города*, *Северская земля*, бытовали на Руси до конца XVII начала XVIII веков.

²⁶ Самоназвание Поволжских *суваров* превратилось в *сувазы* из-за ротацизма свойственного языкам древних тюрков, когда вместо звука -р произносится звук -з. Сначала сувары стали сувазами, а затем суваз превратился в *чувас* (*чуваш*). Ротацизм изменил не только племенное имя суваров, превратив их в чувашей. В степях Приаралья в VIII-X веках существовал могучий племенной союз угротюрков называвшийся «огур» (гур). Из-за ротацизма огуры превратились в *огузы* (*гузы*) – союз племен из которого вышли азербайджанцы, селджуки, османы и другие.

Глава 5

Угро-тюрки. Финно-угры.

В прошлой главе, мы говорили о бескрайнем «лингвистическом горизонте», протянувшемся от Балтики до Урала, в котором, в конце I тысячелетия до нашей эры, проходило непрерывное движение, самых разных расовых и этнических групп и племен. Западные европейцы, встретили здесь волны индоиранцев с юга, и уральцев с севера. Это движение продолжалось и в Новую эру. Среднее Поволжье сделалось объектом влечения степняков, а к началу II тысячелетия, уже находилось под тюркским владычеством, чтобы еще через полтысячелетия, быть завоеванным русским славянским натиском.

Все эти племена и народы приняли участие в этногенезе современного населения Среднего Поволжья, и вклад первых поселенцев несколько не меньший, нежели вклад последних, а в чем-то даже и больший. Для понимания этого вклада необходимо рассказать, хотя бы вкратце, обо всех этих народах, их роли и месте в истории Среднего Поволжья.

Мы установили, что вторжение в VI-VII веках, в Среднее Поволжье, угро-тюрков, привело к движению всех племен, населявших эти территории. В результате этого движения сложились народы, в разной степени, вобравшие в свои языки элементы речи древних угров и речи Восточных финнов. Симбиоз этих элементов привел к обра-

зованию Финно-волжской языковой семьи. Народы, в речи которых возобладал тюркский компонент, вошли в тюркскую семью языков.

На бескрайних просторах от Дуная до Тихого океана, от Сибирской тайги до Гималаев и джунглей Индостана живут две огромных языковых семьи народов – Уральская и Алтайская.

Самым древним народом (или народами), праязык которых лег в основу семьи Уральских языков, являются выходцы из регионов Урала (отсюда и название семьи), Предуралья и Западной Сибири – племена *угров* (*угр*, *огр* – мужчина, человек – древнейшее самоназвание). И хотя уральская родина угров, всего лишь гипотеза, тем не менее, в истории, в антропологии и лингвистике, принято такое название.

Угры – древнейшие племена с удивительной антропологией. Уральская раса, к которой они принадлежат, являет собой, смешанные между европейцами и монголоидами черты, представляя пример самого древнего «плавильного котла народов», восходящего своей древностью к мезолиту. Котла, в котором сошлись племена востока и запада, расы Европы и Азии.

Если не принимать во внимание Геродотовых «иирков», то племенное имя *угр* известно с первых веков нашей эры, с начала Великого Переселения. Угры были в первых рядах «армий», в которых сплотились древние кочевники степи, не случайно родовое имя *угр-угур-огур-огр* рефреном звучало в названиях крупнейших гуннских племен. Кутри-гур-ы, ути-гур-ы, онон-гур-ы, и другие племена, да и сама древняя орда называлась уральским словом *гунны-огунры* (люди). Этноним *угр*, *угур* присутствует во всей ранней истории кочевых племен, словно указывая на истоки их генезиса.

Две мощнейших волны степных завоевателей VI-VIII веков, буквально «разорвавшие» Центральную и Южную Европу носили названия *огры* (обры-авары) и просто *угры* (мадьяры). Угорским по происхождению были и племена печенегов, и главные рода башкир составившие «ядро» Башкирского племенного союза. Можно быть уверенным, что не случайно древний (VIII век) среднеазиатский, тюркский народ, прославившийся своей культурой и письменностью, своими городами, носил имя *уйгуры*.

Огромная, тюркоязычная орда, сложившаяся в VIII-IX веках, на просторах Приаралья, также называлась *огуры* (огузы). Корень *-gur* свидетельствует о присутствии в их этническом сложении угорского начала. Угорский компонент, угорское начало, пронизывает вообще всю Восточную Европу, и Сибирь, и Среднюю Азию, соединившись на западе от мест своего происхождения с финнами, а на юге и востоке с тюрками.

Но если с Восточными финнами действительно произошло соединение, на основе взаимного проникновения, то с тюрками скорее можно говорить о «взаимном разделении», потому что, в конце I тысячелетия до нашей эры, эти *прототюркские* и *протоугорские* племена, будущего Гуннского союза, представляли собой, скорее «однородную этническую массу», нежели предков разных народов.

Группы кочевников, говорящие на прототюркских и уральских языках, стали выделяться из этой «однородной массы» в первых веках новой эры, причем, и западно-тюркские диалекты, и угорские, были густо «сдобрены» заимствованиями друг из друга. Во всяком случае те значительные древнетюркские включения, которые наблюдают лингвисты в современном венгерском языке (который мадьяры принесли в Европу из Предуралья), не оставляют сомнения в своем происхождении из первых веков нашей эры, то есть, тогда, когда предки *онгров-венгров*, и предки *тюрок*, вместе кочевали в одних ордах, чтобы потом разделиться.

Это деление началось, вероятно, в IV-VI веках, когда угро-тюркские племена сабиров, онгров-венгров, протобашкир, ранних печенегов, стали смещаться к северным кочевьям, в лесостепь, и степь между Волгой и Уральскими предгорьями. Кочевники, оставшиеся в южных степях Приазовья, Прикаспия и Приаралья, все более вбирали в себя *тюркские* элементы, которые смешавшись с *угро-тюркскими*, стали платформой *кыпчакского* (*хуманского*) языка западных тюрок.

Тюрки великая семья народов. Явившись на историческую сцену практически в одно время со славянами, они немедленно стали одним из народов, что называется, «пишущих историю». Тюркоязычные элементы, обозначившись сначала в гуннских ордах, стали затем охватывать все большее и большее число степных родов. Сна-

чала это были племена североиранцев *Андроновцев*, и среднеазиатских саков, которые принесли в «Тюркский мир» не только богатейшую культуру, но и огромный духовный пласт (религиозная борьба двух начал, летоисчисление, эпос, легенды о происхождении). Тюркская и североиранская культуры за тысячелетнюю совместную историю переплелись настолько тесно, что порой трудно отличить, что пришло от тюрок, а что от иранцев.

Разрастаясь, тюркоязычная семья народов принимала в свои ряды все новых и новых членов, при этом, не зная расовой дискриминации, охватывала и племена монголоидов, и уральцев, и европеидов, одним словом, всех готовых жить, подчиняясь законам степи. И в итоге создала великую цивилизацию «степного типа», не похожую на привычную для нас, европейскую «цивилизацию городов», но, тем не менее, доказавшую свое право на существование.

Предки тюрок (*торк*-крепкий) переняли у сарматов-иранцев родовой термин *ар* (арья), и стали строить названия своих родов, используя этот корень: сув-АРы, хаз-АРы, булг-АРы, ав-АРы и др., эти этнонимы построены по одному принципу. В свое время известный тюркский среднеазиатский ученый Махмуд Кашгарский (IX век), этимологизировал термин *татар* как «пришлый (чужой) человек», выделяя *-ar*,²⁷ как обозначение человека.

От иранцев восприняли предки тюрок и письменность. Как это не удивительно, «дикие» кочевники знали грамоту. Византийский дипломат Менандр Протиктор (VI век) указывал в своих записях, что прибывший, в 568 году, в Константинополь, тюркский посол Маннах, привез послание от кагана тюрок, написанное, так называемым, *скифским письмом*. Из этого скифского письма, впоследствии, в V-IX веках, было модифицировано тюркское *руническое письмо*, просуществовавшее до X века, и замененное на уйгурский алфавит, которым пользовались и в Золотой Орде. «Дикие» тюрки имели передовую для своего времени армию, обладавшую отличным вооружением и техникой ведения боя, опиравшейся на использование тяжеловооруженной конницы.

²⁷ В чувашском языке, относящемся к *оногуфской* группе тюркских языков (по другому *западно-хуннской*), слово *ар*, означает «человек».

Из-за скудности источников, история древних тюрков нам практически неизвестна. Л.Н. Гумилев (1912-1992), в своих трудах пытался построить стройную концепцию истории древних тюрков, но ввиду отсутствия сколь-нибудь надежных данных, очень многое, что называется, «допускал». Читать эту «историю» интересно, но реальности в ней едва ли больше, чем в ином историческом романе. Однако рассказывая о уграх и тюрках, средневековых кочевниках, наследниках древних скифов и сарматов, думаю, будет уместным привести цитату из произведений Гумилева, посвятившего изучению кочевников всю жизнь, и искренне любившего тюрков.

«Кочевники вообще, а гунны и тюрки в частности изобрели такие предметы, которые вошли в обиход всего человечества как нечто неотъемлемое. Такой вид одежды как штаны, без которых невозможно представить себе мужской пол изобретены кочевниками в глубокой древности. Кочевая повозка, служившая домом, изогнутая сабля, превосходившая по боевым качествам и вытеснившая тяжелый прямой меч европейцев, сложный многосоставной лук, метавший стрелы до 700 метров, стремяна без которых не мыслим бой верхом – все это дали миру кочевники и тюрки в их числе...».²⁸

Народы, говорящие на тюркских и угорских языках, ныне разделены лингвистами на две разных языковых семьи. Алтайскую (по имени предполагаемой прародины тюрков, Алтая), и Уральскую. При этом и та и другая языковые семьи, объединяют в своих рядах настолько разные в расовом смысле, и в смысле уклада жизни народы, что провозглашенное лингвистами родство, многие ученые склонны объяснять не общим происхождением, а скорее длительными контактами этих народов между собой, в зонах совместного проживания.

Алтайская языковая семья объединяет в себе, кроме тюркских наречий, еще монгольские, тунгусо-манчжурские и корейско-японские языки, имеющие весьма отдаленное сходство с тюркской основой, но такая же ситуация присутствует и в Уральской языковой семье, куда сведены народы не менее разные чем «алтайцы».

Достаточно того примера, что очень близкие по языку, обские угры (ханты и манси) и венгры, антропологически принадлежат к разным расам, но те же самые венгры, будучи, антропологически, сходными с жителями Финляндии, в языковом отношении стоят с финнами на двух разных «флангах» Уральской языковой семьи. Для того чтобы хоть как то объяснить создавшееся противоречие, в исторических дисциплинах принято положение, что родство языков не всегда означает родство народов, и приведенные выше примеры тому подтверждение. Однако что-то общее, что-то, что объединяет эти народы сильнее, чем язык и раса, безусловно, имеется.

Берясь за столь сложную тему как *финно-угры*, мы ни в коей мере не претендовали на всеобъемлющую характеристику этногенеза и истории этой языковой общности. Научные точки зрения на происхождение и историческое развитие как всей совокупности финно-угров, так и отдельных ее народов, порой настолько различны, что формулировка каких-то общих выводов и положений, вряд ли вопрос ближайшего времени.

Родство финно-угорских языков, провозглашенное, в конце XVIII века, в Западной Европе, носило, безусловно, более политический, нежели научный характер. Преподнесенное в те времена обществу как открытие, генеалогическое родство финно-угорских языков, не нашло подтверждения в дальнейших исследованиях. А уж антропологическая несхожесть представителей западных и восточных финно-угорских этносов, бросается в глаза и без всяких научных изысканий.

Однако за 200 лет изучения проблемы, были созданы университеты и институты, проведены различные фестивали, конференции, «съезды народов». Тезис о родстве вдолблен ученикам, а учителя получили награды, ученые степени и звания. Тем не менее, главный вопрос остался нерешенным. Является ли, финский язык генетическим продолжением древнего угорского, а Западные финны потомками охотников Урала, или финно-угорские языки есть «плод» смешения прафинского и праугорского языков в «контактной зоне» Поволжья и Волго-Камья? Точного ответа на этот вопрос нет и сегодня.

²⁸ Л.Н. Гумилев. «Древняя Русь и Великая Степь». Москва 1992 г.

Итак, финны. Кто они? Не вдаваясь вглубь тысячелетий, начнем с того доказанного положения, что в I тысячелетии до нашей эры, очагом откуда расселялись предки Прибалтийских и Волжских финнов, была территория от современного города Риги до Валдайской возвышенности, и верховьев реки Оки. Отсюда прафинны начали свое движение в северную часть Прибалтики, и в бассейны Верхней Волги, Оки и Клязьмы. На западе, в Прибалтике, прафинны рано столкнулись с древними германцами, от них и получили свое этническое имя *финны*, которое германцы передали потом римлянам. Римский историк Тацит называл *феннов*, в I веке новой эры.

Этноним *фенн* связывают с древнегерманским словом *fenna* – «болото, грязь», что перекликается с самоназванием современных жителей Финляндии, *суоми*, от финского слова *suo* – болото, и *таа* – место обитания. Возможно, древние финны предпочитали селиться по глухим, лесистым местам, в изобилующих болотами, лесах северо-запада Восточной Европы, за что и получили свое имя.

Крупные, сильные люди, неутомимые охотники, знающие и любящие лес, типичные европейцы так называемого, Беломоро-Балтийского «светлого» типа, прафинны расселившись по Прибалтике и северо-западу Восточной Европы, образовали в начале I тысячелетия, несколько родственных племен, о которых упоминает в VI веке Иордан, называя их общим именем *Thiudos*.

Thiudos – Чудь... так называли древних финнов славяне (этноним *финн* пришел в русский язык очень поздно). Считается, что это название *чудь* древние славяне заимствовали от готов, когда готы начали, в III веке, свое движение на юг Европы. Тогда прибалтийские финны примкнули к Готскому союзу племен, и стали для окружающих народов частью готской орды, называвшей себя *тыюдд*²⁹ (народ, люди).

В славянских языках слово *тыюдд*, переосмыслилось как *чудь*, *чужой*, и на долгие века стало названием финских народов. Всех сход-

ных с финнами по образу жизни и языку жителей Европы, славяне называли *чудь*, отмечая только локализацию. «Чудь Заволоцкая», «Чудь Заонежская» и др.. В средневековых новгородских диалектах *чудь* трансформировалась в *чудна*, *чухна* (отсюда чухнар, чухонец, чухня), этноним, распространившийся со славянами и на Урал и в Сибирь.

Племена *чудди* (*ливь*, *эсть*, *карела* и др.) жившие на северо-западе Руси приняли активное участие в русской истории. Они, на равных с Новгородскими словенцами, участвовали в «изгнании», а затем в «призвании» варягов. Чудские воины участвовали в походах князя Олега на Киев и на Царьград, участвовали в походе князя Владимира на Полоцк. Чудь была в числе «лучших людей» переселенных князем Владимиром на юг Руси для защиты от половцев. Чудь участвовала в убийстве князя Глеба, при этом, в одной из летописей, автор оговаривается что «чудь-иже суть немцы» (т.е. немцы, не говорят по-русски).

Живя долгое время среди славян, чудские племена Северо-Запада Руси, постепенно смешались с ними (только в Прибалтике оформившись в самостоятельный народ эстонцев, близкий по языку к Скандинавским финнам), и растворились в Великорусской среде, оставив этнический термин *чудь* (*чухна*) в топонимике Русского Севера, Северо-Запада и Приуралья, и в русских фамилиях Чуднов, Чудинов, Чудин, Чухнарев, Чухнин, и других, им подобных.

Прафиннов, расселившихся на восток от мест первичного обитания, Новгородцы называли «Чудь Заволжская». Это были упомянутые Иорданом *васинброды* (*весь*), и *меренс* (*меря*). Восточно-финские племена *меря*, *весь*, *водь* и *мурома*, занимали все Волго-Окское междуречье, и левобережье Верхней Волги вплоть до реки Унжи. На ранних этапах своего расселения *меря*, *весь*, *водь* и *мурома*, активно контактировали с племенами древних балтов и сарматов, усвоив от них металлообработку и земледелие, и навыки скотоводства.

Самым сильным и самым многочисленным из Волжско-финских народов был народ *меря*. Они же и наиболее плотно контактировали с сарматами, от них, кстати, и получив свое этническое имя. *Меря* (*меряне*) вообще были «ведущим» Волжско-финским племенем средневековья. О них упоминает Иордан, они не сходят со страниц рус-

²⁹ Тыюдд-от древненемецкого *teuta* (народ, отсюда и латинское название немцев-тевтоны). Древнее самоназвание германцев *тыюдд* сохранилось не только в слове *чудь*. Французы грубых невежественных людей называют «тюдеск», как бы намекая на варварство немцев, а итальянцы называют немцев – «тюдеско». Современное самоназвание немцев *дойче*, тоже произошло от *тыюдд*.

ских летописей. В 859 году, меря, упоминается как платящая дань варягам, наряду со славянами и другими племенами. В 907 году, меряне участвуют в победной экспедиции князя Олега в Византию. В начале II тысячелетия, меря, мурома, весь и водь, подвергаются славянской русской экспансии, и ассимилируются славянами, становясь частью русского населения Северо-Восточных русских княжеств, и «вливаются», таким образом, в Средневеликорусский этнос.

Живой *мерянский* язык не дошел до нас, но оставил память о себе в топонимике русской земли. Сотни названий географических объектов имеют восточно-финское, мерянское происхождение, в том числе и главный город России, Москва, названный по имени мерянской реки, на которой стоит.³⁰

Великий русский ученый М.В. Ломоносов (1711-1765) очень высоко оценивал *чудский* компонент в русской истории, указывая что: «И то правда что от переселений и дел военных немалое число чудского поколения соединилось с племенем словенским и участие имеет в составлении российского народа». Анализируя происхождение и расселение славян, ученый пишет, что: «Многие области, которые в самодержавстве русских князей чудским народом обитаемы были, после словенцами наполнились. Чудь частью с ними соединилась, частью уступив место, уклонилась далее к востоку и к северу. Показывает сие некоторые остатки чудской породы, которые по словесным преданиям от словенского поколения отличаются, забыв употребление своего языка. От сего, не токмо много сел, но и рек и городов и целых областей чудские имена в России, особливо в восточных и северных краях поныне остались. Немалое число чудских слов в нашем языке употребляются».

Ломоносов пишет о чудских народах с уважением, считая их равными партнерами славян еще с древности: «...уже тогда чудь со словенцами в один народ по некоторым местам соединилась...после того в первые христианские времена, и в средние веки, еще много больше меж ними совокупление воспоследовало».³¹

³⁰ Моск-ва где *маска* (медведица) и *ваа* (женщина-богиня).

³¹ М.В. Ломоносов. Избранные произведения. Ленинград 1986 г.

Мурома, меря, весь и водь, были последними финно-язычными племенами, к которым мог быть применен средневековый этноним *чудь*. Они в наибольшей степени сохраняли и прафинский язык, и европеидный Беломоро-Балтийский антропологический облик. Племена финнов, ушедшие еще дальше на восток и юго-восток, столкнувшись с древними обитателями этих территорий, и пришельцами с юго-востока, смешались с ними, сумев сохранить свой восточно-финский язык, и свой антропологический тип, только как субстрат, то есть, составную часть нового лингвистического и антропологического облика.

В начале I тысячелетия нашей эры, практически в центре Восточно-Европейской равнины, от истоков Оки, и по ее правобережью, до самого слияния с Волгой, и дальше на восток до устья Суры, расселились древние племена, которые можно условно назвать *прамордовскими*.

С самого начала своего образования эти племена складывались под очень разнородным влиянием, других, более развитых экономически и культурно, народов. Западная часть прамордвы попала под сильное влияние Восточно-балтских племен *голяди-галиндов*.

Эта прамордва, которую, условно можно назвать «Рязанской» (так как она размещалась на территории совр. Рязанской обл.), испытала сильное балтское проникновение, узнав от голяди и металлургию, и навыки скотоводства. От балтов пришли в мордовский язык такие слова, связанные с хозяйственной деятельностью, как: стойло, нож, поросенок, невод и др. Культура балтов также оставила свой след в фольклоре мордвы; балтский богатырь *Чимтас* стал у мордвы именем Бога, а мордовский громовержец *Пуркинесе*, есть не что иное, как балтский *Перкун* (*Перунас*). Оставили балты свой след и в антропологии мордвы, привнеся в нее черты, западных европеидов. Но не меньшее влияние на «Рязанскую» прамордву оказали южные соседи. С юга их окружала скифско-эллинская земледельческая культура (будины и гелоны),³² также внесшая свой вклад в экономическое и культурное развитие «Рязанской» прамордвы.

³² Полной неожиданностью в своем созвучии, звучат мордовское слово *тятя* и греческое *тэтта* (отец), или мордовское слово *ватрах* и греческое *ватрахис* (лягушка).

Еще большему, но теперь уже скифо-сарматскому влиянию, подверглась, расположенная восточнее, прамордва, которую можно, условно, назвать «Окско-Сурской» (так как она жила в Окско-Сурском междуречье). Влияние «Сарматского (аланского) мира», на эту этническую группу племен, было колоссальным. Металл, скотоводство, земледелие (названия некоторых сельхозкультур и орудий в мордовских языках: просо, серп и др., имеют иранское происхождение), значительные лингвистические заимствования в языках мордвы, пришли от иранцев.

Кроме этого, «Окско-Сурская» прамордва расселялась в местах, в которые не прекращался приток с севера и северо-востока, многочисленных групп угров (Геродотовых иирков). При этом, чем дальше на восток, тем сильнее шел этот приток. Окско-Сурское междуречье было крайней зоной проникновения угров-иирков, не переходивших границ леса и степи. Иирки смешивались и растворялись среди «Окско-Сурской» прамордвы, привнося в ее язык и антропологию уральский субстрат.

К началу I тысячелетия, на указанных выше территориях существовало большое количество племенных групп древней мордвы, которые, в первые века нашей эры, стали складываться в племенные союзы. При этом в каждом конкретном регионе складывалась группа племен с особенностями местного развития, присущего только этой группе (эта ситуация для мордовских племен сохранялась до позднего средневековья).

К западу это были племена, состоявшие из балто-финского субстрата, а в Окско-Сурском междуречье это были племена, пронизанные угорским субстратом, находящиеся под очень сильным сарматским (аланским) влиянием.

Однако к востоку, в Присурье, и в левобережье Средней Волги, угорский субстрат уже преобладал над финским, постепенно, чем дальше на северо-восток, вытесняя его вообще. Впрочем, по образу жизни и по своему хозяйственному укладу все эти племена продолжали оставаться жителями леса, умелыми охотниками и рыболовами, добытчиками меда диких пчел.

Представляя собой, конгломерат сходных в целом племен, они получили от своих южных соседей иранцев общее обозначение *мард*

(*марди*), означавшее в иранских языках, *мужчина*. Этноним *мард* (*мар*) разошелся по Среднему Поволжью, став общим для всех финских и финно-угорских этносов живущих здесь, и вошел в литературный обиход раннесредневековой Восточной Европы и Византии, хотя на Ближнем Востоке остался неизвестным.

Каждый кто пишет о древней мордве «обязан» назвать Иордана, упомянувшего народ *mordens* уже в VI веке (только забывают что Иордан описывал события IV века), а уже в X веке, византийский император Константин Багрянородный (913-959), в своем труде «Управление империей», страну лежащую между Хазарией и Волжской Булгарией называет *Мордия*. Славяне состоявшие с сарматами-аланами в племенных союзах, воспринимают от них этот термин, переосмыслив его как *мордва*, где суффикс *-ва* служит обозначением множественности (по типу *лит-ва*, *татаф-ва*, *брат-ва*), и начиная с XII века, этноним *мордва*, *мордвич*, повсеместно появляется на страницах русских летописей.³³

Как уже сказано выше, термин *мар(д)* стал нарицательным для древнего населения Среднего Поволжья. Он слышится и в этнониме *меря*, и в этнониме *мафи*, а в Покамье становится одним из самоназваний народов *коми* (*морт*-человек), и *удмуртов* (*уд-морт* сильный человек), хотя сама древняя мордва никогда так себя не называла (возможно, понимая двусмысленность названия, вспомните *мардвай* людоед). Они предпочли в качестве самоназвания иранский термин *ар* (человек), в значении *ар-сайя* (героический человек).

Возможно, так себя называли гордые аланы, жившие среди мордвы. *Арсайя* в мордовских языках трансформировался в *эрзя* (*ар-са*),³⁴ став этнонимом, а термин *мард* сохранился в мордовских языках как название мужчины-супруга (*мифдь*).

Начиная с VIII века, мордовские племена Окско-Сурского междуречья, вместе с другими народами Поволжья, попадают в зависимость от Хазарского каганата. Хазарский каган Иосиф, в X веке,

³³ Любопытно, что в западных губерниях Российской империи, в XVIII-XIX веках, термин «мордва» применялся, в просторечии, к шумному собранию евреев.

³⁴ Отсюда и *зыряне*. Древние коми-зыряне расселились по северу восточной Европы из Волго-Окско-Сурского региона и называли сами себя *эрзайи*, что в новгородских диалектах трансформировалось в *зыряне*.

в числе подвластных ему народов упоминает народ *арису*, который большинство современных ученых идентифицирует с мордвой эрзей. Упоминает об *арса* и арабский хронист Ибн Хаукаль, в X веке. Видимо на Ближнем Востоке термин *арса*, стал главным для обозначения мордовских народов (этноним *мордва*, как и этноним *мокша*, речь о нем пойдет ниже, арабы не знали).

Культура Хазарского каганата, средневековой Восточноевропейской империи, оказала положительное влияние на мордовские народы, в частности привнес в ее религиозные верования идею единобожия и наполнив эти верования ветхозаветными мотивами. Наследником Хазарского каганата в Среднем Поволжье, с X века, стало государство Волжских булгар. Мордовские племена, жившие в непосредственном соседстве с племенами *угро-тиорок*, все сильнее и сильнее стали тяготеть к «Степному миру», а племена «Рязанской» прамордвы, наоборот, стали постепенно смешиваться со славянскими переселенцами *вятичами* и *радимичами*, прибывавшими с юго-запада. Вслед за славянскими земледельцами, в земли «Рязанской» мордвы пришли киевские князья Рюриковичи, а после христианизации, и вятичи, и местные балты *голядь*, и местная мордва «вливаются» в древнерусский народ, став одной из основ *Южновеликорусского* этноса.

Память о себе, «Рязанская» мордва сохранила в топонимике. Академик А.А. Шахматов (1864-1920) не сомневался, что название «*Рязань*», есть измененное в славянских наречиях *эрзя (нь)*. Следы фонетики «Рязанской» мордвы, живут в особенностях Южновеликорусского говора (знаменитое я-канье; вЯдро, сЯстра, чЯво и др.). В то же время (X век), среди племен «Окско-Сурской» мордвы, находившейся в более независимом положении, строятся отношения, так называемой, «Военной демократии».

Средневековая мордва не сумела создать независимого государства, все время находясь в вассальной зависимости от более сильных соседей, однако из «хазаро-булгарского» периода своей истории, мордовские предания вынесли память о каком-то былом единстве народа. Здесь имеется в виду цикл песен о вожде, носящем титул

Тюштя.³⁵ И если в ранних песнях о *Тюште*, этот термин имеет смысл как титул выборного вождя, то в позднем цикле песен, *Тюштя* уже собственное имя мордовского властителя, с добавлением титула *Тюштя ханазор* (оцзор у эрзи, инязор у мокши), то есть повелитель. В некоторых песнях он вообще называется как «*Масторонь хирди*» (держатель страны, самодержец), а древний период мордовской истории называется «*Тюштень пинге*» (век Тюшти).

Начиная с XIII века, мордва фигурирует как подвластный народ, в составе сначала Золотой Орды, затем Казанского царства, а затем уже и Московской Руси. Правда в Золотой Орде мордва выступает скорее как вассал Джучидов, участвуя и во внешних войнах Золотой Орды, и во внутренних конфликтах, междоусобицах русских князей. Например, в 1319 году, в отрядах Московского князя Юрия Даниловича (1280-1324) воевавшего с Тверским князем Михаилом Ярославичем (1272-1319) были татары и мордва, а в 1339 году, в походе ордынского царя Узбека (1313-1342) на Смоленск (бывший литовским владением) вместе с Рязанскими, Московскими, Ростовскими князьями участвовали «Мордовские князи с мордвичи».

А вот в Московской Руси и Российской империи, мордва подвергалась закабалению, закрепощению и русификации. Свободолюбивые мордовские народы, не желая мириться с этим, не только участвовали во всех восстаниях против имперского центра, начиная со Смуты и заканчивая Пугачевщиной, но и уходили из Среднего Поволжья и на восток, и на юг, подальше от царских чиновников и помещиков.

За, без малого, четырехсотлетнее пребывание мордвы в подданстве Российской короны, она расселилась на территориях современной Башкирии, Татарстана, Чувашии, Самарской, Пензенской, Оренбургской, Ульяновской, Саратовской областей, в Сибири, на Дальнем Востоке, на Украине, и даже в Предкавказье, Закавказье и в Средней Азии. Новые места, конечно, не спасли мордву от царской кабалы и русификации, но, даже утратив родной язык, многие переселенцы помнили, что они *мордва*.

³⁵ Возможно, этот титул имел в виду П.И. Мельников-Печерский, рассказывая о мордовском царе Теше.

Жесткая политика царизма по обрусению Поволжских народов, нанесла сильный удар по этническому самосознанию мордвы. В конце XVIII и в XIX веке, огромное количество мордвы заговорило по-русски, их дети стали считать себя русскими и даже славянами, и потомки этой обрусевшей мордвы вряд ли уже поверят, что их предки принадлежали к древнему храброму и свободолюбивому народу. Трудно сказать хорошо это или плохо. Может быть, в этом и заключается смысл истории этносов, когда из малых племен складываются великие народы «пишущие» историю земли, к которым, безусловно, принадлежит русский народ. И принадлежит во многом потому, что вобрал в себя энергию и волю народов «влившихся» в него.

Эти слова, про «влившийся народ», можно в полной мере применить еще к одному народу Волжско-финской языковой группы, к народу *мари*. Этническая история мариЙцев имеет отношение к Окско-Сурскому междуречью, поэтому заслуживает упоминания. МариЙцы делятся на две основных группы *луговые* и *горные*, из которых, луговые живут на левом, пологом берегу Средней Волги (отсюда и название) и представляют собой, в большей степени носителей уральского антропологического типа. МариЙцы горные, занимают земли на правом, высоком берегу («на горе», отсюда и название) Волги, между устьем Суры и Большого Сундыря, и имеют уже более европейскую внешность.

В начале I тысячелетия, предки мариЙцев жили рядом с прамордвой, занимая территории по обеим сторонам Средней Волги, от устья Оки до устья речки Казанки, и были «передовым отрядом» Волжских финнов, в деле освоения бассейна Ветлуги и Прикамья где они смешивались с многочисленными здесь уграми-иирками. Восточные финны принесли в хозяйственный уклад мариЙцев, унаследованную от балтов металлургию и навыки ведения сельского хозяйства, о чем говорят балтские заимствования в мариЙском языке относящиеся к первым векам нашей эры: кузнец, мякина, шест, деньги, удача, серп, поле, горшок и др.

О том, что мариЙцы это наиболее далеко на восток ушедшие Восточные финны говорит и «внешнее» название средневековых мариЙцев, *черемисы*. *Черемис* можно разделить на две части, одна из которых *-мис*, без сомнения финское *mies* (человек), а первая часть от-

вечает на вопрос «какой?», и у разных исследователей толкуется по-разному. «Восточный», «боевой», «передовой» и др. В любом случае, этот этноним выделяет мариЙцев, из числа других Волжско-финских народов, как отдельный этнос, хотя сами себя они называют *мари*³⁶ (этнонимом близким к *меря*, *мард*, *морт* и др.), будучи очень близкими, по происхождению, к остальным Восточным финнам.

Впервые этноним *черемис* (*цармис*) упомянут в X веке, у уже известного нам кагана Иосифа, в списке народов подвластных хазарам, а уже с XII века, этноним *черемиса* (*ы*) прочно входит в русское летописание. Мордва и мариЙцы, имевшие в древности очень близкие язык и культуру, общие религиозные верования, жили бок о бок на территории Окско-Сурского междуречья и со временем часть мариЙцев слилась с мордвой, а часть ушла на восток, оставив, в память о себе, незначительные следы в топонимике региона.

Средневековые мариЙцы (особенно луговые) занимали, по отношению к московскому империализму, позицию еще более радикальную, чем мордва. Рано попав в сферу влияния «Степного мира», мариЙцы довольно легко подвергались *тюркизации* (считается, что северная отрасль чувашей *вирьял*, это *отюреченные* мариЙцы). Связав свою судьбу с тюрками, мариЙцы, после присоединения в XVI веке, Казанского царства к Московии, оказали ожесточенное сопротивление завоевателям, развернув национально-освободительную борьбу («Черемисские войны») продолжавшуюся 30 лет.

Они потерпели поражение и были буквально растерзаны карательными отрядами, однако принимали участие и во всех последующих антимосковских выступлениях и восстаниях, и в XVII, и в XVIII веках, при этом понесли такие потери, что в XIX веке, оказались практически на грани исчезновения. Во всяком случае, доктор медицины, профессор М.Ф. Кандаратский изучавший, в конце XIX века, мариЙцев, указывал: «грустно писать о таком племени как черемисы. Печально настоящее этой народности, печально прошедшее, и еще печальней будущее. До настоящего времени, а может быть и до кон-

³⁶ Этноним *мари* присутствует в Северо-Кавказских языках, чеченском и ингушском, в виде *мар* (мужчина), подтверждая древность этнических связей Сев. Кавказа и Ср. Поволжья. У некоторых групп мордвы термин *мор* используется как одно из самоназваний.

ца существования этого племени, что очень вероятно – одна только непроглядная темень».³⁷ Немало черемисов крестившись, стали русскими, «влившись» в этнос *Великороссов Поволжья*, и только события октября 1917-го года, открыли новую страницу в этнической истории марийцев.

Родство языков не всегда означает родство народов. Люди, живущие на одной территории, в одной стране, на земле где жили их предки, даже если, говорят на разных языках, всегда найдут «общий язык» между собой. И напротив, даже говорящие на родственных языках, но живущие в разных странах народы не могут найти общий язык из-за разной истории, разной идеологии, разных целей и задач, поставленных, перед этими народами, историей. Посмотрите на отношения русских и поляков. Кто скажет, смогут ли когда-нибудь, эти родственные народы ужиться в одном государстве? А угро-финны и славяне живут вместе больше тысячи лет, без взаимных претензий и упреков. Видимо не язык, и даже не антропологическое родство объединяет народы. Их объединяет общая территория, общая историческая судьба, общая родина.

История разделения языков на семьи началась с разделения народов на национальности. Нам, живущим в современном мире, многие постулаты этого мира кажутся незыблемыми, существовавшими веками и тысячелетиями. Это, например, язык, Или национальность. Этой незыблемости учат со школы, и мы искренне верим, что русский человек допустим XIII века, абсолютно идентичен русскому человеку века XXI, по взглядам, по мировоззрению, по менталитету. Эта вера живет в нас, и опровергать ее, кажется, не только нелепо, но и кощунственно. Действительно, сегодня национальная принадлежность, это фактор определяющий жизнь человека, и его отношение к этой жизни, но так было не всегда, и началось это совсем недавно.

Вопрос о национальностях остро встал в XVIII веке, в Европе, зародившись как «идея национализма». Не секрет, что и в древнем мире и в средневековье, в полиэтнических государствах, вопрос о национальности того или иного индивидуума, жителя этих государств, не то чтоб не стоял, он зачастую даже не ставился. На первом плане стояла принадлежность этого индивидуума, или к какой-либо социальной страте (сословию), или конфессиональная принадлеж-

ность. Люди до XVIII века, не воевали друг с другом, делясь на национальности. Войны носили характер империалистических, династических или религиозных, но никто никого не уничтожал по признаку нации или расы.

Идея разделения людей на национальности понадобилась в XVIII веке, как инструмент борьбы с Европейскими империями. После произошедшей в самом конце XVII века, «Великой революции» во Франции (а Франция в средневековье тоже была, по сути, многонациональной империей), понадобилась идея, объединяющая народ под знаменем «Свободы, Равенства, и Братства», и этой идеей стала идея «единой нации». После того как эта идея завладела умами европейцев, начался, так называемый, «рост национального самосознания», охвативший все слои тогдашнего общества. Люди стали остро интересоваться своей нацией и историей этой нации. Сначала Наполеоновская Франция, потом объединение Германии, потом Италии, потом Русско-турецкие войны за освобождение братьев-славян. Впервые люди стали осознавать себя не католиками, православными, мусульманами и протестантами, а французами, англичанами, славянами, турками и др. Собственно этот рост «национального самосознания», вкупе с другими факторами, и разрушил все европейские империи к середине XX века. А войны, по признаку национальности, стали самыми кровопролитными в истории человечества.

Но речь не об этом. С технической точки зрения, разделить людей на национальности, и тогда, и сейчас, можно только по признаку языковой принадлежности, и это дало толчок такой науке как лингвистика. Ученые европейских стран с энтузиазмом принялись изучать строение и происхождение своих языков, сравнивая их с другими. В XIX веке, по мере накопления материала и использования сравнительно-исторических методов, языки стали объединяться в группы и семьи, по признакам сходства строения и звучания. И тут в науку стала вмешиваться политика. Стремление доказать принадлежность языка своей нации к какой-либо «Великой Семье народов» (а по возможности доказать лидерство в этой семье), порой вынуждало ученых делать поспешные выводы, а порой и подтасовывать факты. Иногда и сами языки, пройдя за историю своего развития сложный путь, не позволяли точно определить их родство. Например, в среде венгерских ученых-гуманитариев, в XIX веке, разгорелась полемика между приверженцами угро-финского и тюркского происхождения венгерского языка, названная «угро-тюркской войной», настолько сложным представлялось происхождение языка мадьяр. И во многом политические мотивы определили создание «Уральской семьи языков». При ближайшем рассмотрении

³⁷ Г.А. Сепеев. «История расселения марийцев». Йошкар-Ола. 2006 г.

нетрудно увидеть, что «дружная» угро-финнская семья включает в себя языки, связь между которыми представляется весьма отдаленной. Во всяком случае, попытки реконструкции «празыка» закончились провалом, по фундаментальным причинам, и явления позволившие объединить угро-финские языки в одну семью возникли, скорее в результате долгого культурного и экономического сосуществования этих народов, живших в древности на общих территориях, нежели в результате генетического родства.

Были, в XIX веке, среди ученых (особенно российских) попытки создания теории о родстве угорских и тюркских языков. Была выдвинута гипотеза о существовании Урало-Алтайской языковой семьи, в которую хотели свести угорские, самоедские и тюрко-монгольские языки, из-за их типологического сходства. Учеными допускалась возможность существования, в глубокой древности, единой урало-алтайской языковой общности. Эта гипотеза, впоследствии, была отвергнута научным сообществом, и даже не из-за невозможности ее доказательства, а скорее из-за ее «желания» объять необъятное, объяснить то, что в рамках одной лингвистики объяснить нельзя.

На бескрайних просторах от Дуная до Тихого Океана, от Сибирской тайги до Гималаев и джунглей Индостана, живут две огромные языковые семьи народов, Уральская и Алтайская. Разные по расовому типу, по культуре, по укладу жизни эти две языковые семьи имеют что-то неувлимо общее, что-то, что роднит эти народы больше чем раса и язык. Это что-то, русский ученый-лингвист Н.С. Трубецкой (1890-1938) называл «*Туранским психологическим типом*», а носителей этого психотипа «*туранцами*». Этим термином расисты определяют представителей Уральской и Алтайской языковых семей в общую расовую формацию «*туранцев*» противопоставляя ее «высшей» расовой группе «*арийцев*».

Расисты считают что «*туранцы*» как более приспособленная, неприхотливая, дикая смесь народов, могут поглощать и поглощают, растворяя в себе «высшую» расу «*арийцев*». Поэтому Гитлер и нацисты не хотели видеть в Восточных славянах «арийцев», несмотря на индоевропейский язык, и утверждали, что русские, слишком перемешались с «туранцами», перестав принадлежать к расе «арийцев». Подобный же бред лежит в основе многих нынешних доктрин современных борцов за «чистоту расы».

А князь Трубецкой, будучи в первую очередь лингвистом, хоть и признавал определенную общность некоторых лингвистических признаков свойственных и Уральской и Алтайской языковым семьям, все же делал акцент на общем для тех и других психологическом типе. Вот что говорил Трубецкой о русских, и о влиянии на них «туранцев»: «Распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен, сожителство русских с туранцами проходит «красной нитью» через всю русскую историю. Если сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории, если трудно найти Великоросса, в жилах которого не текла бы туранская кровь, и если та же туранская кровь (от древних кочевников) в значительной мере течет в крови малороссов, то совершенно ясно, что для правильного национального самосознания нам русским необходимо учитывать наличие в нас туранского элемента».³⁸

³⁸ Цит. по Л.Н. Гумилев. «Черная легенда». Москва 2002 г.

Глава 6

Мордия и Великая Венгрия

История создания топонимики Окско-Сурского междуречья не будет полной, без рассказа о древних государствах, в состав которых оно входило, и которые, так или иначе, влияли на этот регион. Великое Переселение народов, начавшее средневековую историю Восточной Европы, сделало Среднее Поволжье одним из центров этой истории, где происходили события, влиявшие на ход исторического развития и народов Восточной Европы, и народов Урала, Сибири, степей Казахстана.

Два ведущих Восточноевропейских государства средневековья, Хазария и Волжская (Камская) Булгария, включали наше Окско-Сурское междуречье в свою сферу влияния, и эти государства известны всем (речь о них впереди). Но существовали на землях Поволжья такие надплеменные образования, которые и государствами назвать нельзя. Скорее, это были своеобразные «зоны этногенеза», в которых формировались племена и народы, составившие потом население Восточной (а где-то и Западной) Европы.

Отмеченные древними авторами страны Мордия и Великая Венгрия не имели четких границ и видимых атрибутов государственной власти. Территории, на которых роды складывались в племена и в союзы племен, получили свои названия от имен наиболее крупных этнических образований, живших здесь во 2-й половине I тысячелетия. Однако, не много, на самом деле, найдется в истории средне-

вековья земель, характеризующихся столь «пестрым» этническим разнообразием племен, живших практически одновременно, на одной территории.

Мордия, назвал в X веке, страну, лежащую между хазарами и Волжскими булгарами, уже упомянутый ранее, Константин Багрянородный. Он, несомненно, объединял под этим названием все народы, проживавшие на указанной территории (следуя средневековой традиции).³⁹ Современными историками, эта страна локализуется между верховьями Дона, Средней и Нижней Окой и правобережьем средней Волги до «Самарской дуги».

Своим названием Мордия, обязана своим первичным обитателям, племенам праугров и прафиннов, для которых, у живших южнее скифов и сарматов, было одно название – *марды*. С конца I тысячелетия до нашей эры, сарматы были полноправными хозяевами степей между Волгой и Доном, были соседями мардов, причем соседями беспокойными. Они активно осваивали Мордию, селились среди мардов, вовлекая их в свою хозяйственную и культурную деятельность. Но, начиная с IV века, сарматы сами подверглись «воздействию» других кочевников, гуннов, завладевших южными степями.

Вторгшиеся в Среднее Поволжье, из Приазовья и Прикавказья, племена гуннского союза, расселялись среди сармато-аланских племен. А проникая еще севернее, в зону лесов, гунны, уже селились среди мардов, и переходили к оседлой жизни, становясь земледельцами.

Гунны, ушедшие севернее, стали этнической основой средневекового народа сувазов (предков чувашей), но это не значит, что они заселили только территорию современной Чувашии. Гунны-савиры (сувазы) проникали и в Окско-Сурское междуречье, и даже в Волго-Окское междуречье, в земли Восточных финнов *мерян*, о чем говорит топонимика этих регионов. А те гунны, что остались в привычных степных и лесостепных ландшафтах, смешавшись с местными сарматами-аланами (что было нетрудно, настолько гуннская кочевая среда была пропитана «сарматским духом»), сделались этнической

³⁹ Страбон (I век) в своей «Географии» отмечал эту традицию: «...вследствие неведения отдельные народы в каждой стране подводились под одно имя».

основой средневекового народа *буртасов*. Народа ставшего одной из «загадок» средневековья.

До сих пор среди ученых нет единого мнения по поводу того, что представлял собой этнос *буртасы*. Одни считают их предками мордвы, другие настаивают на угро-тюркском или даже сарматском происхождении, и хотя доводов и для той, и для другой версии немало, все-таки более предпочтительной выглядит теория *алано-угро-тюркского* происхождения.

Сам этноним *буртас*, впервые упомянутый арабскими хронистами, в IX веке, можно четко разделить на две составные части *бурт* и *-ас*, и если относительно первой можно делать какие угодно предположения, то вторая не оставляет сомнений в своем сарматском происхождении. Сармато-аланские племена *АС-ов* (*ЯЗ-ов*), с самого начала входили в гуннский племенной союз. Этот *-ас* известен по всему степному югу. У Захарии Ритора, в списке тринадцати гуннских племен, мы видим: *багр-АС-ик*, *кул-АС*, можно вспомнить широко известные на Руси этнонимы *черк-АС-ы*, *к-АС-оги*, *ЯЗ-ыги*. Корень *ас* (*ос*), есть и в названии сарматских потомков – кавказского народа *осетин*.

Здесь везде, *ас*, подразумевает сарматскую основу племени, отличая гуннские этнонимы с корнем *ас*, от гуннских этнонимов с корнем *ар*, принадлежащих племенам, имеющим тюрко-уральскую этническую платформу (*хаз-ар*, *сув-ар*, *ав-ар* и др.).

Аланы-Асы, вошли в Гуннский племенной союз. Кочевые народы стали совместно владеть Предкавказьем, степями между Волгой и Доном, и лесостепной частью Среднего Поволжья. Генетические связи между потомками гуннов, жившими на Кавказе, и потомками гуннов, жившими в Поволжье, прослеживаются и по сей день. Советский лингвист и историк А.И. Попов (1899-1973) предлагал искать решение «буртасского вопроса» на Северном Кавказе, заметив, что дагестанские аварцы называют чеченцев «*бурт*», а чеченский язык «*буртижазалан*з*». ⁴⁰ По мнению ученого, здесь ключ к объяс-

⁴⁰ Кавказские *буртасы* сражались под знаменами Мамая, в XIV веке, на Куликовом поле.

нению схожести некоторых лексических элементов в мордовских и северокавказских языках. ⁴¹

Алано-угро-тюркское племя буртасов, к VIII веку, уже занимало территории между Верхним Хопром и Волгой до «Самарской дуги». Буртасы, вобравшие в себя, другие небольшие группы номадов, прибывавшие с востока, представляли собой довольно крупный народ. Арабские авторы говорят о них как о серьезной военной силе. Ближневосточный хронист X века, Гардизи так описывал буртасов: «Их оружие два дротика, топор и лук; панциря и кольчуги у них нет; лошадь имеет не всякий, а только богатый. Их одежда *джубба* (шуба авт.), они носят шапки и обертывают их чалмами... Вся местность меж их владениями и страной Хазар представляет равнину... Некоторые совершают путь из страны буртасов в страну хазар по реке Итиль на судне, другие едут сухим путем... Плодов (винограда авт.) в той стране нет, вино у них делается из меда». ⁴²

Начиная с IX века, буртасы частично переходят к оседлой жизни, и тогда же попадают в феодальную зависимость от хазар. Какого рода была эта зависимость можно понять, зная, что буртасы представляли для службы кагану, войско численностью 10 тысяч всадников. В X веке, арабский ученый Ибн Даста пишет о них: «Земля буртасов лежит между хазарскими и болгарскими землями. На болгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги. Буртасы подчиняются царю хазар. Земля их просторна и изобилует лесистыми местами. Вера их похожа на веру гузов, ⁴³ собой они красивы, стройны и дородны. Буртас – имя страны, и буртасы имеют деревянные дома... Язык болгар сходен с хазарским, но буртасы говорят на языке отличном от них». ⁴⁴

Военная судьба буртасов была неразрывно связана с народами степи. В IX веке, они упоминаются как участники разгрома экспе-

⁴¹ А.И. Попов. «Буртасы и мордва». Москва-Ленинград 1948 г.

⁴² Б.А. Васильев. «Проблема Буртасов и Мордва». Москва 1960 г.

⁴³ *Гузы*, как и другие выходцы из Южного Урала и Алтая верили в единого Бога *Тенгри* творца неба и земли. Эта религия сочетала в себе и тотемизм, и культ предков, и элементы шаманизма (через шаманов узнавали волю *Тенгри*) и кровавые жертвоприношения (в жертву приносили животных, а порой и людей).

⁴⁴ Б.А. Васильев. «Проблема Буртасов и Мордва». Москва 1960 г.

диции князя Игоря на Каспий, и хотя в XIII веке, они фигурируют в списке народов, платящих дань русским князьям: «...буртасы, черемиси, вяда и мордва, бортничаху на князя великого Владимира», но во время татарского нашествия становятся верными союзниками степняков.

Буртасы жили на границе леса и степи, но также продвигаясь в бассейны рек Цны и Мокши, и дальше на север. Судя по топонимике, они доходили до левобережья Теши. Здесь буртасы смешивались с местными племенами прамордвы, вбирали их в себя, и перенимали от них оседлый образ жизни, становясь земледельцами, охотниками на пушного зверя и бортниками.⁴⁵

На весь средневековый мир были известны «буртасские меха» и «буртасский мед», которые буртасы могли получать только с северных границ своего расселения, из Окско-Сурского междуречья, где контактировали с юго-западными племенами «Окско-Сурской» мордвы, занимавшейся добычей мехов и бортничеством. Часть мордвы Окско-Сурского междуречья оказалась под тотальным влиянием степняков, к тому же еще смешивалась с буртасами. «Плодом» этого смешения, стал мордовский народ *мокша*.

Рассказывая ранее о мордве, мы сознательно избегали употреблять этноним *мокша*. Дело в том, что народ мокша, гораздо более позднее, этническое формирование, нежели эрзя, и является, в своей основе народом, больше тяготевшим к «Степному миру». В бассейне рек Цны и Мокши, в междуречье рек Мокши и Теши, сошлись и встретились два мира, исповедовавших разный образ жизни – Лесной и Степной. На стыке этих культур и укладов жизни, за века совместного существования, образовался сложный угро-финский народ, названный степняками, *мокша*.

До сих пор нет точного толкования этому этнониму. Одни выводят его от названия одноименной реки Мокши, на берегах которой расселился крупный массив *моксан*.⁴⁶ Другие возводят мокша к индоевропейскому *моксель* (глагол утекать, выливаться), пытаясь най-

ти глубокие смыслы в этом созвучии. Третьи производят мокша от финского слова *meks* (пчела), полагая, что степняки называли древних пчеловодов так, как они сами называли пчел.

Сам этноним *мокша* (*моксель*) стал известен с XIII века. При этом он был известен только в Европе, на Ближнем Востоке он никогда не употреблялся, там для всей мордвы существовало одно название: *арса* (*арису*). Татары всю мордву называли *мокша* (*моши*, *мохи*), а в Средневековой Руси вообще никогда не разбирали эрзя и мокшу, предпочитая общий термин *мордва*.

Эта неразборчивость, кстати, бытовала на Руси, вплоть до XVIII века, пока мордвой не заинтересовались русские ученые. К тому времени в обществе сложился устойчивый стереотип о единстве народов эрзи и мокши, властвовавший над умами и историков, и этнографов.⁴⁷ Первым его озвучил русский историк В.Н. Татищев

⁴⁷ Это стало, впоследствии, одной из причин, по которой народы мокша и эрзя были сведены в единую республику. На самом деле, несмотря на внешнюю похожесть, в этих народах, очень много различного – фольклор, культура, язык. Например, нижегородский эрзянин не поймет пензенского мохшанина, а вот пензенский татарин пензенского мохшанина поймет. Известный филолог и этнограф мордвы М.Е. Евсеев (1864-1931), будучи сторонником «мордовского единства», тем не менее, признавал: «...в мокшанском наречии татарских слов намного больше, чем в эрзянском, т.к. мокша более продолжительное время находилась среди татар, и под непосредственным влиянием татар. Это обстоятельство способствовало немало удалению друг от друга этих наречий мордвы». Фольклор эрзян и мокшан при общих параллелях, свойственных всем угро-финнам, все-таки отличается, а разница в антропологии видна и неспециалисту. Эрзяне – крупные европейцы светлого Беломоро-Балтийского типа, а мокшане отличаются небольшими размерами тела и темным грациальным, европейским «понтским» сложением, свойственным, кстати, и части Поволжских тюрков и их обрусевшим потомкам. В археологии попытки привязать мокшан к Городецкой культуре закончились ничем. Как же возникла Мордовия?

После революции 17-го года, и провозглашения «права наций на самоопределение», на территории бывшей Российской Империи стали возникать национальные республики, коих, при иных обстоятельствах, никогда бы не было. Большевики, торопясь «вырвать угнетенные нации» из «тюрьмы народов», резали по живому, не считаясь ни с границами расселения, ни с укладом жизни, ни с мнением людей. В случае мордвы, освобождение угнетенных эрзян и мокшан затянулось до 1928 года. Тогда было принято решение о создании «Эрзяно-Мокшанской» национальной автономии, но т.к. названия эрзя и мокша были не особенно известны, а вдаваться в тонкости большевикам-интернационалистам не хотелось, то решили назвать округ «Мордовским», потому что общее имя мордвы было известно на Руси с древности. В 30-х годах, округ превратился в республику, и стала писаться история «единого мордовского народа», разделенного «кровавым монголо-татарским игом». В 90-е годы, были попытки переименования, но дальше попыток дело не пошло.

⁴⁵ Бортничество, бортник – от древнерусского «*бортъ*» – колода или дупло, где обитали дикие пчелы.

⁴⁶ Также как этнографическая группа Теньгушевской мордвы называется по реке Шокше, на берегах которой обитает *мордва-шокша*.

(1686-1750): «в Руси доднесь народ сарматский моксели, моши и мокшане именуются и с мордвой един народ есть». Татищев, кстати, первым и произвел этноним *мокша* от реки Мокши. Впоследствии, в XIX веке, при более подробном изучении Поволжских народов, у ученых стала складываться несколько иная картина. Возникли сомнения в единстве мокши и эрзи. Однако, когда в начале XX века, было накоплено уже достаточно материала для более точных выводов, в России грянула социальная революция, круто изменившая жизнь и мокшан, и эрзян, и других народов, населявших империю.

Сложившийся на угро-финской основе народ мокша, вообрал в себя значительный аланский и тюркский компоненты, но, тем не менее, не оставил своего оседлого образа жизни и своих исконных занятий. Мокшане, несомненно, принимали участие в заготовке и «буртасских мехов», и «буртасского меда». Из-за этого меда, кстати, некоторые исследователи пытались истолковать этноним *буртас*, как *бортъ* и *ас* (бортники асы), подразумевая сарматов, занимавшихся бортничеством.

Восприняв от степняков навыки воинского искусства, мокшане сделали грозными воинами.⁴⁸ Недаром одно из первых упоминаний о народе *моксель* (*мокша*), было упоминание его в авангарде армии Батыя, в его Европейском походе, где мокшане понесли, кстати, тяжелые потери. Западный миссионер Гийом Рубрук (1220-1293), бывший послом римского папы к татарам, первым упомянул народ *моксель* (*мокша*), и при этом, даже отделил его от мордвы: «моксель живет выше верховьев Дона... за ними живут марды, по латыни мордваны».

В XIII веке, мокшане вместе с буртасами, стали союзниками армии Батыя. Об этом говорит тот факт, что ставка Батыя, из которой он руководил покорением Северо-Восточной Руси, находилась на реке Мокше,⁴⁹ среди Мокшанских и Буртасских земель. Потом в землях мокшан была основана одна из «региональных» столиц

Золотой Орды – город Наручады, ставший центром одноименного улуса, объединившего земли мокши и буртасов. В Золотоордынский период и сложился, окончательно, мокшанский народ, хоть и союзный степнякам-тюнкам, но имевший угро-финскую основу, которую степняки умели ценить и уважать, выделив этот народ отдельным этнонимом, а его земли выделив в отдельный улус.

Через 300 лет после татарского вторжения, европейский путешественник Сигизмунд Герберштейн (1486-1566), в своих трудах о Московии сообщал: «К югу от реки Мокши тянутся огромные леса, в которых обитает народ мордвы, имеющий особый язык и подчиняющийся государю Московии. По одним сведениям, они – язычники, по другим магометяне. Они живут в селах, разбросанных там и сям, возделывают поля, питаются мясом зверей и медом, богаты драгоценными мехами. Это очень сильные люди, ибо зачастую отражают даже набеги татар. Почти все они пехотинцы, отличаются длинными луками и меткостью в стрельбе».⁵⁰

В Золотоордынский период этнографический знак Мокши распространялся на весь бассейн Цны и Мокши, на юге, в смешении с буртасами, подходил к верховьям Хопра, а на севере достигал левобережья Теши. Более того, академик Б.А. Серебренников (1915-1989), изучавший диалекты Присурской мордвы, утверждал, что мордовское население левого берега Нижней Суры, до начала XVII века, состояло из мокши, а эрзян здесь не было совсем.⁵¹ Эрзяне пришли в XVII веке, из Арзамасского и Алтырского уездов, вытесненные русской колонизацией, и мокшане частью ушли за Суру, а большей частью смешались с эрзянами, оставив след в фонетике и лексике эрзянских говоров Присурья.⁵²

Мордовские племена, жившие в западной части Окско-Сурского междуречья (от устья Мокши до левобережья Теши), также в течение длительного времени испытывали сильное культурное, экономиче-

⁴⁸ В мордовских языках нет слов «война», «войско», «дружина», «военный вождь». Они заимствованы из языков или степняков, или славян.

⁴⁹ Согласно преданию, записанному в XIX веке, Пензенским краеведом В.М. Терехиным, ставка Батыя располагалась неподалеку от современного г. Краснослободска, переместившись сюда с реки Воронеж.

⁵⁰ С. Герберштейн. «Записки о Московии». Москва 2007 г.

⁵¹ Г.А. Серебренников. «История мордовского народа по данным языка», Саранск. 1965 г.

⁵² Краевед из Присурского села Мурзицы, Б. Курков фиксировал предания современной мордвы Присурья, в которых мордовские старики упоминали, что их предки переселились на Суру из района Атяшева (Алатырская мордва), что они разговаривали «по-другому».

ское и этническое влияние «Степного мира». Следы этого влияния можно наблюдать у этнографической группы *Теньгушевской мордвы* (*мордвы-шокши*). Присущие ей «мокшанские» компоненты, несомненно, были широко распространены на означенной территории, до середины II тысячелетия.

В IX–XII веках, Окско-Сурское междуречье, и вообще вся страна Мордия, находились в зоне угро-тюркского, «степного», доминирования. Сначала хазары, а затем булгары, дали серьезный импульс развитию региона. Росли города, прокладывались торговые пути, развивалось земледелие и ремесла. В IX веке, арабский путешественник Якут аль Хамави, писал о городах в лесостепных районах Среднего Поволжья: «Буртас – имя города и области⁵³...недалеко от него есть город, называется Сувар».

Видимо в этот период возникли города восточных финнов и прамордвы – *Эрзянь* (Рязань), *Мурома* (Муром) и *Кудома* (Кадам). В двух последних названиях, ясно прослеживается древнефинский топонимант *-ма* (место). *Кудома* можно толковать как *кудо* (дом) и *-ма* (место), а в названии *Мурома*, *муро* можно рассматривать, как видоизмененный этноним *меря*, или как антропоним. В скандинавской саге, X века, упоминается Восточноевропейский город *Moromai*, в котором правит конунг (князь) *Marro*.

К названиям этого порядка, измененным в русских языках по роду названия, можно отнести *Ростова* (Ростов), *Пескова* (Псков), *Москова* (в древности назывался Москов), *Сарова* (Саров). После завоевания, в XI веке, *Муromы* и *Кадоmы* русскими князьями, они стали форпостами славянской колонизации Среднего Поволжья.

Прамордовские племена центральной и восточной части Мордии – *эрзяне* Попьянья и Посурья, и *эрзяне*, жившие в устье Оки, миновали участи своих юго-западных сородичей. Они хоть и не избежали сармато-гуннского влияния, но в отличие от *мокши*, развивались достаточно самобытно. С первых веков нашей эры, у них оформились отношения «военной демократии», и стала выделяться, племен-

ная знать. Тогда же стали складываться этнические очертания эрзянских племен Окско-Сурского междуречья (*тефюхане*, *Арзамасская мордва*, *Алатырская мордва* и др.). Именно к этому периоду (IX–X века) относятся первые упоминания арабами термина *Ар-са* (*Арсания*), и это упоминание вызывает ожесточенные споры в ученых кругах, потому что оно связано с одним из первых упоминаний о ...Руси.

Здесь имеются в виду сообщения арабских хронистов IX–X веков, о трех народах *Рус*, живших в разных местах Восточной Европы. Один из них локализовался в стране *Арса* (*Арсания*), рядом с булгарами. Куда только не предлагали современные исследователи поместить загадочную *Арсу*, утверждая, что ей не место в Поволжье.⁵⁴ Но с фактами, не поспоришь; арабы недвусмысленно указали местоположение *руси Арсы* в Среднем Поволжье, а этноним *арса*, применялся на Ближнем Востоке, только к мордве эрзе. Тем более что в том же X веке, народ *арису* (эрзя) упоминается каганом Иосифом, среди других народов, живущих в Поволжье: «...в селах и городах, некоторые в открытой местности а некоторые в городах. Вот их имена: Бур-тс, Бул-г-р, С-вар, Ари-су, Ц-р-мис, Вн-нтр, Са-вар, и С-л-вина...».

Не вдаваясь сейчас в подробности этнического происхождения народа Рус, жившего в Арсе (об этом будет говориться в дальнейшем), следует отметить только, что существование в Поволжье, в конце I тысячелетия, городов, названных по имени живущих вокруг них народов, подтверждено многими средневековыми авторами. Существование городов *Буртас*, *Сувар*, *Булгар*, *Мурома* (*Меря-ма*) и др., не вызывает сомнений, так почему этого права лишают «Окско-Сурскую» мордву *эрзя*? Тем более, город с подобным названием существует и сегодня, это *Арзамас*. А наличие в этом регионе некоей Руси, даже уже в XIII веке, подтверждено русскими летописями («*Пургасова Русь*»).

Кстати, хронист Аль Истархи говорит о жестокости и негостеприимности русов, населявших Арсу: «что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как тамошние жители убивают всякого чужеземца, проходящего в их

⁵³ Согласно исследованиям профессора Н.А. Фирсова (1831–1896) в «мордовском» городе *Буртас*, часть жителей исповедовала ислам уже в X веке. В городе было две мечети – соборная и простая.

⁵⁴ И в Крым, и в Тамань, и на место Рязани, утверждая, что уже в IX веке, киевские русы основали Рязань (Арсань), и даже на ближний Восток.

землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах, и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозят из Арсы черные соболя и руду».⁵⁵

Несмотря на хазарское владычество и угро-тюркскую колонизацию, мордва сумела сохраниться как этнос, безусловно умея «постоять за себя». Во всяком случае, венгерский монах Юлиан (о нем чуть позже), возвращаясь в 1236 году, в Западную Европу, прошел через земли мордвы, и оставил воспоминания о *мордванах*: «В течение 15 дней прошел по царству⁵⁶ мордванов. Это язычники и настолько жестокие люди, что у них тот человек, кто не убил многих людей, ни за что не считается, а когда кто-либо идет по дороге, перед ним несут головы всех убитых им людей, и чем больше голов перед ним несут, тем выше он ценится. А из голов человеческих делают чаши⁵⁷ и особенно охотно пьют из них. Тому же, кто не убил человека, не разрешают жениться».⁵⁸

Конечно, утверждения об особой жестокости мордвы, можно отнести к особой предвзятости автора-католика к язычникам. Вряд ли мордве была присуща какая-то особенная жестокость, выходящая за рамки того, надо сказать, вообще жестокого времени, однако следует признать, что наличие феодальных отношений у мордвы, подразумевает и наличие профессиональных воинских команд (дружин), в мордовской этнической среде, о боеспособности которых говорят многие средневековые источники.

В VIII веке, в Среднее Поволжье, пришли народы, сыгравшие одну из главных ролей в дославянской истории региона. Речь идет о еще одном кочевом родоплеменном союзе – выходцах из Приуралья, поселившихся в Среднем Поволжье и в Окско-Сурском междуречье в частности.

⁵⁵ И.Г. Коновалова. «Русский север глазами средневековых арабов». Москва 1986 г.

⁵⁶ Слово «царство», предполагает наличие каких-то феодальных отношений. О наличии у мордвы «царств» говорит и еще один европейский путешественник XIII века, Гийом Рубрук.

⁵⁷ Степной обычай, перенятый мордвой у кочевников.

⁵⁸ Доминиканец Юлиан. Записки. Москва-Минск 1996 г.

Древние венгерские предания сохранили воспоминания о прародине, *Великой Венгрии*, локализуемой в Волго-Уральских степях, и занимавшей огромную территорию привольных степных кочевий. На этих территориях, веками шел этногенез праугорских, и западных пратюркских племен, сопровождавшийся сильным влиянием сарматской культуры. Отсюда вышел в VI-VII веках, в степи Южного Урала, племенной союз *огузов-огузов*, прорвавшийся затем в Малую Азию. Потомки этого союза, турки-османы, заставляли трепетать всю Европу. Здесь сформировались племена кочевников *аваров*, покоривших, в VI веке, Центральную Европу. Отсюда двинулись на закат солнца, племена, названные в русских летописях *угры*, а в Европе получившие название *онгры*, прошедшие с VIII по X век, всю Восточную Европу и обосновавшиеся в Западной. О них и пойдет речь.

Огромная кочевая масса, известная на Руси как *угры*, на самом деле состояла из нескольких родов-племен. Специалисты выделяют в ней, как племенные группы угро-тюркского происхождения, носившие древние названия, распространившиеся потом в ономастике всего Тюркского мира: *Тархан*, *Юрмат*, *Ени*, *Кер*, так и племенные группы с преобладанием угорского компонента: *Маджар* (*Мадьяр*) и *Ньек*. Очевидно, *угры-маджары* (*мадьяры*), были главным родом этого союза племен, т. к. у всех средневековых хронистов, и запада и востока, эта орда называлась, или *угры* или *мадьяры*. Этноним *мадь-яр* (*мадж-ар*), сложен из древнейшего угорского компонента *Ма*, обозначающего главные роды зауральских угров (например, *ма-нси*), и ирано-угро-тюркского *-ар* (человек), который характеризует уральско-пратюркскую платформу, на которой сложились мадьяры.

Персидские и арабские авторы называли маджаров – *баджгард*. Для других Приуральских кочевников, они использовали этноним *баджнак* (превратившийся в древнерусском языке в *печенег*), и этноним *баджгар* (ставший в средневековых русских говорах *башкир*, *башкир*). При этом их часто путали между собой, настолько эти племена были близки друг другу, объединенные общим происхождением и общими культурными традициями, характерными для *сармато-угро-тюркского* Южного Урала.

В середине VIII века, племена и роды, объединенные общим названием *мадьяры*, сосредотачиваются по левобережью Волги, от

места ее слияния с Камой до Жигулевских гор (называемых в Средневековье «*Мадьярскими*»), и переходят на правый берег в поисках новой родины. Широким потоком угры-мадьяры устремляются в степи Подонья и в Среднее Поволжье.

В Поволжье мадьяры встретили, родственную для себя, этническую среду из булгар и сузавов, имевших общую с мадьярами, прародину.⁵⁹ Хазары, владевшие Поволжьем, привлекли воинственных кочевников для расширения своего влияния в этом регионе, и расселили мадьяр среди мордовского и бургасского населения бассейнов Цны и Мокши, и дальше на запад, в междуречье Волги и Оки (в земли муромы и мерян). Угры-мадьяры рассредоточились по всему правому и левобережью Средней Оки до верховьев Клязьмы, осваивая земли Восточных финнов.

Но большая часть мадьярской орды, с разрешения хазарского кагана расположились в степях, между Доном и Днестром, назвав свою страну *Леведия*, по имени своего вождя, который, даже получил от кагана в жены знатную хазарку. Жизнь мадьяр в Леведии, описал потом, Константин Багрянородный: «турки (так византийцы называли мадьяр, не сомневаясь в их тюркском происхождении авт.), называвшие сами себя мадьярами, жили близ Хазарии... но под натиском канглов⁶⁰ (печенегов авт.), турки были вынуждены откочевать в *Этелькузу*».

Нападение, прорвавшихся через земли Хазарии, печенегов на мадьяр было вызвано или какими-то степными конфликтами, возникшими еще в Приуралье, или сознательным исходом кочевников из Приуралья, в связи с какими-то природными катаклизмами. Угры-мадьяры были вынуждены отступить и перекочевать в степи

⁵⁹ Ученый-лингвист В.Ф. Каховский в своей статье «К истории чувашско-венгерских связей» указывал, что: «этнокультурные связи чувашей, венгров и башкир, а также дунайских болгар сложились не в Поволжье и не где-то еще, а именно в степях Приуралья и Южного Урала. Сказки, легенды, общие для всех лингвистические связи, культ коня восходят к глубокой древности, ко времени сходства указанных народов».

⁶⁰ Канглы – еще одно средневековое название печенегов.

между Днестром и Днестром (страна Этелькуза), став южными соседями молодого русского государства.⁶¹

Часть мадьяр откочевывает на Северный Кавказ, где в средние века был известен город *Маджар* (ныне Моздок).⁶² Угры-мадьяры заселившие Этелькузу терроризировали всех соседей. Персидский историк Гардизи (IX век), свидетельствуют о них: «*маджары* ходят к *гузам*, *славинам* и *русам*, берут оттуда пленников, везут в Рум (Византию авт.) и продают».

Сравнительно недолго задержались угры-мадьяры в стране Этелькузе. Вскоре печенеги настигли их и здесь, и вынудили отправиться дальше на запад. Их движение мимо Киева зафиксировано русскими летописцами. В 898 году, *угры*, с табунами, стадами, и женами: «сташа вежами под Киевом».⁶³ Под Киевом до сих пор сохранилось «Угорское» урочище, где стояли мадьяры. В конце IX века, мадьяры вторгаются в Великую Моравию и занимают долину Паннонии, где под руководством вождя Арпада (сына Леведии и знатной хазарки) основывают государство *Венгрия* (от европейского названия мадьяр – *онгры*). В русской летописи сказано: «Устремившись угри через горы великия яша прозваша горы угорские (Карпаты авт.) и почаша воевати на живущих тут волохи и словени... После угри прогнаша влахов и наследиша землю ту, и седоша со словени покоришися под них, и оттоле прозваша земля Угорская».

Новоиспеченные европейцы поначалу наводили ужас на своих цивилизованных соседей, прославившись своей жестокостью при набегах. Казалось бы, западноевропейцев переживавших и боровшихся в это время с нашествием норманнов трудно было удивить погромами, но мадьярам-уграм разграбившим Милан и Париж это удалось. Достаточно сказать, что слово *онгр*, стало означать в средневековом французском языке «людоед», а в языках Западных сла-

⁶¹ Из-за угров, живших южнее, восточные славяне называли сторону света «Юг» (Уг). Видимо, какая-то часть угров составила угро-славянский народ *уличей* (утличей).

⁶² В составленной в Московии, в XVI веке, «Книге большому чертежу», на Сев. Кавказе, отмечен «*Мажаров Юрт*». Кавказские *мажары* были в числе союзников турок, во время осады Азова, в XVII веке. А в XVIII веке, на Сев. Кавказе, была учреждена православная «Маджарская епархия» с центром в г. Моздок.

⁶³ Русские летописи умалчивают, а венгерские предания утверждают, что угры нанесли поражение русским князьям.

вян слово *ogr* до сих пор означает «злой великан». Потом венгры обвыклись, перешли к оседлой жизни, приняли от Римского папы католичество, и потом уже, долгие годы служили «щитом Европы» от турок османов (по иронии судьбы, своих дальних родственников).

Но нам интересна судьба мадьяр оставшихся, в конце VIII века, в Среднем Поволжье. Расселившись большими группами по огромной дуге от верховьев Клязьмы, по бассейну средней Оки, и бассейнам Цны и Мокши, вплоть до верховьев Суры, воинственные мадьяры, быстро освоились среди местных народов. Роды кочевников Тархан, Юрмат, Ени и др., стали своими для болгар и сувазов. Не были чужими мадьяры и на Буртаской земле. Во всяком случае, ученый востоковед и филолог Б.А. Васильев (1899-1937) не сомневался что: «Этническая история буртасов неразрывно связана с этнической историей предков мадьяр».⁶⁴

Мадьяры, которых в Поволжье называли *мажары* (*мазары*, *мачары*, от самоназвания *маджар*), служили и хазарским и болгарским правителям. Обосновавшись наиболее плотно в нижнем течении Цны и Мокши, и отсюда на запад по Средней Оке, *мажары*, будучи более воинственными и организованными, чем местные племена, заняли среди них доминирующее положение. Они подчинили себе целую географическую область, названную потом их именем *Маджара*. *Маджара* в древнерусской огласовке звучит как *Мещера*, *Месчера*. Звук *-ж* перешел в *-ш*, или *-ч*, так же как этноним *баджнак* превратился в *пешенег*, и после в *печенег*.

В XIV веке, «Псковский летописец», оценивая этнолингвистическую ситуацию X века, в бассейне реки Оки указывает: «...по Оце реке, где потечет в Волгу седить мурома язык свой, мещера свой язык, мордва свой язык». Мажары, (мазары, мачары) заставили считаться с собой и восточных и западных соседей, навсегда присвоив своей новой родине свое имя. В период наибольшего доминирования мажаров (IX век), земли Мещеры простирались до левобережья Теши на севере, до верховья Суры на востоке, и до слияния Москвы и Оки на западе.

⁶⁴ Б.А. Васильев. «Проблема буртасов и мордва». Москва 1960 г.

В конце IX – начале X веков, земли «Рязанской» прамордвы, и Волго-Окское междуречье, подверглись экспансии русских князей Рюриковичей. Мощная атака хорошо подготовленных дружин, заставила мажар потесниться. Мещерские земли раскололись на «русскую» северную половину, и «угро-тюрскую» южную. Мажары пожелавшие остаться в северной половине, крестились, и стали русскими людьми, на службе у Рюриковичей,⁶⁵ а не желавшие им служить уходили на юг и на восток, в Мещерские земли за Окой. Здесь, местная мордва в союзе с мажарами и булгарами, сумела остановить натиск русских князей. По сообщению Лаврентьевской летописи, под 1103 годом, сказано: «Того же лета бияся Ярослав с мордвой, месяца марта в 4 день, и побежден бысть Ярослав».

Сопrotивление, видимо, носило упорный характер. Если, Муром, после того как его, в 1088 году, отбили у болгар, становится центром русского княжения, то Кадам несколько раз переходил из рук в руки, и последняя попытка отбить его у Рюриковичей, зафиксирована в 1209 году. Попытка закончилась неудачей, но дальше Кадома Рюриковичей не пустили.

Мажары достаточно долго сохраняли свою этническую и языковую обособленность в Поволжье. Когда в XIII веке, сюда вторглась армия Батыя, мажары-венгры по свидетельству современника, стали союзниками татар. Этим свидетелем стал венгерский монах Юлиан, изучивший предания своей родины, и выяснивший, что где-то на востоке остались мадьяры-венгры. Юлиан решил обратиться к католичеству, и в 1235 году отправился в Поволжье. Вскоре ретивый доминиканец достиг Волжской Булгарии, и там действительно встретил мажар, которые, даже спустя 300 лет, после выхода из Приуралья, говорили на понятном монаху языке.

Юлиан пишет: «Те немало обрадовались, узнав, что он венгр. Водили его кругом и по домам и по селениям, и старательно расспрашивали о короле и королевстве братьев своих христиан, и все что он только хотел изложить им о вере, и о прочем, они весьма внимательно

⁶⁵ Церковные предания сохранили память о местнотчимом святом Тверской земли Георгии Угрине (так восточные славяне называли угров-маджаров), который вместе со своим братом Ефремием Новоторжским и Моисеем Угрином служили Ростовскому князю Борису (брату Глеба), убитому Святополком Окаянным, в 1051 году.

но выслушали, так как язык у них совершенно венгерский, и они его понимали, и он их понимал. Они язычники, не имеют никакого понятия о Боге, но не почитают и идолов, и живут, словно дикие звери. Земли не возделывают, едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданию древних, они знают что те венгры произошли от них, но не знали где они. Татарский народ живет по соседству с ними. Поэтому избрали они их себе в друзья и союзники, и таким образом соединившись вместе, они совершенно опустошили пятнадцать царств». ⁶⁶ Затея с обращением Приволжских мажар в католичество провалилась, зато Юлиан оставил ценнейшие свидетельства о Поволжье XIII века.

В период болгарского владычества на землях Мордии и Великой Венгрии, сложилась своеобразная, угро-тюрская этническая среда. Булгары, сувары, маджары, и буртасы были близкими и связанными общими традициями народами. ⁶⁷ Для своих соседей славян, они были жителями одной страны – Булгарии, выступая как единый народ *болгары* (*болгаре*). Этим можно объяснить отсутствие в русском летописании, периода X-XIII веков, этнонимов *мажар* и *сувар*, так как к ним ко всем применялся единый термин *болгары*.

Однако Мещера не потерялась в составе Владимиро-Суздальской Руси. После завоевания Юрием Долгоруким, в 1152 году, столицы мажаров, города *Маджар* на Оке, он переименовывается в *Мещерский Городец*. И в летописях устанавливаются такие термины и понятия как *Мещера*, *Мещерская сторона*, *Мещерская земля*, *Мещера с волостями*. Русское культурное и экономическое влияние достаточно сильно проникало в западные районы Волжской Булгарии, в XII-XIII веках, однако в 30-х годах XIII века, ситуация в Поволжье кардинально изменилась.

⁶⁶ Доминиканец Юлиан. Записки. Москва-Минск. 1996 г.

⁶⁷ Аль Гарнати (X век) писал: «Вокруг Булгара тюркские племена, не сосчитать их». Эль Максуди (X век), рассказывая о народах Поволжья, писал: «...четыре родственных между собой народа племени тюрк: баджнаки (печенеги), баджакин (булгары), баджгард (мажары) и нукард (сувары) совершают набеги на земли славян». Генеалогические легенды также указывают на родство угро-тюрк. Имеются легенды о трех братьях Хазаре, Болгаре и Буртасе, сыновьях богатыря Алпа, брата Тюрка.

Все Поволжье оказывается во власти новой степной империи – Золотой Орды, и переходит в сферу влияния «Тюрского (Кипчакского) мира». Угро-тюрки Поволжья, будучи выходцами из одной, с завоевателями, культурной и этнической среды, легко отдаются под это влияние. Богатейшая культура Золотой Орды, ставшая с XIV века, исламской, втянула в свою орбиту всех без исключения жителей Мордии и Великой Венгрии. Главными инструментами влияния были язык и вера. Булгары, мажары, буртасы стали переходить на язык завоевателей, *кыпчакский* (*старотатарский*), или наполнять его элементами свои древние наречия. ⁶⁸ Кыпчакский язык, с XIII века, на долгие годы, становится в Поволжье языком межнационального общения, а тюркоязычные жители Поволжья, приобретают у славян одно общее название *татары*, или позже *бусурмане* (мусульмане). Только с присоединением Поволжья к русскому государству в XVI веке, на страницах летописей и деловых бумаг появляются этнонимы *мачар* (*мажар*), *чувас* (*суваз*, *чуваши*), *буртас*.

В XIII веке, Мордия и Великая Венгрия вошли в состав Золотой Орды. На их территориях были образованы отдельные области-улусы. При этом улусы были образованы с соблюдением известных тогда этнических границ. Мажары-мещеряки оказались в Мещерском улусе, мордва в Наручадском, а кочевники Поволжских и Заволжских степей в Нагайском улусе.

На этом, пожалуй, можно закончить рассказ о Мордии и Великой Венгрии, странах, так и не ставших государствами. Жители этих стран были одними из предков жителей Среднего Поволжья, и они же сложили каркас топонимики этого междуречья – его *гидронимию*.

О том, что основой Российской топонимики, ее каркасом, являются названия водных объектов, уже говорилось в начале книги. Самыми первыми географическими объектами, получившими названия, были реки, ручьи, озера, источники и все, что связано с водой. Сначала осваивались берега больших рек, и эти реки обретали свое имя. Шло время, население росло, расселялось по реке, неся с собой ее название, приходили другие племена, сначала, как разведчики,

⁶⁸ Предки чувашей, верные своей языческой религии не принимали ислама, и сопротивлялись христианизации, и сумели сохраниться как этнос.

и, узнав от первопоселенцев имя реки, приносили это имя в свои языки, но поселившись здесь, притоки большой реки называли уже по-своему.

Однако если происходило завоевание и покорение одного народа другим, более развитым культурно и экономически, то река могла и сменить свое имя, хотя такое случалось нечасто, видимо имя реки для древних было чем-то священным, сакральным, что менять было очень нежелательно и чревато. Поэтому названия рек и других водных объектов – это своего рода памятные метки народов, когда-либо живших здесь, порой единственное, что может о них напомнить.

Впрочем, не стоит и удревливать возраст гидронимов, как это делают иные исследователи, возводя время возникновения названий рек чуть ли, не в эпоху неолитических стоянок первобытных людей, найденных на берегах этих рек. Подобные находки могут только утвердить нас в мысли, что эти места были обитаемы с глубокой древности, но кто были эти люди, и на каком языке они говорили, мы не узнаем никогда. Племена первобытных людей не вели оседлый образ жизни, и эти стоянки были скорее базами, в которых останавливались группы охотников, передвигаясь за своей потенциальной добычей. Начало внятной фиксации гидронимов следует соотносить с началом письменной истории народов, и в случае Окско-Сурского междуречья, это будет середина I тысячелетия.

Согласно всем историческим трудам, в это время на территории Окско-Сурского междуречья проживали древние угро-финские племена, предки современной мордвы. Отсюда напрашивается вывод, что этим предкам и принадлежит создание гидронимии региона, основная часть гидронимов которой имеет в своем составе топоформанты *-ма*, *-ва*, *-ша* (*-са*, *-за*), *-ка* (*-га*), *-та* (*-да*), и *-ра* (*-ра*). Однако, специалисты языковеды категорически отрицают связь современных угро-финских наречий Поволжья, с этими топоформантами, с натяжкой относя к ним лишь форманты *-ма* и *-ва*, и то, только потому что они происходят из языка прафиннов.

Прафинские племена, расселяясь по просторам Восточной Европы, включали в названия рек формант, имеющий значение географической привязки *-ма* (*-маа*), что означает «место». Пере-ма (Пермь), Ка-ма, Клязь-ма, Иж-ма, Циль-ма, Ворс-ма, Сиязь-ма, Муро-ма,

Кудо-ма, Костро-ма и др. Другой формант, имеющий значение божества (женщины-богини) *-ва*, (*-ава*). Дауга-ва, Не-ва, Маска-ва, Пия-ва, Ра-ва, Меля-ва и др. Гидронимы, с этими топоформантами, можно встретить по всей Северной половине Восточной Европы, от Даугавы на западе, до Сосьвы и Ижмы на востоке, что служит свидетельством былого расселения древних финнов.

Считается, что и название *Ока* также имеет древнефинское происхождение, потому что, и теперь в финском языке слово *йока* означает река. В современной Финляндии можно без труда отыскать массу водных объектов с таким формантом (*Сейне-йоки*, *Кеми-йоки* и др.), более того, слово *йо* (*йов*), в значении *река*, долго сохранялось и в мордовских языках, а мокшане до сих пор реку Мокшу называют также и *Йов*. Слово *йов* было вытеснено из мордовских языков балтским *лей* (*лити* лить воду), хотя и осталось в таких древних названиях как *Явлей*, *Явас* и др.

Это вытеснение произошло потому, что как утверждал российский лингвист В.К. Топоров (1928-2005), прафинны расселялись на территориях уже осваиваемых Восточными балтами, где и осуществили заимствования из их языка. Топоров, кстати, выводил название Оки из балтских языков. Он сопоставлял имя *Ока* с балтским *акис* (незамерзающее место в водоеме, прорубь).⁶⁹

Но топоформант *-ка* (*-га*), в названии «Ока», как и в десятках других названий (Вят-ка, Ветлу-га, Канер-га и др.), это один из самых древних и распространенных в северной части Восточной Европы, формантов. Этот формант ведет нас в Западную Сибирь. В бассейне крупнейшей реки Оби,⁷⁰ где находится предполагаемая прародина угров (здесь и теперь живут угорские народы манси и ханты), множество рек имеют в названиях подобное окончание.

Угры называли Обь, *Ас* (река господин, большая река), а для обозначения меньших рек использовали формант *-ка* (*-га*), в значении *поток*, *течение*. Силь-ка, Таль-ка, Ватыл-ка, Омей-ка, Варкасыл-ка, и многие другие названия указывают на то, что топоформант *-ка* (*-га*) родом отсюда.

⁶⁹ В.Н. Топоров. «О Балтийском следе в русской истории». Москва 2000 г.

⁷⁰ От иранского *ap* – вода. Иранцы жили у истоков Оби.

Не меньше, чем топоформант *-ка* (*-za*), в Западной Сибири, и на Урале распространен другой древнейший топоформант *-та* (*-da*). Например, Тавда, Салда, Конда, Воркута и др. Имеет ли он, какое-либо отношение к воде, сказать трудно, но то, что его родиной были Урал и Сибирь, утверждать можно. Отсюда праугры разнесли форманты *-ка* (*-za*), и *-та* (*-da*), по всей Северной части Восточной Европы. Гидронимы Ул-га (Волга), О-ка, Свия-га, Оне-га, Волог-да, Судог-да, Вычег-да, и др., находятся повсюду, на указанной территории

Это был один поток праугров, распространившийся в I тысячелетии до нашей эры, из Урала и Зауралья, по Северной половине Восточной Европы. Другой поток, в котором угры, смешавшись с пратюрками, заселили не только области Восточной Европы, но и дошли до Алтая и Саян, вышел, в конце I тысячелетия до нашей эры, из областей Южного Урала, и продолжал он свое движение до самого конца I тысячелетия.

Обратите внимание, что топоформанты *-ша* (*-sa*, *-za*, *-жа*, *-су*), и *-ра* (*-ra*), так часто встречающиеся в названиях водных объектов Окско-Сурского междуречья, заполняют собой огромную территорию Восточной Европы, а также Урал и Западную Сибирь, и доходят до Казахстана и Средней Азии.

При этом абсолютно одинаковые названия находятся на расстоянии многих сотен километров друг от друга. Река *Унжа* в бассейне Волги и река *Унжа* в бассейне Оки. Река *Сура* приток Волги, и *Сура* приток Верхней Пинеги. Река *Вишера* в Новгородской области и *Вишера* приток Камы, и есть еще *Вишера* приток Вычегды. Гидроним *Шелокша* в Архангельской области, и такие же (*Шелокша*, *Шилокша* и др.), в Нижегородской. Деревня *Шилекша* в Ивановской области и село *Шиликша* в Кировской. Река *Акша* в Забайкалье и река *Акша* приток Теши, и река *Аксу* в Казахстане. Река *Теша* приток Оки, и река *Чеша* впадающая в Баренцево море, и речка *Теза* приток Клязьмы. Гидроним *Выкса* в правобережье Нижней Оки и река *Вуокса* впадающая в Ладожское озеро. Гидроним *Икша* под Москвой и река *Икса* в Западной Сибири. Речка *Колокша* во Владимирской области и небольшой ручей *Калнакса* в Нижегородской, и десятки других.

Это не может быть случайным совпадением. Эти созвучия отражают древнее расселение родственных друг другу племен. Причем

родственных, не только друг другу, но и племенам, пришедшим после них, иначе так похожие названия, не могли бы находиться так далеко друг от друга.

Упомянутый выше филолог, академик Серебренников был убежден, что язык этих племен утрачен навсегда. Современные исследователи, тем не менее, установили, что подобный язык, содержащий в себе как элементы *пратюрских*, так и элементы *праугорских* языков, мог образоваться в глубокой древности, на территории Южного Урала, Алтая и Западной Сибири, где пратюрские и праугорские племена, смешиваясь, осуществляли значительные лингвистические заимствования друг у друга. Именно тогда, древнетюрское *су* (*вода*), вошло в древнеугорские языки как *са*, и было распространено угро-тюрками, во время своих миграций, во все пределы, куда им удалось добраться.

Са, безусловно, менялось в разных диалектах, разных племен, превращаясь где-то в *-ша* (Те-ша, Вор-ша, Ик-ша и др.), где-то в *-за* (Пен-за, Те-за, Яу-за и др.), где то в *-жа* (Сере-жа, Ун-жа, Ир-жа и др.), а в *прачувашском*, соединившись с угорским *-ка*, переосмыслилось как *кассы* (*улица*), топоформант, распространенный в современной Чувашии.

Оттуда же, из регионов Южного Урала, Алтая и Западной Сибири происходит еще более древний топоформант *-ра* (*-ара*, *-яра*, *-ора*). Он ведет нас к одному из *палеосибирских*,⁷¹ (енисейских) языков, языку кетов, в котором слово *ур* (*ор*, *ул*, *ол*) значило «вода». Топоформант *-ур* широко распространен в названиях рек Сибири, от самых крупных, до самых мелких речушек. В глубокой древности, *енисейцы*, в пределах Саянской прародины, жили в тесном контакте с предками *алтайцев*, и передали им свое обозначение воды. Пратюрки разнесли этот топоформант, сначала по степям Южного Урала и Северного Казахстана (реки Куна-ра, Сина-ра, Сакма-ра, Санар-ка и др.), а затем вместе с уграми, принесли его в Поволжье (Сама-ра, Са-ра(нь), Инс-ар, Чебокс-ары, Су-ра, Санакса-ра и др.), и в другие места.

⁷¹ Языки народов живших на Алтае, в Хакасии, Туве и на Саянах до прихода туда угров и тюрков. В этих местах многие названия рек можно объяснить только с помощью *енисейских* языков.

Многие озера, как в Среднем Поволжье, так и междуречье Волги и Оки, имеют в своих нерусских (или псевдорусских) названиях формант *-ap* (*-ep*), из-за которого, исследователи выводят происхождение этих названий из мордовского языка, где слово *эрьке* означает «озеро». Скорее здесь нужно предполагать, все тот же древний топоформант *-ap* (*-op*, *-яp*, *-ep*). Названия озер Н-ЕР-о, У-ОП-ки, Васьм-ЕР-ки, Куст-ОП-ки, П-ЕР-кино, Ч-АР-ское, Светло-ЯР и многие другие, заимствованы мордвой у своих соседей угро-тюрков, и видоизменены потом славянами.

Вопрос с угро-тюркскими заимствованиями, в языках мордвы, очень деликатный. Тезис об угро-финском (древнемордовском) происхождении гидронимов, для многих, практически аксиома, и обсуждению не подлежит. Но, тем не менее, такие заимствования более чем возможны. Заимствовалась не только лексика, но даже синтаксис (способ построения словосочетаний). По мнению академика Б.А. Серебренникова: «синтаксис языков финно-волжской общности был некогда синтаксисом тюркского типа».⁷²

Здесь представляется, что угро-тюрки Среднего Поволжья (буртасы, булгары, мажары и сувазы), заняв доминирующее положение в означенном регионе, стали строить свою топонимику, восприняв, от Восточных финнов, лишь некоторые названия (Сиязьма, Ворсма, Пиява и др.). Мордва же, складывавшаяся как народность, под гегемонией угро-тюрков, воспринимала, в свою очередь, их топонимику, параллельно используя и собственные названия (мордва-мокша называвшая реку Мокшу еще и *Йов*), и снабжая своими топоформантами названия угро-тюркские (Сар-лей, Шилокш-лей и др.).

В подтверждение этого вывода можно привести, как пример, гидронимику Чувашской республики, которая, в основном, создана предками чувашей, пришедшими сюда, практически в одно время с другими угро-тюрками.

Следует еще раз повторить, что мордовские языки не имеют отношения к подавляющему большинству гидронимов Окско-Сурского междуречья. Согласно мнению авторитетнейшего исследователя мордвы, историка и этнографа И.Н. Смирнова (1856-1904): «Ни одна

⁷² Б.А. Серебренников. «Финно-волжская языковая общность». Москва 1989 г.

более или менее крупная река в пределах губерний Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской, Рязанской не носят типично мордовского названия: Исса, Пенза, Мокша в Пензенской губернии, Оса, Выша, Керма, Катма в Тамбовской губернии, Ока, Теша, Кульбака, Ватма в Нижегородской губернии, Свияга, Сура в Симбирской губернии, чужды мордовскому языку и по составу и главным образом по окончаниям».

Названия рек с топоформантами *-са* (*-за*, *-ша*, *-жа*), и *-ра*, где-то измененные русскими или мордовскими суффиксами, или перестановкой гласных, хранят память о былом присутствии угро-тюрков в Центральной России. Начиная от предместий Москвы, встречаем мы характерные гидронимы: *Икша*, *Нара*, *Воря* и др. Следуя на восток, по левобережью Оки, встречаем гидронимы: *Пекша*, *Ворша*, *Колокша*, *Лютша*, *Рокша*, *Нерская* и др. Далее на восток, через Оку, в Окско-Сурское междуречье, гидронимы: *Выхса*, *Теша*, *Сереза*, *Вичкинза*, *Акша*, *Махраша*, *Пара*, *Ковакса*, *Какша* и др. Уходим южнее, к верховьям Хопра и там реки: *Мокша*, *Керша*, *Лакша*, *Баклуша*, *Пенза*, *Инсаф* и др., а поворачивая на запад, в Рязанскую область, встречаем реки: *Вокша*, *Кольша*, *Пара* и др. На всем описанном пространстве, мы встречаем десятки однотипных гидронимов, которые происходят из угро-тюркских наречий. Это же мы видим и в названиях многих расположенных здесь селений.⁷³

Если же касаться угро-тюркской антропонимики, то названиями образованными от личных имен угро-тюрков, следует считать во первых, названия с топоформантом *-ас* (*-ос*, *-ес*, *-ис*, *-яс*), восходящие к этнонимичному корню *ас* (аланы-Асы, буртАсы). *Сатис*, *Матмас*, *Втарес*, *Атемас* (ово), и другие подобные, образованы от дохристианских и домусульманских имен угро-тюрков, и встречаются по всему Окско-Сурскому междуречью.

Предки чувашей, сувазы, были очень близки с буртасами (этноним *буртас* долго сохранялся среди чувашей как этнографическая группа), и сами, в старину, расселялись в Среднем Поволжье гораздо шире, чем принято думать. В чувашском ономастиконе сохрани-

⁷³ Например Кашира от тюркского *кешар* – переправа. Коломна от тюркского *коломма* – пост охраны, Тула от тюркского *тула* – рыба, Орел от тюркского *аурли* – вливаться и др.

лось много древних имен, легших в основу географических названий. Имена *Арзамас*, *Луктас*, *Алемас*, *Атемас*, *Салавирь* и др., до последнего времени, были в ходу среди чувашей, и эти же имена мы видим в основе многих топонимов Окско-Сурского междуречья. Подробнее эта тема будет раскрыта в главе «Поход Ивана Грозного», а сейчас следует сказать, о вкладе в Окско-Сурскую топонимику мажар-мадьяр.

Судя по сохранившимся средневековым документам, личные дохристианские и домусульманские имена мажар, заканчивались шипящим звуком *-ш*. *Бурнаш*, *Баиш*, *Тениш*, *Теиш*, *Барыш*, *Алиш*, *Балаш*, *Чальш*, *Малиш*, *Алтыш* и др. Эти же, и другие подобные имена, были в ходу и у Волжских булгар до принятия ими ислама, что говорит об этнической близости этих племен. Топонимы, образованные от личных имен, такого рода, ныне снабжены, как правило, русскими суффиксами, однако красноречиво говорят о своем происхождении: *БАЛАШиха*, *БОЛ(Ы)Шево*, *БАИШево*, *ЧАЛЫШево*, *БУРНАШево*, *ТЕНИШево* и десятки других.

Мордва, долгое время находившаяся под влиянием угро-тюрков, не могла не заимствовать у них личные имена, или хотя бы систему их построения. Действительно, среди мордовских дохристианских имен, наряду с исконно, мордовскими (*Кулеват*, *Водоват*, *Череват*, *Кежеват* и др.), были широко распространены и имена подобные буртасо-сувазским (*Пургас*, *Ченбас*, *Кирдяс*, *Томболес*, *Чиндяс* и др.), и булгаро-мажарским (*Пуреш*, *Чальш*, *Алиш*, *Байка*, *Шилка* и др.). Эти имена стали вытесняться только с началом христианизации мордвы, заменяясь именами христианскими. И мордва, уже перенимала христианские имена, видоизменяя их на свой лад.

Еще одним свидетельством широкого расселения угро-тюрков в Среднем Поволжье служат топонимы, имеющие в своем составе этнонимичный корень *буртас* и *мажар*, *мачар*, *мещеряк*. Судя по таким топонимам, мажары и буртасы, жили по всему Среднему Поволжью. Например *Буртасова мель* и *Буртасово озеро* есть возле Казани, много топонимов с корнем *буртас* в Чувашии (*Буртас*, *Буртасы*, *Буртакассы*, *Пуртассы*, *Буртасское* и др.).

В Ульяновской области селение *Буртас* расположено рядом с поселками, с говорящими названиями, *Сармас* и *Турхан*, в Мордовии есть селение *Буртасы*, а в средние века топоним *Буртас* отмечался

возле Нижнего Новгорода. Еще более широко представлена география распространения топонимов с корнем *мажар* и *мещеряк*. Начиная от сел *Большие* и *Малые Можары* на реке Пара в Рязанской области до села *Можарово* на реке Ик (приток Белой, в Башкирии), и от села *Мещерское* на Хопре, до *Мещерского озера* в Нижнем Новгороде, эти топонимы покрывают огромную территорию.

К топонимам этого порядка лингвисты относят и группу селений с названием *Мочалы*, которое этимологизируется из этнонима *мачар* и древнейшего тюркского топоформанта *-лы* (*-ли*, *-лык*, *-ле*, *-ль*), означающего *род*, *племя*. По мнению профессора Э.М. Мурзаева, (1908-1998) ареал распространения этого тюркского топоформанта по Евразии, сравним с ареалом распространения славянского *-ово* (*-ево*, *-ов*, *-ев*).⁷⁴ Следы этого форманта видны в названиях *Нерль*, *Цыкуль*, *Нергель*, *Которосль*, *Суздаль*. Тюрки большинство своих топонимов снабжали суффиксом *-лы* (*-ли*, *-лык*, *-ле*, *-ль*), и название *Мочалы* звучало как *Мачар-лы*, а в русской фонетике звук *-р* «выпал», ради удобства произношения.

Угро-тюрки Поволжья, булгары, сувары-сувазы, буртасы, мажары доминировали в регионе, с VI по XIII века, более 600 лет, и были одними из главных творцов местной «дославянской» топонимики. Не учитывать их вклад, делая упор на угро-финское происхождение топонимики Окско-Сурского междуречья, означает идти по ложному следу.

⁷⁴ Э.М. Мурзаев. «Очерки топонимики». Москва 1974 г.

Глава 7

Славяне и Русь

Можже других, и наиболее основательно, Окско-Сурское междуречье, и все Среднее Поволжье заселили славяне, став творцами самого «верхнего» и самого мощного слоя, топонимики региона.

О происхождении и истории славян написаны горы литературы. Славяне как основной компонент русской истории будоражили умы многих историков и беллетристов, а споры об их происхождении, одни из самых принципиальных споров российской и мировой историографии. Главная загадка славянского происхождения заключается в том, что славяне появились в работах средневековых историков, в VI веке, уже сформировавшимся народом, ранее письменные источники, словно и не знают никаких славян. В связи с таким «поздним» появлением славян на арене мировой истории (относительно появления германцев, кельтов, иранцев, балтов, иллирийцев и др.), некоторые группы ученых выдвинули предположение о том, что славяне собственно и сформировались на основе перечисленных выше народов, будучи, таким образом, самым «молодым» народом Европы.

Но другие ученые, опираясь на факт описанного в VI веке, широкого расселения славян на огромных территориях Балкан и Центральной Европы, и их высокой к тому времени социальной организации, наоборот, сделали вывод о том, что происхождение славян

никак не менее древнее, нежели происхождение германцев, или скажем кельтов. К тому же, язык славян сохранил в себе самые архаичные черты, общие для всех индоевропейских языков, что, по мнению этих ученых, также говорит о его древнем происхождении. Но эта, же архаичность, позволила первой группе историков сделать вывод о том, что славянский язык просто очень поздно отделился от других индоевропейских языков, зародившись на их периферии, следовательно, является самым молодым индоевропейским языком. Из-за этих, и некоторых других противоречий, мнения историков о зарождении славянства разделились. Если первые полагают что славяне появились в V-IV веках, то вторые убеждены, что этот народ возник едва ли не во II тысячелетии до нашей эры.

«Наука с лопатой» археология, не смогла поставить точку в этом споре, возможно только усилив его, так как данные археологов, основанные на изучении останков быта живших когда-то людей, не позволяют делать однозначных выводов об этнической принадлежности этих людей. На территории распространения той или иной культуры, мог жить как один народ, так и несколько разных народов, образ жизни которых был схож из-за одинаковых природных условий и тесных контактов между собой.

Победителей в этом споре так и не выявилось, а сам спор, из теоретического и научного, перерос в обществоведческий и политический, если вспомнить известный в свое время тезис профессора М.Н. Покровского (1868-1932) о том, что «история, это политика, направленная в прошлое».

Вопрос происхождения стал особенно актуальным в XVIII веке, когда большинство Западных и Южных славян сделались подданными неславянских государств. Южные славяне попали под гнет Османов, а Западные (чехи, словаки, часть поляков, немногочисленные лютичи, поморяне и др.) оказались в составе германских государств, где стали подвергаться тотальному немечиванию.

В ответ на возмущения славян, в германских ученых кругах, вырел тезис о том что славяне не являются самостоятельным народом а произошли от кельтов и германцев, и представляют из себя некое «молодое» ответвление этих народов, а следовательно немечивание славян, это своего рода «возвращение» в лоно «материнской на-

ции», безусловное благо для самих славян. В Российской империи, где в XVIII веке, правящие круги были наполнены немцами, этот тезис о «несамостоятельности» славян с готовностью подхватили, и, на его основании, российскими учеными германского происхождения, была разработана целая научная теория получившая название «норманнской». Эта теория, путем несложной манипуляции фактами доказывала что русские, как ответвление славянства, не способны к самостоятельному управлению и всегда вынуждены были отдавать бразды правления собой германцам.

В борьбу с этой теорией, вступили русские ученые М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев и др., доказывающие ее несостоятельность на примере многовекового существования могучего славянского государства России. В жарких спорах сторонники «норманнизма» вообще отказали русским в славянстве, объявив их, не то угро-финнами, не то монголо-татарами, не то жутким симбиозом тех и других. Ленивым народом рабов, не способным к цивилизации.

Грянувший в XIX веке, «Рост национального самосознания» положил конец спорам о славянах в России. Прославянская доктрина победила, и во многом благодаря поддержке на самом «верху» империи. Дело в том, что правящие в это время Россией государи хоть и именовались «Романовыми», были по факту этническими немцами, и здесь сказалась удивительная способность русского народа делать «русским» любого иностранца живущего в России.

Парадокс, но потомки герцогов Гольштейн-Готторпских и князей Гессен-Дармштадских, стали русскими «больше чем сами русские». С подачи императора Александра III в моду вошло все «Русское», и империя стала преобразаться. Чиновники стали носить густые бороды, вместо европейских мундиров на солдат надели гимнастерки-косоворотки. русскоязычные термины в государственных службах стали вытеснять иностранные. Полицейские стали «городовыми», появились «земства», «управы» и др. Тогда же изменилась архитектура, другим стало искусство, везде выискивались славянские корни, стало модным «славянофильство». Освобождение русскими армиями, из-под гнета Османской империи, Южных славян, вызвало небывалый патриотический и национальный подъем в России. В русском обществе царила эйфория, все ощущали себя не просто

«русскими», все ощущали себя «братьями-славянами». Вырос интерес к славянской истории, множились научные труды. Были написаны «Истории России» С.М. Соловьева и Д.И. Иловайского ставшие основой нашей современной историографии.

В этих трудах, подчас в ущерб роли других народов России, подчеркивалась, а порой, и выпячивалась роль славян в создании Руси-России, и история славянства сделалась «основанием» Российской истории, ее «фундаментом». Этот «фундамент» приобрел в некоторых трудах современных псевдоисториков «славянства», совсем уж гипертрофированные черты, когда славяне представлены, чуть ли не предками всех современных народов, и создателями цивилизации.

Историй о происхождении славянства создано много, но на сегодняшний день наиболее предпочтительной выглядит версия профессора А.Г. Кузьмина (1928-2004), сумевшего учесть и письменные, археологические, и фольклорные данные, и построить на их основе, более менее, стройную концепцию происхождения славян. По Кузьмину, славянство, вместе с другими индоевропейскими народами, берет свое генетическое начало в глубокой древности, порядка 3000 лет назад.

Археологами установлено, что *Великое Переселение народов* IV-VI веков, было не первым Великим Переселением в человеческой истории. Ему предшествовало Великое Переселение конца II тысячелетия до нашей эры, когда после долгой войны между древними жителями Малой Азии и жителями Южной Европы, проигравшие войну малоазийцы, вынуждены были оставить свою родину, и переселиться в Западную Европу. Эти беженцы были родственниками и современниками тех арийцев, о которых повествуют «Веды» и «Авеста», и называли они себя *энеты*⁷⁵ (отсюда и имя легендарного *Энея*, первого римского царя).

Покинув свою родину, они расселились в нескольких местах тогдашней Европы. Часть на Аппенинском полуострове, и на берегах

⁷⁵ *Энеты-энеды-энды-инды*, соединившись с европейцами, дали начало индоевропейцам. В европейских языках это имя, установилось как *венеты* (*венеды*).

Адриатики, часть на полуострове Бретань в Галлии (совр. Франция), а часть на берегах Балтийского моря.

Будучи высокоразвитым и цивилизованным народом, *энеты* произвели неизгладимое впечатление на европейских дикарей и стали передавать им свою культуру, навыки земледелия и социальную организацию, составив впоследствии племенную знать туземцев. Сходство многих древних местных обычаев с древними малоазийскими, а также антропологический материал, отличающийся именно с конца II тысячелетия до нашей эры, распространением на этих территориях останков явно пришлого народа, подтверждает пришествие *энетов*.

Более того, впоследствии лингвисты обнаружили ряд параллелей в топонимике Адриатического и Балтийского побережий и севера Франции, с древней топонимикой Малой Азии. Влияние малоазийцев *энетов*, на местные народы, было настолько велико, что память об *энетах*, несмотря на множество прошедших веков, очень почиталась, например, у славян и балтов.

Кузьмин полагал, что *энеты* на берегах Адриатики и на Балтике, вступили в контакт именно с *праславянами*, передав им свое племенное название (*энеты-венеты*), культуру и язык, стали, таким образом, прародителями славянства. Но справедливо будет говорить, о влиянии *энетов* на целый ряд древнеевропейских племен. *Энеты* дали толчок образованию нескольких этнических групп древней Европы, схожих между собой языком и обычаями. Но в первую очередь, влиянию малоазийцев, подверглись жители Балтийского побережья, и древние иллирийцы населявшие Адриатику.

Уже в древнем мире иллирийцы заставили считаться с собой соседние народы. Вспомните царя Пирра повелителя Иллирии, громившего Римлян. Впоследствии иллирийцы стали одной из «основ» Южнославянских племенных образований, и принесли в славянскую мифологию предания о далекой прародине. Иллирийцы главные предки сербов, хорватов, черногорцев, македонцев, словенцев и омусульманенных арнаутов-албанцев, и они же, в смешении с другими праславянами, предки Подунайских славян. В русских летописях сохранилось воспоминание о далекой прародине. Нестор упоминает страну *Илорик* откуда вышла часть славян.

Жители берегов Балтики, сблизившись с *энетами*, распространили их влияние на всю Центральную Европу (имя *энеты* слышится и в славянском *венды*, и в германском *вандалы*). Этими береговыми жителями, были предки балтов, наиболее крепко усвоившие малоазийские традиции. «Покупной» брак, моногамия, счет родства «до седьмого колена», и самое интересное, культ коня, у жителей Балтийского побережья, все это древние балты взяли от *энетов*. Такие же традиции были присущи и племенам древней Италии, где также в свое время высадились *энеты*.

Связи Аппенинских и Балтийских потомков *энетов*, не прекращались долгое время. Предания жителей Балтийского берега гласят, что в I веке до нашей эры, их посетил римский император Нерон, искавший здесь своих родственников. Ведь Нерон был прямым потомком малоазийца *Энея*.⁷⁶ Нерон нашел родню среди жителей побережья, и, согласно преданию, отдал им дань почтения, наградил и построил для них города. Видимо эти предания для средневековых европейцев не были пустыми сказками.

Неслучайно древние Восточные славяне призвали «править и владеть» собою выходца с берегов Балтики. Неслучайно Западные Русские княжества так легко и безропотно покорились Литовским (балтским) князьям Гедиминовичам, выведшим свой род от легендарного *Пилемона* (царя *энетов*). Не случайно самые родовитые бояре Московской Руси, включая царя, искали свои корни в далекой Прибалтике, «в пруссах», полагая себя родней римских кесарей. Да и род *Балтов*, не случайно был одним из главных родов, в Готском союзе. Балты были главными обладателями наследия *энетов*, и передавали это наследие славянам и германцам.

В гуннском нашествии выкристаллизировались племенные союзы славян, распространившиеся по всему Подунавью и Балканам.⁷⁷

⁷⁶ Нерон был из рода Юлиев, все представители которого носили имя «Юлий Цезарь». Знаменитый Гай Юлий Цезарь приходился Нерону дедушкой.

⁷⁷ Первым о славянах сообщил Иордан в VI веке: «У левого склона Альп, спускающегося к северу, от устья реки *Вистулы* (Вислы), на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венедов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно родам и местностям, все же преимущественно они называются скловенами и антами. Эти венеды...происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венедов, антов, склавенов».

Эти союзы вбирали в себя все окрестные этносы. *Иллирийцы, фракийцы, даки, валахи, аланы, балты, угры*, другие. Все, кто ценил свободу и независимость, и готов был сражаться за них. В отличие от германцев и балтов, племена которых складывались по родовому признаку, большинство славянских племен формировалось по принципу «территориальной общины», то есть, по признаку общей территории, на которой могли проживать самые разные группы людей.

Эту особенность подметил О. Трубачев: «Древние германцы формировались по родовому признаку и носили названия по происхождению, тогда как кельты и славяне назывались по признакам места обитания (поморье, лес-деревья, поле и др.). Единственным германским племенем, формировавшимся по признаку территориальной общины, были франки, создатели империи Карла Великого».

Стоит повториться, что никакой «чистоты славянской крови» нет. Не было рослых, голубоглазых, светловолосых витязей славян, никогда. Если в кровнородственной общине прирост племени шел, так сказать, естественным путем размножения, то в общину территориальную принимали всех «желающих». Историк В.В. Мавродин (1908-1978) утверждал, что: «славянство сложилось на территории распространения разных расовых типов и если обратится к погребениям...то перед нами выступают различные физические особенности населения одной и той же области. В славянских погребениях находят черепа и круглые (брахицефалы) и длинные (долихоцефалы), широколицые и узколицые, останки высоких и низкорослых людей и т.д. и т.п. Ни о какой единой расе славян не может быть и речи».⁷⁸

Территориальная община, в отличие от родовой, более «коммуникабельна», более приспособлена к любым местным условиям. Именно в этой территориальной общинности и заключается секрет успешной колонизации славянами таких огромных территорий. Они вбирали в себя местное население, тогда как племена, объединенные по признаку кровного родства, зачастую просто уничтожали туземцев, или поработщали их. Территориальная общинность подразумевала и выборность верховной власти, поэтому славяне так легко

⁷⁸ В.В. Мавродин. «Происхождение русского народа». Ленинград 1978 г.

возводили в главенство над собой иноплеменников, придавая значение лишь личным качествам вождя.

Славянские союзы вобрали в себя сарматов, иллирийцев, фракийцев, какие-то племена балтов и германцев, остатки гуннов, и многих других. Завоевав в VI веке, практически весь Балканский полуостров, и расселившись по Дунаю, славяне на востоке жили в его устье, а на западе проникали и в Италию. К VIII веку, славянские племена уже соседствовали с лангобардами в Италии и Баварии, населяли верховья рек *Савы* и *Дравы*, берега *Экса* и *Трейзера*. К концу VIII века, славяне заселили берега Днепра, придя сюда через Карпаты, но это был не единственный поток славян, двинувшийся на восток. Одновременно от берегов Балтики, к рекам Волхову и Ладуге, отправился еще один славянский колонизационный поток.

Двумя потоками «Северным» и «Южным», славяне, к IX веку, освоили лесную зону Восточно-Европейской равнины. Территориальный принцип формирования племенной общины сыграл свою решающую роль. Колонизация не превратилась в завоевание, не вызвала каких-то крупных столкновений и войн, пришельцев с аборигенами. Славяне вобрали в себя немногочисленные племена Восточных балтов и Восточных финнов, без какого-либо кровопролития.

Об этом говорит и топонимика Восточно-Европейской равнины. Крупные реки и озера, и их наиболее крупные притоки носят иранские, балтские и финские названия, воспринятые славянами от первичного населения, а средние и мелкие водные объекты, имеют уже славянские названия.

В середине IX века, в районах Ильменского озера, и на берегах Днепра, стали складываться первые государственные образования Восточных славян. С этого момента, имя Восточных славян неразрывно связывается с именем *Русь*, но что это за «Русь», и откуда она, точного ответа нет до сих пор.

Спор о происхождении Руси, органически вплетен в спор о происхождении славянства. Вопрос о том, являются ли славяне самодостаточным этносом, или это только «мусор» оставшийся после образования германцев, балтов и кельтов, породил и вопрос о роли и значении летописной *Руси* в истории Восточных славян. Российские ученые «*норманисты*», развивавшие в XVIII веке, теорию о

неспособности славян к самоуправлению, утверждали, что славяне будучи, по их мнению, «сбродом» составившимся из разных этносов, всегда вынуждены были брать вождей, так сказать, «со стороны». Коротенький рассказ русских летописцев о призвании славянами на княжение *русь-варяга Рюрика*, позволил этим историкам построить целую теорию «*норманнского*» (скандинаво-германского) происхождения российской власти.

Суть теории заключалась в том, что «бестолковые» славяне никогда не были способны к управлению государством, и только под «чутким руководством» германцев, в славянских странах всегда наступали мир и порядок. Ильменские славяне неспроста призывали, в 862 году, *русь*, править и владеть собою, а потому что эта *русь* была племенем германцев.

Эта теория сразу после ее создания была оспорена другими представителями российской науки, как теория унижающая достоинство славян. В противовес ей, они создали свою, «*антинорманнскую*» теорию, доказывавшую, что данные *русь-варяги*, потому *русь* и назывались, что были выходцами из славян. Ильменские славяне, поэтому и призывали их «княжить и владеть» собою, что видели в них соплеменников.

Спор этот, из чисто российского, перерос вскоре в европейский, а затем и в мировой. Число сторонников того и другого лагеря росло, выискивались новые факты, множились аргументы, и как всегда, в научный спор вмешалась политика. Российская империя, вдруг осознавшая себя, в конце XIX века, как славянское государство, бурно росла, а на Западе это никому не нравилось, поэтому пытались обосновать свое влияние на Россию, и с помощью истории, западные политики привлекли на службу теорию «*норманнизма*».

Но рост «национального самосознания» *великороссов*, уже не позволял мириться с этой теорией. Если, в начале XIX века, придворный историк Н.М. Карамзин, в своей «Истории государства Российского», соглашался с «*норманнистами*», то последующие историки С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, уже сомневались, склоняясь к «*антинорманнистским*» взглядам, а Д.И. Иловайский уже прямо отвергал «*норманнизм*».

Советская историческая наука также встала на позиции «*антинорманнизма*», а теорию «*норманнизма*» впоследствии взял на вооружение пропагандистский аппарат нацистской Германии. «Организация русского государственного образования – разглагольствовал бесноватый фюрер – не была результатом государственных способностей славянства в России, напротив, это дивный пример того как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство... в течение столетий Россия жила за счет этого германского ядра своих высших правящих кланов». Из сказанного следовал и практический вывод: «Сама судьба как бы хочет указать нам путь своим перстом: вручив участь России большевикам, она лишила русский народ того разума, который породил и до сих пор поддерживал его существование».⁷⁹ Мысль о неполноценности славян внушалась в памятках немецким солдатам, в инструкциях учителям на оккупированных территориях и т. д. Что из этого вышло известно всем, но и сейчас подобные идеи, опирающиеся на «*норманнскую*» теорию, можно услышать в некоторых кругах.

Когда научный спор приобретает политическую направленность, то становясь сторонником той или иной версии, поневоле становишься приверженцем того или иного политического лагеря, и уже невозможно оставаться в рамках исторического познания. Но если все-таки, в этих рамках оставаться, то трудно полностью принять ту или иную точку зрения, в этом споре. Противоречивость фактов, и построенных на этих фактах доказательств, возникшая из-за скудности и противоречивости источников, не позволяет полностью согласиться со сторонниками любой из версий.

«Наш» профессор Кузьмин, наиболее непредвзято (насколько это возможно в официальной советской и российской историографии) подходивший к проблеме происхождения славян, разумеется, не мог обойти молчанием и вопрос происхождения Руси. Он выдвинул предположение что *русь* (росы) и *варяги* (варины) были разными народами и жили небольшими, хорошо сплоченными родами по всему пространству раннесредневекового мира. При этом и те и

⁷⁹ «Великая Победа». Москва 1985 г.

другие, хоть и не славяне, но и не германцы. Кто угодно, только не германцы.

Такой вывод, профессор сделал потому, что топонимика имеющая корни *рус* (*рос*), и *варяг* (*варин*), в разных огласовках разбросана по всей Европе, на территории расселения самых разных народов. «Варяжская» топонимика в основном находится в Прибалтике, где *варяги-варины* известны уже с VIII века. Там они, по мнению Кузьмина, и соединились со славянами, составив единый народ.

А топонимика с корнем «рус» встречается в самых разных уголках обитаемого мира. Ведь «Русей» в средневековых летописях насчитывается более десятка! *Поднепровская Русь*, *Тмутараканьская Русь*, *Аланская Русь*, *Балтийская Русь*, *Венгерская Русь*, *Русь* в Карпатах, в Саксонии, в Тюрингии, в Крыму, в Окско-Сурском междуречье («*Пургасова Русь*»), и даже в Северной Африке, и др. Этноним *рус* у разных народов, в разной огласовке, звучит по-разному. «*Рось*» и «*фогиз*», «*фугиз*», «*футенъ*», «*фойи*», «*фруанъ*», «*фосо-монъ*», «*фокс-аланъ*» и т. д.

Кузьмин выдвинул предположение, что одна из этих «русей», в данном случае Прибалтийская, смешалась с варягами-славянами, и стала «почти» славянским народом, поэтому Новгородцы и призвали этих *рус-варягов*. Другая *рус*, Днепровская, смешалась, в свою очередь, со славянским племенем *полян*, передав им свое имя (*поляне-рус*). Обе *руси* соединились, в IX веке, в Киеве, и дали свое имя огромной стране.

Профессор полагал, что создал гипотезу, сумевшую удовлетворить всех участников дискуссии. «*Норманнисты*» обрадуются, что русь не славяне, «*антинорманнисты*» будут счастливы, что русь не германцы. Но, увы, никого это не примирило, да и вопросы оставшиеся «в осадке» продолжают беспокоить исследователей. Откуда появились «руси»? Куда делись остальные «руси»? Как они были связаны друг с другом?

Возможно, слабость этой теории, как и других теорий, в том, что они строятся на поиске «национальной принадлежности» *руси*. «Национальная идентификация», стала одной из главных и злободневных тем современности. Оформившись в XVIII веке, «идея нации», еще долго будет будоражить умы и сердца людей, проливая реки чернил, и реки крови. «Национальность» стала *идеей-фикс* новой

истории. Главное установить кто твой собеседник или оппонент по национальности, и уже можно делать выводы о том, что он за человек.

Если убрать из истории, о призвании варягов, национальную принадлежность участников (которой в то далекое время не придавали принципиального значения), то от конфликта не останется и следа. Сообщество мирных жителей пригласило боевую дружину защищать закон и порядок в данном сообществе, за что обязалась выплачивать им содержание (дань, оброк). У боевиков это неплохо получалось, и со временем, они составили правящую военную элиту этого сообщества. Все просто, и для средневековья обычное дело, но стоит только расставить национальные акценты, и история сразу приобретает другое звучание.

В своей версии о происхождении *руси*, уважаемый профессор Кузьмин, оставил без развития, один очень любопытный аспект. Цитата: «...сторонники южного происхождения названия «Рось» указывают на обозначение в иранских и индоарийских языках светлого или белого цвета, который символизировал социальные притязания родов. Источники дают материал и для подробного толкования. В первые века, в Галлии существовало племя рутенов, которое часто сопровождалось эпитетом «флави рутены» (пламенные, рыжие, яркие рутены). Это словосочетание в некоторых средневековых источниках переносилось и на Русь... В X веке, итальянский епископ Лиутпрад этноним «Русь» объяснял из просторечного греческого как «рыжие», «огненно-рыжие»... дочь Ярослава Мудрого Анна Русская осмысливалась и как Анна Рыжая (Анна Красная). Название Черного моря как «Русского моря» встречается более чем в десятке источников запада и востока. Обычно это название связывают с этнонимом и обосновывают южное происхождение Руси. Но надо иметь ввиду, что это название осмысливалось еще и как «Красное море». В некоторых славянских источниках море называется не «Черным» а «Чермным» то есть «Красным». Так же оно называется и в Ирландских сагах, выводящих первых насельников на острове Ирландия из Скифии (в ирландском языке «Маре Руад»). Само название «рутены», про-

исходит видимо из кельтского обозначения красного цвета, хотя на ругов-русов это название перешло уже в латинской транскрипции». ⁸⁰

Другими словами, в этом отрывке говорится, что определенные этносы средневековья имели цветовое обозначение. В данном случае народы русов-росов имели своим символом красный цвет, из-за чего даже море, северные берега которого они населяли (*Аланская, Поднепровская, Тьмутараканьская, Таманская Русь*), называлось «Красным» («Черным») ⁸¹. Но возникает вопрос: почему только Русь имела в Европе свой цвет и никакой другой этнос?

Если допустить что все Руси окружавшие *Понт Эвксинский* (Черное море) с севера и северо-востока, были наследниками-преемниками древнейших североиранских (скифских и сарматских) традиций уходящих своими корнями в индоарийское прошлое, тогда становится понятным, почему этнониму *русь (рос)* соответствовал красный цвет.

Древнее индоарийское общество делилось на описанные в «*Ригведе*» и «*Авесте*» касты, и у каждой касты был свой цветовой символ. Впервые на то, что у древних персов и скифов были касты подобные индийским, и каждой касте соответствовал свой цвет, внимание обратил французский ученый Ж. Дюмези (1898-1986).

Советские историки развили это наблюдение, и археолог и культуролог Е. Е. Кузьмина (1931-2013) в своих трудах указывала: «... цвета и предметы, символизирующие три социальные группы общества, хорошо известны не только у саков и скифов, но и у других иранских народов! Само название этих групп или классов, по индийски «варна», а по ирански «пиштра», значит цвет. Сословию жрецов подобает белый цвет, чаша для возлияний, особый головной убор. В иранском искусстве жрецов в сценах жертвоприношений, изображают в специальном колпаке с завязками. А скифских жрецов писатель римской эпохи Лукиан называет «носящими священную шапку». Сословию рядовых общинников подобает желтый и синий цвета и орудие труда. Лукиан именует скифских общинников «восьминогими», то есть имеющими двух волов для запряжки в ярмо. В «Авесте» масса

рядового населения называется «вайштрия фшуят», «доставляющие корм скоту», то есть, пастухи, и термин этот сохранился за основными производителями (крестьянами) даже после того как иранцы ушли из евразийских степей, и много веков прожили в Иране, занимаясь исключительно земледелием. ⁸² Сословию воинов, к которому принадлежит царь, подобает красный цвет и оружие. Древнее иранское название этих воинов «Ратайштар», «стоящие на колесницах». Другое их название образовано от слова «хштайя», «царь», к которому восходит название касты воинов-кшатриев в Индии». ⁸³

Деление общества на касты (варны), сохранившееся нынче только в общественной жизни Индии, в глубокой древности было распространено на всю индоиранскую общность. Деление общества на касты отражено в древнем памятнике индоевропейской литературы «*Ригведе*», относимой исследователями к X веку до нашей эры, но наиболее четко кастовое общество, с определением цвета каст описано в другом древнем литературном памятнике, «*Махабхарате*», созданном в начале I тысячелетия, которую называют «*Пятой ведой*», рассматривая как продолжение «*Ригведы*». Итак, касты по «*Махабхарате*»:

У браминов белая, у кшатриев кроваво-красная краска

У вайшьев — желтая, у шудр черная краска ⁸⁴

Разумеется, здесь не идет речь о цвете кожи членов той или иной касты-варны. Цвет здесь — духовная составляющая представителей каждой из варн. В 14-й книге «*Махабхараты*», бог Брахма, в своей речи перед брахманами, связывает свойства варн со свойствами человеческой души и с цветом солнца: просветленный «*самтва*», белый цвет солнца в своем сиянии, это брахман. Свирепый властный «*фаджас*», красный цвет солнца в момент зноя, это кшатрий. Грубый невежественный «*тамас*», черный цвет солнца в затмении, это шудра «неприкасаемый», делающий самую грязную работу.

Это деление общества на касты, практиковали и древние иранцы — члены индоевропейской языковой семьи. Кастовость просле-

⁸⁰ А.Г. Кузьмин. «Начало Руси: тайны рождения русского народа», Москва 2003 г.

⁸¹ В древности море называлось именем народа населявшего его северные берега.

⁸² Характерно, что земледельцы-общинники Волжской Булгарии, также назывались «доставляющими корм скоту».

⁸³ Е.Е. Кузьмина. «Мифология и искусство скифов и бактрийцев». Москва 2002 г.

⁸⁴ История Древнего Востока в текстах и документах. Москва. 2002 г.

живается в древнейшем иранском литературном памятнике «Авесте», созданном в I тысячелетии до нашей эры. Североиранцы скифы и сарматы, принесли кастовость в степи Причерноморья и Приазовья. Индоиранская цветовая идентификация разных социальных групп проходит через всю историю кочевников Восточно-европейских степей.

В древности высшая каста жрецов и священнослужителей имела своим символом белый цвет, и белый цвет навсегда стал обозначением священной власти. Племена степи делились на «белые», властвующие, и «черные», подвластные, платящие дань. Белые и черные хазары, белые и черные угры, белые (*акгузы*) и черные (*карагузы-киргизы*) гузы, черные клобуки (*каракалтаки*). Поздняя столица хазар называлась *Белая Вежа*. Одним из названий государства Джучидов, было *Ак-Орда* (Белая Орда). Да ведь и русский царь величался в степи *Ак-падишах* (Великий белый царь).

В славянскую среду занесли это деление, сарматы. На Балканах были известны «Белые хорваты» и «Белая Сербия». Через кочевников эта символика пришла и на Русь. «Белая Русь» называлась территория, не платящая дани татарам, и «Черной Русью» называли территории Руси зависимые от Джучидов. Впоследствии, когда Московская Русь стала независимой, ее стали называть «Белой Русью», в отличие от «Черной Руси», подвластной полякам.

Черный цвет переосмыслился как цвет податного сословия. Отсюда «черные люди», обязанные платить подать, в отличие от «белых», свободных от налогов. Желтый и синий цвета, были в древности принадлежностью пастухов и земледельцев, и мы видим, что огромная масса кочевников, занявших в XI веке, южные степи, называла себя «шары», «команы» (желтые, золотые). Позже, эта воинственная масса легко, практически без сопротивления, покоряется «белому» роду татар, которые называют их своими «конюхами» и «холопами». «Синей Ордой» называли Североказахстанские степи, край пастухов-скотоводов. И наконец, красный цвет, цвет проливаемой крови (*«руда»* – кровь санскрит), служил символом воинов и военных вождей.

Кровожадный бог Рудра вышедший из тела Брахмы, краснокожий и проливающий кровь, он обозначил красный цвет, цветом вой-

на. Красный Рудра описывался с пучком волос на голове (*шиххандой*), известным и у древних индийских воинов, и у воинов-степняков, и у казаков (оселедец). Синонимом *красного*, были прилагательные *сияющий*, *светлый* (*рокса* на санскрите, или *рокс* у сарматов-аланов).

Каста *Роксов* существовала в Причерноморье с древнейших времен, и красный цвет был ее символом. Поэтому *Роксы*, будучи наиболее воинственной и организованной частью степного сообщества, стали «боевым авангардом» степных племенных союзов, давая им свое имя. Византийцы и Римляне называли их *Росы*, *Аорсы*, *Рокс-аланы*, отождествляя *Рос* (*Рокс*) с прилагательным «*росиос*» (красный, рыжий). Арабы называли их *Рус*, а страну *Ар Русийа*, а пришедшие в Причерноморье готы звали их *Росомоны* (*Рос* и *манн-мужчина*).

Римский историк Аммиан Марцеллин так описывал, в IV веке, *роксоланов*: «Они превосходные воины, потому что военное дело у них становится суровой наукой во всех мелочах. Высшее счастье в их глазах погибнуть в битве. Умереть от старости или от какой-то случайности, это позор, унижительнее которого ничего не может быть. Убить человека, геройство которым только и можно хвалиться. Самая главная добыча для такого героя, это кожа с головы врага (скальп авт.)...Рабство им неизвестно и все они рождаются свободными...Аланы вообще красивы и рослы, волосы их отливают в золотистый цвет. Взгляд у них скорее воинственный, чем свирепый. Быстротой нападений, и воинственным духом, они ничем не уступают гуннам».⁸⁵

Воинственные *роксоланы* (или *росомоны* по Иордану), вместе с «белым» жречеством, составляли племенную знать своего народа. Но когда *росов* становилось слишком много, то какие-то отряды уходили, на «кормление», вглубь континента. Так отряд *россов* стал во главе славянского племени полян, а другой отряд добрался до Среднего Поволжья обосновавшись, в знаменитой *Арсе*.

Росы считали унижительным для себя занятием, земледелие или скотоводство. Воин должен был или воевать или торговать. Очень много сведений о различных *Русях* сохранилось у арабов. Вот описания арабских авторов, X века, Ибн Даста, Ибн Руста и Ибн Фад-

⁸⁵ Аммиан Марцеллин. Деяния. Москва 1970 г.

лана: «Русы имеют царя именем Хакан Рус. Они нападают на славян, приходят к ним на ладьях...берут их в плен и продают хазарам и булгарам. Они не засевают полей, но живут тем, что награбят у славян...Русы не имеют недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен, единственный промысел их торговля соболями, беличьими и другими мехами, которые они продают...Русы носят очень широкие шаровары: сто локтей материи идет на каждые. Надевая такие шаровары, Русы собирают их в сборки у колен, к которым и привязывают. Некоторые русы бреют бороду, другие свивают ее напоподобие лошадиной гривы и окрашивают краской...Когда у кого из русов родится сын, то отец новорожденного кладет перед дитятей обнаженный меч и говорит: «не оставлю в наследство тебе никакого имущества, будешь иметь только то что приобретешь этим мечом»... Все постоянно носят мечи при себе ибо мало доверяют друг другу, и коварство меж ними обычное дело: если кому удастся приобрести какое имущество, то уже родной брат или товарищ тотчас же начинают домогаться как бы его убить и ограбить... Русы мужественны и храбры. Когда нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его. Женщинами побежденных сами пользуются, а мужчин обращают в рабство. Ростом они высоки, красивы собой и смелы в нападениях... Я видел русов, и я не видел людей более крупных, чем они. Каждый из них имеет при себе меч, нож и секиру. Мечи их волнообразные франкской работы».

Персидскому ученому и хронисту, конца XI века, Аль Марвази (1056-1124) были известны даже *Русы мусульмане*, живущие на каком-то острове.⁸⁶ «Что же касается Ар Русийи, то они живут на острове в море...они народ могучий и сильный, и ходят в дальние места с целью набегов. Храбрость и мужество их хорошо известны... и было их воспитание таким, пока они не приняли христианство в 300-й год хизджры (912-913 г.). Когда они обратились в христианство, вера притупила их мечи, дверь добычи закрылась за ними, и они вернулись к нужде и бедности, сократились у них средства к

⁸⁶ Скорее всего, речь идет об острове в Каспийском море, в дельте Волги, или у берегов Дагестана. В VII-X веках, уровень Каспия был самым низким за все время существования моря. После X века, его уровень начал подниматься, и многие острова оказались затопленными.

существованию. Вот они и захотели снова сделаться мусульманами, что бы был дозволен им набег и джихад...послали они послов к владельцу Хорезма, четырех из приближенных своего царя...Обрадовался Хорезмшах тому, что они захотели сделаться мусульманами, и...они обратились в ислам».⁸⁷

Все это говорилось о Южных *русах-русах*, но этим, проблема происхождения Руси не исчерпывается. Ведь этнонимы и топонимы с корнем *рус*, обнаруживались не только в Восточной, но и в Западной Европе. Неужто *Рокс-аланы* добрались и туда?

Несомненно, аланы, в своей экспансии, доходили вплоть до Бискайского залива и Пиренейского полуострова, чему свидетельством европейская топонимика (например, испанская *Кат-Алония*, «*каталаунские*» поля в Галлии и др.). Но Западноευропейская *рус*, все, же имеет свое, независимое от аланов, происхождение, такое же древнее, как и у *руси* Причерноморской. Оно ведется от *энетов*, переселившихся в Западную Европу, во II тысячелетии до нашей эры.

Мигранты малоазийцы, покинувшие свою родину в XIII веке до нашей эры, были выходцами из общей, с североиранцами, культурно-языковой общности, и знали деление общества на касты. Они принесли эту традицию в Европу, и соединившись с прибалтами, иллирийцами, галлами и другими туземцами, передали ее всем этим народам.

Кровавые (руд), сияющие, светлые (рокс), и на новой европейской родине остались *кровавыми* и *сияющими*, родами профессиональных бойцов, защищавшими свое племя. Не случайно, везде, где жили *венеты* (*венеды*), рядом с ними, или среди них, находились народы, имевшие в своем этнониме корень *рус*. Рядом с венетами Адриатическими, жили *эт-РУСС-ки*, сами себя называвшие *РАС-енами*, среди венетов Прибалтики жили *п-РУСС-ы*, восточнее Придунайских венетов находился народ *бо-РУСС-ков*.

Кастовость, воспринятая древними европейцами от *энетов*, подвергшись некоторой трансформации, была признана и в средневековой европейской системе ценностей, став основой для сословного деления общества. Была признаваема и цветовая символика каст,

⁸⁷ «Тысячелетие вокруг Каспия». Москва-Минск 1996 г.

неслучайно белый цвет стал символом высшего духовенства и королевской власти, а красный цвет навсегда остался в европейской геральдике символом мужества и воинской доблести.

Эпитет «белый», в смысле «священный», «царственный», заключен в названии многих европейских городов. Например, *Вена* (от древненемецкого *Wien* белый), или *Белград*, столица Сербии, или *Белгород* на Руси. В древней Москве существовал «Белый» город, и др. Красный (червонный) цвет, как цвет воинской дружины, навсегда остался на Руси символом воинской доблести и чести, а термин «светлый», прочно вошел в титулатуру феодальной Европы («ваша светлость», «светлейший князь» и др.). И характерно, что в большинстве европейских языков эпитет *красный* (*ярко-красный*), в разной огласовке, звучит как *руд* (*рут, руж, руз, руг, рос* и др.).

С тем или иным окончанием (*рут-ен, рус-ин* и др.), он стал в раннесредневековой Европе соционимом, обозначавшим социальную группу профессиональных воинов, занимавшихся только войной или торговлей. Со временем эти группы могли уходить из своих племен, образовывать отдельные роды и племенные союзы, но эпитет «Рус» прикреплялся к ним навсегда, становясь, таким образом, этнонимом. *Русы* (*руги, руды, рутены, ругии* и др.) были, несомненно, родовыми сообществами, в которых культ рода имел первостепенное значение, но *русы* не имели какой-то определенной этнической привязки. *Русами* могли быть и балты, и германцы, и кельты и славяне, тем более что говорили они, на тех же индоевропейских языках, что и окружавшие их народы, а в начале I тысячелетия, эти языки были еще довольно близки между собой.

Понятно что «красные» Русы, в силу своей специфики, землю-матушку возделывать не собирались, и стремились или оседлать выгодные торговые пути, или занимались разбоем, или нанимались к какому-нибудь земледельческому племени, способному их прокормить, в качестве защитников. Видимо этим и характеризуются обозначения разных «русей». В случае, когда русь жила отдельно, ее название имело территориальную привязку (Тмутараканская Русь, Карпатская Русь и др.), а в случае если вступала в союз с каким-нибудь народом, получало привязку этническую (Угорская Русь, Варяжская Русь и др.).

Эти полуплемена, полуармии, были особенно востребованы в эпоху Великого Переселения народов. Этнонимы с корнем *рус*, становятся широко известны именно с первых веков нашей эры. Тогда ни один земледельческий народ, не мог чувствовать себя в безопасности, и призывал в защитники и покровители, русов.

Тем более что русы ведущие свой род, как правило, от легендарных энетов, и их потомков, очень почитаемых в Европе, вполне могли претендовать на роль феодальной знати, в любом европейском сообществе. Расцвет деятельности «русей» пришелся на VI-X века, и если составить этническую карту Европы этого периода, то вся она будет наполнена всевозможными руссами, рутенами, и рогами. Они обнаруживались на огромном пространстве от Франции до Волги, и от Скандинавии до Северной Африки, и даже в Сирии во время первого крестового похода образовалась какая-то «Росса».

Однако к X веку, в Европе уже стали складываться, достаточно крепкие феодальные государства, и для «красной вольницы» наступили тяжелые времена. Они должны были, или встроиться в феодальную систему созданных государств, или же, их просто уничтожали и изгоняли, так как ни одно государство не потерпит на своей территории банду хорошо вооруженных воинственных бузотеров.

Некоторые роды-отряды *русов* нанимались к феодалам или общинам в качестве защитников, и один такой отряд был приглашен Приильменскими славянами и финнами для своей защиты. Сначала, очевидно, жители Приильменя находились под покровительством Скандинавских варягов-викингов, очень активно действовавших в Восточной Европе, но потом отказались от их «услуг» («изгнали за море»), и призвали родовитую русь из Прибалтики. «Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: земля наша велика и обильна, а наряду в ней нет, приходите княжить и володеть нами».

Возможно, родовитость Руси сыграла здесь решающую роль. Жителям Приильменя предпочтительно было подчиниться власти потомков энетов, нежели власти каких-то безродных скандинавских бродяг. Прибалтийская русь быстро обосновалась на новых землях, а дальше история известная. Родственник вождя руси, Рюрика, князь Олег направился в Киев, где правили Южные русы (россы) Аскольд и Дир, и сместил их, обвинив в неродовитости. Затем сын

Рюрика, князь Игорь, затем Ольга, Святослав и т. д. Интересно, как быстро ославянились пришельцы. Уже в третьем поколении у руси в ходу были славянские имена.

С династией Рюрика связывают и крещение Руси. Акт, значение которого трудно переоценить. Крещение «Киевской Руси» сыграло, наверное, главную роль в последующем становлении и объединении русской народности. Далеко не сразу осознали себя Восточные славяне, единым народом. Еще и в XIV веке, жители русских княжеств различали друг друга по месту жительства («Рязанцы», «Нижегородцы» и др.), и объединялись только по признаку «словеньского языка» и православной веры. И только правящая верхушка, родовая знать и бояре, потомки Рюриковой руси, четко осознавали, что они «от рода Русского». Начиная с XIII века, название «русины», «русские», стало распространяться на всех жителей Руси, а разные области обретали свои имена-эпитеты (Белая Русь, Московская Русь и др.).

Византийское православие способствовало развитию единого древнерусского языка, и распространению славянской грамоты и православной культуры, и собственно сделало Россию тем, что она есть, а русы дали ей свое имя. Кстати факт не «из ряда вон выходящий». Например, германцы франки, дали свое имя целому народу, французам, греки до сих пор называют себя «ромеями», из-за того, что много веков входили в состав Римской империи. Балканские славяне носят имя своих завоевателей болгар.

Потомки Рюрика, подчинив славянские племена Восточной Европы, продолжили заниматься тем, чем и должны заниматься профессиональные воины, они воевали. Походы в Европу, в Византию, в Хазарию, войны с кочевниками, сплотили молодое государство, и власть Рюриковичей признавалась на всем огромном пространстве, от Ладоги до Днепра. Легитимность Рюриковичей признали и южные россы, судя по тесным контактам Киева и Причерноморья.

Рюриковичи, «оседлав» путь «Из варяг в греки», пытались завоевать и «Великий Волжский путь», однако не смогли, как не смогли и обеспечить продвижение славянской земледельческой колонизации в тучные степные черноземы. Пришлось славянам, со своим «подсечно-огневым» земледелием, двигаться вдоль границы леса

и степи, а Рюриковичи, чьей прямой обязанностью было расширение жизненного пространства своих подданных, расплодившись, вступили в междоусобную вражду, борясь за уделы, и за людские и материальные ресурсы, и единое вначале государство распалось на враждующие между собой вотчины. А тем временем, на западе и на востоке, образовались две великие империи средневековья: западная католическая под руководством Римских понтификов, и степная империя Джучидов, возникшая на обломках Хазарского каганата, и уже эти империи стали определять дальнейшую судьбу государства созданного некогда, призванной «из варяг» русью.

Глава 8

Хазары, и Волжские Булгары

Наука история, знакомство с которой, каждый из нас, начинает со школьной скамьи, имеет свою концепцию, то, что называется «ядро». Для российской истории таким «ядром» является история Московского государства. Начавшись в IX веке, как *Русь Киевская*, она продолжилась проникновением киевских князей, на территорию будущей *Северо-Восточной Руси*, и созданием здесь *Руси Московской*. При этом вся древняя русская история пронизана духом борьбы с «дикими» кочевниками *Великой Степи*, представленными в этой концепции, извечными антагонистами славных родов, несущими гибель и ужас разрушения.

В этой истории, другие государства, возникавшие на территории современной России, воспринимаются как внешняя, зачастую враждебная сила по отношению к молодому Русскому государству. Ведь в большинстве своем эти государства относились к другому типу цивилизации, «степному», а со степью как раз и боролась Русь. Но на самом деле, многовековая история Руси и Степи это не только история борьбы. Это еще и история совместного сосуществования, и в конечном итоге слияния в единую страну, и жители этих степных государств никуда не делись, не ушли в небытие. Они все остались здесь, на своей земле, стали русскими, чувашами, татарами, другими народами, объединенными судьбой одной страны, России. Они

строили, создавали эту Россию, и умирали за нее, если надо на поле брани.

Выставление древних степных государств непримиримыми противниками Руси, мешавшими ее развитию, формирует безразличное, а порой и негативное отношение к истории этих государств, а это отношение влияет и на нашу сегодняшнюю жизнь.

Любой школьник знает о былом существовании Хазарии и Волжской Булгарии, государств созданных «пришлыми» кочевниками, и боровшихся с Русью. И если к Булгарии отношение еще «туда-сюда», вроде бы, хоть и мешали строительству Руси, но все-таки были соседями, да и от «монголо-татар» пострадали, то к Хазарии отношение настороженно-скептическое. Тут и «Вещий» Олег мстящий «неразумным хазарам», тут и дань, которую хазары брали с древних славян, тут и коварство хазар по отношению к князю Игорю, да и иудаизм, принятый хазарами в VIII веке... Тем не менее, Хазария, вместе с Булгарией, сыграли одну из главных ролей в истории России, и возможно, не было бы Хазарии, не было бы и современной России, во всяком случае, в том виде, в каком мы ее знаем. История Хазарии и Волжской Булгарии, это часть Российской истории, и дело тут вот в чем.

Если взглянуть на физическую карту России, то не может, не бросится в глаза, что вся она покрыта густой сетью рек и речушек. Реки для истории России имеют исключительное значение. В течении долгого времени, реки были единственными путями сообщения, летом на судах, зимой на санях по замерзшему льду. Реки, при отсутствии на таких огромных расстояниях, каких либо инструментов навигации, были для людей главным ориентиром, не позволявшим заблудиться.

Реки, это живые дороги России, использовавшиеся и для войны и для торговли. Они позволяли с максимальной быстротой добираться до самых дальних уголков огромной равнины. Два самых главных очага русской славянской цивилизации зародились на реках. Новгород на Волхове, а Киев на Днепре, стали центрами, из которых шла славянская колонизация бескрайних просторов Восточной Европы. Но был еще один цивилизационный очаг колонизации, который условно можно назвать угро-тюркским. И зародился он на Волге.

Волга. Великая река русской равнины. Бассейн Волги занимает площадь большую, чем площадь Франции. В верховьях этого бассейна, на реке Москве, образно говоря, сошлись три цивилизационных потока, сделавших Россию Россией. Волхов-Ладога-Новгород сделали Россию Европейской, Днепр-Киев сделал Россию Византийской, а Волга сделала Россию Азиатской.

В VI-VII веках, после распада *Гуннского союза*, в Прикаспийских степях и в предгорьях Северного Кавказа, между различными племенами этого союза шла борьба за лидерство. После ухода на запад *аваров*, степное первенство получил племенной союз *болгар*. В середине VII века, в степях между Азовским и Каспийским морями, болгары образовали квазигосударство, *Великую Болгарию*.

Возглавлял это «государство», в 50-60-х годах VII века, полупрозрачный Кубрат, фигура историческая, по некоторым данным даже был крещен в Византии. После смерти отца, сыновья, как водится, вступили друг с другом в борьбу за престол. Этим немедленно воспользовались другие племена кочевников, *хазары*, и, напав на *болгар*, изгнали их из степи. Один из сыновей, Аспарух, увел свою орду на берега Дуная, где подчинив, местные славянские и фракийские племена, основал государство *Дунайскую Болгарию*. Другой сын, Батбай, сумел найти общий язык с хазарами, и остался в Предкавказье (там до сих пор живут потомки болгар, северокавказский народ балкарцев), некоторая часть болгар ушла на Среднюю Волгу, и основало там, вассальную хазарам, *Волжскую (Камскую) Булгарию*.⁸⁸ А победившие их хазары, создали степное государство *Хазарский каганат* (от титула правителя *каган*, «царь царей»).

Образовавшийся изначально в Предкавказье (современная Ставропольщина), каганат вскоре распространил свое владычество на берега Нижней и Средней Волги, «оседлав» один из главных речных транзитов Восточной Европы, связывающий Ближний Восток с Северной Европой и Скандинавией. Кроме того, через Нижнюю Волгу проходил сухопутный транзит из Средней Азии, Индии и Китая в Причерноморье, и дальше в Южную Европу.

⁸⁸ В историографии, болгар поселившихся в Волго-Камье, принято называть *булгарами*, а их страну *Булгарией*.

Хазары быстро освоились в новом качестве проводников и охранников торговых караванов, и стали взимать пошлины за транзит с проезжих купцов. Доходы были огромными. Настолько огромными, что в дальнейшем, хазарская верхушка смогла позволить себе содержать наемную армию, и с помощью этой армии распространить свое владычество на Приазовье и Причерноморье, в Крым и на Кавказ, и на все Поволжье. Дань хазарам платило большинство обитателей Восточной Европы, включая и многие племена Восточных славян. К VIII веку, сложилась огромная степная империя ставшая соперницей двух самых могущественных государств того времени, Византийской империи и Арабского халифата.

Сами хазары были одним из племен *Гуннского союза*. Мы видели их в списке прочих гуннских племен у Захарии Ритора (*хасифы*), и судя по суффиксу *-аф*, хазары были народом сложившемся на угро-тюркской основе, родственными *болгарам* и *суварам*. Этноним *хазар*, у разных авторов, имеет разное толкование. Если в случае *-аф*, какое-то единодушие есть у всех (*аф* – человек), то что означает *хаз* – можно только предполагать. *Хаз* или *каз*, можно толковать как «вольный», «свободный». Подобный корень встречается в слове *каз-ак*.⁸⁹ Кроме того, известен похожий термин *гусар* (*хусар*), обозначавший тяжелую кавалерию в средневековых Венгрии и Польше, хотя тут все объяснимо. Венгры принесли этот термин из степей, а поляки почерпнули из своего сарматского прошлого.

Можно допустить, что, будучи вначале, действительно названием племени, этноним *хазар*, по мере возвышения данного племени среди других жителей степи, стал нарицательным, обозначающим принадлежность к определенной социальной группе. В данном случае к группе тяжеловооруженных всадников, своего рода «рыцарской элите», захватившей власть в степи.

Древние рыцари степи хазары, подчинив себе другие кочевые народы, будучи кочевниками, создали государство, принадлежащее

⁸⁹ Термин *каз-ак*, стал и этнонимом (казахи), и соционимом (казаки). Изначально *казак*, это древнее название легковооруженного воина степняка. Термин *казак*, можно разделить на *каз* и *ак*, где «ак» означает «белый», не платящий налогов. Интересно, что в Поволжье, до недавнего времени, группу казаков называли не только «казаки», но и «*казафа*» (по типу *мошка-ра*).

к цивилизации «степного типа». Изначально это не было государство, как мы привыкли его понимать, то есть элита этого государства не сидела в городах и замках, проводя время в турнирах и пирах, а кочевала по степи, откуда осуществляла общее руководство страной. Хазарская знать продолжала исповедовать степной уклад жизни, ничем не отличаясь от своих подданных.

То же самое описывали древние и средневековые европейские и арабские авторы, говоря о нравах скифской и сарматской элиты, а затем и о других степных элитах, включая половцев и «монголо-татар». Это было то, что Гумилев называл «Цивилизацией степного типа». Потом, по мере занятости торговлей, хазары стали оседать на земле и строить города. Но даже тогда, хазарская знать откочевывала, со своим родом (*вежей*), на лето в степь.

По-разному складывались отношения степной империи со своими могущественными соседями, Византийской державой и Арабским халифатом. Византия, которой принадлежали тогда Причерноморье и Крым, вела в VII-IX веках, непрекращающиеся войны на Балканах и в Малой Азии, и не смогла удержать эти регионы. Византийцы уступили Крым хазарам, но продолжали оказывать политическое, культурное и религиозное влияние на Хазарию. Византия, будучи империей, никогда бы не смогла отказаться от такого влияния.

Свет христианства проник в Хазарию очень рано. Святой Кирилл (который с Мефодием), посетивший, в IX веке, хазар, нашел среди них много христиан. Христианство, и православного и несторианского толка,⁹⁰ было очень распространено в степной империи, есть сведения о христианских храмах, в городах Хазарии. Христианами становились, и знать, и простолюдины (из «Повести временных лет», известны крещенные хазары, в дружине Киевских князей), но также рано в Хазарию начал проникать и ислам.

⁹⁰ Течение в Христианстве, основанное в Византии патриархом Несторием, правившем в 428-431 годах, и утверждавшем что Иисус Христос, будучи рожден человеком, только потом «обожился» (стал Богом). Его учение осуждено как ересь на соборе 431 года, но оно успело, к этому времени, распространиться в Евразийских степях, Иране, Средней Азии и даже на западе Китая. Низложенный на соборе, Несторий основал свою резиденцию в иракском городе Мосул, откуда продолжал проповедывать свое учение. Несторианство пользовалось влиянием до XIV-XV веков. Много несториан было в армиях Чингизхана.

Расположенный на берегах Персидского залива Арабский халифат был самым главным распространителем учения пророка Мухаммеда. Верховный правитель государства, Багдадский халиф, был и светским и духовным владыкой в своей стране, а распространение мусульманской веры было его прямой обязанностью. *Джихад*, начавшись в VII веке, не затихал до начала IX века, и охватил страны Ближнего и Среднего Востока, проникнув оттуда в Африку и на Пиренейский полуостров. Арабы вели постоянные войны с Византией, и направили «острие» джихада, через Кавказские горы в Восточную Европу.

Следует понимать, что население Восточной Европы в VII-IX веках, в основной своей массе было конгломератом племен, стоящих еще только в начале зарождения какой либо государственности, то есть, представляло собой, наилучшую среду для распространения религиозных, и других, создающих первичные общества, учений (что подтвердило дальнейшее распространение христианства). Следовательно, приход в области расселения этих племен, хорошо подготовленных миссионеров, особенно если этот визит подкреплён хорошо вооруженной армией, обусловил бы немедленное принятие ислама по всей Восточно-Европейской равнине, уже к IX веку. Трудно сказать, хорошо это было бы для России или плохо, но то, что мы жили бы в другой России, в этом сомневаться не приходится. Главным заслоном на пути распространения мусульманства в Восточной Европе встал Хазарский Каганат.

Нет, хазары не были против ислама как такового. В каганате открывались мечети, мусульмане чувствовали себя здесь достаточно комфортно (впоследствии Хазарская гвардия, знаменитые *Аши*, состояла из мусульман). Хазары не могли принять политического главенства Халифата, принять которое, означало бы потерять контроль над торговым транзитом, который неизбежно перейдет в руки халифа, главы всех мусульман.

В середине VIII века, противоречия между Хазарией и Халифатом достигли наивысшей точки и арабский полководец Мерван, пройдя вдоль Каспийского моря, вторгся в Хазарию, с огромной армией. Наголову разгромив хазарское войско, и разграбив древнюю столицу хазар, находившуюся в предгорьях Северного Кавка-

за, Мерван вышел к Нижней Волге, а оттуда довел свою армию до Среднего Поволжья, громя и грабя хазар и их вассалов, и попутно насаждая ислам. По сообщениям арабских хронистов, Мерван потребовал от правителя хазар принятия ислама в обмен на собственную жизнь, и каган не смог отказать победителю, но как мы знаем из дальнейшей истории, каган обманул арабов.

Дело в том, что арабам было довольно трудно удержаться в Приазовье и Причерноморье, учитывая растянутость коммуникаций, и вольготный образ жизни местного населения (оседлое население легче держать в покорности). А после начала в халифате внутренних междоусобиц, в конце VIII века, арабам стало не до Хазарии, и каганат восстановил свое могущество и влияние в степи. «Уходу» хазар от арабского исламского влияния, способствовало еще и принятие Хазарской верхушкой, во второй половине VIII века, в качестве главной религии каганата, иудаизма.

Влияние иудаизма в Причерноморье и Приазовье, начиная с I века нашей эры, было очень велико. Это подтверждается и археологией и письменными источниками. В летописях о Боспорском царстве (находившемся в районе Керченского п-ва), «синагоги иудеев» упоминаются в Причерноморье, уже до нашей эры. Затем поселения иудеев, на северных берегах Черного моря, стали возникать в связи с «великим еврейским рассеянием», принявшим огромные размеры после подавления римлянами Иудейского восстания 66-70 годов, и двух разрушений Иерусалимского храма, в 70 и 132 годах.

Правда потом, к V веку, в связи с победным шествием христианства, появляются свидетельства об упразднении причерноморских синагог, и перестройке их в христианские храмы, но традиции иудаизма прочно закрепились в Северном Причерноморье. Их центром был город *Таматарха* (*Самхуш*, *Тьмутафакань*, ныне Керчь), который, в VIII веке, называли «Иудейским городом».

Распространение иудаизма в Хазарии, можно связать с событиями, произошедшими на востоке, в VII-VIII веках, в период расцвета и могущества Арабского халифата. Тогда, все население Ближнего и Среднего Востока принимало ислам в обязательном порядке, и хотя мусульмане делали исключение для иудеев и христиан, называя их «людьми книги» (то есть признающими единобожие и священное

писание), и позволяли исповедовать свою веру, за небольшую плату, многие иудеи и христиане чувствовали себя неудобно, предпочитали уехать из Халифата.

Миграциям иудеев в Хазарию, также способствовала разгоревшаяся в Византии, в VII-VIII веках, борьба «иконоборцев» и «иконопочитателей», отразившаяся, в конце концов, на иудеях. Они вынуждены были спасаться бегством из Византии. Персидский историк Аль Масуди (XI век), указывал: «много евреев из различных мусульманских стран и Византийского царства, отправились к Хазарскому кагану. Это произошло, потому что византийский император Арманиус принуждал всех евреев своего царства к принятию христианства. Многие евреи удалились впоследствии этого из Византийского царства в Хазарскую землю».

Ничего удивительного в том, что иудеи пытались укрыться в Хазарии, не было. Кроме того, что в Причерноморье были давние и сильные иудейские традиции, с древних времен была известна исключительная веротерпимость степняков. С прибытием, в конце VIII века, в Хазарию, большого количества иудеев, распространение иудаизма в степях усилилось и совпало с чаяниями Хазарской верхушки, нежелавшей, как гегемонии Багдадского халифа, так и усиления позиций православной Византии. И в том и в другом случае, это могло привести к потере контроля над Восточноевропейским транзитом, а иудаизм же давал свободу для политического маневра.

В 80-х годах VIII века, иудаизм становится главной религией в Хазарском каганате, однако на обстановку внутри страны это никак не повлияло. Степная империя была веротерпимым, многоконфессиональным государством, в котором язычники и мусульмане мирно уживались с христианами и иудеями, и друг с другом. По описанию все того же Аль Масуди, в столице Хазарии, городе *Итиле* (расположенном на Нижней Волге, предположительно в районе Астрахани),⁹¹ огромном административном и торгово-промышленном центре средневековья, для приверженцев каждой религии были не

⁹¹ Филолог А.И. Попов считал одним из вариантов названия Астрахани в древности, название «*Хазторокань*». В русских летописях встречается и «*Азтархан*», и «*Хазторхан*», и «*Хазторокан*». По поводу второй части, «*торокань*», он предлагал сравнение с Тьмутараканью (*Тьми-тархан*, *Тама-тарха*, *Сам-кер*).

только свои храмы, но и свои суды для иудеев, для мусульман, и для христиан, а многие жители Хазарии, по сообщению Ибн Руста (IX век) и Гардизи (IX век), по пятницам ходили в мечеть, по субботам в синагогу, а по воскресеньям в церковь.

Хазарский иудаизм не был привилегией правящего класса. Он распространялся среди самых разных слоев населения Хазарии. Само собой, высокий уровень понимания учения сохранялся только в крупных религиозных центрах, таких как Итиль, Таматарха, и других, а широкие слои придерживались примитивного «народного» понимания иудаизма, сводившегося, в основном, к культовой символике, и следованию основным постулатам.

Распространившись вместе с христианством и исламом, по всей территории степи (даже древний свод степных законов, предшествовавший Чингизхановой «Яссе», назывался «Торе»), Иудаизм проник и в верования Поволжских народов, находившихся в вассальной зависимости от хазар. Языческие верования мордвы и чувашей буквально пропитаны им. Концепция единого Бога-творца, отсутствие изображений и идолов, характерных для язычества, материнско-родовой строй, погребальные обряды, отношение к покойнику, принесение раз в год, в новолуние, в жертву козла, эти и другие обычаи, мордва и чуваша заимствовали из Иудаизма. Недаром Поволжье в раннем средневековье называли, кроме прочего, «пределы Симовы» (Сим, библейский прародитель евреев).

Причем эти иудейские заимствования, выдержали испытания временем. Несмотря на последующую исламизацию, а за ней и христианизацию Поволжских народов, еще и в XVII веке, мордва, раз в пятьдесят лет проводила свои традиционные моления о предках, а библейские имена были в ходу у мордвы еще до прихода в Поволжье славян. В легенде об основании Нижнего Новгорода, мордовского вождя зовут *Абрам*, а православные священники долго не могли, приучить мордву произносить имя «Авраамий» правильно, по-гречески, через «в», а не через «б». Откровения «мордовского пророка» К. Алексева,⁹² «явившегося» в начале XIX века, также носили явный ветхозаветно-раввинистический характер.

⁹² Речь о нем пойдет в главе «Царь» и «Пророк».

Но еще сильнее иудаизм наполнил верования чувашей. Исследования чувашского языка и фольклора проведенные в XIX-XX веках, поразили ученых. Несмотря на многовековое давление ислама и христианства, язык чувашей сохранил довольно большой пласт древнееврейской лексики и религиозные заимствования из иврита, а языческие верования чувашей пронизаны догматами и ритуалами, почерпнутыми из иудаизма.

Через хазар иудейская традиция распространила свое влияние и на молодое Русское государство. В древнем Киеве существовала большая иудейская община. В IX веке, там известен *Жидовский квартал*,⁹³ а сам город во многих средневековых источниках и сочинениях ближневосточных авторов, называют «Саббатаем», то есть, городом где «празднуют субботу».

О поселениях иудеев и хазар, на территории древней Руси, говорят и зафиксированные в летописях средневековые топонимы (многие из которых сохранялись вплоть до XIX века). *Жид* и *Жидова речка* возле Киева, *Жидятин*, *Жидовы*, *Жидоставы* и другие села расположенные в киевской округе, город *Козарград* на реке Острей и город *Жидичев*, упомянутый под 1257 годом. Местечко *Казафа* в Галиции, и урочище *Козар* и *Козарское городище* близ Воронежа.

Кроме этого, современные филологи и лингвисты говорят, о значительном влиянии древнееврейской книжности,⁹⁴ на славянские пересказы Библейских сюжетов. Многие из этих сюжетов заимствованы прямо из еврейских источников, минуя армянскую, иранскую и арабскую литературную традицию, несмотря на тесные связи славян, с названными народами. Не избежали влияния иудейского элемента и древнерусские клерикальные круги. Это влияние началось сразу с крещением Руси, в 988 году, потому что, согласно летописи, крестились не только киевские язычники, но и некоторое число киевских иудеев.

В связи с этим сообщением, не вызывает удивления, например, тот факт, что поставленный князем Ярославом, в 1035 году, в Нов-

⁹³ В средние века слово *жид* не имело в русском языке того оскорбительного оттенка, какой приобрело в более поздний период.

⁹⁴ Буквы *ц* и *ш* (цадик и шин) пришли в русский алфавит из иврита.

городе, епископ, носил имя *Лука Жидята* (то есть родом из «жидов», иудеев). Или рассказ «Киево-Печерского патерика» о Никите Затворнике, не принимавшем Новозаветных книг. Влияние древнего иудейства очень долго сохранялось в Восточной Европе, проявляясь в самых разных формах.

В начале IX века, Арабский халифат, раздраемый внутренними междоусобицами, прекратил свой натиск в Восточную Европу и Малую Азию. Можно утверждать, что Хазарский каганат, ведя борьбу с этим натиском, не только не допустил распространения господства ислама на территории Восточноевропейской равнины, предопределив тем самым «Византийский выбор» Руси, но и, в какой-то мере, спас саму Византию, «оттягивая» на себя лучшие арабские армии. Византийцы хорошо понимали значение Хазарского каганата, в деле борьбы с арабами, и всячески подчеркивали свой пиетет к хазарам. В 732 году, Византийский император Лев Исавр, женил своего сына, на сестре хазарского кагана, принцессе Чичак (Цветок), принявшей после крещения имя Ирина. Ее сын впоследствии стал императором Византии под именем Лев Хазар.

В IX веке, Хазарский каганат достиг пика своего могущества. Доходы от торговли росли, противники были заняты своими проблемами. Единственными конкурентами хазар на Восточноевропейских торговых путях были варяги и русы, но огромной равнины хватало всем. Население каганата росло, и кроме скотоводства развивалось земледелие, ремесла, архитектура. Города Хазарии, наполненные многонациональным населением, прекрасными зданиями и культовыми сооружениями, были центрами международной торговли.

Каганат не был жестко централизованным государством, и позволял своим провинциям-вассалам вести относительно самостоятельную политику. Это способствовало обособлению, в Среднем Поволжье, Булгарского княжества, государства созданного, пришедшими туда, в конце VII века, кочевниками булгарами. Булгары заняли доминирующее положение среди местных племен, став передовым отрядом хазар, в деле освоения Поволжья. Однако когда, в IX-X веках, объемы торговли между Европой и Азией, проходившей через Волго-Камский узел, выросли, то соответственно увеличились

и доходы контролировавших этот узел булгар, что позволило им, не только выделиться из Хазарского каганата, насколько это возможно, но и начать чеканить собственную монету, и даже содержать собственную армию.

Булгары подчинили своему влиянию всю Среднюю Волгу. Кроме того, вчерашние кочевники на удивление быстро освоили земледелие, причем подняли его на такой высокий уровень, что в археологии есть разделение орудий земледелия (сошники, лемехи, плуги и др.) на древнебулгарские и древнеславянские. То есть, земледелие Булгарии развивалось без участия и влияния славян.

Внешняя и внутренняя торговля, сноровка и трудолюбие булгар, превратили Волжскую Булгарию в страну с развитой экономикой и сельским хозяйством. Это хозяйство удовлетворяло не только свои нужды, но и нужды соседей. В «Повести временных лет» сообщается, что во время голода в Суздальской земле, в 1024 году: «Болгары привезоша жито (хлеб) и тако ожиша...». Такое же сообщение есть и под 1229 годом.

Волжская Булгария строилась как исламское государство, что впрочем, было неудивительно для такой веротерпимой империи, какой была Хазария. Проникновение ислама в Волго-Камье началось еще в VIII веке, а в конце этого века, после установления в Хазарии иудаизма, как главенствующей религии, в Волго-Камье начался приток хазарских мусульман недовольных этим фактом. Согласно преданию, самый первый правитель Булгарии, Алмуш, принял ислам в VIII веке, а с ним титул эмира и мусульманское имя Джафар ибн Абдула. Его наследники носили только арабские имена, и вся знать Волжской Булгарии была мусульманской. Культура, экономика, идеология Волжской Булгарии развивались под влиянием ислама, и булгары распространяли ислам по всему Среднему Поволжью, хотя в веротерпимой Хазарии смотрели на это «сквозь пальцы».

Но в X веке, «Хазарский лев» захромал на все четыре лапы. Подвергаясь постоянному давлению кочевников Приуралья, племен печенегов, гузов и других, каганат, в период своего могущества, еще сдерживал эти орды. Но, из-за внутренних противоречий, заключенных, по мнению ученых-обществоведов, в отсутствии объединительной идеи для всех жителей империи, к середине X века,

окончательно ослабел под ударами номадов. Несмотря на свою веротерпимость, богатство, самостоятельность провинций, хазары не смогли сделать свое государство общим домом для народов населявших его, каким смогла сделать свою империю с помощью православия Византия.

В 965 году, русский князь Святослав Игоревич окончательно добил Хазарское государство, но Волжская Булгария, к этому времени, выступала уже как независимое образование. В ее владения входили все земли Среднего Поволжья, Покамья и Нижней Оки, включая и Окско-Сурское междуречье. Булгария, сначала в составе Хазарии, а затем уже как самостоятельное государство, была первым государственным образованием, в состав которого входили наши земли.

Вдумайтесь только: в течение почти 500 лет, вплоть до середины XIII века, Окско-Сурское междуречье было частью огромной империи рожденной в степи. Если сказать что хазары и булгары оказали влияние на становление и развитие народов Окско-Сурского междуречья, то значит не сказать ничего! Орудия труда, оружие, передовое земледелие, скотоводство, металлургия, письменность, культура, архитектура, зачатки государственности у Поволжских народов, все это пришло сначала из Хазарии и Булгарии. Булгары строили города, прокладывали дороги. Низовья Оки, включая Тешу, Мокшу и Цну, были встроены булгарами в систему «Великого Волжского пути», или как его еще называли, «Второго шелкового пути». В бассейне Тешы появились укрепленные города (городище в Саконах, город Имамишкили на месте нынешнего Ардатова и др.).

Вообще количество городов в Волжской Булгарии было огромным для того времени. Современными археологами учтено порядка 250 булгарских городищ, из которых 70 находятся в Окско-Сурском междуречье. Наиболее крупные из булгарских городов были известны по всему средневековому миру. Персидский историк Идриси (XII век), указывал в Предкамье город *Гурджан*, на Средней Каме города *Мазифа* и *Казифа*, в Среднем Поволжье города *Булгар*, *Билал*, *Сувар*, *Асбал* и *Тухчин*. Русские летописи знали булгарские города *Кашан* и *Жукотин* на Каме, *Бальмер*, *Ошлой* и *Ошель* (на месте нынешнего Нижнего Новгорода) на Волге. На карте братьев Пицигани (1367 год), на реке Каме, названной на карте «Эдил», расположены горо-

да *Себур*, *Сакатин* (*Жукотин*), *Кар*, *Паскерти*, *Карманчуха* (*Кременчуг*), а на реке Волге города *Болгар*, *Караболам*, *Самар*, *Иалахи*, *Тарага*, *Таница*, *Кабако*, *Кабанко*, *Сарай*, *Лохалит*, *Тартанкли*, *Макдаси*, *Котоба*. Про города *Арса*, *Маджар* и *Буртас* уже говорилось, и остается добавить, что скандинавские саги также говорят о большом количестве городов в Волжской Булгарии.

В IX веке, к моменту выхода Восточных славян к Волге и Оке, Волжская Булгария была одним из сильнейших государств Восточной Европы. Контролируя важные магистрали речного транзита, Булгария превратилась в крупнейший международный центр мировой торговли. Местные купцы регулировали торговые связи Древней Руси, Прибалтики и Северной Европы со странами арабского востока, с Ираном, Индией и Китаем. Древняя столица страны, город Булгар на Волге, был местом крупного международного торжища-ярмарки, на которую съезжались купцы со всех сторон обитаемого мира. Внешняя торговля приносила колоссальные доходы государственной казне, таможенный сбор составлял до десятой доли от стоимости товара.

При раскопках, на территории бывшей Волжской Булгарии, и районов контролировавшихся ею (в том числе и в нашем регионе), археологами найдено большое количество вещей из самых разных стран мира. Это и прибалтийский янтарь и восточная посуда, и византийское стекло и другие товары, и конечно множество монет со всех концов обитаемого мира. Знаменитый нумизмат XIX века, П. Соловьев писал: «Народы, населявшие материк между Каспийским и Балтийским морями, были необходимым звеном в торговле Каспия и Балтики, посредником между Мусульманским Востоком и Европейским Западом. Корысть соединила на берегах Волги и смуглова аравитянина и белокурых обитателей севера, подданных халифата с языческими норманнами, славянами, чудью».

Булгары понимали, что славянская колонизация рано или поздно приведет к потере контроля над речным транзитом, поэтому мобилизовали на борьбу с русскими князьями, все население Поволжья, и хоть с трудом, но сдерживали русскую экспансию до XIII века.

На Булгарский эмират татары напали в 1236 году, за год до вторжения на Русь. Причем по сообщению арабских источников, до

этого, Джучиды предпринимали еще две атаки на Булгар, в 1229 и 1232 годах, но те наступления, были булгарами отбиты. Решающая атака на Волго-Камье нелегко далась татарам. Булгары ожесточенно сопротивлялись, а после завоевания не смирились с татарским владычеством, и в 1242 году, подняли восстание, да такое сильное, что Батый, несмотря на европейский поход, был вынужден отправить на его подавление победителя сражения при реке Калке, темника Субудая. К середине XIII века, Булгарский эмират прекратил свое существование, войдя в состав новой степной империи, Золотой Орды.

Пятьсот лет Окско-Сурское междуречье находилось в сфере влияния двух могучих Поволжских государств, давших серьезный экономический и культурный импульс развитию этого региона. Но эти державы, сыграли немалую роль, и в становлении Древней Руси. Хазарский каганат не только воспрепятствовал исламизации Восточной Европы, Хазары в течение ряда веков сдерживали орды кочевников Приуралья, рвавшихся в теплые степи Причерноморья. Зародившееся в IX веке, на берегах Днепра, молодое русское государство созревало и набиралось сил, в тени своего великого восточного соседа, и под его влиянием. Даже сам титул *каган*, который носили и Владимир Святой и Ярослав Мудрый, говорит о том, как древние русы воспринимали Хазарский каганат. Русские правители принимали титул *каган*, считая его самым высоким титулом мира. Сразу после крушения Хазарии степи Причерноморья заполнили кочевые орды печенегов и гузов, но окрепшее русское государство уже сумело дать им достойный отпор.

Известный советский ученый, историк М.А. Артамонов (1898-1972), говорил о хазарах: «Роль хазар в истории была прогрессивной, они остановили натиск арабов, открыли двери Византийской культуре, установили порядок и безопасность в Прикаспийских и Причерноморских степях, что дало мощный толчок для развития народного хозяйства этих районов и обусловило заселение славянами лесостепной полосы Восточной Европы».⁹⁵

⁹⁵ Цит. по Л.Н. Гумилев. «Открытие Хазарии». Москва. 2012 г.

Хазары оставили после себя немало вопросов, многое в их истории остается на уровне догадок. Но одно можно утверждать абсолютно точно. Хазары никуда не исчезли, никуда не ушли из Российских степей, их потомки живут в России. Русские, татары, казаки, караймы, Дагестанские таты, какие-то народы Северного Кавказа, были когда-то хазарами, и историю Хазарии не следует отделять от истории России. Хазары и булгары были частью «Волжского потока», который соединился на берегах Москвы-реки со славянскими потоками.

Последний раз как народ, хазары упоминаются итальянским путешественником Плано Карпини (1182-1252), который перечислил их среди народов покорившихся Батью. Впрочем, Крым, несмотря, на находившееся там Татарское царство, на многих средневековых картах назывался Хазарией, вплоть до XVIII века.

К топонимике нашего региона хазары имеют опосредованное отношение, через булгар, но рассказ о хазарах, был необходим для понимания многообразия процессов, в результате которых создавалось государство Россия. Не менее необходим он, и для понимания того, насколько давно государственность пришла на земли Окско-Сурского междуречья. Еще когда в пойме Москвы-реки бродили медведи, здесь уже росли города, процветали ремесла и земледелие, культура и торговля.

Глава 9

Тюркская гегемония

М акой длинный рассказ, о тюркских средневековых государствах, нужен для того, чтобы понимать, какую роль играли они в истории Среднего Поволжья, и нашего региона, в частности. Будучи частью великих империй древности, Окско-Сурское междуречье осваивалось и развивалось в рамках этих империй, под гегемонией главных этносов этих государств. Эта гегемония не могла не сказаться, на культуре, хозяйстве, укладе жизни и, разумеется, на топонимике.

После крушения Хазарского каганата, контроль над Средним Поволжьем перешел к Волжским (Камским) Булгарам. В языковом отношении средневековые булгары (как и хазары) были носителями древнего тюркского языка, непохожего на язык кипчаков, и восточных тюрков. Этот язык выделяется, в тюркской языковой семье, в отдельную *огузскую* группу, которую, в лингвистике, принято противопоставлять, собственно тюркским языкам.⁹⁶

Булгары были наследниками той древней культурно-языковой общности, из которой вышли предки всех западно-тюркских народов. Если следовать законам лингвистики, то к булгарам, чувашам и мажарам, нельзя применять термин *угро-тюрки*. Но происхождение

этих народов, вышедших из огромного угро-тюркского («гуннского») «плавильного котла», существовавшего в начале I тысячелетия, в Поволжье, Казахстане и на Урале, позволяет считать их *угро-тюрками по происхождению*, такими же, как и хазары, и буртасы, и печенеги. Не случайно, языковая группа, к которой отнесены наречия этих древних народов, называется *огузской* (корень *-гуз*, *-оуз*, *-угуз*).

Булгары заняли господствующее положение среди местных угро-тюркских и угро-финских племен, и построили в Волго-Камье, сильное и динамичное государство, контролировавшее речной транзит между Северной Европой и Азией. Бывшие кочевники быстро освоили земледелие, и прекрасно обжили новые для них ландшафты лесной полосы. В VIII веке, после поражения Хазарского каганата в войне с арабами, на Среднюю Волгу проник ислам, который приняла вся булгарская верхушка. Впрочем, булгарский ислам не препятствовал распространению, в Поволжье, других религиозных течений, проникавших сюда как из Хазарии и Византии, так и из Приуралья.

Булгарская государственность благотворно сказывалась на развитии всего региона. Многочисленные города и торговые пути служили экономическому и культурному развитию края, и привлекали новых переселенцев, приходивших сюда из Приуралья. В VIII веке, союз угро-тюркских племен *мадьяр* (*маджар*), переходит Волгу, и устремляется в степи Подонья, но часть мадьяр остается в Приволжье, где уже существует родственная им этническая среда. Хазары и булгары используют воинственных мадьяр для распространения тюркской языковой и культурной экспансии, не только в Среднем Поволжье, но и в бассейнах Средней Оки и Верхней Волги. Мадыяры органично влились в состав угро-тюркского населения, заселив главным образом западные границы Волжской Булгарии в Поочье.

Расселившись к концу I тысячелетия, по всему бассейну Средней Волги, угро-тюрки принесли в среду местного угро-финского населения свой язык и культуру, традиции и обычаи степи.

Угро-финны обитавшие в бассейне реки Цивиль, и по правобережью Нижней Суры, соседствуя с сузавами, были ассимилированы ими, превратившись в предков одной из отраслей современного

⁹⁶ На очень похожем языке говорят теперь чуваша-потомки *сувазов*, жителей Хазарии, а затем Волжской Булгарии, и Золотой Орды.

чувацкого народа, называемой *вирьял*.⁹⁷ Угро-финны обитавшие в Юго-Западной части Окско-Сурского междуречья, и в бассейне рек Цны и Мокши, испытав серьезное влияние буртасов, а затем мажар-мажаров, все больше становились похожи на воинственных пришельцев, перенимая от них и язык и традиции и уклад жизни. Они составили впоследствии основу народа *мокиша*. Можно допустить, что буртасы и мажары являлись военной верхушкой некоторых племен «Окско-Сурской» мордвы.

Таким образом, к началу X века, на территории охватывающей Среднюю Волгу бассейны рек Цны, Суры и Мокши, а также районы Волго-Камья сложился раннесредневековый *угро-тюркский* конгломерат народов, включавший болгар, сувазов, мажар и буртасов, занимавший доминирующее положение среди местных угро-финских народов. Несмотря на исповедание булгарами ислама, среди большинства населения указанных территорий, широкое распространение имели языческие верования, как местного, так и привнесенного из Приуралья, толка (Тенгрианство), пропитанные религиозными влияниями из Хазарии и Византии.⁹⁸

Булгары и другие *угро-тюрки*, абсолютно доминировали над местными угро-финнами, находившимися на стадии разложения патриархального общества. Мы допускаем что, они и оформили каркас топонимики Окско-Сурского междуречья, и прилегающих районов, где-то закрепляя старые названия, данные еще уграми-*шифками*, а где-то давая новые имена, охотно перенимаемые местной мордвой.

В XII-XIII веках, Волжская Булгария, столкнулась с новыми претендентами на роль хозяев Среднего Поволжья. С юго-востока к региону подошли кочевники кипчаки, хоть и вышедшие из единой с угро-тюрками, этнокультурной среды, но уже оформившиеся

как собственно тюркоязычные племена, отличные от угро-тюрков Поволжья, по языку, и по некоторым другим признакам. А с запада, и юго-запада напирали восточнославянские племена, ведущие земледельческую экспансию в лесной полосе Восточной Европы, и грозившие поколебать угро-тюркскую гегемонию в Поволжье.

X век, ознаменован выходом Восточных славян к Оке. Эта мирная колонизация, направленная, сначала в соседнее Волго-Окское междуречье, шла двумя потоками. С северо-запада, из районов Ильменского озера шли Новгородские словене, которые вместе с кривичами, шедшими из районов Смоленска, составили один поток (сместившийся потом на север, и дошедший до Приуралья и Белого моря), а с юго-запада шли вятичи и радимичи, начавшие свое движение от берегов Днепра.

Сначала, вятичи и радимичи вышли на Среднюю Оку, где встретили племена Восточных финнов, «Рязанскую» мордву. Славяне, принешие более высокую земледельческую и ремесленную культуру, ассимилировали эти племена, вобрали их в себя и сделали мордовский город *Рязань* (Эрзянь), своим опорным пунктом на Оке, и вскоре летописцы уже заменяют слово «вятичи», словом «рязанцы» («Вятичи-иже есть Рязанцы»).

Закрепившись в правобережье средней Оки, славяне, под руководством Киевских и Черниговских Рюриковичей, вступили в Волго-Окское междуречье, в землю, названную в Киевских летописях *Залеской землей* (так как она находилась на северо-востоке от Киева, за огромным лесным массивом). В Залесье славяне встретили племена Восточных финнов, а также мажар (мещер в древнерусской огласовке), проводивших здесь влияние Волжской Булгарии. Какой характер носила эта встреча, никаких сведений не сохранилось, но область *Мещера* (названная так по имени господствующих здесь мажар) раскололась, в X веке, на две части. Северную Русскую, и южную Булгарскую (тюркскую). Видимо, часть мажар ушла на юго-восток, оставив завоевателям свои города и крепости, а часть была ассимилирована славянами, хотя и сохранила свою обособленность. Не случайно за равниной, между реками Москва, Клязьма и Ока, закрепилось название «Мещерской», а множество рек и населенных пунктов имеют в названиях *угорские* (*угро-тюркские*) корни.

⁹⁷ Народ чувашей делится на две отрасли: *вирьял* живущие севернее, и *анатри* живущие южнее. *Вирьял*, по мнению академика Ю.А. Красного, это угро-финны, которые приобрели тюркский язык в X-XII веках, а *анатри* потомки древнего населения Булгарии. Он подчеркивает, что угро-финских элементов больше в быту северных чувашей, а тюркских, в быту южных. (Ю. Краснов. Избранные труды. Москва. 2011 г.).

⁹⁸ Следы этого влияния видны, например, в том, что *тенгрианцы* (*агаряне*) называли дни недели также как и древние христиане-несториане, и древние иудеи хазары. Эта единая система наблюдается у многих угро-тюркских потомков, от современных татар-мишарей Нижегородской области, до турок Анатолии.

Что же касается восточно-финских (чудских) племен мери, муромы и других, они также как и «Рязанская» мордва подверглись полной ассимиляции, став вместе с балтами и славянами, основой средневекового податного населения Владимиро-Суздальской Руси, предками *Центральных Великоросов*. Эта ассимиляция не была мирной и гладкой. Несогласные с христианизацией, меряне, не раз восставали. В русских летописях, под 1024 годом, отмечено: «Бе мятеж и глад по всей той стране, всташа Волсви (волхвы) в Суждали...». Это восстание жестоко подавил Ярослав Мудрый, однако уже в 70-х годах XI века, «заблудшая чудь», не желавшая расставаться со своими языческими верованиями, опять взбунтовалась и убила епископа Леонтия Ростовского (объявленного потом святым).⁹⁹

Есть в рукописях и свидетельства о распространении, в левобережье нижней Оки, ислама. В средневековой «Повести о водворении в Муроме христианства» рассказывается о прибытии, на княжение в Муром, князя Глеба, сына киевского князя Владимира (крестителя Руси). Вместе с Глебом в Муром, для крещения его жителей, приезжает епископ Илларион, но муромчане встречают их враждебно. «Когда приеде Глеб ко граду Мурому, тогда неверующими и жестокими были муромцы, и не приемли его к себе на княжение, и не крестишася, но сопротивляхуся ему».

Епископу Иллариону, начавшему было проповедь, муромчане отрезали бороду и крепко помяли его. «Он же (Глеб) отъехал от града на реку Ишню (Ушну), и тамо пребываше до преставления сего отца (епископа Иллариона)». Муромские жители не приняли Глеба, и ему пришлось отступить, но какой верой дорожили горожане, не принимая христианства? В «Повести» говорится, что они пребывали в язычестве, поклонялись рекам, озерам, деревьям, приносили в жертву собственных детей (обычные обвинения для язычников), но летописец, все же, делает оговорку о том, что своим пророком, муромчане считали некоего *Моамефа*, в котором легко угадывается Мухаммед, главный пророк всех мусульман.

⁹⁹ В городах Ростове и Новгороде, до позднего средневековья, сохранялись улицы под названием «Чудский конец».

После неудачи князя Глеба, за дело, согласно повести, взялся князь Ярослав, сын Черниговского князя Святослава, носивший в крещении имя Константин.¹⁰⁰ Испросив благословения на крещение язычников, Константин-Ярослав с семьей, с епископом Василием, с духовенством и с чудотворной иконой Божией Матери прибыл к Мурому. Строптивые муромцы не приняли и Константина-Ярослава, вдобавок убив его сына Михаила, посланного к ним для переговоров. Тогда князь взял город приступом и утвердился в нем, построив в Муроме храм Благовещения, и поместив в нем чудотворную икону. Но неугомонные муромчане устроили заговор на Константина, и угрожая убийством, потребовали от него убраться из города. Не растерявшись, князь взял чудотворную икону и вышел к неверным. Произошло чудо. Икона засияла «паче солнца», мятежники пали на колени и попросили о прощении. Князь «...повелел всем людям с великой радостью идяху к реке, и с женами, и с детьми, и женский и мужской пол бродяху в реке. Пресвитеры же на берегу стояша, молитвы глаголаху». Крещение муромцев проходило, согласно «Повести», в озере Кстово (от глагола *кстити* -крестить), рядом с Окой (озеро не сохранилось). Чудотворная икона получила название «Муромской», а Муром стал христианским городом.

Несмотря на тотальную христианизацию и русификацию *мерян*, и других восточных финнов, языческие традиции («чудские обычаи») в Волго-Окском междуречье отмечались еще и в XVIII веке. Обрусевшие потомки *мерян* поклонялись «хозяину-медведю» и какому-то «синему камню» на Плещеевом озере. Эти «бесовские наущения» жестоко преследовались Православной церковью.

За два столетия (с X по XII век), Рюриковичи покорили все Волго-Окское междуречье, перешли Волгу выше ее слияния с Окой, завладели землями до верховьев реки Унжи, и крестив живших здесь *венсов* (весь), *мерян* и *марийцев*, включили их в состав податного населения Владимиро-Суздальской Руси. В конце XI века, киевляне в жестокой и кровавой междоусобице с черниговскими отпрысками Рюрика, отвоевали свое право на владение Залеской землей.

¹⁰⁰ Этот Ярослав-Константин отмечен в летописях как побитый мордвой, в 1103 году («...и побежден бысть Ярослав»).

Выходцы с берегов Днепра, они сохранили память о далекой родине, перенесли на новые места, свои родные, привычные названия. На юге были города Стародуб, Галич, Звенигород, Переяславль на реке Трубеж, и в Залесье появились Переяславль Залеский, и Переяславль Рязанский, а в нем река Трубеж, и города Стародубы Рязанский и Окский (Воцкий). Появились Звенигород и Галич Мерянский (мерянский), а притоки Клязьмы стали называться как притоки Днепра: Лыбедь, Рпень (Ирпень). Река Хатынь была в Киеве, и под Москвой появилась речка Ходынь (Ходынка).

Осваивая Волго-Окское междуречье, через которое проходили важные торговые пути, связывающие страны Востока, с Прибалтикой и Северной Европой, русские князья, не могли не столкнуться с Волжской Булгарией. Борьба за Средневолжский транзит началась, еще когда Святослав, в 965-ом году, разгромил сюзеренов Булгарии, хазар, а его сын, киевский князь Владимир, в 985-ом году, осуществил набег на Булгарию. С этим набегом связан интересный эпизод в летописи, когда соратник Великого князя, дружинник Добрыня остерегал его воевать с булгарами, после осмотра захваченных в плен. «Рече Добрыня Володимеру. Смотри колодники и все в сапогах. Эти дань нам не будут платить, поидем искать себе лапотников. И сотвори Володимер мир с болгаре...».¹⁰¹

Булгарский эмират, действительно был одним из самых передовых государств своего времени, и союз с булгарами пошел на пользу Владимиро-Суздальской Руси. Взаимная торговля и культурный обмен способствовали развитию обеих государств, но они не могли не воевать друг с другом. Слишком лакомым куском был Средневолжский транзит, что бы можно было делить его с кем-то. Академик Б.Д. Греков (1882-1953) точно определил причины столкновения русских князей с Булгарией: «Из характера торговых отношений Руси и Булгарии можно легко сделать вывод о неизбежном столкновении обеих стран в двух пунктах: а) добывание на европейском севере пушнины, б) торговля с восточными странами».¹⁰²

Утвердившись в Залесье, Рюриковичи развернули военные действия против Волжской Булгарии. В течение XI-XII веков, русские князья, согласно сообщениям летописей, организовали девять походов на Булгарский Эмират, пытаясь вытеснить булгар со Средней Волги. Продвигаясь к месту слияния Волги и Оки (справедливо считая это место ключевым в Верхневолжской торговле), Рюриковичи основывали (между 1152 и 1157 годами) выше устья Оки, на Волге, крепость *Городец Радилон (Городец)*, создав здесь опорный пункт своей экспансии.

В летописи говорится: «Быша же князю Мстиславу на Городце с братом своим муромским и рязанским на усть Оки, и ждаша дружины две недели, и не дождаша ехавшее с переднею дружиною в поганые (в земли мордвы авт.) и взяша сел шесть и сам город». Здесь говорится о булгарском городе *Ошель (Атель)*, останки которого найдены ниже устья Оки, при впадении в Волгу речки *Кирилки*.

В начале XIII века, натиск русских усиливается. Походы случились в 1205, 1219, 1220, 1221 годах. После удачного похода русских дружин в 1205 году, вглубь Булгарии, булгары в отместку, в 1218 году, взяв с собой мордву, совершают стремительный набег в Заволжье, захватывают Великий Устюг и выходят к реке Унже. Правивший в то время, во Владимире, великий князь Юрий Всеволодович, вместе со своим братом Святославом, совершают в ответ на этот набег, рейд в самое сердце Булгарии, к месту слияния Волги и Камы, где осаждают крупный булгарский город *Ошлой (Исли)*. Уничтожив город и разгромив булгар, русские с богатой добычей, победоносно возвращаются во Владимир.

В 1229 году, булгары, в отместку, предпринимают два похода на Устюг и на Рязань: «...окольные же города болгарские, Собекуляне, и Челмата»¹⁰³, и совокупишася их пять тысяч...и поидоша на Русь», но эти походы заканчиваются полной неудачей, после чего, в 1220 году, Юрий Всеволодович вновь готовит поход на Булгарию. Однако булгары, измотанные предыдущими битвами, просят его о мире.

¹⁰¹ В.Д. Дмитриев. «Болгары и Чуваши». Чебоксары. 1982 г.

¹⁰² Б.Д. Греков. «Киевская Русь». Москва 1947 г.

¹⁰³ Очевидно, что так («собекуляне и челмата»), летописец называет жителей каких-то булгарских городов. Предполагается что булгары всех остальных жителей своей страны (не булгар) называли *темтози* (по Татищеву), или *илимтози* (по А.Орлову).

Только с третьего раза: «С мольбой великой, и с дарами многия, и с челобитьем великим», булгарам удастся убедить Великого князя заключить мирный договор, в результате которого булгары уходят из устья Оки. В 1221 году, Великий князь Юрий Всеволодович основывает там город получивший название *Нижний Городец* (по отношению к Городцу Радилу, расположенному выше по Волге), впоследствии ставший *Нижним Новгородом* (или *Новгородом Низовской земли*).¹⁰⁴

Название *Нижний Городец* довольно долго держалось за городом, наряду с названием *Новгород Низовской земли*. Еще и в 1643 году, в одном из актов Нижегородского Печерского монастыря сказано: «Яз, Нижегородца посацкий человек Иван Петухов...». Наименование жителей Нижнего Новгорода «*нижегородцами*», образовано от названия «*Нижний Городец*».¹⁰⁵ Часто в летописях, Нижний Новгород назывался просто Новгородом (например, в созданной в Нижнем Новгороде, в 1377 году, «Лаврентьевской летописи»), и только начиная с XV века, во всех источниках закрепляется название «Нижний Новгород» постоянно.

Основание Нижнего Новгорода имело огромное значение для славянской, русской колонизации Поволжья. Взяв в свои руки устье Оки, Рюриковичи, уже в XIII веке, сломили бы сопротивление булгар, и покончили бы с тюркской гегемонией в Поволжье, и только татарское вторжение остановило этот процесс.

Выйдя к устью Оки, русские князья столкнулись еще с одним серьезным противником. Дело в том, что Булгарские эмиры всячески развивали союзнические отношения с угро-финскими народами Среднего Поволжья, и это принесло свои плоды. На борьбу с русской экспансией были подняты все Поволжские народы, и на юго-западе Окско-Сурского междуречья, местным мажарам, буртасам и мордве удалось остановить натиск сначала Черниговских, а затем Рязанских Рюриковичей.

На северо-западе, на пути Владимирских Рюриковичей встали раннефеодальные образования мордвы Окско-Сурского междуре-

¹⁰⁴ «*Низовая*» земля по отношению к «*Залесной*» земле, так как находилась ниже по течению Волги.

¹⁰⁵ Иначе бы произносилось «*нижненовгородец*», как произносится, например, «*нижнетагилец*».

чья, вассальные булгарам. Место, где Юрий Всеволодович основал Нижний Городец, принадлежало мордве, и согласно преданию, зафиксированному П.И. Мельниковым-Печерским (1804-1880), она сражалась за свою землю: «Из-за Кудьмы реки мордвин Абрам пришел на устье Оки и поселился на Дятловых горах, поросших дремучим лесом. Было у него 14 сыновей и 3 дочери, и построил им Абрам 17 домов. Этот Абрам был *панком*,¹⁰⁶ он укрепил свой город¹⁰⁷ валами и тыном... Русские подошли к Абрамову городку и сказали: «Уйди от устья Оки, и давай князю нашему дань».¹⁰⁸

Хитрый Абрам, согласно преданию, начал тянуть время, а потом, собрав побольше сил, напал, на ничего не подозревавших русских. Но русские одолели его, завладели городом, а жителей перебили, или взяли в «полон». Сам Абрам был убит. Мордва, узнав об этом, решила отомстить за смерть *панка* и выгнать русских. Узнав о приближении мордвы, русские вышли им навстречу, и, пробившись через мордовские полки, ускакали во Владимир, а мордва не смогла их догнать, потому что русские воевали на конях, а мордва пешими. Потом русские, уже во главе с великим князем, вернулись, победили мордву, завладели их землей и построили в устье Оки город.

Мордва Окско-Сурского междуречья не была толпой дикарей. Если в X веке, арабские авторы говорят о мордве, как о родовом патриархальном обществе, то к XIII веку, распад патриархальных отношений подошел к концу, и у мордвы сложились феодальные образования, названные в русских летописях *волостями*. В древнерусском языке под термином *волость*, подразумевалась территория определенного удела, главой которого был князь (*панок*, *инязор*, *оцязор*). Таким мордовским князем, был *Пургас*. Правитель волости объединившей мордовские эрзянские племена, жившие от устья Оки до Припьяня. Северной границей его волости была Волга, а южной, река Теша.

¹⁰⁶ Мордовский титул верховного вождя, воспринятый вероятно от аланов (*Жупан-Пан*). От этого титула берут начало «областные» фамилии Панов, Панков (Банков), Панькин, и т. п.

¹⁰⁷ В списке булгарских городов есть город *Обран-Ош* (город Абрама).

¹⁰⁸ П.И. Мельников-Печерский. «Очерки мордвы». Интернет.

Одним из центров волости был город Арзамас, известный по арабским источникам как город *Арса*. Только этот город был скорее *угро-тюркским* центром, что подтверждено археологией, и возможно, сам Пургас принадлежал к *алано-угро-тюркской* феодальной верхушке мордвы.

Именно в эту *Арсу* помещали арабские хронисты, один из трех народов *рус*, живших, в IX-X веках, в Восточной Европе. И эти русы не имели отношения, ни к Киеву, ни к Новгороду, потому что, в IX-X веках, славяне к Среднему Поволжью только подходили, и ни жить, ни тем более иметь городов, там не могли. А сам термин *арса*, как этноним, мог принадлежать в Среднем Поволжье исключительно мордве-эрзе, которую арабы только под этим именем и знали.

Но для многих ученых-историков признать, что русь-росы, в X веке, могли быть кем-то еще кроме славян, означает «наступить на горло собственной песне». Вот и появляются мнения, вроде тех, что «древние авторы просто ошиблись», или «напутали», или говорят не о Среднем Поволжье, а о Тамани, или о Крыме, или вообще о Ближнем Востоке (только откуда там взяться пушнине которую вывозили из *Арсы*?).

Но если допустить, что в Окско-Сурском междуречье (в *Арсе Арзамасе*), с древности, среди племен прамордвы, жили русы-росы, пусть и не принадлежащие к славянскому племени, тогда найдется внятное объяснение еще одному удивительному факту, описанному в русских летописях. На стороне Пургаса, против русских, сражалась «*Пургасова Русь*» (которая, кстати, была наголову разгромлена).

Эта самая «*Пургасова Русь*», испортила немало крови исследователям, пытавшимся свести концы с концами. И правда, какая может быть Русь у Пургаса, когда Русь воюет с Пургасом? Было сделано много предположений, из которых наименее нелепым выглядит то, что якобы, русские летописцы называли «*Пургасовой Русью*» тех Восточных славян, которые, к XIII веку, уже поселились на землях Пургаса, и были мобилизованы им на борьбу, что называется «против своих».

Предположение неверное, потому что, еще и в XIII веке (не говоря уж о IX-X веках), термин-звание Рус (Росс) было привилегией профессионального воина. Это звание надо было унаследовать, или

как минимум заслужить. Да, были «*русские люди*», да, были «*русские княжества*», да, была «*русская земля*», но здесь *русский*, имя прилагательное, означающее принадлежность русам. Восточные славяне называли себя, или по имени племени (вятич, словенин), или, что чаще всего, по месту обитания (рязанец, смолянин, новгородец), или по подданству (чей данник? данник руси, русский), и этому прилагательному еще только предстояло стать этнонимом.

Происхождению «*Пургасовой Руси*» есть другое объяснение. В раннем средневековье (VIII-IX века), разноплеменные отряды профессиональных бойцов русов-росов (красных), бродили по всей Европе в поисках военной удачи. Один из таких отрядов, скорее всего аланы-асы, пришел, из степи, в Окско-Сурское междуречье, и обложил данью местные племена прамордвы, обязавшись взамен, защищать их. За годы проживания среди местного населения, они смешались с туземцами, но своей функции не утратили, проживая в *Арсе* и вокруг, и возможно составляя феодальную верхушку эрзян. Не утратили они и своего гордого имени *Русь*, будучи упомянуты в летописи как «*Русь Пургасова*».

Итак, русские князья вступили в противоборство с мордвой. С 1222 по 1237 года, в русских летописях зафиксировано пять походов в мордовские земли. Показательным был поход 1228 года, когда зимой: «генваря в 14 день великий князь Гюрги (Юрий Всеволодович) и Ярослав¹⁰⁹ и Костянтиновичи Василько, Всеволод идоша на мордву; и муромский князь Гюрги Давыдович вшед в земли мордовскую, Пургасову волость, пожгоша жито и потравиша и скоты избиша, а села пожгоша, живущих же в волости Пургасовой посекоша мечом нещадно, а прочие поймаша, и полон послаша назад. Мордва же слышавша то вбегоша в тверди (крепости) свои, в леса, а кто не вбег избиша наехавши молодцы Гюргеви. То видевши молодцы Ярослава, Василька, и Всеволода тайно позаутрене скачаша в лес глубоок, а мордва давая им путь, а сами лесом обошли их, и иных

¹⁰⁹ Отец знаменитого князя Александра Невского. По легенде, после этого набега, он заключил с Пургасом мир, и женился на его дочери *Утыше*, ставшей матерью князя Андрея Ярославовича, младшего, сводного брата Александра Невского.

избиша, а иных изъяша, а потом убежали в тверди свои, и князем нашим не было с кем воевати».¹¹⁰

Тут, в летописях, появляется еще один мордовский панок-инязор, по имени *Пурес (Пуреш)*, являющийся уже, союзником русских князей. «А Болгарский князь пришел было на Пуреша, ротника Юргева (Юрия Всеволодовича), и слыша оне великий князь Юрги стал жечь села мордовские, и бежа болгары прочь ночью; а Юрге с братьею и со всеми полки возвратишия добри здорови».

Казалось бы, после такого погрома Пургас не оправится, но в 1229 году, он, собравшись с силами, наносит ответный удар, осадив Нижний Новгород. «Пришла мордва с Пургасом к Новгородцу (Нижний Новгород) и отбились от них новгородцы. Они же (мордва) зажегоша монастырь Пресвятой Богородицы, и церкви которые извне города; в тот же день и отъехали прочь, захватив много убитых».

Началась настоящая война, и мордовский союзник великого князя Юрия Всеволодовича, инязор Пурес, атакует Пургасову волость с юго-запада, с территории нашего региона. Противоборство Пургаса и Пуреша дало повод некоторым историкам, рассуждать о вражде между эрзей (Пургас) и мокшей (Пуреш), якобы происходившей в XIII веке. Вряд ли это так, в средние века войны вели между собой феодалы, а не народы. Мордовский князь Пурес (если он и вправду мордвин, а не мажар или буртас) считал за благо для себя, союз с русскими князьями, и выступил на их стороне, ища в этой войне свои выгоды. Можно предположить, что владения Пуреша простиравшиеся от левобережья Теши на севере до бассейна Цны на юге, вплотную граничили с русскими, Рязанскими и Муромскими землями, и он находился под влиянием русских князей.

О том, что на указанных территориях, существовало раннефеодальное государственное образование, говорит и археология. В 1970 году, археологом В. Н. Мартыновым было сделано обоснование, что южнее Теши располагалось средневековое княжество, с центром в районе современного города Сарова. В результате проводившихся, в 1990 году, археологом К.Н. Грибовым, раскопках на месте Саровского городища, были обнаружены останки настоящего города, XII-

XIII веков, с целым ремесленным кварталом, где занимались металлургией и обработкой металлов. Здесь нашли предметы связанные и с болгарской, и с русской, и даже со скандинавской культурами, а большая площадь древнего городища, позволяет говорить о наличии здесь крупного средневекового центра.¹¹¹

Итак, в войну вступает Пурес, но он терпит поражение от Пургаса, и тактическая инициатива переходит в руки Пургасовой Руси. Тогда, зимой 1229 года, Великий князь Юрий Всеволодович, объединившись с суздальцами, выступает в новый поход. С юга, ему на помощь, выдвигается сын Пуреса, приведший отряды половцев. Совместными усилиями они громят Пургаса: «В то же лето (год) 1230, Пурешев сын с половцы победил Пургаса, и перебил всю мордву и Русь Пургасову, а Пургас бежал с малым отрядом, и направился в укрепленные места, в тверди, чтобы защищаться, если хватит сил».

Пургас был разгромлен и перед русскими князьями открылся выход в «подбрюшье» Волжской Булгарии, в Окско-Сурское междуречье, к древнему тракту, соединявшему Владимир и Великий Булгар через Муром и Арсу-Арзамас. Это была прямая дорога к обладанию, важнейшим, Волго-Камским речным торговым узлом, но уже подошел к Среднему Поволжью, грозный царь Батый, возглавивший татарскую, кипчакскую армию, призванную очистить от конкурентов «Великий Волжский путь» до самой Ладоги.

Надо сказать, что кипчаки-половцы проникали в Среднее Поволжье давно, еще с X века, расселяясь, среди родственных *угро-тюрок*. Густые леса, конечно, мало интересовали скотоводов-кочевников, но вот лесостепи верховьев Суры, Мокши, Хопра, а также *Пьянско-Присурская* зона Окско-сурского междуречья характеризующаяся «остепненной» местностью, вполне подходили для отгонного скотоводства. Кроме того, кипчаки-половцы, собираясь в боевые отряды, предлагали «свои услуги» как русским, так и болгарским феодалам, а порой просто разбойничали.

Возможно поэтому, с ними особо не церемонились. Например, в летописи под 1117 годом, говорится: «тогда же приидоша половцы к болгарам и выслал им князь болгарский питии с отравою, и пил

¹¹⁰ П.И. Мельников-Печерский. «Очерки мордвы». Интернет.

¹¹¹ А. Подурец. «Саров. Памятник православия, истории, культуры». Саров 2006 г.

Аепак и прочие князи и все помроша». Но все таки кипчаки, несмотря на союзы с русскими князьями (выше говорилось какую роль они сыграли в борьбе с Пургасом), были родственны *угро-тюркам* Поволжья, что хорошо понимали на Руси. В той же летописи, в рассказе об одном из походов на болгар, в 1183 году, говорится, что Великий князь Всеволод побоялся звать на помощь кипчаков-половцев, сказав: «...половцев призвать не хочет ибо они с болгары язык и род едины».

Завоевание Волжской Булгарии нелегко далось татарам. Булгары были прекрасно осведомлены о татарских приготовлениях к нападению на Среднее Поволжье. Арабский историк Ибн Аль Асир говорит, что после битвы на Калке, в 1223 году, отряд татар направился в Булгарию, но булгары устроили засаду, и перебили 4000 татар. Следующая атака новых хозяев степи произошла в 1229 году. «Саксины и половцы взбегоша из низу к болгарам от татар, и сторожеви болгарски прибегоша, биении от татар близ реки ей же имя Яик» (от *тюрк. джаик* широкий). После булгары, устроив на границах степи засеки (подобные им потом строили московские государи), сумели в 1232 году, отразить натиск татар, но через 4 года татары сломили сопротивление булгар и оккупировали Волжскую Булгарию.

«Приидоша...в болгарскую землю безбожники татаре, и взяша славный город Великий Болгар, и избиша оружием от старца до уного младенца...а город их пожгоша, а всю землю плениша». Жестокая расправа над булгарами указывает на их упорное сопротивление, в случае которого, татары не щадили покоренных. Булгарские князья, признавшие власть татар, стали татарскими управляющими в своих владениях. В «Житии князя Федора Смоленского» сказано: «начаша ходити рустии князья и болгаре в орду к царю, отчин своих просити на столование свое». Многие булгары бежали от нашествия в северные земли Волжской Булгарии и в Закамье, много выехало в Суздальскую землю, к Великому князю Владимирскому, а тот: «Велими рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие». Очень много булгар укрылось и в Окско-Сурском междуречье.

На Окско-Сурском междуречье татары напали в 1237 году, сразу после покорения Волжской Булгарии. Находившиеся здесь феодаль-

ные княжества, вассальные болгарским и русским правителям, также оказали сопротивление завоевателям, о чем можно судить по сообщению русских летописцев, указавших что татары, нападая на мордву: «...села и жита пожгоша». Однако какие-то мордовские властители добровольно покорились пришельцам, о чем говорит доминиканец Юлиан: «...они (татары) напали на царство мордванов. Там было два князя: один со всем народом и семьей покорился владыке татар, но другой, с немногими людьми, направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться...».

Подчинив Волжскую Булгарию и Окско-Сурское междуречье, и обезопасив, таким образом, свои тылы, татары, в том же 1237 году, напали на Русь, именно из пределов Юго-Западной части Окско-Сурского междуречья, ставшего с этого времени одним из самых важных районов будущего татарского государства. Отсюда, впоследствии, велся контроль, за покоренными землями Руси и Булгарии.

Захваченное татарами Окско-Сурское междуречье не было диким, неосвоенным краем. Это был регион с большим количеством городов построенных в период хазаро-булгарского владычества. Регион, где в силу лесистости, кроме земледелия были развиты еще и бортничество, и промысел пушного зверя.

Булгары строя Волго-Окскую торговлю, прокладывали здесь торговые пути, осваивали месторождения руды, развивали металлургию и ремесла. Завоевателям достался развитый экономически (по меркам того времени) край, с лояльным к ним населением состоящим из мордвы, булгар, мажар, буртасов и сувазов. О лояльности к татарам местного населения свидетельствует тот факт, что Джучиды, обложившие данью все покоренные народы Восточной Европы, для мордвы главной повинностью (главной формой эксплуатации, как писали советские историки), сделали...службу мордовских воинов в войсках Золотой Орды.

Согласитесь, странный налог с «угнетенного» народа, если конечно не допустить что и мордва, и мажары и буртасы, и другие, стали вассальными союзниками татар, и их феодальная знать была включена в систему феодальной знати, народившейся империи. При этом мордва во всех операциях ордынских армий отмечается особо.

Моксель мы видим в авангарде европейского похода Батыя, мордва отмечается русскими летописцами в карательных походах на Тверь (1319), в боях под Смоленском (1339), в войнах Тохтамыша с Тимуром, в конце XIV века, и др. Везде в источниках сделана оговорка, что в составе ордынской армии присутствовала мордва. Видимо она считалась серьезной силой.

Земли мордвы, мажаров и буртасов, татары считали землями союзников. Если главная столица Золотой Орды, город Сарай располагался на нижней Волге, то одной из региональных столиц империи становится, в конце XIII века, город Мохши (*Наручадь* русск. летописей, совр. село Наровчат в Мордовии), бывший одновременно столицей Наручадского улуса.

Именно в Мохши, в течение долгого времени свозятся налоги с Северо-Восточной Руси и Среднего Поволжья, здесь раздаются наделы беям, тарханам и мурзам, военному сословию империи, сюда приезжают за ярлыками русские и болгарские князья. Более того, в начале XIV века (1312 г.), царь Золотой Орды Узбек переносит монетный двор из города Увек (Нижняя Волга) в Мохши-Наручадь, и здесь начинается чеканка монет империи. Считается, что чеканка монет в государстве Джучидов прекратилась во 2-й половине XV века, когда империя раскололась, но серебряные монеты, отчеканенные в Мохши (их на Руси называли «мордовками») были в обороте у населения Поволжья, вплоть до XVIII века, имея хождение наряду с царским серебром.

Завоевав, в XIII веке, Окско-Сурское междуречье, татары установили здесь тюркскую, кипчакскую гегемонию, ставшую во многом продолжением угро-тюркского господства. Начавшееся в VI-VII веках, это господство, посредством татарского завоевания продлилось вплоть до середины XVI века, и здесь следует еще раз подчеркнуть, какую роль оно сыграло в создании местной топонимики.

Значительный пласт географических названий берет свое начало в древних «угро-тюркских» языках, но немало названий происходит и из языка кипчаков. После включения, в XVI веке, Окско-Сурского междуречья в состав России, эти топонимы, порой просто заменялись на русскоязычные, но чаще перерабатывались русским населением, или в порядке «народной» этимологии, или оформлялись рус-

скими суффиксами, и в таком виде, уже включались в современную российскую топонимику.

В частности, ярко выраженные тюркские корни имеют такие названия как *Балахна*, *Балахониха* (тюрк. *бала* (верхний) и *хана* (стена), подобные названия есть на Каспии и в Азербайджане). Аппеллятив *курмыш* традиционно этимологизируемый из марийского языка (*кур-маш* ворон), вполне может быть тюркским. Булгары называли так небольшую крепость, а по-чувашски *курмыш*, это усадьба, состоящая из одного двора. Селения с названием *Курмыш* расположены по всему левобережью Нижней Оки до самой Елатьмы, то есть, по древней границе Суздальских земель и Булгарии. Наделы, полученные ордынскими феодалами, назывались «беляки» (тюрк. *бильк* дар), и этот термин долго сохранялся в административной номенклатуре Среднего Поволжья. Центры этих *беляков* стали называться по имени владельцев степняков. По мнению исследователя Нижегородских татар Алимжана Орлова, расположенные в междуречье Кудьмы и Оки, селения *Сартаково*, *Дуденево*, *Кубаево*, получили свои названия по именам владельцев, *Сартака* (сын Батыя), военачальника *Дуденя* (известного своим карательным походом на Русь), и *Кувая* (татарского мурзы известного из летописей).

Так же от имен татарских князей-мурз *Лыская* и *Мураша* (*Мурана*), получили свои названия селения *Лысково* и *Мурашкино*, а город *Сергач* именован так, по названию Кипчакского рода *сернач* (*сернаш*). Из источников известно, что в XIV веке, Сергач был местом встречи царя Тохтамыша и Нижегородских князей, а в XV веке, татарский мурза *Сернач* продал земли по реке Сундовик суздальскому купцу Тарану Петрову.

Особенно привлекали степняков местности в Пьяно-Присурской возвышенности, и территории к юго-востоку от Арзамаса, потому что они отличались большими безлесными пространствами, пригодными для отгонного скотоводства. Кроме того, ордынские феодалы охотно занимали земли, населенные трудолюбивыми суварями и мордвой. По всему Окско-Сурскому междуречью разбросаны селения, имеющие в своих названиях тюркские корни. *Салганово*, *Ушаково*, *Мансурово*, *Узяково*, *Кутузово*, *Куракино*, *Сабурово* и др. По мнению, все

того же А. Орлова, некоторые реки Окско-Сурского междуречья носят именно кыпчакские названия. Это реки *Меня, Кира, Паря* и др.

Он утверждал, что с XIII века, вся восточная часть междуречья называлась «*татарской степью*» из-за заселивших ее татар-кипчаков. Действительно здесь, кроме топонимов происходящих от тюркских мусульманских имен (*Саитовка, Ахматово, Муратово, Мустафино, Шугурово, Шараново, Юсупово* и др.), и топонимов происходящих от ордынских титулов (*Мурзино, Мурзицы, Тарханово, Дивеево, Казаково, Уланово*, и др. подобных), имеется еще значительный пласт названий образованных от личных домусульманских имен степняков.

Читатель наверняка заметил, что многие древние имена жителей степи, начиная от скифского царя *Колоксия* до Мамаевского богатыря *Челубея*, и героя татарского эпоса *Едигея* заканчиваются суффиксом *-ей* (*-ай, -уй*). Эта закономерность прослеживается у всех народов «*угро-тюркского мира*». Печенеги *Куряй, Илдей, Итегай*, и др., половцы-кипчаки *Ичигей, Бастей, Мальдибердей, Тухнай* и др., татары *Батый, Субудай, Чагатай, Тагай, Мадай, Шибай, Могучей, Бибай, Теребердей, Лыскай* и др., сибирские татары *Курулдей, Гильдей, Торабердей*, и др., чувашаи *Рамзай, Маслей, Мамай, Урпай, Сысуй, Табей, Уклерей* и др., мажары-мещеряки *Еникей, Радай, Тугай* и др.

Сотнями подобных имен наполнены средневековые источники и документы. От них образованы названия селений, принадлежавшие когда-то выходцам из степи. *Кужендеево (Кужендей), Личадеево (Личадей), Ризадеево (Ризадей), Автодеево (Автодей), Тагаево (Тагай)* и другие. За давностью времен, уже невозможно разобрать какие из этих названий возникли в доордынский (булгарский) период, а какие относятся к временам правления Джучидов, или к временам правления Московских государей, которые также жаловали, служивших им тюрок, селами и вотчинами.

Немало в регионе топонимов в которых прослеживается древнетюркский топоформант *-ли* (*-ле, -лы, -лык*), означавший в древнетюркских языках *род (племя)*. Этот древнетюркский *-ли, -лы, -уз* нается например в таком названии как «*Мухтолово*». Оформленное русским суффиксом *-ово*, тюркское селение *Мухталы* превратилось в *Мухтолово*, и это только один из примеров. Многие селения имевшие в своих названиях формант *-ли*, были заселены «ясачной» мордвой,

которая татарский формант *-ли* переименовала в мордовский формант *-лей* (*-ляй, овраг, ручей*).

Возможно, так возникли топонимы, с тюркской основой и мордовским топоформантом: *Тарталей (Татарлы), Размазлей (Рамаслы), Мочалей (Мачарлы)* и др. Мордва расселявшаяся по *белякам*, и на пустующие земли (всеми исследователями признается, что с XIII века, в связи с прекращением междоусобиц, и в Северо-Восточной Руси, и в Поволжье наблюдался значительный рост населения), строила свою топонимику параллельно с татарской, и порой просто снабжала тюркские названия формантами своего языка: *-лей* (ручей), *-кужо* (поляна), *-ур* (крепость), *-ниче* (сосна), *-пумра* (роща), *-пандо* (гора), *-веле, -бие* (село), *-ерьке* (озеро) и др., переименовая их согласно своей фонетики (например, *Татарлы* в Тарталей). Кстати, по мнению востоковеда академика Б.В. Владимирцева (1884-1931), мордовские форманты *-веле* и *-бие* (также как *-ерьке* см. гл. 6), заимствованы из тюркских языков.

Отдельный пласт топонимов Окско-Сурского междуречья, появившихся с участием тюркских языков, составляют названия, образованные в союзе с тюркским апеллятивом *майдан* (площадь, открытая площадка). Считается, что название *майдан* связано с производством поташа в XVII-XVIII веках. Однако не все *майданы* расположены там, где раньше велась заготовка древесины, а некоторые находятся там, где такая заготовка не велась никогда. К «тюркскому прошлому», следует отнести и названия, в которых указывается этническая принадлежность живущих в них (Татарский, Татарская и т.п.).

Татары, в период своего владения Окско-Сурским междуречьем, также и ассимилировали местную мордву. Известный Нижегородский ученый-лингвист Н.В. Морохин в своих работах указывал на это. В частности, полевые исследования показали, что например, жители татарского села Шубино (Сергачский р-он), в древности были финно-уграми, о чем говорят особенности их диалекта.¹¹²

Весь этот «*угро-тюркский*» и «*тюрко-кыпчакский*» след, в топонимике Окско-Сурского междуречья, во многом остается еще неиссле-

¹¹² Н.В. Морохин. «Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья». Киев 1997 г.

дованным. О нем стараются не упоминать без особой нужды, или отмахиваются как от чего-то, мешающего и ненужного, делая упор на мордовское происхождение дославянской топонимики края, прибавляя что, невыводимые из мордовских языков названия, принадлежат языку какого-то древнего народа, ныне утраченному, или объявляют эти названия забытыми мордовскими именами. Однако исторические факты говорят сами за себя. Угро-тюрки, а за ними тюрки-кипчаки, господствовали в Окско-Сурском междуречье с VII по XVI века, и след, оставленный ими в топонимике не изжить, не замолчать невозможно.

Глава 10

Золотая Орда и татары

Во 2-й половине XIII века, в Евразии образовалась огромная империя. Самая большая империя средневековья. Золотая Орда. «Золотая Орда», это позднее наименование, впервые зафиксированное в XVI веке, чаще всего в средневековье употреблялось название «Белая Орда» (Ак-Орда), или «Улус Джучи» — по имени сына Чингисхана, Джучи, основателя династии Джучидов. На Руси же, это государство, в средние века, называли просто «Орда» («поиде в Орду», «пришед из Орды»).

Нарисованный отечественными историками и беллетристами, образ дикой и кровожадной державы, в которой сосредоточено все самое жестокое и невежественное, что только может придумать человек, никак не вяжется с реальным образом этого могущественного и цивилизованного государства, с широкими политическими и торговыми связями, высокоразвитой культурой и экономикой.

Здравый смысл не позволяет примириться с мыслью о том, что дикие кочевники, пришедшие из глубин Азии, в течение одного поколения создали могущественную империю, и задались иррациональной целью покорить весь мир. Опровержению этой теории, как и теории «монголо-татарского ига» посвящено немало монографий, и современных авторов и историков прошлого. Нет нужды повторяться, стоит только отметить, что наряду с множеством других нестыковок этих теорий, самой, пожалуй, заметной является тезис

о том, что монголы оставили сначала свое этническое имя, ради имени покоренного народа (татар), а впоследствии оставили и свой язык, ради языка опять же покоренного народа (поменяли монгольский на кыпчакский). Почему? Внятного ответа нет до сих пор.

Скорее следует допустить, что после погрома, учиненного в X веке, Святославом, какие-то государствообразующие процессы, на территориях между Волгой и Доном, все-таки продолжались. В начале XIII века, среди кочевников *куманов* (кипчаков) возвысился род *татаф*. Этот этноним был давно известен в Половецких степях. Исследователь кочевых народов С.А. Плетнева (1926-2008), в своем труде «Половцы», перечисляет роды куманов-половцев: «Первый Ими, второй Имак, третий Татар, четвертый Байадур, пятый Кипчак».¹¹³ Из летописей известна «орда князя Татара», на службе у Венгерского короля, род кочевников с подобным названием упоминается в «Слове о полку Игореве».

Татары, заняв доминирующее положение в Южных степях, подчинили своему влиянию окрестные орды, и стали возрождать великую империю. Усилившись, степняки решили вернуть контроль над «Великим Волжским путем», от устья Волги до устья Ладоги, потому и не тронули русских княжеств лежавших в стороне от него. Ведь торговлю на Волге, после Святослава похода никто не отменял, а прибыль от контроля над этой торговлей способна возродить любую державу.

Предводитель татар, Темужин, наделенный титулом «*Чингизхан*», несомненно, был представителем «белого» сословия степи, только этим можно объяснить то, с какой легкостью «Дешт-и-кипчак» покорился его наследникам *Чингизидам*. Царское («белое») достоинство степных правителей не оспаривалось ни в одной европейской стране, во всех источниках они именуются *царями*. Даже русские летописи, как правило, не скупившиеся на бранные эпитеты для завоевателей, все ордынских государей именуют с титулом *царь*, а членов дома Чингизидов, с титулом *царевич*. Этот факт имеет очень большое значение для выяснения прошлого Золотой Орды. В отличие от княжеской власти, власть царя (цезаря, императора, василевса, султана и

¹¹³ С.А. Плетнева. «Половцы». Москва 1990 г.

др.) освящалась главой правящей конфессии, и носила сакральный характер, то, что называется «власть от Бога».

Нельзя исключать и преемственности этой власти татарами, из наследия Хазарского каганата. Ведь что бы там не говорили, а Батый установил власть над территориями, в основном повторяющими очертания Хазарской империи. То, что татары были «местными», несомненно. Никаких документов Золотой Орды, на монгольском, или каких других языках кроме кыпчакского (старотатарского) не сохранилось, да и вряд ли они были. Татары изначально говорили на родном кыпчакском, и распространили его на все народы своей империи. По-кыпчакски (по-татарски) говорили на Руси и в Поволжье, в Причерноморье и в Предкавказье, в Сибири и на Урале. Он стал языком межнационального общения, языком науки и культуры, языком письменности. На нем написаны великолепные произведения средневековья, и по мнению лингвистов, старотатарский язык имеет ключевой характер по отношению ко всем другим тюркским языкам.

Городская цивилизация Золотой Орды во многом превосходила городскую цивилизацию современной ей Западной Европы. Далеко не все европейские города имели водопровод, канализацию, общественные бани и многие другие удобства цивилизации, которыми пользовались в больших городах Степи. Города Золотой Орды были крупными политическими, хозяйственными, культурными и религиозными центрами своего времени. Археологами выявлены следы более ста крупных городов, существовавших в Орде. Средневековый арабский хронист Аль Омари, в XIV веке, описывая территорию Золотой Орды, называл в числе наиболее крупных городов и областей *Хорезм, Сыгнак, Сайрим, Аркенд, Дженд, Сарай, Маджар, Азак, Акчерман, Кафу, Судах, Саксин, Укек, Булгар, Дербент, области Сибир и Ибиф, Башгард и Чульман*.

Другой араб, Ибн Хальдун (?–1406), говорил о Золотой Орде как об: «Обширном царстве на севере, от Хорезма до Яркенда и Согда и Сарая до города Маджара и Аррака и Булгара, и Башгарда и Чульмана; и в границах этого царства город Баку, и возле него «Железные ворота» и на юге до границ Константинополя».¹¹⁴

¹¹⁴ И. Измайлов, Б. Хамидуллин. «Ислам в Золотой Орде». Казань 2008 г.

По словам арабского ученого XIV века, Ибн Арабшаха, столица Орды: «Город Сарай, является центром науки и источником всего самого доброго и лучшего. За короткое время здесь собралось много ученых и знаменитостей».¹¹⁵ Кроме Сарая, находившегося на Нижней Волге (в районе современного Волгограда), ордынские цари использовали в качестве столиц Поволжские города Булгар и Мохши, а также Саксин в дельте Волги, называемый еще «старым Сараем». Крупные волжские города Хазторокан, Укек, Гюлистан, Бездеж, Сарайчик, образовывали своеобразный земледельческий оазис, тянувшийся по обоим берегам великой реки. Здесь находился экономический и культурный центр Золотой Орды, куда стекались все богатства из покоренных Джучидами земель.

Золотая Орда имела хорошо отлаженную финансовую систему, ее законодательство опиралось на введенный Чингисханом кодекс законов «*Яса*», действовавший вместе с древним степным кодексом «*Торе*». Кодексы запрещено было изменять и дополнять, поэтому необходимые законы, золотоордынские цари оформляли в виде ярлыков. В империи действовал эффективный аппарат управления и сбора налогов, все государство было разделено на улусы, наделенные широкой самостоятельностью. Параллельно территория империи была разделена на *тумены*, своего рода, военные округа, управляемые *тумен-беями* (*темниками*). Темники отвечали за мобилизацию и боевую готовность.

Так как большое развитие получила торговля, вся Золотая Орда была покрыта сетью караванных путей-дорог, охраняемых и оборудованных местами отдыха. В пути были устроены *караван-сарай* и *ямы*, для путешественников, а перевозку гонцов и почты осуществляли *ямчи*, служившие при *ямах*. Такая система позволяла с максимальной быстротой преодолевать расстояния огромной страны. Ордынская администрация проводила колонизацию пустующих земель империи. Например, заселялся русский север, в XIII веке славяне заселили Унжу и Ветлугу, зашли в Поволжье, много славян было выведено для установления земледелия в степи (их поселения будут уничтожены, в конце XIV века, нашествием Тамерлана и чумой).

¹¹⁵ Там же.

Наивысшего могущества империя достигла при царе Узбеке (?–1342). Его усилиями, ислам стал главенствующей религией, и это благотворно сказалось на жизни Золотой Орды. Развилась богатейшая исламская культура, письменность на татарском, персидском и арабском языках. При этом в Орде не было гонений на другие религии. Немусульмане, и в первую очередь «люди книги», христиане и иудеи, рассматривались как *зимми*, то есть, находящиеся под покровительством мусульман. В городах Поволжья наряду с мечетями существовали синагоги и церкви.

Среди ордынцев было много христиан, и православных, и несториан, а один из правнуков Батые, царевич Петр Ордынский, даже стал русским православным святым (его память отмечается 30 июля).

В 1261 году, при царе Берке (1209–1266), в столице Орды, Сарая, была основана *Сарайская епархия*, имевшая большой вес среди православных епархий Восточной Европы. Сарайские епископы были близки к ордынскому двору, и часто выполняли дипломатические поручения царей. В середине XV века, после окончательного крушения Орды, епархия была переведена в Москву, на Крутицкое подворье, но Сарайский епископ оставался вторым лицом в церковной иерархии Московского государства, и долго еще сохранял свое влияние в степи.

Русская православная церковь получила от ордынских царей большие льготы и привилегии, которые не упали и при принятии Ордой ислама. Царь Узбек в своем ярлыке православному духовенству говорил: «Кто веру их похулит или ругает, тот ничем не извинится и умрет злой смертью. Да будут целы все соборные церкви митрополитовы, ничем не изобижены. Что закон их, и в законе их церкви и монастыри, и часовни их, ничем никто не вредит им, не хулит...».¹¹⁶ За поругание церковей и христианства наказывали смертью.

Сторонники концепции ига рисуют жуткую картину национального угнетения, издевательств над покоренными Ордой народами, но как все обстояло на самом деле? Например, Волжские булгары, покоренные не менее кровопролитно, чем Русь, так же, как Русь, по-

¹¹⁶ Там же.

лучили автономию. Гийом Рубрук, посетивший в 1253 году, Булгарию, называет ее жителей булгарами, и ярыми приверженцами ислама. И это тогда, когда о главенстве ислама в Орде, еще не было речи. В этой связи, интересно сообщение русского летописца, под 1262 годом, о том что «*бесермены*» (мусульмане) взяли на откуп у татар, право сбора дани в Ярославле и Суздале.

Булгария, несмотря на «игу», фигурирует в летописях как страна, сохранившая свое имя, свои города и даже своих правителей. Эмир Булгарии, *Ильхам*, заплатил контрибуцию татарам, и был оставлен повелителем своей страны. Более того, именно в столице Волжской Булгарии, городе Булгаре были отчеканены первые монеты золотоордынской империи.

В Волго-Камье не прекращалась торговля, строились мечети, а после принятия Ордой ислама, булгары, вместе с татарами, проводили исламизацию башкир, мажар, угро-финнов, поддерживали тюркизацию Поволжских народов, и тюркскую экспансию на Среднюю Каму. Булгары сохранили свою культуру, сблизив ее с мусульманской культурой Золотой Орды, и хоть перешли на язык завоевателей, но своей самобытности среди кипчаков не утратили. Объединение булгар и кипчаков в одной конфессии, послужило причиной постепенного исчезновения этнонима *булгар*. Булгары стали называться или по месту жительства (казанцы, атраки и др.), или по вероисповеданию, *бесермены* (мусульмане). Такое вот тяжелое «игу».

Что же касается Поволжских угро-финнов, то, согласно концепции «ига», они также страдали от иноземного гнета, наравне с русским и булгарским народами. Однако источники говорят, что отряды «угнетенной» мордвы, выступают в качестве союзников татар. Князя *мордвичи* принимали участие во многих военных операциях ордынцев, против Руси и других народов. Только когда процессы распада в Орде приняли необратимый характер, мы видим мордовские отряды в союзе с русскими князьями. Угро-финны Поволжья, несомненно, находились под полным политическим влиянием и контролем татар, но назвать это игу, не повернется язык. То же самое можно сказать и о буртасах, сувазах и мажарах. Они находились под тотальным влиянием татар, их племенная знать, как и знать угро-финнов, была встроена в систему феодальных отношений

Золотой Орды, и в период мусульманского расцвета охотно принимала ислам. Так что, вряд ли, здесь может идти речь об «иге».

Но, может быть, «злые татары» отыгрались на русском народе? Как жилось под «игу» на Руси? Сторонники версии ордынского гнета, не устают живописать картины унижений, и непомерных поборов, но реальных подтверждений этим, в большей степени, литературным рассказам нет. Восстания, якобы угнетенного русского народа, на поверку оказываются эпизодами феодальных междоусобиц, в которых Рюриковичи разбирались друг с другом, с помощью ордынских войск, или попытками некоторых князей выйти из-под контроля Орды, а такие попытки жестоко пресекались. Размеры дани, собираемой татарами с русских земель, тоже на поверку оказываются не такими уж большими. Согласно исследованиям историка П.Н. Павлова, в среднем дань на душу населения, в год составляла 1–2 рубля, и не могла быть обременительной для земледельцев, хотя, конечно, лишала дополнительных доходов русских князей, живших на остаток, после выплаты дани в Орду. Но и они в накладе не оставались. Например, Московский князь Симеон Гордый (1316–1353), сын Ивана Калиты, пожертвовал сумму денег, равную годовой дани, на содержание Константинопольской епархии.

Под властью Орды, Русь развивалась, что отмечают и сторонники «ига» (правда, по их мнению, «вопреки гнету»). Росло население, расширялись города, строились новые. Характерно, что ордынская администрация поощряла развитие новых центров на Руси в ущерб старым. Незначительные ранее городки Северо-Восточной Руси становятся центрами княжеств. Москва, о которой почти ничего не было слышно, вдруг вырастает в один из крупнейших русских городов, заштатная Тверь также становится центром крупного княжества. Быстро выросло значение Рязанского и Нижегородского княжеств, но захирели старые русские столицы Владимир, Ростов, Суздаль. Очевидно, что ордынцы, устраняя от власти неугодных им князей, выращивали в новых центрах лояльную себе элиту.

Усиление позиций православия способствовало колоссальному развитию православной культуры и искусства, архитектуры. Сложились школы мастеров церковной живописи, зародились новые литературные жанры.

Любопытно, что за царя, живущего в Орде и признаваемого на Руси главой государства, молились на богослужениях, при этом имена русских князей, рядом с царским именем не упоминались. Князья были назначаемыми из Орды «главами администраций», и в иерархию ордынской знати, за редким исключением, не входили. Такая традиция продолжалась на Руси, вплоть до XV века.

В период ордынского правления произошли заметные улучшения в экономической жизни Руси. Утвердилось трехполье, увеличились урожаи, улучшилось плодородие земель. Развитие получили ремесла, промыслы, торговля, значительно увеличилось население. Сбор дани, сначала осуществляемый баскаками, вскоре был передан в руки князей Рюриковичей. Поначалу, видимо, этим их власть и ограничивалась, даже войска, которые использовались для разборок друг с другом, и для защиты рубежей, князья получали из Орды (за исключением ополчения, которое князья набирали сами).

Армия Золотой Орды была грозным и боеспособным соединением. Когда в 1268 году, крестоносцы решили взять реванш на русском Северо-Западе, татары выслали войска в поддержку Ярославу Ярославичу (1231–1280), брату Александра Невского. «Того же лета князь Ярослав Ярославич хотел идти на немцы, и великий баскак Владимирский Иаргамак, и зять его Айдар со многими татарами придоша. И то слыша немцы устрашися, и встrepенаша, прислаша со многим челобитьем и дары многи послы своя. И добиша челом на всей воле его (Ярослава), и всех здариша, и великого баскака, и всех князей татарских и татар... Немцы зело бо бояхуся и имени татарского».¹¹⁷

У нас сложился стереотип, что основу политики Золотой Орды составляли ее отношения с Русью. На самом деле, русские княжества были на периферии Золотоордынской политики, и внешней, и внутренней. Для степной империи больший интерес представляли земли Ирана, Кавказа, Передней Азии. Посланники Орды поддерживали тесные связи с Византией, с Западной Европой, с Египтом. Отношения с Русью были обычными отношениями сюзерена и вассала, характерными для феодальных государств средневековья. Ха-

актер «рабского ига», эти отношения приобрели гораздо позднее, в трудах российских и нероссийских историков, писавших более на «злобу дня», нежели ради исторической правды.

Золотая Орда не была идеальным государством. Семена распадалась внутри империи. Отсутствие четкого порядка престолонаследия позволило претендовать на трон Орды не только прямым потомкам Джучи, но и другим членам «Золотого рода» потомков Чингисхана. В 1359 году, после смерти последнего прямого потомка Батыея, царя Бердибека, в Орде разразился тяжелейший политический кризис, названный в русских летописях «Великой замятней». Борьба за власть между претендентами переросла в настоящую гражданскую войну. За период с 1357 по 1381 годы, на Ордынском троне побывало порядка пятидесяти царей, империя стала распадаться на независимые владения, во главе которых вставали Чингизиды, властвовавшие одновременно с сидевшим, в Сарае, царем.

В этот период возвысился энергичный темник Мамай, который стал править Ордой от имени молодого Джучида Абдаллаха. Мамай сумел на короткое время объединить Орду, но не все в империи были согласны с его правлением. Московский князь Дмитрий Иванович (1350–1389) отказался подчиняться Мамаю и заявил о своих правах на самостоятельность. В решающем бою, на Куликовом поле, Дмитрий громит Мамая, там же гибнет, марионетка Мамай, царь Абдаллах. После этого Тохтамыш, потомок одного из сыновей Джучи, сделал попытку свергнуть узурпатора, и в 1380 году, соперники встретились в решающем сражении. Однако воины Мамая сошли с коней, и на коленях присягнули законному наследнику Тохтамышу, Джучиду по крови. Бежавший Мамай вскоре погиб, а Тохтамыш начал заново объединять империю.

Сначала был приведен к покорности Московский князь Дмитрий Иванович, затем Тохтамыш обратил внимание на обособившийся Чагатайский улус, в Средней Азии. Пытаясь подчинить чагатайцев, Тохтамыш потерпел поражение от эмира улуса, Тимура (Тамерлана), известного в истории как «Железный хромец» (Тимур-Аксак). Разгромив Тохтамыша в Средней Азии, Тимур, в 1395 году, вторгся в степи между Волгой и Доном.

¹¹⁷ Цит. по А. Бычков. «Московия. Легенды и мифы». Москва 2008 г.

Вторжение Тимуровских *гулямов* было сродни катастрофе. Тимур разорил и предал огню города и торговые пути от Каспийского моря до Булгара, превратив богатые цветущие районы в пустыню. Отряды Тимура разорили Крым, и дошли до Руси, но, нагруженные богатой добычей, повернули назад. После нашествия Тимура, в степь пришла «черная смерть», чума, и довершила опустошение некогда цветущего государства. Летопись сохранила память о страшной эпидемии: «Бысть от Бога на люди под восточною строною, на город Орначь и на Хазторокань, и на Сарай, и на Бездеж, и на прочие грады в странах их, бысть мор силен на бесермены и на татарове и на ормены и на обезы и на жида и на фрязи и на черкасы и на всех тамо живущих, яко не бе кому их погребать».¹¹⁸

Эти бедды подрывали мощь великой империи, и после ряда междоусобных войн она распалась на несколько государств, вступивших между собой в противоборство за имперское наследие. Царства Казанское, Астраханское, Крымское, Сибирское, Орды Ногайская, Мещерская, эмират Чагатайский, Великое княжество Московское стали равноправными участниками борьбы за это наследие.

Проводя энергичную и грамотную политику, Московские Великие князья сумели превратить свое государство, в одну из самых мощных держав на всем постордынском пространстве. Объединив, к середине XVI века, под своим началом ряд бывших ордынских улусов, Московский Великий князь Иван IV Грозный, по праву победителя, принял титул царя.

Считается, что мысль о царском характере Московской власти принесли на Русь византийцы, в большом количестве выехавшие в единоверную Московию, после завоевания Константинополя турками-османами, в 1453 году. Еще Иван III, дед Ивана Грозного, женившись на племяннице последнего Византийского императора Софье Палеолог (?–1503), «потихоньку» примеривал на себя царскую корону, но, все, же символично, что Иван IV назвал себя царем только после венчания «на царство» в Казани, в 1552 году.

Завоевая впоследствии и другие «осколки» Золотой Орды, русские государи, добавляли в свой титул их названия. Последними

были присоединены царство Крымское, *жузы* казахские и Туркестан (Чагатайский улус), добавившие в титулатуру Российского императора элементы: «Царь Херсонеса Таврического» и «Государь Туркестана».

Через 400 лет после распада Орды, Москва объединила ее земли, и все восточные народы, в полной мере, признали ее наследницей власти царей *Ак-Орды*, называя русского царя *Ак-падишах* (великий белый царь). В дипломатической переписке с восточными народами – башкирами, казахами, узбеками, туркменами и др., русский государь назывался *Ак-Падишах*.

Несмотря на православие и некоторые другие особенности, Москву можно считать наследницей Великой «Белой» империи. Московское княжество, будучи осколком Золотой Орды, вобрало в себя и плохие и хорошие качества Улуса Джучи. Золотоордынский феодализм подготовил условия для установления на Руси крепостного права, Золотоордынская система комплектования, армии стала образцом для формирования Московского войска, и прародительницей русского дворянства.

Славяне и татары, как, впрочем, и другие народы империи, были полноправными гражданами одного государства, и татары в Москве, да и вообще на Руси пользовались невероятной для «угнетателей» лояльностью населения. Иностранцы, посещавшие Московию, порой не различали татар и русских, как этносы. Михалон Литвин, в 1550 году, в письме польскому королю Сигизмунду II (1520–1572), описывал татар и московитов как жителей одной страны, с одинаковым образом жизни, обычаями и нравами, и предполагал у них одну веру¹¹⁹. Татарский язык, наравне с русским, был распространен в Московии, вплоть до XVII века. На нем говорили и при дворе, и в храме, и на базаре. Г.В. Вернадский (1887–1973), в своем труде «Монголы и Русь» писал: «Татарский язык становится модным при дворе Великих князей Московских, что вызвало негодование со стороны его противников «византийцев»».¹²⁰

¹¹⁸ И. Измайлов, Б. Хамидуллин. «Ислам в Золотой Орде». Казань 2008 г.

¹¹⁹ М. Литвин. «О нравах татар, литовцев и московитов». Москва 1991 г.

¹²⁰ Г.В. Вернадский. «Монголы и Русь». Тверь 1997 г.

В XV–XVII веках, многие русские дворяне носили тюркские фамилии, огромное количество тюркских слов, относящихся главным образом к коневодству, управлению, финансам, торговле, военному делу, вошли в XIII–XVII веках, в русский язык. Выходцы из Орды служили при дворе, и в войсках Московских государей. Чингизиды, и другие знатные ордынцы, всегда были принимаемы великими князьями, и им поручались ключевые посты в администрации и в войске Московии. Финансы, управление, налоги, администрация – все было устроено в Московии по примеру Золотой Орды. Даже архитектура стала подражать ордынской. Московский храм Василия Блаженного, построенный Иваном IV после взятия Казани, создан по подобию девятиминаретной Казанской соборной мечети.

Татарский элемент в становлении Московской Руси нельзя не замечать. В конце концов, он тоже часть русской, российской истории, и обойти его молчанием невозможно. Факт остается фактом. Независимые русские княжества были в XIII веке, завоеваны стремительным набегом степняков, и в течение долгих лет находились в зависимости от неславянского тюркского государства, рожденного в степи. Эта зависимость кардинально изменила вектор развития Древней Руси и сказалась на всей ее последующей истории. Хотя, если рассматривать этот факт как внутреннее явление единой общероссийской истории, творимой всеми населявшими ее народами, наверное, можно будет избежать противоречий, порождаемых другими интерпретациями.

Что же такое были сами «татары»? Будучи вначале наименованием одного из степных родов кипчаков, термин *татаф*, по мере расширения влияния татар в степях, стал соционимом. *Татафами* стали называть бойцов и военачальников армии Чингисхана, своего рода «степную гвардию». С развитием в Орде феодализма и выделением феодальной знати, термин стал обозначать представителя этой знати – «рыцаря степи», тяжеловооруженного всадника, приводившего с собой в случае мобилизации отряд *казахов*. Эти категории степняков (*татафы* и *казаки*) были «белыми» (свободными от налогов), и жили за счет войны, ясака и царского жалованья.

Феодальные отношения в Орде, в своем развитии настолько напоминали европейские, что итальянцы, жившие в Черноморских

колониях, и торговавшие с Ордой, уподобляли феодалов Орды, феодалам Священной Римской империи. В посланиях они называли ордынского царя «императором», беков – «баронами», других феодалов – «рыцарями».

В XIII–XV веках, *татафы* составляли господствующий слой общества Золотой Орды. Следуя указанию царя, они первыми принимали ислам, ставший господствующей религией в Орде. К XIV веку, среди татар уже было очень много представителей знати народов, живших под властью Золотой Орды – русских, болгар, мажар, буртасов, Поволжских угро-финнов. Все они стали мусульманами. В XIV–XV веках, соционим *татаф*, постепенно становится синонимом мусульманина («бусурмана»), и на Руси всех жителей Орды зовут как татарами, так и бусурманами, различая только по месту жительства (казанцы, ногайцы, крымцы и др.). Термин *татаф* (*татафин*), отнюдь не было бранным на Руси. Негативный оттенок он стал приобретать позже, когда на Русь хлынул поток славянских переселенцев с Балкан, бежавших от османского ига.

На Руси тогда наступил период «Второго южнославянского влияния». В верхах и среди простолюдинов, стали проповедоваться идеи славянского единства. Сербские, хорватские и болгарские переселенцы, закрепившиеся при дворе и среди иерархов церкви, начали борьбу за искоренение всего «неславянского», якобы чуждого русскому народу. Известный деятель хорватского происхождения, обласканный при дворе царя Алексея Михайловича, Юрий Крижанич (1618–1683), писал об устройстве «истинно славянского» русского воинства: «У воина лысая голова признак рабства, мы (русские) во всем подражаем татарам и туркам, татарский хохол на темени или польский хохол на лбу ничем не лучше лысины». Это говорится о прическах бойцов Московского войска, а вот о воинском духе: «На Руси названия «солдаты» и «рейтары» губят весь дух у людей. Надо брать славянские имена и названия – например, пищальники и становники, а вместо казаков – конники и хеврои». Боролся ревнитель чистоты славянства, и с тюркскими именами: «Одно имя по святому, а другое надо, чтоб славянское».¹²¹ В общем, татарское наследие

¹²¹ Ю. Крижанич. «Политика» Москва 2003 г.

искореняли, как могли, но это не убавило симпатий москвитов к татарам.

Негативное отношение возникло позже, после того как Московская Русь вступила в противостояние с Крымским царством и Ногайской Ордой. Степняки своими набегами разоряли пограничные области Руси, угоняли людей в «полон» для последующей продажи в рабство. Крымское царство, под управлением Чингизидов Гиреев, было поистине уникальным образованием с точки зрения занятости населения. Несколько веков его жители жили только войной и грабежом. В течение почти 300 лет, крымчаки увели и продали в рабство, по разным оценкам, от 2 до 3,5 млн. жителей Руси. Для небольшого тогда русского населения, это огромная цифра.

Московское правительство строило засеки и ставило дозоры, устраивало превентивные походы в степь, но это мало помогало делу. Крымские татары, превратившие грабеж в профессию, быстро учились обходить русские укрепления и засады, а Крымский перекоп надежно защищал полуостров от проникновения противника. Будучи мусульманами, крымцы безжалостно относились к христианскому населению Восточной Европы, разрушая и сжигая все, что не могли унести с собой. От их стремительных набегов не было житья, Крымских татар боялись и ненавидели, именно тогда сформировалось на Руси, негативное отношение к татарам, и родились поговорки о «незваном госте». Кроме того, Крымские татары были верными союзниками турок-османов, главных противников России на юге, и доставляли немало хлопот русским армиям.

Во многом благодаря Крымским татарам, «прижилась» теория «монголо-татарского ига», зерна которой упали на благодатную почву ненависти к крымчакам. Более того, многие картины опустошения Руси «монголо-татарами», списаны с описания набегов Крымских татар, подробности которых были свежи в памяти современников. Последний набег крымчаков был зафиксирован в 1769 году, а пять лет спустя, в результате победы России в русско-турецкой войне 1768-1774 годов, Крымское царство было присоединено к Российской империи. Многие Крымские татары, особенно представители знати, уехали в Турцию, другие остались служить русскому

трону, а простым общинникам пришлось осваивать мирные профессии земледельцев и скотоводов.

Но случившегося было уже не поправить. Нелюбовь к татарам впилалась в сознание русского народа, за 300 лет грабежей и насилия, и долгое время слово *татафин* было бранным эпитетом, да таким, что в XIX веке, многие Поволжские турки не хотели называть себя татарами, предпочитая определение «мусульманин». Только с ростом интереса к своей истории, термин *татафин* стал обретать свой сегодняшний смысл, превратившись в этноним.

Глава 11

Мещерский улус и Нижегородское княжество

Закончив, к середине XIII века, покорение Поволжья и Северо-Восточной Руси, Джучиды стали встраивать завоеванные земли в свою государственную систему. Русь, правление в которой, сразу после завоевания, осуществляли специально назначенные баскаки, вскоре была передана в руки местной потомственной аристократии из Рюриковичей, получившей право собирать дань с отданных в их управление вотчин, и после уплаты части собранного своему сюзерену, Ордынскому царю, содержать себя и свой двор за счет остатков.

Огромный Булгарский эмират, включавший все Среднее Поволжье и Покамье, а на юге доходивший до реки Яика (Урала), был разделен, на несколько княжеств-улусов. Это деление происходило с соблюдением известных в Орде этнических границ. Если для Руси все жители ордынских улусов стали татарами и бусурманами, то внутри Орды границы обитания этносов различали четко и умели отличать, допустим, ногойца от жителя Крыма.

Созданные в Окско-Сурском междуречье, Мещерский и Наручадский (Мохши) улусы были разделены по этому принципу. Наручадский улус (по разным оценкам, он занимал территории современной Пензенской, Тамбовской, части Ульяновской и Нижегородской областей и всю Мордовию) объединил земли заселенные мордвой и буртасами и включал восточную часть Окско-Сурского междуре-

чья вместе с Арзамасом. Столица Наручадского улуса, город Мохши (Наручадь) была одной из региональных столиц империи, в которых располагались ставки ордынских царей, а население улуса считалось наиболее преданным Джучидам.

Другой улус, Мещерский, созданный в бассейне Средней Оки и включивший в себя юго-западную часть Окско-Сурского междуречья, объединял земли мажар-мещеряков и союзной им мордвы. Первоначальной границей Мещерского улуса в правобережье Оки была река Пара, в левобережье его земли доходили до границы современной Московской области. На юге, в бассейне Цны и Мокши, Мещерские земли соприкасались с землями Наручади, как и на востоке, а на севере, сначала доходили до рек Сережи и Кудьмы, а в XIV веке, утвердились по реке Теше.

Золотая Орда, как и ее предшественницы, степные империи прошлого, предоставляла своим вассалам широкую самостоятельность, граничащую с автономией. Выполняя свои мобилизационные и фискальные обязанности перед имперским центром, улусы и княжества могли вести относительно независимую внутреннюю и внешнюю политику, а, начиная с XIV века, удельные правители могли иметь собственные вооруженные отряды (что впрочем, для средневековья было обычным делом). Исключительная веротерпимость степняков и полное отсутствие в их среде этнической неприязни позволяли окраинам империи развиваться в рамках своих культур и религий.

Тем не менее, для проведения имперской политики в подвластных улусах, во многие из них были направлены, так называемые, карачи-беи, представители знатных степных родов *Мангыт*, *Барын*, *Кипчак*, *Кыйт*, *Седжуит*, *Арғын*, *Шифин*, *Кунграт*. Везде, куда приходили карачи-беи, они или встраивались в местную элиту, или просто образовывали ее, управляя улусом, во главе которого ставился улус-бек. Улус-беком мог быть, как представитель местной элиты, как это было на Руси или в Волжской Булгарии, так и карачи-бей. Военную и мобилизационную власть в улусах осуществляли, назначенные царем, тумэн-беи.

Помимо этого, во многих завоеванных улусах в собственность воинов ордынской армии, казаков, тарханов, уланов и мурз выделялись для «кормления», земельные наделы «беяки», с живущими там

земледельцами. Те должны были содержать и кормить владельцев земли, которые в свою очередь обязаны были оставаться в полной боевой готовности и являться в действующую армию по первому призыву в полном вооружении и с несколькими *казаками*, в зависимости от величины надела. В XIII-XIV веках, земли Окско-Сурского междуречья активно заселялись татарами-кипчаками, получавшими здесь свои «беляки» рядом с «беляками» местных феодалов-мажарских, буртасских и мордовских князей, включенных Джучидами в свою феодальную иерархию. Податное («черное») население составляли все те же местные земледельцы и ремесленники из мордвы, буртасов и мажар-мещеряков, что отмечено и в более поздних документах, где выражение: «Черные люди которые ясак дают», применялось к мажарам («мачярам») и буртасам («буртасы посопные татаровя»)¹²².

Первым правителем Мещерской Орды, был некий Мехмет Осман Уланов «из рода Крымского». В 1298 году, его сместил Бахмет сын Усейнов из рода Ширин, по некоторым данным сын ордынского князя Тагай-Усейна. Согласно «Бархатной книге», он, огнем и мечом, насаждал в Мещере ислам. Этот Бахмет считается родоначальником князей Мещерских, в «Бархатной книге», где собраны родословные всех видных российских дворянских фамилий, о нем говорится: «Князь Ширинский Бахмет Усейнов сын пришел из Большой Орды в Мещеру, и Мещеру воевал, и занял ее, и в Мещере родился у него сын Беклемиш».

Но если первые ордынские ставленники на троне Мещерского улуса были мусульманами, то уже сын Бахмета Беклемиш принимает в Мещере православие, получив в крещении имя Михаил. Дело, видимо, в той же внутренней политике Джучидов: русские Северо-Восточные княжества продолжали развиваться в рамках своей культуры и идеологии, а Мещерский юрт находился в непосредственном соприкосновении с ними, тем более что западные земли улуса еще недавно были владениями Рязанских и Владимирских князей. В Мещерском улусе было сильно влияние русской культуры и русского уклада жизни, а принятая в среде степняков веротерпимость позво-

¹²² «Ясак» (тат.) подать, налог. «Посоп» (древнерус.) налог, уплачиваемый зерном.

ляла подданным Орды принимать православие. Поэтому сын мусульманина Беклемиш, становится православным Михаилом, строит в Мещере церкви и крестит многих своих подданных, а его внук Юрий Федорович со своим полком участвует, в 1380 году, в Куликовской битве.

Русские княжества Залеской земли, довольно скоро оправились от татарского погрома и снова стали набирать силу. Однако татары не позволили встать на ноги старым русским центрам Владимиру, Рязани, Ростову и другим городам, откуда велось сопротивление ордынцам. Вместо этого они поощряли рост новых феодальных центров, и управление русскими княжествами в золотоордынский период переходит, в никому ранее особо неизвестные, Переяславль-Рязанский, Москву, Тверь и другие города, заявившие о себе как новые русские столицы.

Такая же ситуация была и в Поволжье. Захирели крупнейшие города раннего средневековья (Булгар, Сувар, Буртас, Маджар (Мещерский Городец), но возвысились новые центры (Казань, Мокши-Наручадь и др). В Мещере таким новым центром, становится старинный, болгаро-мордовский город Сарова (Саров), переименованный татарами в Сарыклыч.

По преданию, зафиксированному в книге «Саровская общежительная пустынь. Подробное описание», князь Бахмет, в 1298 году, основал на месте разоренной нашествием Саровы, город Сарыклыч (Золотой клинок), ставший центром Мещерского юрта.

Мещерский улус, расположенный на пересечении важных стратегических путей, был, помимо всего прочего, местом, откуда татарская администрация осуществляла наблюдение за своими беспокойными вассалами, землями Руси. В восточной Мещере, на берегу реки Мокши, был создан военно-административный центр, *тумен*, ставка тумен-бея, командующего «тумой» (тьмой), подразделением в 10 000 воинов. Здесь формировались войска, отсюда можно было своевременно реагировать на вспышки недовольства в подвластных областях. Ныне этот город носит название Темников. Считается, что он основан в 1536 году, как русская крепость, на самом деле, в 1536 году, Темников был перенесен с левого берега реки Мокши, на более удобный правый, где и стоит по сей день.

Апеллятив *тумен*, широко представлен на территории, когда-то подвластной Золотоордынским царям. В Сибири это Ак-Тюменские юрты, Тюмень-ула, Тюменкино и др., в Воронежской области Тюменевка, в Ивановской село Тюменское, на Алтае Тюменцево, в Башкирии Тюменяк, в Армении Туманян, в Казахстане Тюмень-Арык. Английский путешественник XVI века, Энтони Дженкинсон упоминает «Тюмень» на северо-западном побережье Каспия, там же была известна река Тюменка. Названия с апеллятивом *тумен*, известны и в Средней Азии, и в Турции, и в Иране везде, куда простиралась власть Чингизидов. Любопытно в этой связи происхождение названий сел Большое и Малое Туманово на левом берегу Теши, бывшей в XIV-XVI веках, границей Нижегородских земель и Мещерской Орды.

Из Тюмени-Темникова, в XII-XIV веках, осуществлялись карательные походы на Русь, сюда же свозился «выход». В русской летописи говорится, что в 1406 году, ордынский царь Тохтамыш был убит в Тюмени. Но сибирская Тюмень известна лишь с XVI века, логично допустить, что царь погиб, в какой-то из европейских «Тюменей», возможно, и в мордовской.

Еще одним центром Мещерской земли, был упоминаемый в летописях город Азак. Его местоположение не установлено, но, как показали раскопки других городов Саровы-Сарыклыча и Мохши-Наручади, это были крупные центры с базарами, банями, ремесленными кварталами, хорошими укреплениями. Раскопки существовавшего в XIII веке, Итяковского городища (близ города Темникова) открыли глазам археологов настоящий средневековый замок с четырехметровыми стенами и валами. Можно быть уверенными, что он был не единственным.

Завоевание Джучидами Поволжья и Руси положило конец распрям и военным конфликтам, что в свою очередь вызвало подъем экономики и рост населения в этих землях. С ростом торговли и товарооборота, стало умножаться количество торговых путей. Две важные имперские дороги проходили через Мещерский улус, прямо по территории нашего региона. Один путь существовал еще со времен хазаро-булгарского владычества, и связывал Волго-Окское междуречье с Волго-Камьем, проходя через Муром на восток по

левобережью Теши, на Арсу-Арзамас, и дальше в Булгар. Татары включили его в свою систему торгового и почтового сообщения.

Другой путь получил свое развитие, видимо, во времена ордынского владычества. Он связывал Нижний Новгород и Тюмень-Темников, проходя через Березополье¹²³ и Салавирские леса. Это была «царская дорога» (Сакма), которая вела через Мохши-Наручади на Нижнюю Волгу, в Сарай, главную столицу Орды. По ней ездили за ярлыками многие русские князья, обретавшие в Сарае кто власть, а кто и смерть.

На пересечении этих двух сакм (дорог), на левом берегу Теши, там, где в нее впадает речушка *Саган* (древнетюрк. *ложбина*), татары поставили, на месте древнего булгарско-мордовского городища, таможенный (от тюрк. «тамга», знак на товаре об уплате пошлины) и наблюдательный пост.

По данным Алимжана Орлова, городище в устье речушки Саган (по-мордовски *Сакань*) стало резиденцией потомков Чагатая, второго сына Чингисхана, участвовавшего во всех походах отца. Орлов утверждал, что недалеко от развалин городища, в старину, существовал большой каменный курган, какой кипчаки делали для своих вождей и царей. Потомки Чагатая дали начало российским дворянским родам Чегодаевых, Чаадаевых, Ромодановых, Щербатовых и др.

С конца XIII века, в Среднем Поволжье усиливается еще один феодальный центр, русское Нижегородское княжество.

Вначале татары сделали центром княжения древний Суздаль, связанный, с булгаро-мадьярским прошлым края.¹²⁴ Нижний Новго-

¹²³ Березополье историческое название области лежащей к югу от места слияния Волги Оки, и простиравшейся до Салавирских лесов-огромного лесного массива в правобережье Теши.

¹²⁴ Название «Суздаль», так и не получающее объяснения в русском или финно-угорских языках, имеет в окончании древнетюркское -ли (-лы, -ле). Город, упоминаемый еще в скандинавских сагах, вполне мог быть основан булгарами и отвоеван у них потом Рюриковичами. Суздаль также отмечен и древними мадьярами. Безымянный летописец, известный как «нотарий короля Бель», сообщает, что, выйдя из «Скифии», угры под предводительством вождя Альмы на своем пути в Паннонию, миновали город «Susudal». О «булгарском следе» могут напоминать и речка под названием «Мжара» и курган с одноименным названием в окрестностях Суздаля.

род, основанный на месте слияния Волги и Оки, для контроля над речным транзитом, стал новым политическим центром Суздальской земли уже при ордынском владычестве. Занимавшие выгодное положение города, Нижний Городец (Нижний Новгород) и Радиллов Городец богатели, что называется, на глазах, и Суздальский князь Константин Васильевич, в 1350 году, перенес свою столицу к устью Оки.

Он оттеснил мордву от Волжских берегов в Салавирские и Терьошевские леса и призвал суздальских землепашцев: «И повеле русским людям селиться по Оке и по Волге и по Кудьме реком и на мордовских селищах, где кто похощет». Грамотная политика, проводимая Суздальской ветвью Рюриковичей, позволяла им получать в ордынском центре ярлыки на все новые и новые уделы, и во второй половине XIV века, Нижегородское княжество стало одним из самых крупных княжеств Руси. На востоке владения нижегородцев выходили к Ветлуге и Сундовичу, на западе и северо-западе граничили с Владимирскими, Стародубскими, Ростовскими, Костромскими и Галичскими землями, а на юге утвердились по берегам Кудьмы. Расположение в месте слияния Волги и Оки, пересечения важнейших торговых магистралей того времени, приносило Нижегородцам серьезные барыши, а Суздальское «Ополье» было житницей Северо-Восточной Руси. Прекращение распрей и введение новых методов земледелия (трехполье) обеспечили рост населения княжества, и это стало главным фактором славянской колонизации Поволжья и бассейна Вятки. В XIV веке, славяне попытались проникнуть глубже в Окско-Сурское междуречье, но без покровительства сильной княжеской власти это было слишком рискованно, и Нижегородские князья приготовились к атаке на Приволжские улусы.

Момент был как раз подходящий: в Золотой Орде, во второй половине XIV века, наступила «Великая замятня» период, известный ослаблением и без того не самой строгой центральной власти. Армии золотоордынцев впервые за многие годы потерпели ряд поражений от литовцев (кстати, литовские войска состояли, большей частью, из воинов Западных русских княжеств, входивших в состав Великого княжества Литовского), что вызвало разброд и шатания в столицах Орды и склоки по всей империи. В 1359 году, в Золотой

Орде вспыхнула война за трон, между многочисленными Джучидами, и в условиях фактического безвластия, многие видные военачальники Орды и некоторые Джучиды, сочли себя вправе захватить земли, которые им нравятся.

Золотоордынские «сепаратисты», во главе с Тагаем и Секиз-беем, прибыли в Окско-Сурское междуречье и основали здесь свои независимые княжения. Тагай захватил, в 1361 году, Наручадь, и занял земли в верховьях реки Алатырь. Секиз-бей захватил Запьянье. Понимая, что наступил «дележ» Окско-Сурского междуречья, сюда устремился и Нижегородский князь Дмитрий Константинович (1322-1383), но тумен-бей, князь Булат-Темир сделал попытку остановить «сепаратистов». В 1366 году, он сжег Арзамасово городище, занятое было Секиз-беем, а в 1367 году, совершил поход на Нижний Новгород.

Князь Дмитрий Константинович, к тому времени удачно выдавший дочь Евдокию замуж за московского князя Дмитрия Ивановича (будущего «Донского»), призвал на помощь зятя и разгромил Булат-Тимура. Тот бежал: «за реку Пиану, и тамо множество татар избиша, а друзии в реце Пиане истопиша, а по зажитиям множество их побиена быша, им же несть числа». Нижегородцы заняли плодородные земли Присурья. Захваченный в 1370 году, город Курмыш, князь Дмитрий Константинович сделал своей резиденцией, а к своему титулу прибавил формулировку: «Великий князь... Сарский и Болгарский, Больмецкий и Подольский, и всех Заволжских и северных юрт от Понизовой земли государь».

После династического брака Евдокии и Дмитрия судьба Нижегородского Новгорода стала неразрывно связана с судьбой Москвы, и зять с тестем предприняли попытки закрепиться в Окско-Сурском междуречье. В 1370 году, они организовали поход за Суру на Булгарский улус, который присягнул на верность тумен-бею Мамаю, безродному интригану, узурпировавшему власть в Орде. Поход завершился победой: улус-бей Асан сдался без боя и выплатил князьям огромную контрибуцию. После этого нижегородцы и москвичи атаковали улусы Тагая и Секиз-бея, также присягнувших Мамаю.

Мамай, требуя оставить в покое своих вассалов, послал в Нижний Новгород в 1374 году, посольство численностью 1500 человек

во главе с мурзой Сарайкой, но Дмитрий Константинович, подстрекаемый своим зятем Дмитрием Ивановичем, не признававшим власти узурпатора Мамаю, приказал перерезать всех, вместе с мурзой. После этого в 1375 году, в Запьянье была направлена карательная экспедиция Мамаю, опустошившая берега Киши и Пьяны, начавшие было заселяться русскими земледельцами, а в 1377 году, в Приволжье, со своей армией пришел сам Мамай.

Нижегородцы, усиленные московским корпусом, выдвинулись навстречу и стали лагерем на реке Пиаве (Пиане-Пьяне), в ожидании противника. Расположившись на берегах реки, воины под началом молодого князя Ивана «Брюхатого» (1358-1377), сына Дмитрия Константиновича, расслабились, думая, что враг еще далеко. Тем временем татары, с помощью союзной мордвы обошли русский лагерь («погани князи Мордвстии подведоша рать Татарскую из Мамаевой орды») и ударили с тыла. Предававшиеся пьянству нижегородские и московские ратники не смогли оказать должного сопротивления, и были наголову разбиты. Разгром был страшным, князь Иван Дмитриевич утонул в реке, другой Рюрикович, князь Симеон был изрублен.

Остатки русской армии бежали,¹²⁵ а татары, вместе с мордвой, подошли к Нижнему Новгороду и разорили предместья. После этого татары, с добычей ушли обратно в степь, а мордва, во главе с мурзой Елабугой, продолжала жечь и грабить русские селения в правобережье Волги. Нижегородцы нашли в себе силы дать отпор. Городецкий князь Борис Константинович (?-1393) настиг и разгромил мордовское войско. В 1378 году, был проведен карательный поход в мордовские земли, завершившийся страшной расправой. Пленных травили собаками на волжском льду, топили в полыньях, села и пашни мордвы подвергли огню и разорению.

В 1380 году, Мамай в битве на Дону был разбит князем Дмитрием Ивановичем Донским, а в Орде воцарился законный наследник Джучи, его правнук Тохтамыш. В непростых отношениях, сложившихся у Дмитрия Донского с Тохтамышем, его тесть принял сторону

¹²⁵ Тогда и возникла поговорка «За Пьяной люди пьяны», а за рекой закрепилось имя «Пьяна».

законного царя, и в 1382 году, нижегородские отряды, возглавляемые сыновьями Дмитрия Константиновича, Василием по прозвищу Кирдяпа и Симеоном, примкнули к карательному походу Тохтамыша. Московский князь бежал, а жители Москвы поверили «крестному целованию» Нижегородских князей, что татары не причинят вреда городу, и открыли ворота. Москва была сожжена, а Дмитрий Донской покорился Тохтамышу.

После смерти князя Дмитрия Константиновича, влияние московских Рюриковичей в Нижегородском княжестве усилилось. Опытный дипломат князь Дмитрий Иванович «Донской», купил в 1383 году, у Мещерского князя Александра Уковича, земли в междуречье Теши и Волги. Сделка была скреплена ярлыком царя Тохтамыша, и территории от устья Оки до правого берега Теши отошли Московскому княжеству. Тогда же Москве достались мещерские земли в среднем течении Оки, а русские земледельцы получили возможность безопасно селиться в Березополье и Межпьянье. Славяне проникли в долину Кудьмы и вышли к правобережью Теши, о чем говорит местная топонимика, но охотнее всего они заселяли плодородные земли в бассейне Пьяны. Правда, впоследствии эта первая волна славянской колонизации была практически вся рассеяна событиями, произошедшими в Окско-Сурском междуречье, в XV начале XVI веков.

В конце XIV века, Ордынская империя уже стояла на краю своей гибели. Московское княжество, пользуясь ослаблением центральной власти, набирало все большее влияние на Волге и Оке. В 1392 году, Московский великий князь Василий Дмитриевич (1389-1425) захватил Нижний Новгород и объявил о присоединении всех Нижегородских земель. И хотя Нижегородские князья Суздальской ветви Рюриковичей, подддержанные Большой Ордой, пытались в 1395 и 1412 годах, отвоевать Нижний,¹²⁶ Москва, уже достаточно сильная, эти попытки пресекла. В начале XV века, Нижегородское княжество перестало существовать как самостоятельная единица.

¹²⁶ В 1411 году, возле Лыскова произошла решающая битва между войсками Василия Дмитриевича и Нижегородской армией, победу в котором одержал сын Дмитрия Донского, Московский князь Василий. На стороне Нижегородцев сражались татарские дружины во главе с князем Талышом.

Усилилось проникновение Москвы и в земли по Нижней Оке. В том же 1392 году, великий князь Василий Дмитриевич выкупил у Орды права на Муром, Тарусу и Мещерский Городец (Маджар). Московиты все больше и больше теснили Мещерских улусников, обосновавшихся в Сарыклыче. В написанной игуменом Маркелином, истории Саровской пустыни сообщается: «На сем месте был прежде город Сарыклыч, и жил в нем при князе Дмитриии Ивановиче в 1389 году, последний владетель оного князь Бехан, владевший по власти царя Золотой Орды и другими многими городами и селениями Татарскими и Мордовскими. От частых на него нападений военных, с сего места переселился он за реку Мокшу, где ныне село Кангуш (Кангуши), и там построил себе жилище, обведя его земляным валом».

Видимо, на рубеже XIV-XV веков, Мещерский улус попал в зависимость от Москвы, и мажары-мещеряки, вместе с буртасами, начали служить Руси. Начиная с XV века, термины *мещера*, *мещеряки* возвращаются в русские летописи. Земли Мещерского улуса, называются в них «Мещерским юртом» или «Мещерской Казацкой ордой», а после окончательного присоединения, во второй половине XVI века к Руси, еще и «Мещерской украиной» или «Польской украиной», поскольку были окраиной Московских земель на границе с «Подем» (Степью).

Из-за господства, в Золотоордынской империи, ислама, многие жители Мещерского улуса, особенно из военного сословия, стали мусульманами, приняли «татарскую веру», и их на Руси стали называть «Мещерскими татарами», или «Мещерскими казаками-татарами», тем самым подчеркивая их этническую обособленность от кипчаков. Из-за того, что много мажар-мещеряков исторически проживало в Рязанских землях, их также называли и «Рязанскими казаками».

После создания на территории Мещерского улуса, Касимовского царства (о чем пойдет речь в следующей главе), туда устремилось много казанских, ногайских, крымских, астраханских, сибирских татар и даже казахов. На Руси их стали называть «Касимовскими» или «Городецкими татарами» (от старого названия Касимова Мещерский Городец). Буртасов и мажар-мещеряков, коренных жителей

этих мест, называли также «Мордовскими татарами», то есть, татарами, живущими среди мордвы (так же, как и сувазов-чувашей, в XV-XVI веках, называли «Черемисскими татарами»).

Посетивший Россию в 1588-89 годах, английский дипломат Джильс Флетчер (1549-1611) писал: «Самыми грубыми и дикими почитаются татары мордовские, которые как своим образом жизни, так и нравами отличаются от всех прочих. Что касается до их религии, то хотя они и признают единого Бога,¹²⁷ но поклоняются как Богу каждому живому существу, которое прежде встречают утром... если у кого из них умрет приятель, то он убивает лучшего своего коня и, содрав с него шкуру, несет ее на длинном шесте впереди покойника на кладбище. Это они делают для того, чтобы у приятеля был добрый конь, на котором он мог бы доехать на небо...».¹²⁸

Мордовские татары очень долго владели восточными (Саровскими и Темниковскими) землями Мещерского улуса, даже, уже и на правах вассалов Московского государя. Немецкий дипломат и путешественник Адам Олеарий (1603-1671), посетивший Россию в 1730-х годах, в «Описании путешествия в Московию» писал: «Затем приехали мы к городу Мурому, населенному русскими и татарами. Здесь начало поселений мордовских татар, которые все покорны Великому князю».¹²⁹ Феодалов Восточных земель Мещерской орды называли также «Мордовские князья» (синоним понятия «Мещерские князья», так же, как термин «Мордовские татары» был синонимом термина «Мещерские татары»).

Разумеется, не все мажары и буртасы были казаками и князьями. Трудовое население Мещерского юрта также выделялось из общей массы ясачного населения Поволжья терминами, выдававшими их этническую принадлежность. Выше уже говорилось о «мачярах» и «буртасах», отмечаемых среди «черного» сословия.

¹²⁷ Приверженцы древнего алтайского культа Тенгри, тенгрианцы, они же «агаряне» русских летописей.

¹²⁸ Д. Флетчер. «О государстве Русском». Москва 2002 г. Подобные обряды отмечены и у мордвы-мокши. Схожесть верований также могла стать одной из причин наименования мещеряков «мордовскими татарами», т.е., татарами, исповедующими «мордовскую веру».

¹²⁹ Адам Олеарий. «Описание путешествия в Московию». Смоленск 2003 г.

Мещерский юрт к 1540-м годам, был уже практически полностью подчинен Московскому княжеству. Однако события, речь о которых пойдет в следующей главе, возродили Мещерскую Орду, и продлили ее существование вплоть до конца XVII века. После начавшейся в XVII веке, христианизации и русификации Окско-Сурского междуречья, много мажаров-мещеряков вышло за пределы своей родины на Восток и Юго-Восток, разнеся этноним *мещеряк* по всей территории Средней и Нижней Волги, а также Дона.

Есть мнение, что мещеряки стали одной из тюркских составляющих Волжского и Донского казачества. Этноним *мещеряк* встречается среди имен казачьих атаманов на протяжении XV-XVIII веков. Немало мещеряков и в русском дворянстве, Фамилии Мещерский, Мещеряков, Мещерин, Можаров, Мазаров, Мочаров, Мочалов и др., красноречиво говорят об этом. Но мажары не растворились до конца, в русской «этнической лавине». Небольшими островками живут в Окско-Сурском междуречье, и вообще в Поволжье татары-мишари (переименованный в языке местных народов этноним «мажар»).

Приняв вместе с исламом язык Золотоордынских властителей-кипчаков, мишари, тем не менее, отличаются от других тюрков диалектом, рядом обычаев и культурных особенностей, этнографией и антропологией. Многие мажары, наряду с буртасами и сувазами, были поглощены русской колонизацией, став, вместе с татарами и мордвой, одной из основ русского населения Окско-Сурского междуречья. Они принесли те черты внешнего облика, которые позволили антропологам выделить на территории, от устья Оки до Среднего Дона, особый тип, *Великоросский Нижнеокско-Сурско-Донской*, присущий как русскому населению указанных мест, так и части мордвы и татар.

Глава 12

Касимовское царство и Казань

Конец XIV начало XV веков, стали для Золотоордынской империи периодом страшных катаклизмов. Вторгшийся, в 1395 году, в Поволжье, Чагатайский эмир *Тимур Аксак* (*Тамерлан*), подверг Золотую Орду полному разорению. В 1396 году, гулямы Тамерлана дошли до Окско-Сурского междуречья и разрушили город Мохши-Наручады, причем разрушили так, что город больше не смог восстановиться. Тимур разорил местные татарские улусы *Тагая* и *Секиз-бея*, и подверг опустошению земли Булгара. Армии Тимура дошли до городов *Карасу* (Елец), *Маджар* (Мещерский Городец), *Сарыкльчи* (Саров) и *Тумен* (Темников), и разрушив их, повернули назад. После Тимурова нашествия в Поволжье пришла чума, обезлюдевшая Среднюю Волгу.

Московское княжество, избежавшее этих бед, тем временем, набирало все большую силу. Окско-Сурские татары, посмеявшиеся, в 1429 году, во главе с царевичем *Али-Бабой*, совершить набег на Московские земли были жестоко наказаны служившим Москве, Стародубским князем *Федором Палецким*, который: «Побиша татар и бесермен и полон весь отняша, царевича и князя Али Бабы не догнаша». Этот набег дал основание Московскому великому князю *Василию II* (1415-1462) организовать карательную экспедицию в земли Булгарского улуса, закончившуюся взятием Булгара. Удачный поход обе-

спечил Москве доминирование в Среднем Поволжье, но события в Большой Орде спутали планы Великого князя.

В результате династических войн приведших, в конце концов, к распаду империи, в земли мажар-мещеряков, в 1437 году, прибывает со своей ордой потомственный Чингизид, царевич *Улуг-Мухаммед* (?-1445). Василий II, пытаясь выпроводить незваного гостя и конкурента в борьбе за власть в регионе, направляет навстречу ему сильную армию под командованием своих двоюродных братьев Дмитрия «Шемяки» (1420-1453) и Василия «Красного» (1410-1448). В битве под городом Белев (ныне Тульская область), Улуг-Мухаммед неожиданно наносит поражение превосходящим его силой русским отрядам, и проследовав в Волго-Камье, смещает Булгарского улусника *Али-Бека*, провозгласив себя местным царем. Своей столицей Улуг-Мухаммед избирает город *Казань*¹³⁰ стоящий на пересечении выгодных торговых путей, и таким образом основывает *Казанское царство*.

Сюда же к Казани, на *Арское поле*, переносится из разоренного Булгара и древнее торжище, о котором англичанин Дженкинсон писал в 1558 году: «...сюда съезжались и Русские и Казанские и Крымские и Ногайские купцы, и собирались на гостином острове близ Казани».¹³¹

В русской летописи так говорится о Казанском царстве: «Вся земля Казанская, муллы и сеиты, и шейхи и шейхзады, и молзады и азии, афызы, князья и уланы, и мирзы и ички и задворные казаки, и чувашаи и черемиса, мордва и буртасы, и можары...».¹³²

¹³⁰ *Казань* от булгарского *хузан* (изгиб), так как город расположен на берегах крутого изгиба Волги. Современные татарские историки, основываясь на данных археологии, убеждены, что возраст города составляет 1000 лет, но первое упоминание о нем относится к 1278 году.

¹³¹ После взятия Казани, Иван Грозный прикажет перенести это торжище к городу Василь-сурску, в устье Суры, однако, из-за войн и других неурядиц, здесь торговля долго не могла возобновиться. Только в 40-х годах XVII века, торжище было восстановлено несколько выше по течению Волги, в более удобном месте, у Макарьевского монастыря

¹³² Цит. по С.Х. Алишев. «Болгаро-казанские и золотоордынские отношения». Казань 2009 г.

Вскоре Улуг-Мухаммеду дают присягу на верность (*шерть*)¹³³ все удельные правители Поволжских народов. Улуг-Мухаммед как прямой наследник Джучид (внук Тохтамыша), требует от Москвы уплаты «выхода» (дани), а после отказа выступает в поход на Московские земли, и в начале 1438 года, захватывает Нижний Новгород.

На княжение в Нижнем, Улуг-Мухаммед ставит своего вассала, князя *Данила Борисовича* (1370-1439). Представителя суздальской ветви Рюриковичей, отодвинутых от власти Москвой. После этого, весной 1439 года, Улуг-Мухаммед уже осаждает Москву. Москвичам удастся отбиться, однако ни о каком Московском присутствии, на Средней Волге, теперь не может быть и речи. Казанский царь становится полновластным хозяином Среднего Поволжья.

Это государство, возникшее на обломках Булгарского улуса, было типично феодальным государством средневековья, с одной особенностью. Так как мусульманам запрещено поработать своих единоверцев, хозяйства крупных и мелких казанских феодалов, держались трудами захваченных в плен рабов немусульман. Именно с возникновением Казанского царства связано окончательное рассеяние живших в Окско-Сурском междуречье, русских земледельцев-колонизаторов первой волны (XIV век), выживших после Тимурова нашествия и чумы, и вынужденных или принимать ислам, или становиться рабами.

С целью захвата рабочей силы, Казанцы постоянно совершали набеги на земли Руси. Зимой 1444 года, очередной поход в Рязанские земли возглавляет сын Улуг-Мухаммеда, царевич *Мустафа*. Однако он терпит поражение от объединенной армии из московитов, «Рязанских казаков» (мещеряков), и мордовских воинов, впервые за много лет выступивших против татар. В жестоком бою был зарезан и сам царевич. Гибель сына, звала Улуг-Мухаммеда к отмщению, и в 1445 году, на берегу реки Нерли, возле Суздальского Спасо-Ефимьевского монастыря, состоялось генеральное сражение между войска-

¹³³ Такое название клятвы принесено *угро-тюрями*, в Поволжье, из Алтая. В Алтайских языках слово «*сифт*» означает клятвенный обряд в шаманизме. Мусульмане клялись по Шариату, и этот обряд также получил в Поволжье название «шерть». Отсюда глаголы «шертовать» и «шертить».

ми Василия II, и армией Улуг-Мухаммеда. Русские были наголову разбиты, а Великий Московский князь попал в плен.

Освобождение князя Василия II, очень дорого обошлось Московскому княжеству. Кроме того, что был заплачен огромный выкуп, Улуг-Мухаммед потребовал фактически восстановить, в границах XIII века, *Иски-юрт* (Мещерский улус), потерявший многие свои территории. Правителями «обновленного» улуса, он определил своих сыновей *Касима* и *Юсуфа*. Но самым плохим было то, что Московский великий князь официально признал себя вассалом Казанской короны и обязался платить «выход» и в Казань, и в Мещеру.

В 1446 году, царевич Касим (?-1469) прибывает в Мещерский Городец (Маджар), и объявляет Мещеру своим царством. Город Маджар получает имя *Ханкерман* (*Царская крепость*), но в Руси его называют «*Касимов Городец*», и название *Касимов*, с этого времени закрепляется за городом. К Мещерскому юрту, который на Руси стали называть по имени основателя, *Касимовским царством*, отходят и древние Сарыклыч и Тумен, а мажары-мещеряки становятся вассалами царя Касима.

Кроме этого, многие исконно русские земли, в том числе и подмосковные, были розданы в «кормление» многочисленным мурзам, бекам и тарханам прибывшим вместе с Касимом. Татарскими вотчинами объявляются многие подмосковные города, а Звенигород становится подмосковной резиденцией Касимовских царей.

С образованием Касимовского царства, в Мещеру, на древние земли мажаров, буртасов и мордвы, хлынул поток татар-переселенцев из Казанского царства, и из разрывающейся междоусобицами Большой Орды. На всем пространстве Касимовского улуса было восстановлено главенство ислама, и даже описаны случаи, когда мусульманское духовенство, также прибывшее из Казани и Орды, боролось с христианскими обычаями, распространившимися в среде местных мусульман, долгое время живших рядом с православными.¹³⁴

¹³⁴ Искоренялся, например, распространившийся среди мещерских мусульман праздник «*Йорымка Байрам*» (праздник «красного яйца» Пасха)

Прибытие все новых и новых переселенцев, принесших с собой другой уклад жизни, и обновленный ислам, заставляло недовольных этим мажаров и буртасов смещаться восточнее, или смешиваться с пришельцами, и принимать новые обычаи. Выезд татар из Большой Орды, и из Казанских земель, в Касимовское царство, не прекращался и в XVI веке, и привел к тому, что в Касимове и его окрестностях, а также в подмосковных татарских вотчинах, сложилось тюркское население, близкое к казанцам и кипчакам, и отличное от мажар и буртасов, смещавшихся, в этот период, восточнее.

Парадоксально, но новое государство, созданное с целью контроля и сдерживания Руси, уже после смерти Улуг-Мухаммеда само попадает под Московское влияние. Нет, все внешние атрибуты сохраняются. Москва по прежнему платит «выход» в Ханкерман, более высокое положение в феодальной иерархии Касимовских царей, также никто не оспаривает, но Московское княжество, более развитое экономически и культурно, незаметно берет в свои руки бразды правления союзом Москвы и Касимова.

Наследник Улуг-Мухаммеда, Казанский царь Махмуд-Мамутек (старший брат Касима), видя такое дело, предпринимает в 1448 году, военную операцию против Москвы. «Послал царь Казанский Мамутек всех князей, со многими силами воевать отчину великого князя. Владимир, Муром и другие города», но это нападение было отбито общими силами Московских и Касимовских правителей, как было отбито, и случившееся через два года, нашествие из степи. Тогда к границам Московии подступили: «Татары из поля *Мальдибердей* и *Улан* и иные с ними князя со многими татарами», но они вынуждены были отступить перед объединенной армией Москвы и Касимова.

Союз с царем Касимом, сослужил добрую службу Василию II. В 1446 году, московские бояре недовольные татарским засильем в Москве, организовали заговор против Великого князя. Мятеж удался, а Василий II, угодил в руки заговорщиков, которые для верности его ослепили (за что его прозвали «Темным»). Но, против заговорщиков выступил Мещерский царь Касим. Он разгромил мятежников, и передал их в руки Великого князя. В благодарность за это сын Василия

Темного, Великий князь Иван III (1462-1505), отдает татарским феодалам, в 1497 году, город Серпухов.

С началом правления Василия III, татары буквально наводняют Москву, полагая Московское княжество отраслью бывшей великой империи. Касимовское царство, с годами, все больше и больше вращается в систему Московских земель, а пришлые татары, наряду со службой Касимовскому царю, охотно служат и Московскому Великому князю. На Руси, в XV-XVI веках, даже оформляется этнословная группа получившая название «*служилые татары*». Эта группа была составлена из татар, перешедших на русскую службу, живших на Руси, и в Касимовском царстве (Мещере), и получавших за службу «земельное» и другое жалованье, а также наделы с «оброчными» (податными) крестьянами, обязанными кормить и содержать этих татар (то есть, была скопирована Золотоордынская система).

«Служилые татары» сохраняли свою внутреннюю субординацию, подчиняясь своим бекам, мурзам и тарханам, и воевали в одном строю с русскими бойцами. Они сыграли важную роль в войнах Руси со Степью, с Литвой и Ливонией, и утратили свое военное значение только в начале XVIII века. Те из них кто не стали русскими дворянами или купцами, были переведены в разряд «государственных крестьян».

К восточной части Мещерской Орды (Касимовского царства), в XV-XVI веках, относились земли нашего региона (река Теша была северной границей, а Арзамас, до середины XVI века, входил в состав Казанского царства). Жители этих земель, находились в вассальной зависимости от Касимова и Москвы, являясь передовым форпостом на границах с Казанью и Степью. После своего восстановления, в середине XV века, город *Тумен-Темников* становится центром этих земель, которые получают название *Темниковское княжество*.

В 1509 году, Василий III подтверждает право на владение Темниковым и окрестностями, наследнику Бахмета, князю *Акчуфе*, сыну *Адашева*, а после него в Темникове правит мурза *Кугуш*, и уже сын Кугуша, князь *Тениш*, объявляет о выходе из-под Касимовской юрисдикции, и присоединении к Московскому государству. Здесь дело, видимо, в том, что, судя по личным именам князей, ни Акчура, ни Кугуш, ни Тениш, не были мусульманами (как впрочем, и не

были христианами), и чтобы не принимать ислам, чего от них, несомненно, требовала Ханкерманская верхушка, Темниковские князья пошли на такой шаг.

Москва проявила в этом вопросе большую гибкость, и предоставила Темниковским феодалам, полную самостоятельность и в делах духовных, и в делах светских. Сохранился документ от 1536 года, согласно которому, наследник Тениша, князь Еникей получает от Московского государя право: «Судить и вязать тархан и башкир и мажаров которые живут в Темникове по старине, потому как наперед судил и вязал отец его Тениш». Забегая вперед, добавим, что этот Еникей был одним из самых верных слуг Ивана Грозного. Он командовал корпусом Темниковских казаков и мордвы, в походе на Казань, а впоследствии проводил в Окско-Сурском междуречье политику царя. Его потомки стали русскими князьями Еникеевыми.

Пограничное положение Темниковского княжества, также сыграло свою роль в его полунезависимом статусе. Еще и в середине XVI века, земли на восток от Оки считались дикими и враждебными. Князь А. Курбский (1528-1583), называл Муром «крайним городом», от которого до Казани, «*дикое поле*», и у него были на то все основания. Конфликты и эпидемии XIV-XV веков, остановили экономическое развитие Окско-Сурского междуречья. Казанские цари, захватив Нижний Новгород, сделали его главным городом, через который велась торговля с Русью и Литвой. Они поместили в Нижнем Новгороде, таможенную, и запретили торговый путь через Арзамас в Муром, что привело к еще большему экономическому упадку края.

В свою очередь, многолетняя кыпчакская экспансия, действительно, превратила регион в некий «филиал» степи, в котором господствовали порядки и обычаи степняков, и широко распространилось мусульманство. И хотя, тот же Курбский, в своей «Истории о великом князе Московском», различает в Казанском царстве шесть языков: «Татарский, мордовский, чувашский, черемисский, вотяцкий або арский и башкирский...», господствующим языком Окско-Сурского междуречья, как, впрочем, и всего Казанского царства, был *стафотатарский* (кыпчакский).

Казань, в союзе с единоверными государствами, бывшими улусами Золотой Орды, доминировала в Поволжье, но к середине XVI

века, Московская Русь уже достаточно окрепла, чтобы взять под контроль «Великий Волжский путь».

В 1518 году, происходит важное для Московских князей событие. В Казани умирает правнук Улуг-Мухаммеда, царь *Мухаммед-Амин*, не оставивший прямых наследников. С потомков Василия «Темного» снимается вассальная клятва, данная им Улуг-Мухаммеду, в 1445 году, в Курмыше. Встает вопрос, кто теперь займет Казанский престол, ведь и сыновья Улуг-Мухаммеда в Касимове, умерли, не оставив прямых наследников. Правда в Мещерской Орде было «пруд пруди» других царевичей Чингизидов, перебравшихся сюда в разное время, и формально имевших права на любой престол Восточной Европы и Азии.

Москва не замедлила предложить своего кандидата. *Алахияр*, *Шейгали*, *Бихбулат*, *Сайбулат* и другие, любой из этих Чингизхановых потомков, обосновавшихся в Московии, был готов занять престол Казани. Однако судьба Казанского престола решилась без участия Москвы. На трон взошел Крымский царевич из рода *Чингизидов-Гиреев*, а Московского ставленника выпроводили вон. Великий князь Василий III, счел себя оскорбленным и открыл боевые действия против Казани.

Некоторые современные историки порой пытаются представить противостояние Москвы и Казани как продолжение борьбы Руси против «Золотоордынского ига», а некоторые даже, противостоянием христианства и ислама в Поволжье, но все это крайне далеко от истины. Московское княжество и Казанское царство были осколками одного государства, Золотой Орды, и были в большей степени порождением этой империи, нежели наследниками своего доордынского (Киевского и Булгарского) прошлого.

В Москве татар было, не намного меньше, чем в Казани, устои и порядки были там и там примерно одинаковы, только Московское княжество было государством с доминированием христианской религии, а Казанское царство с доминированием ислама.

Было и еще одно важное отличие. Московские князья, в ордынской табели о рангах, были чем-то вроде *улус-беев*, и не имели права претендовать на трон Чингизидов. Выход из этого щекотливого положения Москва видела в использовании своих Мещерских союзни-

ков Чингизидов, любого из которых можно поставить и на Казанский, и на любой другой престол, в качестве марионетки.

Глобальные же цели Москвы очевидны. Для полноценного развития государства необходимо было захватить контроль над «Великим Волжским путем», и первым препятствием на этом пути была Казань. Никакого сверхжелания уничтожить «остатки ненавистного ига» здесь нет, и уж тем более нет никакой межконфессиональной вражды. Во «главе угла» стояли экономические и династические интересы, и в XVI веке, началось русское завоевание Поволжья, отложенное в веке XIII.

Глава 13

Поход Ивана Грозного

Поход Ивана Грозного имеет для нашего исследования ключевое значение. Этот поход разделит прошлое нашего края на «до» и «после». Любой учебник, или книга по краеведению нашего края, после небольшого вступления начинает историю Окско-Сурского междуречья, с похода Ивана Грозного, и войны за Казань.

Надо признать, что события середины XVI века, действительно имели для Среднего Поволжья судьбоносное значение. Присоединение региона к Московской Руси, вывело наш край из орбиты действия и влияния тюркских мусульманских государств Восточной Европы, и открыло новую страницу в истории этого региона – Российскую. Победы Ивана Грозного положили начало массовому заселению края славянскими земледельцами, началась христианизация Поволжских народов и приобщение их к великой православной культуре. Христианизация обусловила русификацию «иногородцев». Приняв крещение, и став православными, мордва и марийцы, мажары и буртасы, татары, все вскоре становились русскими людьми.

Поход Ивана Грозного от Оки к Суре выглядел настолько эпическим в глазах местного населения, что о нем были сложены легенды и предания, навсегда оставшиеся в народной памяти. Причем и предания славян, и предания мордвы, и предания татар, одинаково хранят эту память. Авторство названий многих географических

объектов, местные жители приписывают лично царю. Обитатели многих сел и деревень, приурочивают возникновение своих селений к этому походу. Грозный царь по пути давал названия, повелевал строить церкви, мосты, дороги, насыпать курганы (*мафы*). Он крестил, награждал, карал, миловал. Если собрать все предания, может создаться впечатление, что поход продолжался несколько лет. Настолько бурную деятельность развил тогда, совсем еще молодой Великий Московский князь Иван IV (царем он тогда еще не был, как впрочем, и «Грозным»).

На самом деле от Оки до Суры Грозный прошел за 12 дней. Но эти 12 дней врезались в людскую память на века. Впрочем, обо всем по порядку.

Походов на Казань, Иваном IV, было совершенно целых четыре. Правда три первых он совершал от Нижнего Новгорода, или по льду Волги, или вдоль ее берега, а вот четвертый, решающий, вошедший в народный эпос, совершил уже через наши края, через Окско-Сурское междуречье. А предшествовали ему следующие события.

После смерти, в 1518 году, последнего потомка Улуг-Мухаммеда, Мухаммед-Амина, Москва и Касимов немедленно предложили на Казанский престол одного из обитавших в Касимове, царевичей Чингизидов, тринадцатилетнего Ших-Али (Шигалея) (1505-1567гг.). Но с этой кандидатурой не были согласны, имевшие большой авторитет в постордынском мире, правители Крыма, Чингизиды-Гирей. Основатель Казанской династии Улуг-Мухаммед, был двоюродным братом основателем династии Гиреев, Хаджи-Гирея. В Крыму считали Казанский престол своим. В 1521 году, Крымские войска, во главе с Сахиб-Гиреем, выгоняют из Казани юного Ших-Али, и в 1524 году, Сахиб-Гирей возводит на Казанский трон своего племянника, тринадцатилетнего Сафа-Гирея (1510-1549гг.). Начинается война.

Отец Ивана Грозного, Великий Московский Князь Василий III был опытным политиком, и одновременно с началом боевых действий повел работу по организации заговора в самой Казани, среди местной знати. Через несколько лет его усилия увенчались успехом, и в 1531 году, Сафа-Гирей был низложен и трон опять перешел к касимовцам.

Восстановление прomosковской династии, вызвало массовое недовольство казанцев, и в 1535 году, ставленник Москвы был убит. В Казань снова прибывает Сафа-Гирей. Казалось бы, ответ Москвы не заставит себя ждать, но в 1533 году, в Москве умирает Василий III. Это была серьезная потеря. Василий III, очень много сделал для расширения и укрепления Московского государства. Он присоединил земли Пскова, Смоленска, Рязани, пытался сделать зависимой Казань.

Смерть Василия III вызвала серьезное ослабление центральной власти Московии. Совсем юный наследник, князь Иван, был пока еще не способен управлять страной, и в Москве развернулась борьба дворцовых партий за власть и влияние на юного князя. Пользуясь этим ослаблением, казанцы продолжали свои набеги на Русь с целью захвата рабов. Наконец, после, более чем, десятилетнего периода дворцовых склок, Московский трон, в 1545 году, занимает сын Василия III, Великий Князь Иван IV. Подстрекаемый русскими и касимовскими феодалами, пятнадцатилетний государь вступает в борьбу с Казанью.

Первый поход состоялся в 1546 году. Тогда в Казани, в результате дворцового переворота свергли Сафа-Гирея, и этот поход был скорее «демонстрацией силы» нежели военной операцией. Огромное московское войско, подошедшее, к стенам Казани, «помогло» казанцам определиться в выборе новой кандидатуры на свой престол. Этой кандидатурой предсказуемо стал Ших-Али. Однако в этот раз его правление продлилось всего месяц. Сафа-Гирей с помощью крымских и ногайских мурз выгоняет Ших-Али из Казани, и опять становится Казанским царем. В 1547 году, Иван IV объявляет Сафа-Гирею войну, и в декабре 1547 года, Московское войско, во главе с Великим князем, выступает из Москвы. Под Казанью Московская рать вступает в бой с войском Сафа-Гирея, и вынуждает его укрыться в городе. Но на штурм москвичи не решились, и в марте 1548 года, войско вернулось в столицу, что бы через два года, зимой 1550-го, опять двинуться на Казань.

Соединившись, в Нижнем Новгороде, с касимовцами, к февралю войско было уже у стен Казани, однако на штурм московские военачальники опять не отважились. Слишком укрепленным городом

была Казань. Вместо штурма решено было построить недалеко от Казани крепость-базу, создав опорный пункт для ведения дальнейших боевых действий. В 1551 году, в устье Свияги была заложена крепость *Свияжский Городец*. Окрестным жителям было объявлено, что русский государь зовет: «Чуvasу и черемису и мордву и тарханов у Свияжска города быти», после чего русские воеводы стали приводить оную чуvasу, черемису и мордву к *шерти*, причем одним из условий присяги было освобождение русских рабов. «Полону им русского никак у себя не держати, весь освобождать... А так же и Государю, и Великому Князю служить, и хотеть во всем добра, и от города Свияжска неотступными быти». В это же время водные пути, ведущие в Казань, были перерезаны, и город оказался в блокаде. Казанцам угрожал голод, и они смирились, изгнали крымцев, и опять приняли на трон Ших-Али.

Параллельно с военными действиями, Москвой велась большая дипломатическая работа. Московские дипломаты вели переговоры с Ногайской Ордой, недовольной тем, что контроль над Средней Волгой постепенно переходит в руки Москвы, и с ногайцами удалось договориться. Так же, московское правительство организовало подкуп мелких феодалов Казанского царства. Их группами отправляли в Москву: «А Государь их жаловал великим жалованием, кормил и поил у себя за столом. Князей и мурз и сотных казаков жаловал шубами с бархаты с золотом, а иным чуvasе, черемисе, камчатые и атласные... А всех Государь пожаловал доспехом и коньми и деньгами...».¹³⁵

Когда ситуацией в Поволжье заинтересовались в Стамбуле, столице самой могущественной империи того времени, Османской, султан которой был еще и халифом, покровителем всех мусульман, обязанным защищать их, Московский посол так ответил султану: «Мой Государь не есть враг мусульманской веры. Слуга его, царь Саин-Булат господствует в Касимове, царевна Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожики, князья ногайские в Романове: все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях... В Кадоме, в Мещере многие приказные государевы люди мусульманского зако-

¹³⁵ М. Худяков. «Очерки по истории Казанского царства». Москва 1991 г.

на...и в тех городах мусульманския веры люди по своему обычаю мизгити и кишени держат, и Государь их ничем от веры не нудит и мольбищ их не рушит».¹³⁶

Дипломатическая работа принесла свои плоды, но в Казани, к тому времени, было, уж слишком много недовольных политикой Москвы, стремившейся подчинить Казань. В феврале 1552 года, Ших-Али опять выгоняют из Казани, а на трон при поддержке крымского царя, сажают астраханского царевича Ядыгара-Мухаммеда (1522-1565). Таким образом, Москве и Касимову дали понять, что ключи от Волги будут в руках степняков. Но и планы Москвы насчет Казанского царства меняются. Если раньше московиты стремились поставить на Казанский трон «своего», управляемого Москвой царя, то теперь московское правительство принимает решение узурпировать Казанскую корону, венчав на Казанское царство Ивана IV.

В 1552 году, двадцатидвухлетний Иван IV, собирается в четвертый, решающий поход на Казань. Была собрана огромная армия. Источники называют, гигантскую для того времени, цифру в 150 тыс. человек. Вся эта боевая громада уже было двинулась на восток, но крымские союзники Ядыгара, атакуют Московию с юга. Крымский царь Девлет-Гирей вторгается в Россию, и в короткое время доходит до Тулы. Русские вынуждены двинуть главные силы против крымцев, и под Тулой громят крымчаков, после чего, вероятно, перед Иваном и его воеводами встает выбор. Или перегруппироваться, и идти на Казань по проторенному пути, от Нижнего Новгорода, или атаковать казанцев сейчас, пока не успели оправиться от разгрома их союзники из Крыма? Чтобы не потерять стратегической инициативы, военный совет принял решение идти на Казань, используя старинный болгарский, золотоордынский тракт, заброшенный в конце XIV века, из-за запрета Казанских царей, предпочитавших торговать через Нижний Новгород.

В созданном, в 70-х годах XVI века, «Лицевом Летописном Своде» (в разделе «Царственная книга») сохранилось описание маршрута Ивана Грозного в 1552 году, через Окско-Сурское междуречье.

Путь великого князя лежал от Муром, на: «Саканьский лес, на реку Велетьму, от города Поль, в 30 верстах, на Шиленьшу, на Саканское городище, на Иржу, на Автечь реку, на Кевсу, но озеро Икшу, на Пьяну, через которую наведен ратью мост, на Дубровку озеро, на речку Медяну».¹³⁷ Конечным пунктом сбора была крепость *Борончеево Городище*, рядом с местом впадения реки Барыш в Суру.

Армия двигалась двумя колоннам. Сам Иван IV, с полком левой руки, сторожевым полком и гвардией, от Каширы направился через Владимир в Муром. Князя М.И. Воротынский (1516-1573), и И.Ф. Милославский (1529-1586), с полком правой руки, и большим полком, от Тулы направлись через Рязань в Темников, и оттуда напрямик в Борончеево Городище. С юга, для защиты от набегов степняков, «через рязанские и мордовские леса», пошел отряд в 13 тыс. воинов, во главе с князем А.М. Курбским. Кроме этого, из Касимова вышел отряд касимовских «городецких» татар, под началом князя Ак-Сеит Черевсеева, а из Темникова отряд мечерских казаков, во главе с князем Еникием Тенишевым. Ших-Али отправился с артиллерией по Волге.

Каждый отряд двигался с разной скоростью, и если Иван IV дошел от Муром до Суры за 12 дней, то Курбский продирался от Рязани, через леса, целых пять недель. Все по-разному царские армии, в августе подошли к Свияжску. Огромное войско осадило Казань, но защитники Казани отвергли ультиматум Москвы. Тогда русские перекрыли речку Казанку, что ухудшило положение осажденных, а после подрыва крепостной стены, пошли на приступ, и второго октября, Иван IV вошел в побежденный город.

Победители согласно «Казанскому летописцу» истребили всех мужчин, а женщин и детей взяли в «полон». Город, как водится, был

¹³⁶ Г. Газиз. «История татар». Москва 1994 г.

¹³⁷ Город Поль не сохранился. Шиленьша-это Шилокша, Автечь-это Акша, озеро Икша не сохранилось.

отдан на три дня на разграбление победителям, а Ших-Али готовился в четвертый раз примерить Казанскую корону.

Но Великий Московский Князь Иван IV, «неожиданно» для всех, сам венчается Казанским царем. Этот шаг в постордынском мире вызвал непонимание и возмущение. Ведь московский князь поставил себя на один уровень с Чингизидами! Даже касимовский царь, по факту вассал Москвы, стоял в феодальной лестнице, как Чингизид, выше любого из князей Восточной Европы (именно для этого он и был нужен Москве, для общения с Чингизидами на равных).

Польша и Литва так никогда и не признали за Иваном IV этого титула, а в Степи на него смотрели как на самозванца и узурпатора, не сразу приняв «царское величие» Москвы. Безусловно, и сам Иван Грозный, и его правительство, понимали эту «не вполне легитимность» царского титула Ивана IV,¹³⁸ именно поэтому следующее приобретение Москвы, Астраханское царство, было записано на «настоящего» царя, правившего в Касимове Чингизид, Саин-Булата (его титул стал звучать как «царь Мещерский и Астраханский»).

Этим можно объяснить «историческую загадку» 1573 года, когда Ивана IV ненадолго сменил, на Московском престоле, тот самый Саин-Булат, носивший в крещении имя Симеон. Это не стало неожиданностью для современников, тогда все отлично понимали, что значит быть потомком Чингисхана. Англичанин Джером Горсей (1550-1626гг.) бывший в то время при Московском дворе писал, что Иван Грозный: «передал ему (Симеону) свой титул и корону... Заставил своих подданных обращаться со своими делами и тяжбами к царю Симеону. Он был посажен на престол и прежний царь Иван пришел бил ему челом и приказал своим митрополитам, епископам, священнослужителям и знати, и чиновникам делать тоже, а всем послам обращаться к Симеону с теми же почестями».¹³⁹

Историки по-разному, оценивают этот факт. Карамзин, например, объясняет это временным помешательством Русского царя, дру-

гие говорят, что это было нечто вроде шутки «скучающего» монарха... Шутка не шутка, а крымцы, бывшие до этого врагами Москвы, вступили в войну с Ливонией на стороне России, управляемой Чингизидом (Симеоном Бекбулатовичем).

Но, как бы там ни было, Казань повержена и Великий Московский князь Иван IV становится царем, а Казанское царство частью России. Становится частью России, и наше Окско-Сурское междуречье, через которое прошли победоносные армии «Грозного» царя, стремясь поскорее расправиться с давним врагом. Но не только стратегическая необходимость заставила Ивана IV воспользоваться древним путем из Мурома в Булгар. Нужно было привести к присяге местное население, до этого покорное Казани, самому утвердить новую власть, в стратегически важных районах, лежащих между нижней Окой, Сурой и Волгой. Важно было продемонстрировать величие и мощь русского государя, величие и мощь «русской» Православной Веры.

«Царственная книга» рассказывает: «...20 июля государь ночевал в лесу на реке Велетьме, а на другую ночь остановился на Шилексне, а третью под Саканьским городищем, а четвертую на реке Ирже, а пятую на Авше реке, а шестую на Кавсе, а седьмую на озере Икше, а восьмую на озере не дойдя до Пьяны реки...». По наведенным, заранее, переправам войско форсировало Пьяну, и расположилось, как сказано в летописи «у озера Дубровка» – вероятно рядом с современной деревней Дубровкой Краснооктябрьского р-на Нижегородской Области. Это была девятая остановка Ивана Грозного, а десятую ночевку, великий князь осуществил в районе между современным поселком Сеченово и селом Чембилей. «Десятый стан на речке Медяне».

За 12 дней прошел Иван Грозный, расстояние от Оки до Суры, благодаря древнему торговому пути. Однако если провести по карте воображаемый маршрут царя, не может, не бросится в глаза, что после стоянки у Дубровки, Иван Грозный совершает бросок на северо-восток, к истоку Медяны, чтобы уже оттуда двинуться к устью Барыша. С чем связано такое отклонение от главного направления на Алатырь и Борончеево Городище, к месту соединения с Милославским и Воротынским? Уже упомянутый историк А. Орлов пола-

¹³⁸ Только в 1574 году, император «Римской империи» (Австро-Венгерской монархии) Максимилиан подтвердил Ивана IV равным себе по достоинству, за ним это сделала английская корона.

¹³⁹ Д. Горсей. «Сокращенный рассказ или мемориал путешествий». Ленинград 1986 г.

гает, что такое отклонение от маршрута Московский государь был вынужден совершить для того, чтобы привести в повиновение Присурских татар, не желавших изменять Казани. Возможно и так, хотя вряд ли они могли создать серьезную угрозу для огромной армии, да и в целом, дипломатическая работа прошлых лет, сделала свое дело. Население региона встречало нового повелителя мирно. Как уже сказано выше, среди жителей Поволжья сохранилось большое количество преданий об этом походе. До сих пор любой курган, любой овраг или холм (*мар*) приурочивают, или как-то связывают с походом Ивана Грозного, причем с обязательными подробностями о сломанных колесах, потерянных рукавицах, о солдатских шапках которыми насыпали курганы, и прочими подробностями.

Интересно, что предания эти записывались этнографами по всему Среднему Поволжью, даже там, где Иван Грозный никогда не был. Например, в Заволжье, жители многих деревень утверждают, что именно через их селенья шел «Грозный» царь на Казань. Повторюсь, что согласно этим преданиям, Иван IV основывал города и селения, строил церкви и крестил язычников, карал и миловал.

Вряд ли за 12 дней он успел сделать все, что ему приписывает людская молва, хотя конечно, давать указание по устройству станов (поселков), и церковей мог вполне, а уж крестить язычников и «перекрещивать» мусульман, было его прямой обязанностью, как православного государя. Но возникает вопрос. Если царь шел по хорошо известному пути, откуда взялись бесконечные истории о проводниках, якобы помогавших царю, и войску, найти дорогу?

Эти истории не могли возникнуть на пустом месте. Можно с уверенностью утверждать, что многочисленные проводники понадобились не войску, которое вел царь, а армиям, которые вели его военачальники, князя Воротынский и Милославский, князь Курбский, князь Черевсеев и князь Тенишев.

Вышедшие из Темникова и Касимова, и из Рязанских пределов, они должны были преодолеть дремучие Выксунские и Саровские леса, и без проводников, местных жителей, действительно могли заблудиться. С веками молва сделала их проводниками самого царя, да и не мудрено, ведь награждены они были за службу указами Ивана Грозного, и благодарил их сам царь, хотя вероятно и заочно.

В «Царственной книге» говорится, что надежными проводниками московских армий, были местные сыны мордовского народа. Мордвин Чукляев провожал русскую армию от деревни Лесной, Муромского уезда, до деревни Куженево (Кужендеево), а мордвин Кельдяев был провожатым от своего села Куженево, до города Свияжска, но народная память сохранила и другие имена. В народной песне «О Калейке мужике показавшим путь через Выксунский лес царскому войску» называется имя некоего Калейки,¹⁴⁰ но кто он, и откуда был родом, осталось неизвестным. Государь в благодарность наградил его лесами, по которым он проводил войско.

Любопытное предание пересказал в своем романе «Работные люди», писатель Н.П. Ключарев (1910-1990). Согласно ему, проводниками русских отрядов служили четыре местных татарина *Ардатка*, *Тоторша*, *Кужендей* и *Ризадей*, которые провели царские полки до *Арзамасова городища* и получили в награду «дачи», названные потом их именами: *Ардатово*, *Тоторшево*, *Кужендеево* и *Ризадеево*. Многие местные красеведы убеждены, что эти проводники были мордвинами, а не татарами, но вопрос этот видимо, принципиален для самих красеведов, не желавших видеть среди русских союзников, «угнетателей» татар. Очевидно, это были мещерские казаки, подданные темниковского князя Еникеева, жители этих мест.

Среди преданий о проводниках Ивана Грозного, любопытна еще одна местная легенда, о проводнике мордвине, получившем от царя в награду за свою службу драгоценный перстень, который оный мордвин называл «голец», за что и получил прозвище «Голец». Скорее всего, здесь речь идет, все, о том же Ивашке Кильдяеве, потомки которого землевладельцы Гольцовы, в XVIII веке, продали принадлежавшие им выксунские земли заводчикам, братьям Баташевым.¹⁴¹ У этой легенды есть продолжение, где говорится, что названный «Голец» сам себя называл Кужендеем, и был он братом Эрзи, который со своей женой Масьей, основали город Арзамас.

¹⁴⁰ От Калейки, вероятно, произошла местная фамилия «Калякин».

¹⁴¹ Иван Баташов (ум. 1734) тульский заводчик, основатель династии Баташовых. Его внуки Андрей Баташов (1724-1799) и Иван Баташов (1732-1821) крупнейшие сталепромышленники, владельцы заводов в Выксе, Гусь-Железном и др.

Наверняка существуют и другие подобные предания, но один вывод из этих легенд можно сделать абсолютно точно. Ни в преданиях, ни в документах того времени нет и намёка на то, что в регионе жили славяне. Их, в середине XVI века, здесь не было.¹⁴²

Местное население Западной части региона составляли мажары-мещеряки, буртасы и мордовские племена этнографически близкие к мордве мокше, а Центральную и Восточную часть региона населяли мордовские эрзянские и мокшанские племена, и многочисленные сувазы, и тюрки-кипчаки.

В основной своей массе, население Окско-Сурского междуречья придерживалось своих древних языческих верований, и только феодальная верхушка исповедовала ислам, и то, судя по личным именам вождей, небольшая ее часть. Однако в Восточной и Центральной части, находившихся долгое время в сфере влияния тюркских мусульманских государств Поволжья, была широко распространена мусульманская религия (мечети, по мнению А. Орлова, существовали уже в Арзамасовом городище), особенно среди феодальной тюрко-татарской и мордовской знати, но и здесь простые общинники, как правило, хранили верность язычеству.

Впрочем, войско московитов, вошедшее в Окско-Сурское междуречье, не несло в себе идей какой-то межэтнической или межконфессиональной вражды, как пытаются представить иные «историки». На службе у московского государя было много, и татар, и мажар. Отряды Черевсеева и Тенишева были серьезной силой, другие «служилые татары» составляли немалую часть войска. Великий князь, и его воеводы очень лояльно относились к жителям региона, всячески пытаясь привлечь их на свою сторону, вербуя в свою армию. Многие местные татары, верные Казани, уже в районе Арзамаса начали оказывать сопротивление московитам, но в целом «завоевание» края прошло мирно, и большая часть жителей присягнула Москве.

¹⁴² Данные археологии, позволившие сделать вывод о расселении славян в Правобережье Нижней Оки, чуть ли не с XII века, на самом деле свидетельствуют лишь о тесных контактах местного населения со славянами, что вполне естественно для соседей. В XVI веке русские земледельцы жили только в устье Оки, и в Березополье, где подвергались постоянным набегам казанцев.

Местные жители, принятые в войско царя, отличились в последующих боях. Например, все тот же мордвин Ивашка Кильдяев, стал одним из героев казанского похода. Жалованная грамота, данная ему в 1564 году, гласит что: «царь Иван Васильевич жалует его вотчинами, лесами с бортными угодьями и со звериной ловлей, по реке Велетьме и ее притокам». Мордвин Иван Кильдяев, дошел до Казани, участвовал в штурме, бился на стенах, и «выказал храбрость немалую». Еще одним героем Казанского похода стал, живший на реке Пара, татарин, мурза Бахметка (Махмет) «красивый и мужественный собою». Царь, во время восьмой стоянки, в районе современного п. Гагино: «Услышал о силе Бахметки, и призвал его к себе...».

Бахметка под Казанью отличился неустрашимостью, первый забрался на Казанскую стену, взял в плен царевну Узбеку, «За что царь взыскал его своей милостью, облобызал его, и при крещении стал восприемником (крестным отцом), и назвал его Юрием Ивановичем Бахметьевым, и пожаловал ему множество земель вокруг Пьяны».

Подобные «Ивашки Кильдяевы» и «Бахметки» присягнувшие на верность Ивану IV, составили опору Москвы, в Окско-Сурском междуречье. После победы над Казанью, им были розданы «дачи» и вотчины, а многим просто подтверждены права на владение «беляками», полученными еще от Казанских правителей. Собственно, на верности этих местных феодалов, подкрепленной к тому же еще и хорошим жалованием, и держалась, на первых порах, власть Москвы в Окско-Сурском междуречье, хотя в Волго-Камье и на территории современной Чувашии сразу же вспыхнула национально-освободительная война.

Английский коммерсант Джильс Флетчер, описывая в 1591 году, взаимоотношения Московского правительства с феодалами вновь присоединенных земель, рассказывал: «Нагорные люди¹⁴³ очень много беспокоили русских царей, которые по этой причине теперь остаются довольными тем, что могут покупать у них мир, платя им, мурзам и дивей-мурзам, то есть начальникам их племен, ежегодную дань («жалованье» в понимании Москвы авт.) русскими про-

¹⁴³ Так называли жителей правого, высокого («горного») берега Волги.

изведениями, за что они со своей стороны обязаны служить царю в предпринимаемых им войнах, на некоторых известных условиях. Говорят что они, мурзы, справедливы и очень честны в своих поступках...Простой народ неохотно хранит с русскими договоры, но мурзы или князья, за получаемую дань, удерживают его от нарушения условий». ¹⁴⁴

После присоединения края, мещерские, мордовские и татарские мурзы и дивей-мурзы, постепенно встраивались в феодально-вотчинную систему Московской Руси. Принимая крещение (на первых порах добровольно), и переходя на русский язык, они и их потомки становились русскими. В деловых бумагах XVI-XVII веков, сохранились сотни фамилий таких «новоиспеченных» русских дворян: Исуповы, Мамаевы, Череватовы, Алемасовы, Радаевы, Рахмановы, Барановы, Бахметьевы, Лемаевы, Ичаловы, Нагаевы, Мочаловы, Ризоватовы, Байковы, Маскаевы, Чиндясовы, Измайловы, Аргамаковы, Ахматовы, Болтины, Мамлеевы, Мещерские, Мансуровы, Мустафины, Чаадаевы, Чегодаевы, Узяковы, Чуфаровы, Шейсуповы, Шугуровы, Карамзины и др. Их потомки считали себя русскими дворянами, русскими людьми, и только фамилии говорили об их тюркских корнях.

Четвертый поход Ивана Грозного закончил тюркскую историю нашего края, но любопытно рассмотреть этот исторический акт с точки зрения того влияния, которое он оказал на топонимику Окско-Сурского междуречья. Действительно ли верно утверждает молва, что молодой государь принял такое деятельное участие в формировании этой топонимики, давая названия селам и городам, урочищам и водным объектам? Или легенды являют собой пример «народной» этимологии, когда славяне, впоследствии колонизировавшие междуречье, пытались осмыслить непонятные названия, подбирая похожие по звучанию русские слова и приурочивая это осмысление к значимому историческому событию?

Начнем с дороги, на которую ступил в конце июля 1552 года, великий князь. Древний тракт, основанный еще в хазаро-булгарский период (VIII-X века), проходящий вдоль высокого левого бере-

га реки Теши, служил и хазарам, и булгарам, и руссам, и викингам, и всем кто торговал на «Великом Волжском пути». Это был, только один, из важных торговых путей, проложенных в Окско-Сурском междуречье.

Другая дорога, связывающая Владимиро-Суздальские земли с городом Тюменью (Темников), и с Мохши-Наручадью, шла от Муромской переправы, по левому берегу Велетьмы и Теши, и, свернув вдоль левого берега Лемети, проходила через места, где ныне расположены селения Туркуши, Измайловка, Чуварлей, и Ардатов, в древний Сарыклыч (Саров), а оттуда, в Тюмень.

Во времена Золотоордынского правления, когда усилился Нижний Новгород, возникла еще одна «сакма» (дорога), связующая Нижний, с Мохши-Наручадью. Сакма была проложена через Салавирские леса и Березополье, напрямик до устья Оки.

Эти дороги проходили через наш регион, делая его развитым и обжитым. Только в конце XIV века, экономике края, до того подорванной нашествием Тимура и эпидемией, был нанесен убийственный удар из Казани. Казанские цари, как уже говорилось, запретили торговлю через Арзамас и Муром, предпочитая прямой путь из Казани в Нижний Новгород. На долгие полтора века, прекратился сухопутный транзит через Окско-Сурское междуречье, но даже в эти годы древний путь активно использовали, например, ногайцы, перегонявшие по нему свои табуны для продажи в Москве. В XVI веке, тракт так и назывался: «Большая табунная дорога».

Перехлесты этих дорог в устье речки *Лемети*, и в устье речки *Саган* (*Сакань*, *Саконка*), места исторические. Здесь издревле проходили купеческие караваны, скакали гонцы, ехали послы. По этим дорогам везли «выход» в Орду, по этим дорогам ехали за ярлыками, на княжение, русские феодалы. По одной из них, возвращался из Орды, смертельно больной Александр «Невский». Здесь проходил в Орду, московский князь Василий (сын Дмитрия «Донского»), сумевший подкупить татарских беев («умздил дарами великими князей царевых»), и получить от Тохтамыша, ярлык на Нижний Новгород, Муром, Мещеру (Мещерский Городец) и Тарусу. По этим дорогам, шли на бой с москвитями, войска Улуг-Мухаммеда, и вели назад, захваченного в плен, Великого Московского князя Василия «Тем-

¹⁴⁴ Д. Флетчер. «О государстве Русском». Москва 2002 г.

ного». Через наши края возвращался он назад, заплатив огромный выкуп.

По одной из этих дорог бежал в Казань, Мамутек, разбитый князем Даниилом Холмским, и отсюда совершали свои набеги на окрестности Муром, разбойные казанские мурзы. По этим дорогам вели русский «полон», и по ним шел на Казань Иван «Грозный».

По этим дорогам уходили на Урал, в Сибирь, и на Дон, «раскольники», и по ним же гнали в ссылку мятежных московских стрельцов и иных бунтовщиков. По древнему тракту, через Алатырь, Арзамас и Муром возвращалась из своего путешествия в Казань Екатерина II, и по нему же везли на казнь в Москву, Емельяна Пугачева. По древней «сакме», ведущей из Сарова, через Ардатов и Туркуши, в Муром, шел на богомолье Серафим Саровский, и по нему же ехал, на беседу к батюшке Серафиму, император Александр I. Не раз видел этот тракт и великого русского поэта А. С. Пушкина, проезжавшего в свое имение, село Большое Болдино. Книги не хватит, чтобы перечислить всех великих людей, путешествовавших по этим дорогам.

А 20-го июля 1552 года, переправившись через Оку,¹⁴⁵ Московский государь вступил в земли, которые и через 80 лет после этого события, путешественник Адам Олеарий, называл «Земли мордовских татар».

Легенды о созданной, Иваном Грозным, топонимике, начинаются прямо здесь, на Навашинской земле. Местные предания утверждают, что после переправы, у царской кареты лопнул железный обод на колесе, называемый «шиной», и царь потребовал «нову шину», отсюда мол, и возникло *Навашино*. Другая легенда гласит, что царь, окрестив местную мордву, первый их поселок назвал *Новокишеново* (от глагола *кстити* крестить), а уж потом, в результате простонародного упрощения *Новокишеново* превратилось в *Новошеново*, а затем и просто в *Навашино*.

После государь решил избавиться, от всех лодырей и бездельников («сонь»), в своей войске, и выселил их в лежащую рядом деревню, названную, из-за них, *Сонино*. Следующая деревня была населена нежелающей креститься мордвой, поэтому, и названа была *Безверниково*.

Перед нами классический пример «народной» (мнимой) этимологии, когда люди пытаются истолковать название, исходя из «лежащего на поверхности» смысла, привязывая свое толкование к какому-то известному событию. Несомненно, название *Навашино* произошло от древнего угро-тюркского гидронима *Наваша*,¹⁴⁶ путем оформления его русским формантом *-ино*. Хотя не следует здесь отвергать, и наличие древнейшего марийского топоформанта *-ваша*, распространенного в марийских землях Заволжья. Родственники марийцев, меряне, уходившие, в X-XI веках, от русской экспансии, на правый берег Нижней Оки, селились в Приокской низменности, чему свидетельством служат такие топонимы, как находящиеся здесь поселок *Чудь* и крошечная речушка *Меря*.

Ивана Грозного, переправившегося через Оку, встречали мажары-мещеряки, мордва, и буртасы, и нерусское население еще долго преобладало в этих районах, несмотря на начавшуюся колонизацию. Характерно, что поселок, основанный, в начале XX века, в связи со строительством судовой верфи, носил название *Мордовичихино*, и только в 1957 году, был переименован по названию ближайшей ж. д. станции, в *Навашино*.

Древняя топонимика бассейна Велетьмы, и низовьев Теши и Сережи (где расположился первый стан царя), является яркой иллюстрацией смешанности, дорусского населения этих мест. Названия речек с формантами *-ва* и *-ма* (*Велетьма*, *Ульчадма*, *Сарма*, *Толава*, *Мелява*, *Сарова* и др.), принадлежат языку древних Восточных финнов, предков мордвы. А названия речек с топоформантом *-га* (*-ка*) (*Канерга*, *Илимдиг* (*а*), *Засих* (*а*) и др.), принадлежат языку древних угров (*ширков*), соединившимся здесь с финнами.

Гидронимы с формантом *-ша* (*-са*, *-за*) (*Теша*, *Сережа* (*ша*), *Иржа* (*ша*), *Акша*, *Шилокша*, *Вькса*, *Калнакса*, *Ковакса*, *Вичкинза*, *Пуза* и др.), говорят о пришедших в Приочье, буртасах и мадьярах-мажарах, как

¹⁴⁵ Переправа произошла в районе, где теперь железнодорожный мост.

¹⁴⁶ Любопытно, что на другом конце тракта, в Присурье, существует селение с одноколенным названием *Нава-ты* (*Навателе* по мордовски. От названия Присурского озера *Навата*).

и топонимы образованные от личных имен этих *угро-тюрок* (*Луктос*, *Ильмис*, *Нукус*, *Сатис*, *Мотмос*, *Втарес* и др.).

Антропонимы с окончанием *-ас* (*-аз*, *-ис*, *-ус*, *-ес*, *-ос*), принадлежащие древним *угро-тюнкам*, и перенимаемые от них древней мордвой, распространены по всей территории Среднего Поволжья, «опускаясь» на юг вплоть до верховьев Дона. Древние домусульманские и дохристианские имена с суффиксом *-ас* (*-аз*, *-ис*, *-ус*, *-ес*, *-ос*), были широко представлены в антропонимике *угро-тюркских* народов, и воспринимались от них угро-финнами. Древнечувашские *Марас*, *Атмас*, *Макас*, *Минас*, *Теменес*, *Арсамас* и др., перекликаются с древнемордовскими *Инемас*, *Пургас*, *Ви́р_ас*, *Томболес*, *Вяч_омас*, *Полдомас* и др., и марийскими *Пайказ(с)*, *Токпарс*, *Яныс* и др. А мажарские имена, отличаются только шипящей гласной в конце. *Алтыш*, *Мураш*, *Пуреш* и др.

Название *Велетьма*, произошло, согласно «народной» этимологии, от того, что Иван Грозный, оглядевший после переправы через Оку, лежащие перед его армией, огромные леса, будто бы произнес «Велия тьма» (великое множество). На самом деле, это древнее название можно разделить на две части, корень *велеть*, и суффикс *-ма*. Исследователи считают, что «велеть» это производное от мордовского *веле* (село), а *-ма*, это восточно-финское обозначение местоположения. Получается, что-то вроде, «место где расположено село». Однако, мордва не создавала топонимов с формантом *-ма*, для мордовского языка это не свойственно.

Повторюсь, что мордовская топонимика, в юго-западной части Окско-Сурского междуречья, имеет более позднее происхождение, по сравнению с топонимикой *угро-тюркской* (булгарской, буртасской, мажарской).

Мордовские племена, жившие рядом с угро-тюрками, и находившиеся под их влиянием, пользовались древнефинской и угротюркской топонимикой, или снабжая угро-тюркские топонимы своими формантами (напр. *Шилокишлей*), или переиначивая их на свой лад. (*Мамлей(ка)* вполне могла быть *Мамай-ли*, *Саваслей(ка)* могла быть *Суваз-ли* и др.). Собственно мордовская топонимика региона, стала складываться уже в позднем средневековье, и из всего многообразия

мордовских топоформантов, в Окско-Сурском междуречье наиболее распространенными, являются *-лей*, и *-кужо*.

Названия *Липелей* (ольха-ручей), *Кавлей* (камень-ручей), *Кудлей* (дом-ручей), или *Серякуши* (высокая поляна), *Верякуши* (верхняя поляна), *Миякуши* (бобровая поляна) и др., безусловно принадлежат мордовским языкам, и к ним же можно отнести такие как *Вер_я* (*ви́ря* верх) или *Ви_ля* (*веле* село), если бы не одно «но»... Среди топонимов междуречья, звучащих вроде бы по-мордовски, попадают такие, в которых при наличии четко выделяемого форманта *-лей*, или *-кужо* (*-куши*), основа топонима не имеет в мордовских языках никакого смысла. Такие названия как *Тур-куши*, *Размаз-лей*, *Мам-лей* (ка), и другие, имеют, «непрозрачную» мордовскую этимологию.

Как правило, исследователи, или подбирают похожие по звучанию, мордовские слова, или просто говорят, что это забытые древние мордовские имена (вроде как *Тур*, *Мам*, *Размаз* и др.), но может быть и другое объяснение.

Эти основы, практически неизменными, можно обнаружить в древних и современных тюркских языках Поволжья. Например, *тур*, в топониме *Тур-куши*, может быть древнечувашским словом *тор*, означающим *божество*. Или древнетюркским словом *тура*, означающим *крепость*. Мордва вполне могла назвать место, где находилось языческое капище угро-тюрков, «поляной, где молились божеству» (*Торкужо*), или «поляной на которой стоит крепость» (*Туракужо*).

Дополнительную уверенность в таких толкованиях, придает попытка этимологизировать с этих позиций топоним *Туртапка*. Жители села Туртапка, под Выксой, расскажут, что название села произошло от имен мифических бандитов *Тура* и *Танки*, живших здесь, когда то, что является примером «народной» этимологии. Исследователи, традиционно выведут образование топонима от мордовского личного имени *Турдак*. Но *Туртапка* можно разобрать как *тор* (божество), и тюркское *tapinak* (храм), и истолковать, таким образом, как *тортанинак*, «храм божества», переиначенный в мордовском языке в *Туртапка* (*Туртапки*). Или разобрать как *тура* (крепость), и *tapinak* (храм), и истолковать как «крепость с храмом». Впрочем, в источниках встречается тюркское мужское имя *Турдай*, и женское *Токтан*.

Тюркская, чувашская антропонимика вообще может служить ключом ко многим, якобы «чисто мордовским» названиям. Чуваши, наследники древней *угро-тюркской (гуннской) этносреды*, наиболее активно сопротивлялись и исламизации и христианизации, и поэтому сохранили много мужских и женских имен, несомненно, свойственных в древности для всей этой среды. Чувашские мужские имена, такие как *Атемас, Кавлей, Маслей, Мамелей (Мамлей), Казандей (Кужендей), Савлей, Тавлей, Авлей (Явлей), Турапай, Ратмай, Рамзай, Сысуй* и др., и женские *Силиверь (Салавирь), Иленеть (Илеметь), Сертилеть, Тохтап* и др., легко отыскать в основе многих местных топонимов.

Напомню также, версию востоковеда Владимирцева, о заимствовании мордвой, древнетюркского форманта *-иле (-ле)*. Мордва, по мнению академика, заимствовала *-иле*, слегка переиначив, на свой лад, в *веле*. Поэтому и возникают сомнения в мордовском происхождении топонимов *Виля* и *Велетьма*. Названия современных мордовских сел региона, таких как *Чука-лы, Пиче-ле, Кардав-иль* и др., имеют явно тюркское происхождение.

Следующая ночевка армии Ивана Грозного, случилась 21 июля 1552 года, на речке *Шилексне (Шилокше)*. Угро-тюркский гидроним *Шилокша*, в разных вариантах, часто встречается в северной части Европейской России. Этим именем, как правило, названы совсем небольшие речки и ручьи, и оно изменялось в разных русских говорах, самым причудливым образом. *Шилекша, Салакса, Шиликша, Шолокша* и др. Это название можно разложить на формант *-ша*, и корень *шил(о)х*, ведущий свое происхождение от древнего болгарского антропонима *Шилка*, заимствованного, далекими предками болгар, из палеосибирских говоров, в которых оно означает «тонкий», «узкий».

Между первым и вторым стоянками-станами царского войска расположены селения, названия которых однозначно принадлежат угро-тюркскому прошлому нашего края. Первое название *Мурзицы*. В топониме *Мурзицы*, что называется, «невооруженным глазом» виден, древний степной титул *мурза* (князь), но почему тогда не *Мурзино* (таких названий много в Поволжье), или *Мурзы* (есть и такие)? Существует местная легенда о неких разбойниках, *мурзцах*, скрывавшихся когда-то, в местах, где сейчас расположен поселок, но это опять

«народная» этимология, как в случае с *Туrom* и *Танкой*. На самом деле, раньше *Мурзицы*, назывались *Мурзицын стан*. Вероятно здесь, с древности, находился пункт отдыха для высокопоставленных особ. Именно так, «*стан*», называли места отдыха, своего рода гостиницы, находившиеся рядом с большими караванными путями.

На торговом пути, пересекавшем Окско-Сурское междуречье, с запада на восток, от Муромской переправы через *Арсу-Арзамас* и *Сернач-Сергач*, до переправы в месте слияния *Суры* и *Медяны*, просто необходимы были места для отдыха купцов и путешественников, и особенно, «*станы*» оборудованные теплыми помещениями. Они так и назывались, «теплыми станами». Там где, когда-то, проходили важные торговые пути, обязательно были «теплые станы». Как память о них, остались названия современных поселков. Село *Теплый стан* есть в Мордовии, *Теплый стан* есть в Татарстане, свой *Теплый стан* был под Москвой (ныне район города). Такой же «*теплый стан*», мы находим в 40 верстах, восточнее *Мурзицына стана*.

Сегодня это село *Теплово*, которое, до XVIII века, называлось «*Теплый стан*». Известно, что простонародному языку свойственно упрощение названий, и в названиях, состоящих из двух слов, люди, как правило, выбирают одно, наиболее характерное. *Мурзицын стан*, со временем превратился в *Мурзицын*, а впоследствии, отпала и последняя буква, и тоже самое произошло и с названием *Теплый стан*. Его жители отказались от *стана*, и снабдили прилагательное *теплый*, русским формантом *-ово*, (*Теплово*).

Интересен тот факт, что на восточном конце Окско-Сурского сухопутного транзита, так же существовали и «*Мурзицын*» и «*Теплый*» станы. Присурский *Мурзицын стан*, тоже со временем превратился в *Мурзицы*, а поселок *Теплый стан*, в 1945 году, был переименован в Сеченово. Любопытно, что жители присурского *Теплого стана*, название своего села, в отличие от Приокских «теплостановцев» не упрощали, также как и жители сел, расположенных в Татарии, и в Мордовии. Видимо Приокский *Теплый стан*, раньше других «*станов*», попал в сферу жизнедеятельности русских переселенцев. Кстати названия *Теплово, Тепловка*, встречаются и в других областях Поволжья, но здесь они связаны с антропонимом. Служилые дворяне Тепловы и Теплово отмечены в «Разрядных книгах», уже с XVII века.

Рядом с Приокскими *Мурзицами*, расположилось селение с самым загадочным названием в регионе. *Кулебаки*. Чего только не придумали, пытаясь объяснить этимологию этого древнего названия (а оно действительно древнее). Здесь и вкусные кулебяки (вид пирога) которые якобы тут пекли, здесь и кули и баки, и мордва делавшая улы-кули, и складывавшая мед из них, в баки. Авторы последней версии, для того чтобы объяснить название *Кулебаки*, вводят в мордовский язык новый, до этого никому неизвестный, топоформант *-ки* (дорога морд.), и уверяют, что все нерусские, Поволжские топонимы, с окончанием *-ки*, это древние мордовские антропонимы, вроде того как *Шат-ки* дорога некоего Шата,¹⁴⁷ *Дем-ки* дорога Дема, *Ичал-ки* дорога Ичала, *Туртап-ки* дорога Туртапа, а *Кулебаки* дорога Куляба.

Возможно, понимая всю нереальность существования, в древности, такого количества дорог, авторы гипотезы делают оговорку, что это были даже не дороги, а просто тропинки,¹⁴⁸ называемые именами проторивших их первопроходцев. А мордовские имена, которых не встретишь ни в одном документе средневековья (Шат, Работ, Кулеб, Бор, Ичал, Руй, Рут, Ба, Лад, Кирма и др.), дескать, когда-то существовали, а затем были забыты.

В данном случае, мы имеем пример, так называемой, «кабинетной» этимологии, когда исследователи, пренебрегая законами языка, и опытом своих предшественников, делают поспешные выводы и предлагают их в качестве решения проблемы. «Открывать» в живом, хорошо изученном языке, «новый» топоформант, означает «придумывать параллельную реальность». Впрочем, оставим загадочного Куляба, на его тропе-дороге, и обратимся к проблеме.

А проблема заключается в том, что современные исследователи, склонные выводить происхождение древних топонимов, Окско-Сурского междуречья, только из мордовских языков, и не желающие признавать наличие в этих краях какого-либо другого, дославянского населения (или, признавая таковое лишь в качестве времен-

¹⁴⁷ У *Шатков* первое название «Шатские ворота» (поселок стоял на дороге, ведущей в Шатцк).

¹⁴⁸ Тропинка по-мордовски *киланго*. А древнее имя обязательно должно быть указано в каком-либо древнем документе, иначе топонимика превращается в детскую игру: «придумай древнее имя».

щиков), загоняют себя в определенные рамки, и порой не замечают даже очевидных фактов.

Топоним Кулебаки не единственный в своем роде. В Тамбовской области, на реке Цне, есть село *Кулеватово* известное с 1678 года. В основу его названия положено мордовское дохристианское имя *Кулеват*.¹⁴⁹ Можно предположить, что это и есть ключ к отгадке, но вряд ли мордвин Кулеват имеет касательство к Кулебакам. Ведь тогда название звучало бы как «*Кулебатово*» или «*Кулебатино*», а мы имеем «*Кулебаки*» и мордва здесь, не причем. Может быть, в основу названия положена фамилия основателя? Если покопаться, то можно обнаружить что такая фамилия действительно существует, но принадлежит она ...сынам еврейского народа. Известны такие деятели как Мойсей Кульбак, белорусский еврейский писатель, и Соломон Кульбак, американский математик, еврей польского происхождения, но вряд ли евреи имеют отношение к основанию *Кулебак*. Скорее дело здесь в самом значении слова. Что может означать *кулебаки* или *кульбак*?

На юге России, в степях Курской области есть селение с названием *Кульбаки*, основанное в 1680 году, и его жители хранят предание, о происхождении названия деревни, гласящее, что проезжавший когда-то, через деревню казак, потерял часть сбруи коня. Он вернулся и стал расспрашивать у местных, не находили ли они «*кульбак*»? И хотя они не понимали казака, вскоре выяснилось, что потерял он седло. *Кульбак* это старинное степное, видимо еще сарматское, название седла, потому что, ничем другим нельзя объяснить, что по-польски, седло называется *кульбак*. В Польшу *кульбак* принесли сарматы, и передали это название седла, ляхам-полякам (отсюда и фамилии евреев-выходцев из Польши).

Сарматы, влившись в состав кочевых гуннских орд, распространили свое название седла среди кочевников, и те в свою очередь принесли *кульбак* в Поволжье. Сарматский *кульбак* был известен во всей Восточной Европе. Так называли седло и в степях, и в москов-

¹⁴⁹ По примеру: Череватово от мордовского имени Череват, Вадоватово от Водоват, Кулебатово от Кулебат.

ской армии, даже еще и в XVII веке. Помните хорвата Юрия Крижанича, который при дворе царя Алексея Михайловича боролся за чистоту славянского языка и за искоренение татарских терминов? Рассуждая о воинском духе русских ратников, он с тревогой писал: «...воины много храбрости теряют, когда они свои военные дела и понятия заменяют чужими, иностранными, татарскими словами. Это ненужное смешение языков в военном деле особенно вредно, ибо рассуждают они так: откуда пришло название ратных дел, откуда пришла и воинская слава и доблесть. Надо заменить, в том числе, слова: «солдат» на «пехотинец», «гетман» на «полевой бан», «атаман» на «главарь», «капитан» на «сотник», «витязь» на «ратник», «гусар» на «копейщик», «аманат» на «заложник», «барабан» на «бубнарь», «есаул» на «поручик», «драгун» на «конник», «кантар» на «узда», «бахмат» на «татарский конь», «кулбак» на «татарское седло»¹⁵⁰. *Кулбак*, *кульбак*, *кулебак* – это древнее степное название седла, а применительно к нашим Кулебакам, оно связано с особенностями рельефа местности, на которой было расположено селение.

Кулебаки-Кульбак стоял на древнем тракте, а древние дороги повторяли все особенности рельефа той местности, где они были проложены. Эти особенности не могли, не отразится в топонимике. Например, место, где даже в сухую погоду, стояла непролазная грязь, грозившая путникам опасностью застрять, называлось в народе «*лихим*» местом, и осталось «*лихим*», и по сию пору, хотя проблем с проездом там вроде бы уже нет. Так же получили свое название и «*Кулебаки*». Подъезжая к Кулебакам со стороны Оки, даже по современной дороге, испытываешь некоторое неудобство, из-за крутых спусков и подъемов, последний из которых находится уже в самих Кулебаках («рыночная гора»), а представьте, каково было ехать по ним на телеге, или верхом? Притом, что до Кулебак, и после Кулебак местность идет практически ровная. Древние *угро-тюрки* отметили это место, назвав и селение, и речушку, *Кульбак* (седло).

Повторюсь, что тюрки активно использовали древний путь, проходивший через Кулебаки. По нему шли к муромской переправе и хазары, и булгары, и персы, и золотоордынские купцы. Здесь про-

ходили армии степняков, переходившие Оку по льду, и атаковавшие владимирские земли. Отсюда казанцы нападали на Муром и разоряли русские селения, что неоднократно отмечено в летописях.¹⁵¹

Мы оставили Ивана Грозного на реке Шилокше. Гидронимов с топоформантом *-ша* (*-са*, *-за*, *-жа*), очень много в Западной и Центральной части Окско-Сурского междуречья, на старинных угро-тюркских землях. Они повсюду, от названий небольших источников (*Калнакса* и др.) до названий сравнительно крупных рек (*Теша*, *Ковакса*, *Сережа*, *Акша* и др.). То, что эти названия не могут принадлежать мордве, лишний раз доказывает мордовское название речушки *Шилокишлей*, впадающей в *Шилокшу*. Мордва использовала древнее название добавив к нему свой топоформант *-лей*.

Между второй и третьей стоянками московского войска расположены селения *Ломовка*, *Теплово* и *Гремячево*, в которых, согласно народной этимологии, сначала сломалась царская карета (в Ломовке), затем царь согрелся в тепле (Теплово), а затем карета загремела (в Гремячеве). Хотя по «другим данным», в Гремячеве гремело и оружие солдат, и знаменитые местные родники. О Теплове, «Теплом стане» на древней дороге, мы уже говорили, а что касается Гремячева, то название с основой «*гремячий*» очень характерно для Среднего Поволжья. Названия *Гремячево*, *Гремячий*, *Гремячка*, *Гремячий ключ* (*ключи*), получали селения русских колонистов, расположенные, вблизи сильно звучащих источников, а топоформант *-ево* (*-ово*), в названии села, свидетельствует об основании селения, не позднее XVII века, когда Окско-Сурское междуречье заселялось выходцами из Северо-Восточной Руси. Впрочем топонимы расположенные на противоположном, селам Теплово и Гремячеву, правому берегу реки Тешы, *Монасиха*, *Кобылиха*, *Балахониха* и подобные, говорят о том, что суздальцы (а именно древним суздальцам принадлежат названия с формантом *-иха* созданные не позднее XV века), выходили к Теше, в XIV-XV веках, во времена могущества Нижегородского княжества.

Что же касается названия *Ломовка*, то здесь вроде бы очевидна связь названия с глаголом «ломать, сломать», то есть с какой-то неисправностью или поломкой. Тем не менее, вряд ли, селение *Ломов-*

¹⁵⁰ Ю. Крижанич. «Политика». Москва 2003 г.

¹⁵¹ В.В. Каргалов. «На степной границе». Москва 1974 год.

ка запомнилось царю как место вынужденной остановки. Угорский апеллятив *лом* (*лем* черемуха), чрезвычайно широко распространен на всем пространстве расселения мордовских народов. *Лом-ать*, *Лом-ов*, *Лом-ать*, *Лом*, *Лом-ки*, *Лом-ня* и др. встречаются по всему Среднему Поволжью, а формант *-ка* в названии нашей Ломовки говорит о том, что село пополнилось русским населением, после XVII века, когда в Поволжье хлынули переселенцы из Южнорусских областей. Именно им было свойственно образование топонимов с топоформантом *-ка* (*Липовка*, *Березовка*, *Мамлейка*, *Котовка* и др.). Возможно, тогда *Ломов* стал *Ломовкой*.

Ночь на 22 июля, застала Московского государя, возле «*Саканьского городища*» на левом, высоком берегу Теши. Городище названо так по имени речушки с древнетюрским названием *Саган*, которую местная мордва именовала на свой лад *Сакань*. Впервые это название встречается в летописях в 1482 году. Через *Сакань* ехали на Русь ногойские послы.

Саканьское (Саконское) городище, место знаменитое. П.И. Мельников помещал сюда центр древнего мордовского княжества, А.М. Орлов настаивал, что здесь был центр татарского княжества, Ардамовский краевед А.В. Базанов убежден, что здесь был болгарский форпост. Видимо и то и другое, и третье мнения, имеют под собой основание, и здесь действительно был средневековый феодальный центр, а городище было основано, на древнем тракте, еще в хазаро-болгарский период, как опорный пункт, и место для взимания «тамги» (таможенного сбора). Татары также оценили стратегическое значение городища, поместив сюда свою таможеню, и крупный отряд, во главе с царевичем Чингизидом. Татарский поселок *Мухта-лы* (от тюркск. *takti* крайний, и *-лы* род, ныне Мухтолово), севернее Сакон, был пограничным пунктом Орды.

Вообще вдоль древнего тракта селились представители самых разных этносов. В нескольких километрах восточнее *Саканьского городища* (*Сакон*) расположено село *Голяткино*, название которого, указывает, на поселившихся здесь, в древности, *балтов-голяди* (*галиндах*). Древние балты были активным и многочисленным этносом, и проникали далеко на восток. Балтское происхождение видно в названии речек *Нуча* и *Чна*, протекающих в здешних лесах.

К югу от *Саканьского городища* простирались земли, населенные вперемешку мордвой, мажарами и буртасами. В Золотоордынский период это был цветущий край, богатевший на важных средневековых торговых путях. Но в середине XVI века, здесь царили безлюдье и запустение. В 1552 году здесь, в районе *Сакон*, заканчивались владения Тюменского княжества, вассала Москвы, и по реке *Ирже* проходила граница с Казанским царством.

Не случайно Иван IV, поместил свой четвертый стан на *Ирже*. Армии понадобилась остановка перед вторжением на территорию противника. Впереди находился крупный центр междуречья, *Арзамас* (*Арзemasово городище*). Согласно местным преданиям, здесь войско царя сбилось с пути, и ему понадобились проводники, немедленно явившиеся к нему под именами Калейки и Ардатки. Нет сомнения, что это отголоски тех же легенд родившихся среди населения правобережья Теши, и распространившихся повсеместно. В преданиях жителей местных деревень *Надежино*, *Юсупово*, *Онучино* (порядка 30-ти км южнее Теши) сохранились воспоминания о стоянии, армии Ивана Грозного, рядом с этими деревнями, о церкви якобы построенной царем, и, о курганах, будто бы, насыпанных его войском.

В месте слияния Теши и Иржи, находятся древние села *Большое* и *Малое Туманово*, «официально» известные с 1582 года. Название *Туманово*, местные жители связывают с легендой о тумане, будто бы, преградившим путь царскому войску, за что царь и назвал село, Тумановым. Краеведы связывают происхождение названия села, с именем служилого мордвина *Тумана Кочемасова*, упомянутого в «Арзамасской писцовой книге» XVII века, Однако, в этом названии, явно просматривается апеллятив *тумэн* (Тюмень). Село расположенное на границе Тюменского княжества, бывшее пограничным и таможенным постом, получило свое название по княжеству, которому принадлежало. Название *Тумэн* позже оформилось русским формантом *-ово*.

Эта древняя граница не изжила себя и в Московском государстве. Она применялась в административном делении созданного здесь впоследствии Арзамасского уезда. Известный исследователь Нижегородской мордвы А.А. Гераклитов (1867-1933) обращал внимание, что уезд исторически делится на две части. Одна часть, к

востоку от Арзамаса называлась *Залесье*, другая к западу, называлась *Утишье* и мордва этих частей, была не похожа друг на друга.

Следующая ночь, 24 июля 1552 года, застала Московское войско в устье реки *Акши*, в предместьях древнейшего населенного пункта междуречья, *Арзамасова городища*, отождествляемого нами, с древней региональной столицей *Арсой*. Версий о происхождении названия «*Арзамас*» много, но все они (по причине указанной выше), так или иначе, связаны с мордвой. Самая распространенная гласит, что в названии соединены два мордовских имени *Эрзя* (*Арзя*) и *Маса* (*Масья*), а затем уже следуют варианты. Говорится, что это были два проводника Ивана Грозного, или два брата, или брат с сестрою, или даже муж с женою. Все эти версии, в той или иной степени, можно отнести к «народной» этимологии (у мордвы никогда не было подобных имен), но одно не вызывает сомнений.

Первая часть топонима Арзамас связана с мордвой эрзей. Топонимист В.А. Никонов, внимательнейшим образом, исследовавший топонимику южной части тогдашней Горьковской Области был уверен, что первая часть названия есть видоизмененный этноним «*эрзя*», а вот вторая имеет отношение к древним мадярам-мажарам, жившим здесь.

В своем «Кратком топонимическом словаре», он соглашается с мнением академика Б.А. Серебрянникова, сопоставившего *-мас*, с венгерским «*mező*» (*поле*), и связывает возникновение топонима с мадярами. Мажары называли местность и город, расположенный на ней, «*Эрзянское поле*», «*Поле Эрзи*», и это имя навсегда прикрепило к древней *Арсе*. Имя «*Арзамас*» прочно вошло в антропонимику Поволжских народов; *Арсамас*, мужское имя у чувашей, из «Поместных актов» XVII века, известен мордвин *Орземас Вешкомасов*, имя *Арсемас* было в ходу у марийцев.

Согласно сведениям А.М. Орлова,¹⁵² здесь же, в районе Арзамаса, местные татары встретили боем московскую армию. Надо сказать, что Арзамас всегда входил в сферу интересов «Степного

мира». Даже если не принимать во внимание гипотезу о Сарматской *Руси-Арсе*, археологи все равно указывают на то, что *угро-тиюрские* (булгарские) захоронения отмечаются здесь (как и в Сарове), уже с X века. Город, стоящий на середине большого торгового пути, на пересечении дороги ведущей в *Великий Булгар*, и дороги на *Алатырь* и оттуда на Нижнюю Волгу, просто не мог остаться без внимания местных феодалов. В XII веке, вокруг *Арсы-Арзамаса* складывается мордовское раннефеодальное образование. Неизвестно кем был Пургас, мордвином или потомком гуннов, но боролся он с Рюриковичами, уже от имени мордовского народа, и выступал из пределов Арзамаса, о чем говорит и его маршрут, отмеченный в летописи «... из-за речки Чары (приток Сereжи авт.)».

Что же до местных татар, то кипчаки-половцы проникали в Арзамасский край еще до татарского нашествия, а с XIII века, Арзамас был уже одним из золотоордынских региональных центров. Неслучайно местности, южнее и восточнее Арзамасова городища, облюбовали ордынские сепаратисты Тагай и Секиз-бей.

После разгрома учиненного Тамерланом, и других бедствий обрушившихся на Орду, край запустел, и в составе Казанского царства играл роль окраины. Пограничного, с Тюменью и ногайцами, района. Расселившиеся здесь татары-кипчаки, притесняли местное мордовское население (мордва жаловалась Ивану Грозному на татар занимавших лучшие земли и просила удалить их с Теши), и оказали сопротивление царским отрядам, но были разбиты воеводой Левашовым. В честь победы, Грозный приказал поставить церковь в татарском селе, бывшем центром сопротивления, и ставшем после постройки в нем церкви, селом *Архангельским*, а для наблюдения за местными татарами учредил «*Арзамасскую выездную казацкую слободу*» и поселил в ней 600 верных Мещерских казаков.

Локальные бои, с местными татарами, московиты вели на всем пути, от Арзамаса до Присурья, но местная мордва и мордовские *панки* сопротивления не оказывали и охотно переходили «под руку» московского государя принимая крещение. Мордовские князья и старшины подносили молодому государю чаши с песком и землей (в знак того что вручают ему свою землю), а Иван Васильевич, в свою

¹⁵² А.М. Орлов. «Нижегородские татары». Интернет.

очередь, приказывал строить для них церкви, и дарил мордве иконостасы.

Шестая стоянка, на речке *Кавсе*, предположительно около современной деревни *Вазьем* (недалеко от п. Вад), и седьмая на озере *Икше* (которое не сохранилось), вероятно, в районе современной речушки *Якшеники*, и сел *Большая и Малая Якшань*, недалеко от крупного села *Шарапово*, также случились в местах плотно заселенных татарами. Даже современная топонимика этих мест не оставляет сомнения в своих тюркских корнях. Села *Шарапово*, *Саблуково*, *Нагаево*, *Рахманово*, *Болтино*, *Алтышево*, многочисленные *Майданы*, говорят о былом присутствии здесь тюрок. Кроме того, по утверждению А. Орлова, очень много деревень было переименовано, расселившимися в них, потом мордвой, и русскими земледельцами. Конечно, не все татары оказывали сопротивление, очень много татар переходило на службу к русскому царю и крестилось. В окрестностях современного Гагина, где 27 июля 1552 года, находилась восьмая стоянка Ивана Грозного, к нему присоединился тот самый *Бахметка*, герой штурма Казани, ставший русским князем *Бахметьевым*.

Местная топонимика, даже после заселения верховьев Пьяны славянами, говорит о тюрко-татарском прошлом этого края. Селения *Тарханово*, *Исупово*, *Мангушево*, *Салган*, *Курбатово*, *Муратовка*, *Ендовщице* и многие другие напоминают, что эти земли были, в XVI веке, татарскими владениями князей *Манцыровых-Мансуровых* и в обиходе назывались «Мансуров угол».¹⁵³ Этот Мансуров угол, был окраиной обширного татарского владения, расположенного юго-западнее, в междуречье Сатиса и Алатыря. Здесь, в Мансуровом углу, царское войско соединилось с отрядом «городецких казаков», касимовских татар Ак-Сеит Черевсева, и продолжило движение к «*Дубровке озеру*».

Дубровка единственное русскоязычное название, встречающееся на пути Ивана Грозного, видимо осталось здесь от славянских земледельцев, заселивших плодородные земли Попьянья в период могущества Нижегородского княжества, и рассеянных, потом, внутриордынскими неурядицами.

¹⁵³ В составе России, «Мансуров угол» долго считался глухоманью, куда ссылали преступников, а беглые обретали здесь «волю».

Переночевав, с 28 на 29 июля, возле *Дубровки озера* (современная граница Нижегородской области и республики Мордовии, в районе сел Адашево и Бол. Болдино), царь повернул с Алатырского направления на северо-восток, к верховьям рек Медяны и Медянки, чтобы продолжить покорение «*Татарского поля*», заселенного враждебными татарами. Разумеется, местные татары не могли оказать сколь-нибудь серьезного сопротивления огромной армии, тем более что многие уже были обработаны, до этого, московской «пропагандой», и охотно присягали на верность Ивану IV.

Десятая остановка царя случилась между селениями *Чембилей* и *Теплый стан*. Отсюда московские отряды, подавили весьма упорное сопротивление татар Присурья, и вассальных им мордвы-мокшан.¹⁵⁴ В Нижнем Присурье, долгие века подвластном тюнкам, местные угро-финны были их верными союзниками, и местная топонимика буквально пестрит тюркскими названиями.¹⁵⁵ Именно в этих местах, от Присурских Мурзиц вниз по Суре, в районе современного села *Медяны*, проходил древний путь в Великий Булгар, идущий через Арзамас и Сергач. За ожесточенное сопротивление Иван Грозный приказал выселить местных татар из Присурья, расселив их в глухие места.

Закончив с Присурскими татарами, царь выступил на *Борончеево Городище*. Пройдя вдоль левого берега Суры, армия Московитов, в начале августа, прибыла в район древнего города *Алатыря*¹⁵⁶ (от древнетюркского *Улатар* – *сильный, каменный, город*).

¹⁵⁴ Напомним, что мокшанами, по мнению академика Серебрянникова, было заселено до XVII века левобережье нижней Суры.

¹⁵⁵ В XIX веке, исследователь В. К. Магницкий, записал названия татарских деревень Присурья: *Питраксы*, *Арбишино*, *Сафаджай*, *Карачай* и др. Ныне они переименованы на мордовский, или на русский лад.

¹⁵⁶ Впервые упоминается в летописях, в 1552 году, хотя Алатырь к этому времени уже давно существовал. Это был крупный центр средневековья и оставался таким центром вплоть до нового времени. Город стал терять свое значение, когда на первый план вышли новые центры – Чебоксары и Саранск.

Этот город, основанный вероятно, еще булгарами, вместе со стоящим рядом городом *Ардатовым* (от мордовского имени *Ордат*), был центром огромного региона, включающего в себя весь Юго-Восток Окско-Сурского междуречья, восточную часть современной Мордовии, и Юг современной Чувашии. Не случайно Иван Грозный стремился сюда. Он хотел лично принять присягу верности, от князей-повелителей этого важного центра. Правители Алатыря и Ардатова, мордовские князья Еделева, присягнули государю на верность, местное население также было приведено к *шерти*, не оказав сопротивления, и Иван Грозный отправился «братъ» Казань.

Такая покорность местной мордвы, и вообще всей мордвы Окско-Сурского междуречья, имела простое объяснение. Во-первых, Иван Грозный, в Свияжске, в 1551 году, объявил, что всех перешедших «под руку Москвы» ждет освобождение от налогов (*ясака*), на три года, а во вторых, и это пожалуй важнее, земледельцы, жители региона, надеялись на установление мира и порядка в их землях, и связывали это с победой Москвы.

За полтора столетия противостояния Казани и Москвы, Среднее Поволжье превратилось в настоящий театр военных действий. Летописцы зафиксировали за это время более 80 крупных походов, или казанцев на земли Москвы, или московитов на земли Казани. Все эти бесконечные войны, разоряли и истребляли местное население, ложились тяжелым бременем на его существование. В некоторых областях Поволжья, хлеб не засеивали в течение 30 предыдущих, взятию Казани, лет, справедливо полагая, что нивы все равно погубят во время войны. Местным жителям было необходимо установление сильной центральной власти, которую не могла организовать раздираемая внутренними междоусобицами Казань. Мордва, татары, буртасы, чуваша с готовностью отдавали себя «под руку» Московского государя, а местная знать принимала православие, отказываясь от языческих и мусульманских обычаев.

После этого краткого обзора Казанского похода Ивана IV, мы можем вполне убедиться, что Иван Грозный имеет к топонимике Окско-Сурского междуречья весьма опосредованное отношение. Присоединив край к России, и положив тем самым начало массовому заселению славянами Среднего Поволжья, он, несомненно, спо-

собствовал созданию последнего, и самого мощного слоя местной топонимии, русскоязычного, славянского, а присоединение Казанского царства, сделало Россию многонациональной страной, открыло дорогу на Урал и в Сибирь, открыв в истории Окско-Сурского междуречья новую страницу, Российскую.

Глава 14

В составе России

Завоевание Поволжья стало первым этапом борьбы Русского государства за право контроля над «Великим Волжским путем». За Казанью последовали Астрахань и Новгород, и была сделана попытка (правда неудачная) выйти к Балтике. Поволжье стало Российской «базой» для присоединения и освоения Урала, Сибири и Южных степей. После овладения Казанским царством Россия стала превращаться из небольшого удельного княжества, в одно из самых могущественных государств Восточной Европы.

Но мало было завладеть Казанью. Важно было закрепить свое присутствие в многонациональном регионе, превратить его в часть России, распространить здесь русский язык и православную веру.

Для управления территориями, входившими в состав Казанского царства, в 60-е годы XVII века, в Москве создается специальное учреждение, так называемая *Казанская изба*, переименованная впоследствии в *Казанский приказ*, просуществовавший до конца XVII века. Казанский приказ осуществлял все административные, судебные и фискальные функции, ведал землепользованием и землеустройством по всей территории бывшего Казанского царства. Все Казанское Царство было разделено на уезды и воеводства, во главе которых ставились назначенные Москвой дьяки и воеводы. Стало воеводством и Тюменское княжество, воеводой там был назначен князь Еникей Тенишев.

И он, и другие местные феодалы, принявшие участие в завоевании Казани и присягнувшие на верность царю, были награждены вотчинами и «дачами». *Беляки* бывшие в их собственности, до присоединения края к Московии, закреплялись за ними специальными распоряжениями. Из местной знати наиболее крупными землевладельцами становятся князья Мокшеевы, Мушубеевы, Кильдяшовы, Еделевы, Еникеевы, Дивеевы, Енгальчевы и др. Мелкие феодалы, мурзы и тарханы, служившие Москве, также награждаются земельными наделами, или остаются в своих правах на владение старыми. Кроме того Москва, для усиления своего влияния на вновь приобретенных территориях, раздает крупные земельные наделы русским феодалам. Большие угодья в Окско-Сурском междуречье, получили князья Милославские, Одоевские, Черкасовы, Голицыны, Воротынские и др. «Служилые» Московские люди, называемые «дворянами» и «детьми боярскими»,¹⁵⁷ направляются на службу в Поволжье, получают наделы по месту службы, и также становятся землевладельцами. Вместе с местными мурзами и казаками, они принадлежат к «белой» (не облагаемой налогами) категории населения, и обязаны по закону 1555 года, являться на службу по призыву: «на коне и в доспехе полном, а в дальний поход с двумя конями».

Для обработки земли, и «кормления» *служилого сословия*, привлекалось местное население, мордва, чуваша, черемиса, буртасы и др. Земледельцы Поволжья были объявлены «ясачными», «черными» (платящими налоги)¹⁵⁸ людьми. То есть при сохранении личной свободы, обязанными платить *ясак* (подать), или в казну, или на содержание владельца земли, на которой они жили и трудились. Кроме того, они должны были нести «повинности» по требованию царской администрации. Ямская служба, заготовка леса, строительство крепостей, дорог, мостов, «засек» и др., причем поначалу эти повинности и ясак были не особо обременительными.

¹⁵⁷ Сословие, составленное из отпрысков разорившихся и обнищавших боярских и княжеских родов. Несли службу наравне с дворянами и казаками. Сословие просуществовало на Руси с XVII по XVIII века.

¹⁵⁸ «Ясачные» считались держателями государственных земель передаваемых в пользование общинам земледельцев. За право пользования они платили налог «*ясака*».

В случае недостатка рабочей силы, мелкие землевладельцы получали, от царя, работников из числа «*новокрещеных*»¹⁵⁹ туземцев, или из числа, выведенных из внутренних российских районов, безземельных крестьян. Расселялись в Приволжье, и освободившиеся из Казанского рабства русские люди, увезенные в разное время в «полон», из самых разных районов Руси. Число освобожденных было огромным, и не поддавалось точному учету. Летопись говорит, что только тех, кто получил «государев корм» в Свияжске, в 1553 году, было 60 тысяч, а сколько всего получило свободу неизвестно.

Словом, в Среднем Поволжье строилась *вотчинно-поместная* система хозяйства, в которой главную роль играли мелкие феодалы «служилые люди», что абсолютно копировало хозяйственно-административную систему Золотой Орды, где военное сословие также жило и кормилось за счет «черного» населения, и обязано было при необходимости защищать это население, и расширять владения своего повелителя. Служилые люди были зависимы только от царя, подчинялись лично ему, и это ломало старый феодальный уклад Руси, уменьшало власть крупных землевладельцев.

Для утверждения в регионе, Москве было необходимо внедрение здесь своей государственной идеологии, православного христианства. Распространение христианства началось уже во время последнего похода Ивана Грозного. Он строил церкви и крестил туземцев. Сразу после победы, в Казани, заселенной теперь выходцами из Москвы, Пскова, Владимира и других русских городов, была учреждена епархия, в состав которой вошли все территории бывшего Казанского царства и Вятская земля. Глава епархии, архиепископ Гурий, развернул большую миссионерскую деятельность по обращению «инородцев» в православие, но поначалу никакого принуждения не было. Сам Иван Грозный, в специальном наказе к церковнослужителям, рекомендовал: «Татар приучати и приводити любовию на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводити».

Москва опасалась негативной реакции сильных мусульманских государств того времени, и не препятствовала распространению Поволжского ислама, стараясь действовать больше убеждением, чем

принуждением, и всячески поощряла принимавших православие «инородцев», но не задевала лояльных по отношению к московскому правительству мусульман (некоторые крупные землевладельцы сохранили даже русских рабов-*жулей*). Агенты турецкого султана Селима II, докладывали ему: «Не сопротивляющиеся русскому царю казанцы, находятся в большом почете, служат ему, сидят на своих местах. Царь не трогает их веру, не разрушает мечетей. Дал указание о строительстве мечетей по шариату. Если бы он был противником шариата, то не поставил бы Булата царем в Касимове, по мусульманским законам».¹⁶⁰

Христианизация и миссионерская деятельность велась, главным образом, за счет строительства монастырей. Первые монастыри были не только миссионерскими центрами, но и опорными пунктами колонизации новых земель. Они строились, на манер крепостей, с укрепленными стенами и вооруженной охраной. Обширные земли вокруг монастырей были подарены царем монахам, и заселялись крестьянами из различных областей Руси, заманиваемыми всяческими льготами. Выходцы из монастырских владений строили новые деревни и «починки», увеличивая русское присутствие в регионе. Первыми монастырями, в Окско-Сурском междуречье, стали Пурдышевский «Рождественский» монастырь на реке Мокше, и «Спасо-Преображенский» монастырь в Арзамасе, основанные монахами из подмосковного Звенигородского «Савва-Сторожевского» монастыря. К концу XVI века, были основаны монастырь на Выксе (женский), и крупный «Троицкий» монастырь в Алатыре.

В связи с присоединением Казанского царства, у Москвы обострились отношения с Ногайской Ордой и с Крымом. Для того чтобы обезопасить себя от набегов степняков по новой границе Руси стала строиться «засечная черта». Так называлась система укреплений, созданная для наблюдения за степью и предупреждения набегов. Первая такая «черта» была проложена из района слияния Волги с Камой, к Арзамасу, проходя южнее его, через современные Шатки (Шатцкие ворота), и Красный бор, а от него к реке Алатырь,

¹⁵⁹ Так называли перешедших в православие мусульман, или крестившихся язычников.

¹⁶⁰ М. Худяков. «Очерки по истории Казанского царства». Москва 1991 г.

и в районе поселка Пузская слобода (Починковский р-он), поворачивала к Какому, и оттуда к Туле и Брянску.

Службу на засечной черте несли и мордва и чуваши и татары, и русские воины, стрельцы и пушкар, дворяне и «дети боярские», но главной силой, особенно на первых порах, были верные царю Мещерские казаки, мещеряки.¹⁶¹ Царское правительство использовало мещеряков и Касимовских татар, в деле освоения и защиты Окско-Сурского междуречья, наиболее активно. «Татарское поле», земли к востоку от Арзамаса, наполненные недружественными Москве, местными татарами, стали заселяться мажарами-мещеряками и Касимовскими татарами. Тогда возникли такие поселки как *Грибаново, Пошатово, Каргу, Мочалей, Мажарки, Мещеры, Можаров Майдан* и др.

Арзамасская казачья «Выездная» слобода стала центром, в котором координировались действия мещеряков и татар. Были и другие центры. Они получили статус «Мещерских городов». Среди них фигурируют селения Курмыш, Алатырь, Шацк, Елатьма, Кадам, Темников, Мокшан на реке Мокше и др. Поселки мещеряков и татар, расположенные всему протяжению засеки, получают названия «станец» (станов), и «слобод». В служебную номенклатуру Руси вводятся понятия «Мещерские сторожа» и «Арзамасские станицы», посты, призванные на «переднем крае» вести наблюдение за степью. Как и раньше, Окско-Сурское междуречье, на Руси называют «Польской Украиной»,¹⁶² а несущих здесь службу мещеряков и татар «Украинскими казаками».

Спокойная жизнь за «чертой», привлекала в междуречье все новых переселенцев. Сюда переселялась и *Алатырская* мордва, и русские крестьяне, переводимые своими владельцами для обработки пустующей земли. Много было, так называемых, «утеклецов», крестьян уходивших, от усиливавшегося феодального гнета в Руси. Воеводы часто принимали беглых, закрывая глаза на их прошлое, так как людей необходимых для строительства и обслуживания засек не хватало.

В Окско-Сурском междуречье, рядом со старыми тюркскими и мордовскими селами, стали возникать новые, «монастырские» и «дворянские» селения русских людей. Часто, в русские села подселяли крещеных «инородцев», и наоборот, в туземных селах создавали русские диаспоры, для присмотра за построенными храмами, и распространения русского влияния на «инородцев». Как правило, русские селения получали свои названия по именам владельцев, или по каким либо характерным местным признакам, но все эти названия объединяла одна особенность.

Тот самый топонимист В.А. Никонов, занимавшийся Окско-Сурским междуречьем, доказал, что к концу XVI века, образовалась, своего рода «генеральная линия», отделяющая северную половину России, где в топонимах господствует топоформант *-ово, -ов* (*-ево, -ев* Гремячево, Валтово, Чугуев, Темников и др.), и топоформант *-ино* (*-ин* Надежино, Алексин и др.), от южной половины, где господствует топоформант *-ка* (Дубровка, Покровка и др.).

Эта линия, совпадающая с самой первой «засечной чертой», была, до начала XVII века, тем рубежом, дальше которого не смели расселяться русские земледельцы из Северных и Центральных областей Руси, опасаясь кочевников. Потом, по мере продвижения России на юг, в XVII-XVIII веках, в Северной половине стали появляться русские топонимы заканчивающиеся на *-ка* (Липовка, Ломовка и др.), создаваемые переселенцами из Южных и Юго-Западных областей, уходившими на север от войн и безземелья.

Административные акты XVI века, сохранили имена многих основателей селений существующих и поныне. Например, село *Курьлово* основал служилый мурза *Горностаи Курулов*, а мещерский казак *Кутуз Тюлькин* основал село *Кутузово*. Выходцы из Свияжска, братья *Дементьевы Хрипун* и *Надежа*, основали поселки *Хрипуново* и *Надежино*. Резиденцией владетельного князя (дивей-мурзы)¹⁶³ *Мокшеева*, стало село *Дивеево*, ныне центр Русского Православия. В *Арзамасских «то-местных» актах* также сохранились имена «служилых казаков», полу-

¹⁶¹ За эту верность, казанцы и ногайцы называли мещеряков — «*ярым урус*» (полурусский)

¹⁶² Что означает на границе с «Полями» (степью).

¹⁶³ *Дивей мурза* — степной титул, что-то вроде удельного князя. Подобный титул известен и в Крымском царстве. Например, в 1572 году, командующий крымской армией носил титул *дивей мурза*. Было в Крыму и сословие «*дивеевы дети*», что-то вроде «*детей боярских*».

чивших имения в окрестностях *Арзамасова городища*. «Год 1559 по челобитью служилого татарина Ченея Енгильдеева учинить поместье в Арзамасском уезде за Шатковским лесом...дьякам ехать в Арзамасский уезд, в татарскую деревню Усть-Пилей (ныне Камкино авт.) и отделить там арзамасским татарам Богдану Разбахтееву и другим старые их поместья и усады. Оставшиеся отдать арзамасским татарам Юзейке Исакову...». ¹⁶⁴ Из этих актов, известно, что например, село *Атингеево* принадлежало мордвину *Сенею Атингееву*, а село *Кильдюшево* мордвину *Мокею Кильдюшову*, село *Ризоватово* служилому мурзе *Кирдяну Ризоватову*, и др.

Нас не должна вводить в заблуждение, указанная в актах, как будто бы «национальность» владельца. В русском средневековье самое пристальное внимание уделяли не национальности, а вопросу конфессиональной принадлежности. Этноним *татар* (татарин), *мордвин*, *чуваши*, *русский*, часто определял не этническую принадлежность, а вероисповедание. После установления в Золотой Орде, в XIV веке, ислама, все ордынские феодалы, от карачи-беев до простых казаков, приняли ислам, и ислам стал на Руси называться «*татарской верой*», а его приверженцы, «*татарами*». В русских актах XVII века, зафиксированы «буртасы-посопные татаровя», или «буртасские татаровя Ураз Багишев со товарищи...». Здесь, несомненно, *буртас* означает этническую принадлежность, а *татаровя* (*татары*), конфессиональную.

Принимавшие ислам чуваша, мажары, маришцы, мордва и др., «автоматом» становились для русских, «татарами». Так же и православие, на Руси, называлось «русской верой». Специфические языческие верования мордвы и чувашей, назывались на Руси «*мордовской*» и «*чувашиской*» верами. Поэтому мурза, записанный в акте как «*татарин*», вполне мог оказаться этническим мордвином, а «*мордвин*» или «*мордовский мурза*», мог, на самом деле, быть мещеряком-мажаром. То же самое происходило с ними после крещения: они становились

носителями «*русской веры*»- «*урусамы*» (урусами), а их потомки уже по определению были «русскими». ¹⁶⁵

Возвращаясь к заселению Окско-Сурского междуречья, следует отметить, что особенно охотно русские земледельцы занимали плодородные районы Межпьянья, и бассейн реки Алатырь. Их манили местные черноземы, да так, что в XVII веке, зафиксированы переселения местной мордвы, вытесненной отсюда русской колонизацией.

С гораздо меньшим энтузиазмом, заселяли славяне Западную часть междуречья, песчаные, покрытые густым лесом, земли правого берега Нижней Оки. Издавна здесь жили буртасы, мажары и мордва, использовавшие эти места, главным образом, для пушной охоты и бортничества, и даже построенные монастыри, долго не могли привлечь сюда русских землепашцев. Первыми русскими, славянскими колонизаторами, заселившими, в XVI веке, левобережье Теши и Велетьмы, были «вынужденные переселенцы» с берегов Волхова, прибывшие сюда после окончательного разгрома, Иваном Грозным, Новгорода Великого.

Великий Новгород долго не мог смириться с централизацией, проводимой Москвой. Дед Ивана Грозного, Великий князь Иван III, во 2-й половине XV века, жестоко подавил восстание, желавших независимости новгородцев. После чего, выселил многих бунтовщиков на окраины тогдашней Руси. Через 100 лет после тех событий, в Новгороде опять подняли голову «сепаратисты». Мелкие дворяне, горожане и «черные» люди не желали мириться с властью Москвы, и были готовы отдаться «под руку» Литовского государя, только бы, не оставаться в зависимости от Московской Руси. В 1570 году, Иван Грозный жестоко наказал измену. Московиты заняли Новгород («пришел грозный царь со своими татарами»), разграбили и сожгли его, а уцелевшее, после страшного «поджара» и резни, население вывели и расселили в, недавно присоединенном, Казанском царстве.

Особенно много приверженцев древнего «*вечевого*» строя, было сослано в Западную часть Окско-Сурского междуречья (районы, учрежденного позже Ардатовского уезда). Причем настолько много,

¹⁶⁴ Цит. по А. Базанов. «История Ардатова». Арзамас 2005 г.

¹⁶⁵ В середине XVIII века, И.И. Лепехин указывал, что жители селения Русская Маклаковка (Спасский р-он) крещенные татары. Теперь это село считается русским.

что, даже в конце XIX века, в выговоре жителей этих мест, был слышен специфический «новгородский» диалект, схожий с диалектом жителей Русского Севера, освоенного, как известно, новгородцами.¹⁶⁶ Тогда, в 70-е года XVI века, появились в правобережье Нижней Оки и в бассейне Нижней Теши, названия, перекликающиеся с Новгородской топонимикой. Речки *Сувадь* и *Сноведь*, села *Валтово*, *Волосово*, *Рогово*, *Валтырево*, и другие, абсолютно славянские названия (*Окулово*, *Поздняково*, *Покров*, *Гремячево*).

Новгородцы принесли с собой в Приволжье не только диалект и топонимику, но и характерные черты, присущие Ильменским славянам, первопроходцам освоившим Русский Север. Храбрость, трудолюбие, предприимчивость, любовь к ремеслам, главным из которых было плотницкое искусство (недаром новгородцев, в русских летописях, еще в XI веке, называли «плотниками»). Что же касается диалекта, то действительно, жители Ардатовского уезда Нижегородской губернии, *о-кали* и *у-кали* (не «комар» а «*Умар*»), редуцировали гласные в конце слов (не «*знает*» а «*знат*», не «*бывает*» а «*быват*»), и не различали в словах, звуки (фонемы) *-ц*, и *-ц* («*теца*», «*доуца*», и тут же «*царь*», «*чепоуца*»), а также сохранили твердое взрывное *-г*, в отличие от потомков южан, вятичей, произносивших *-г* фриктивно (не «*гулять*» а «*хулять*»).

Однако не Новгородцы стали причиной *ц-окающего* выговора жителей западного Поволжья, и не мордва, как утверждают иные исследователи. *Ц-оканье* распространено далеко за пределами указанного региона. Знаменитый составитель «Толкового словаря» В.И. Даль (1801-1872), указывая на широкое распространение *ц-оканья* в Ардатовском, Лукояновском, Арзамасском, Сергаческом, и Княгининском уездах Нижегородской губернии, говорил, что ареал *ц-оканья* заходит в Тамбовскую губернию, за Шацк, его следы имеются и в междуречье Теши и Оки.

¹⁶⁶ Лингвисты полагают, что Новгородский диалект, ведет свое происхождение не из древневосточнославянского, а из праславянского диалекта, из тех времен, когда языки восточных и западных славян не отличались и были близки языку балтов. Новгородцы распространили свой диалект на весь Русский Север, поэтому диалекты Западного Поволжья так похожи на диалекты Архангельска и Мезени.

Современные исследователи диалектов и говоров Центральной России, следы *ц-оканья* находят, почти по всей территории междуречья Оки и Клязьмы, от Коломны и Каширы, до Муром и Касимова, и дальше на юго-восток, от Средней и Нижней Оки, почти до верховьев Суры.

Данные территории издревле были заселены неславянскими народами, и особенности местной фонетики (*ц-оканье* и отверждение шипящих *-ж*, и *-ш* (не «*теца*» а «*тешиа*», не «*пуц*» а «*пуши*», не «*глазици*» а «*глазиши*» и др.), невозможно объяснить влиянием древне-новгородских, и вообще древнерусских говоров. Эти особенности местной фонетики, есть непосредственный след *угро-тюркской* (мажарской и буртасской) подосновы местных диалектов, полученной, жителями указанных территорий, от ассимилированной мешеры и буртасов.

Ц-оканье, которое принесли из Приуралья древние *угро-тюрки*, перешло в говоры и диалекты населения, в этногенезе которого они приняли участие. Везде, куда расселялись угро-тюрки, остался этот след. *Ц-оканье* широко распространено у сибирских татар, *ц-окали* и западные кипчаки, смешавшиеся с печенегами. *Ц-оканье* сохранилось и в диалектах современных татар-мишарей (мажарских потомков). При этом *ц-окают* мишари Восточных районов расселения, чьи предки переселились туда, из Мещеры, в XV-XVII веке. Мишари Западных районов расселения, попавшие, с XV века, под влияние Касимовских татар, *ц-оканье* утратили.

Таким образом, *угро-тюрки*, долгое время бывшие хозяевами Мещеры, передали особенности своей фонетики, всем народам населявшим Мещеру, и приходившим в нее.

От *угро-тюрков* восприняли *ц-оканье*, и мордовские племена, жившие в сфере их влияния. *Ц-окали* мокшане, *терюхане*, *Арзамасская мордва*, «русские» потомки мордвы. Примечательно, что эрзяне, приходившие на жительство в Окско-Сурское междуречье, из бассейнов Верхней Суры и Алатыря, в XVI-XVII веках, (*Алатырская мордва*) говорили не *ц-окая*, но многие русские слова, заимствованные ими у местного населения, произносили через *-ц* (*боуца*, *спица* и др.).

Таким образом, в основе русских говоров нашего края, лежат средневековые русские диалекты Новгородской земли и Севе-

ро-Восточной Руси, на фонетику которых оказали сильнейшее влияние местные *угро-тюркские* (мещерские) диалекты.

Прибывшие в земли будущего Ардатовского уезда, Новгородцы, стали устраиваться на новом месте жительства, рядом с местными аборигенами, постепенно усваивая от них непривычные русскому уху местные названия. Некоторые, наиболее труднопроизносимые, они видоизменяли в соответствии с русской фонетикой, другие снабжали русскими суффиксами, а большинство принимали без изменений, как и слышали. *Сакань* превратилась в Саконы, а вот *Выкса* долгое время называлась, на мордовский манер, *Выксунь*. Поэтому мы сейчас и говорим не «*Выковский*» или «*Выксинский*», а именно «*Выксунский*». Название реки «*Теша*» также было воспринято без изменений, хотя в Ивановской области, подобное название превратилось в «*Теза*», а на Русском Севере в «*Чеша*».

То же и с *Велетьмой*. Ее название осталось, на первый взгляд неизменным, хотя очень похожими по звучанию выглядят названия города *Елатьма*, или речки *Эльтма* (восточнее Арзамаса), но здесь вероятно, уже проблема поздней письменной фиксации топонимов.

Как бы там ни было, но с конца XVI века, и *Теша* и *Велетьма*, и другие реки междуречья, становятся русскими реками. В тех селениях, где преобладало «туземное» население, названия поселков долго сохраняли свой первозданный вид, практически до начала топографической фиксации Российской топонимики, после которой названия уже не менялись. Например, *Мотмос*, *Каврез(с)*, *Виля*, *Тамболес*, *Липелей*, *Каркалей* и др., остались в «неприкосновенности», а *Алемасово*, *Мечасово*, *Ратманово* и др., «получили» русский суффикс *-ово*.

Если изначально многие поселки считались «деревнями» и «дачами», или «пустошами» то и названия их произносились в женском роде. Например, *Каркалей*, *Кульбак*, или *Туркужо*, после того как стали деревнями, назывались *Каркалеева* деревня, деревня *Кульбака* (*Кулебака*), деревня *Туркуша*. Если это был чей-то бортный «ухажай», или «починок», то название оставалось в мужском роде, как правило, по имени владельца (*Мотмос*, *Тамболес* и др.), при изменении статуса, к нему прибавлялся русский суффикс. Например, бортный ухажай *Втарес*, стал деревней *Втаресской* (*Втарусской*), а после постройки в ней церкви, назвался *село Вторусское* (под Арзамасом).

Деревни и пустоши, с постройкой в них церкви, становились селами, и если слово «село» среднего рода, то и название приобретало средний род, несмотря на свою иноязычность. *Ардатово* деревня превратилась в село *Ардатово*, *Вадоватова* деревня стала называться, село *Водоватово*. Другие деревни, став селом, обретали множественный статус (*Каркалей*, *Кулебаки*, *Демки*, *Туркуши*, *Ичалки*, и др.), распространенный в русской средневековой топонимической номенклатуре (*Березки*, *Дубки*, *Веселки*, *Переселки*, *Ямки* и др.).

Села сохраняли в названиях средний род, пока не становились городами, меняя его на мужской. Село *Ардатово* стало, город *Ардатов*. *Арзамасово городище*, из *Выездной Арзамасской слободы* превратилось в город *Арзамас* («*Выездная*» слобода стала, село *Выездное*).

Никаких других правил, кроме рода названия (село, река, город и др.), определяющих произношение и написание топонимов, в XVI-XVIII веках, в русском языке не было. Названия, особенно иноязычные, записывались, что называется «как Бог на душу положит», и порой, одна описка чиновника решала, как будет называться то или иное село, на века. Многие села с нерусскими названиями, имели второе название, по имени построенной в нем церкви. И не всегда это название было в ходу у местных жителей, потомков тюрок и мордвы. Когда, в XVII-XVIII веках, в крае началось широкое строительство церквей, и стали появляться многочисленные «*Богородские*», «*Благовещенки*», «*Преображенки*», «*Покровские*», то местное население, хоть и крещеное, но во многом еще не обрусевшее, сохраняло между собой старые названия. Это состязание старого и нового, продолжалась вплоть до конца XIX века, и где-то имена селений оставались старыми, а где-то менялись навсегда. *Ардатово* с 1629 года, называлось, еще и селом *Знаменским* (по имени церкви), но все-таки осталось *Ардатовым*, село *Криуша*, уже с XVII века, было известно как *Богородск*, и так им и осталось, а вот за селом *Кузятново*, только в середине XIX века, закрепилось название *Вознесенское* (ныне райцентр).

По настоящему геодезия и картография в России стали развиваться только с середины XVIII века. До этого карты русских земель заказывали иностранцам, а от них точности написания названий, не требовали. И соответственно, только, где-то с конца XVIII века, топонимы стали фиксироваться на картах и документах, в, более ме-

нее, точном виде. Но строгие правила, регулирующие написание и склонение топонимов, сформулировались лишь... в начале XX века, по требованию военных топографов¹⁶⁷. Вот тогда-то большинство названий и «застыли» в своем сегодняшнем виде.

После завоевания Поволжья Иван Грозный решил «прорубить окно в Европу», выйти к Балтике. Начавшаяся в 1558 году, Ливонская война,¹⁶⁸ сначала складывалась в пользу России,¹⁶⁹ но затем, после вмешательства на стороне Ливонского ордена Литвы, Польши, Дании и Швеции, царские полки стали терпеть поражение за поражением, и война получила затяжной и тяжелый характер. Как раз в этот период, в Приволжье стали прибывать первые переселенцы из Западнорусских областей, бежавшие от ужасов разразившейся бойни. Например, жители сел *Ярцево* и *Бежаново*, нынешнего Навашинского района, связывают происхождение своих селений с этими беженцами.

Особенно осложнилось военное положение, после того как Крымский царь Девлет-Гирей (1512-1577), в 1571 году, разгромив армию прикрывавшую Москву, прорвался к столице, и сжег город. Десятки тысяч москвичей были убиты или уведены в плен,¹⁷⁰ После этого погрома в стране разразился ужасный голод, а за ним пришла эпидемия чумы. Поволжье, напрямую не затронули эти беды, но «ясак» и поборы, а также «повинности» были увеличены в разы. К тому же они усугублялись бесчинствами царской администрации на местах. Воеводы и чиновники беспощадно обирали податное население, не отставали от них и местные феодалы. Среди коренного населения, Окско-Сурского междуречья, началось брожение, многие снимались со своих мест и уходили на восток и юг, куда еще не добралась алчная рука московских чиновников. Непокойная ситу-

ация подогревалась и «*Черемисскими войнами*», и другими вспышками недовольства, бушующими в Волго-Камье.

Никоновская летопись, под 1583 годом, сообщает: «Тридцать один год прошел от покорения Казани, и окаянные бусурмане не захотели жить под государевою рукою, воздвигли рать, пленили много городов. Царь, видя их суровость, послал в Казань бояр и воевод с приказом пленить их. Но поганые как звери дикие, сопротивлялись рати московской, побивали московских людей, то на станах, то на походах; бояре и воеводы не могли их усмирить».

Ухудшалось положение и «служилого» сословия, Касимовских, Мещерских и Арзамасских казаков и мурз. «Командировки» в действующую армию становились все длиннее, и не позволяли заниматься своим хозяйством, к тому же земли местных «нехристей» и «бусурман», при попущении властей, все чаще стали захватывать пришлые московские феодалы. Например, в 1595 году, царю били челом: «От Арзамасского уезда деревни Ивановы, мордва Девейка Кистанов сотоварищи на помещика пана Ульяна, а также на детей боярских Дмитрия и Григория Кологризовых которые перелезли через межу и землю их перепахивают насильственно». Ширился захват «черных» земель, принадлежащих туземцам.

Многие татары и мещеряки стали искать такой «службы», чтобы она проходила подальше от нового начальства, а многие стали оставлять службу, и уходили на Волгу и на Дон, где переходили к вольной жизни, вливались в ряды *вольного казачества*. В 1588 году, через четыре года после смерти Ивана Грозного, закончилась страшным поражением Ливонская война. Разоренная страна выкачивала из своих Восточных колоний все что можно, и среди жителей Поволжья все большую популярность набирали идеи избавления от Московского владычества.

¹⁶⁷ Одной из причин поражения в русско-японской войне 1905 года, была неточная транскрипция дальневосточных топонимов, вносившая путаницу в донесения.

¹⁶⁸ В этой войне принял участие 50-тысячный корпус мещерских и Касимовских казаков, запомнившийся хронистам своей жестокостью.

¹⁶⁹ При Иване Грозном старое северорусское название «Русь» стало вытесняться южнорусским «Россия».

¹⁷⁰ Девлет-Гирей писал Ивану Грозному: «жгу и пустошу твою землю из-за Казани и Астрахани...», и требовал отдать их.

Глава 15

Казачество

Российское казачество это, нечто вроде еще одной «загадки» русской истории. Несмотря, на очевидность тюркских корней этого явления, большинство историков отвергали и отвергают, или стараются не замечать этих корней, будто бы считая «ордынское» происхождение казачества чем-то недостойным.

Сама история казачества, на первый взгляд, не имеет отношения к Окско-Сурскому междуречью. Однако, это не так. Казаки издревле жили на нашей земле, казаками были и мордвины, и чуваша, и буртасы, и кипчаки, грозные воины Золотоордынских армий, верно служившие потом России. Термин «казак» в средневековой Руси ассоциировался с воинским сословием степной империи, и только в XVII веке он начал обретать иные смыслы.

Напомню, что в степи, а затем в Орде, казаками называли низший слой военного сословия, легковооруженных всадников, состоявших в отрядах крупных феодалов на правах рядовых бойцов. Первое упоминание о казаках, в русском летописании, относится к XIV веку (*«фязанские казаки»*). Затем, под 1492 годом, летописный свод указывает: «Того же лета в десять дней приходили татарова ордынские казаки, в головах приходил Томешок зовут а с ним двести и двадцать человек, в Алексин, на волость, на Вошан, и пограбив поидоше назад».

После образования ордынских улусов, ближайшим к Руси стал улус Мещерский. С казаками Мещерского улуса чаще всего и имели дело жители Северо-Восточной Руси. Неслучайно, Мещерский улус на Руси также называли *«Казацкой Ордой»*, а его жителей *«мещерскими казаками»*. После образования Касимовского царства возник термин *«городецкие казаки»*. Так называли татар живших в Мещерском городце-Касимове. Татар служивших в Москве называли, в том числе, и *«московскими казаками»*.

Когда, в XV веке, Золотая Орда перенесла разгром и крушение, цветущие степи между Волгой и Доном обезлюдели, и их немногочисленное население составили казаки, выходцы из разных орд и улусов бывшей империи. Оставшись не у дел, они занимались грабежом и разбоем, и называли себя *вольными казаками*, то есть казаками, не служившими никому. Сосредоточенные по берегам Волги и Дона, эти вольные отряды (или банды) состояли из самых разных людей, но их тюркская основа не вызывает сомнений. Казачьи военные и административные термины (*кош, кошевой, курень, куренной, атаман, есаул, стан(ица), майдан, юрт, орда* др.) имеют тюркское происхождение, первые легендарные казачьи атаманы носили тюркские имена (*Сары-Азман, Апоха Фалимов, Сенчурко Татафин, Олиманко Татафин, Ермак* и др.), даже грамоты, которые писало к ним русское правительство, были поначалу на татарском языке. В случае Донского казачества, историк В.Н. Татищев прямо указывает: «Начало сих казаков из двух мест: одни жили в Мещере по городкам, а главный их город был на Дону...но когда царь Иоанн нагайских татар в Мещеру перевел, тогда оные казаки из Мещеры все на Дон переведены...».¹⁷¹

В течение всего XV века, это «войско» непрестанно пополнялось местными и бежавшими из Руси, из Казани, из *«Польской Украины»*, недовольными и желавшими «вольной» жизни. Главным способом существования для них, по-прежнему, был разбой. В 1532 году, отвечая на жалобы ногайского царя *Шиндяка*, про бесчинствующих на Волге казаков, из Москвы писали: «На поле ходят казаки многие, казанцы, азовцы, крымцы и другие баловни казаки. А и наших укра-

¹⁷¹ В.Н. Татищев. Избранные произведения. Ленинград. 1979 год.

ин, казаки с ними смешавшись ходят, и те люди как вам тати, так и нам тати».

Степь принимала всех обиженных и недовольных, всех желавших лихой добычи и вольной жизни. Видимо, Московские правители раньше других поняли, что это войско можно использовать в своих целях. Казаки из Волго-Донских степей, в количестве 2500 человек, участвовали во взятии Казани, выполняли другие «щекотливые» поручения, но это не значит, что они стали слугами русской короны. Скорее наоборот, вольные казаки, своими грабежами, сильно дестабилизировали торговлю на Волге, и сразу же после взятия Казани, Москва уведомила ногайских властителей *Юсуфа* и *Измаила*, что намерена пресечь волжский разбой и обеспечить безопасный путь в Каспий.

Посол Н. Бровцын заявил ногайцам: «А которые казаки на Волге гостей (купцов авт.) ваших грабили, мы тех казаков перед вашими гостями велели казнить, а которые впредь учнут на Волге стояти и послам и гостям лихо делать, а мы тех так же велим казнить». После падения Казани ряды вольных казаков пополнились бежавшими казанцами, а после ухудшения ситуации в России, в связи с Ливонской войной и «опричниной», пополнились и беглыми холопами из Центральной Руси. Много среди казаков было и выходцев из Поволжья, буртасов, мажаров, татар и других недовольных Московской властью.

Отношения «вольного казачества» с Москвой, в XVI веке, были очень непростыми. С одной стороны из Москвы поощряли казаков в их набегах на степняков, но, в случае чего, легко отказывались от них. Например, в 1580 году, на жалобы царя Большой Ногайской Орды *Уруса*, что казаки грабят ногайцев, царь Иван Грозный «оправдывался»: «На Волге многие литовского короля литовские казаки живут, Федька Безстужев со товарищи. А приходят с Днепра. И приходят твоих людей громят, и литовский король с вами ссорится. А мы велели посылать с Астрахани на Дон, и на Волгу тех воров сыскивать, а сыскав велели их казнить». (Литовскими казаками тогда называли запорожцев).

Московские власти не раз посылали в степь экспедиции для поимки беглых. Их казнили или возвращали назад. У Татищева встре-

чается сообщение о том, что в 1554 году, разбойничавших на Волге Мещерских казаков поселили под Гагино. В 1557 году, отряд стрельцов под командованием стольника Мурашкина разгромил на Волге «воровское гнездо», из которого, среди прочих «удальцов», бежал на службу к Строгановым знаменитый атаман *Ермак*.

И все же больше было не борьбы, а сотрудничества. Арзамасские воеводы вербовали волжских казаков на службу, расселяя их в Арзамасском уезде и других местах. Вольные казаки все больше обретали статус «защитников Руси» например, в 1614 году, князь Одоевский пишет к казакам: «Великим Российской державы оберегателям Волжским, Терским и Яицким атаманам-молотцам и всему великому войску...».

В начале своего становления «вольное казачество» было самым демократическим и веротерпимым сословием. Ногайский или Казанский татарин стоял рядом с русским мужиком, беглый «сын боярский» рядом с разорившимся мурзой, и все могли быть под командой бывшего холопа. Это было обычное дело в казацких куренях и юртах. К XVII веку, прочно обосновавшиеся на берегах Волги и Дона, и представляющие грозную и сплоченную силу, казаки появляются на берегах Яика и Терека.

В правительственных грамотах на Дон и на Волгу используют термины «*Великое Войско*» и «*Атаманы и казаки*». Подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин (1630-1667), побывав у казаков, так описывал, в 1657 году, казачье войско: «А люди они пороною москвичи и иных городов, и новокрещенные татаровя, и запорожские казаки, и многие из них и московских бояр, и торговых людей холопы и крестьяне, которые были приговорены к казни в разбойных делах, и покрадче и пограбле бояр своих, уходят на Дон: бывшим на Дону хоть одну неделю или месяц, а случитца им потом приехать к Москве, и до них вперед дела никакого ни в чем не бывает, никому кто что своровал, потому что Доном от всех бед освобождаются».

Вольное казачество Дона, Волги и Днепра сыграло ключевую, и далеко не всегда, положительную роль в событиях Смутного времени, поэтому пришедшие к власти Романовы, реформировали отношения Московского царства и казаков, сделали упор на регулярную армию, и упразднили казачество, как решающую военную

силу своего войска. По мере своего укрепления, Романовы постепенно лишали казаков многих льгот и прав. В XVIII веке, гасятся последние вспышки недовольства казаков, и упраздняются последние «вольности», а в XIX веке, пишется новая история казачества «верного слуги русского самодержавия».

Полной противоположностью вольным казакам, были «городовые» и «служилые» казаки «Казацкой Орды» (Мещеры), служившие в XV-XVII веках, московским царям. Поначалу это было моноэтническое сословие, состоящее в основном из мещеряков и татар, уже позже, по мере рекрутирования «призывников», разделившееся на две категории. Потомственные «отеческие» казаки, и набранные «по прибору». Служа на русском пограничье до XVIII, а в Сибири и до XIX века, «служилые казаки» внесли огромный вклад в дело освоения Урала, Сибири и Дальнего Востока.

С ними связано одно из главных предприятий Ивана Грозного – Сибирская эпопея. Когда встал вопрос о выходе в Западную Сибирь, было решено использовать мещерских «служилых» казаков. В 1557 году, в Сибирь, для разведки, из Мещеры был направлен отряд «служилых» татар во главе с *Девлет Ходжой* и *Сабаном Рязановым*. После них, в 1567 году, туда отправилась экспедиция во главе с мещеряком *Бурнашом Ялычевым*, но она была уничтожена Сибирским царем *Кучумом*. Затем, без ведома царя, по инициативе купцов Строгановых, был организован поход атамана Ермака,¹⁷² одним из соратников которого был атаман *Матвей Мещеряк*. В этом походе участвовали и волжские казаки, и другие авантюристы, которых Карамзин назвал «сбродом».

¹⁷² В 1662-1667 годах, голландский географ Николас Витсен, под видом купца пробрался в монастырь к опальному Патриарху Никону. Со слов Никона географ записал предание о Ермаке, из которого следует, что Ермак разбойничал на Волге, а потом бежал от царской расправы по Каме на Чусовую. Патриарх рассказал и о происхождении Ермака, но Витсен, плохо говоря по-русски, записал со слов Никона, что Ермак был родом «из Мармица». Трудно сказать, что это значит, но больше всего эта фраза похожа на «муромец», и Патриарх, вероятно, сказал что Ермак «был родом Муромец». Эта версия наиболее предпочтительна. Очень много мещерских казаков бежало, в XVII веке, на Волгу и в степи. Их ловили и возвращали обратно. Например, в 1638 году, по сыску, вернули из Казани и Тетюшей, обратно в Арзамас, 1500 казаков и татар.

В 1582 году, после первых успехов Ермака экспедицией заинтересовались в Москве, и ему была оказана помощь. Однако вскоре казаки стали терпеть поражение за поражением, а в 1585 году, погиб и сам Ермак. Не зная о его гибели, на выручку Ермаку послали отряд во главе с татарским князем *Иваном Манцыровым* (*Мансуровым*) и воеводой *Василием Сухиным*. Не найдя Ермака, они, в 1586 году, остались зимовать в Сибири. Символично, что город, который они основали, получил название *Тюмень*. «Туменами», как мы помним, называли военно-административные центры в Орде. Это демонстрировало местному населению преемственность власти Московского царя, от Золотоордынских правителей.

Несмотря на смерть Ивана Грозного, дело завоевания Сибири было продолжено. В 1593 году, Московское правительство, призвав «городовых» (мещерских и арзамасских) и «вольных» (волжских и терских) казаков, отправило в Сибирь крупный отряд стрельцов и казаков во главе с воеводой *Андреем Елецким*. В 1594 году, они основали город Тара, по имени местной реки, притока Иртыша, оставив в нем гарнизон из мещеряков (татар-мишарей). Вступив в противоборство с Кучумом, Елецкий вызвал подкрепление, и в 1594 году, московский воевода *Борис Доможиров* набрал в Арзамасе второй отряд в помощь сибирской экспедиции.

В 1598 году, казаки разгромили Кучума, на реке Ирмень, и ликвидировали Сибирское царство, открыв дорогу русской колонизации Сибири. Доможиров стал атаманом «Сибирского казачьего войска». Однако, не получив от Москвы обещанной награды, казаки с новоявленным атаманом, в 1600 году, вернулись в Касимов и Арзамас, затаив на правительство злобу.

«Служилое» казачество Окско-Сурского междуречья сыграло, без преувеличения сказать, решающую роль в начальном завоевании Сибири. Главные экспедиции уходили туда из Арзамаса и Темникова, и основной силой в них были казаки. Их участие в завоевании Сибирского царства было настолько значимым, что в преданиях местного населения об этом периоде истории, вместо этнонима «русский» употребляется «казак».

Глава 16

Смутное время

События начала XVII века, названные «Великой Смутой», имели для истории России переломное значение. После смерти в 1598 году, царя Федора Иоанновича (1558-1598), прервался род первого Ивана Грозного. На Руси впервые были назначены выборы царя, и «Земским собором» был избран царский шурин, крещеный татарин Борис Годунов.

Утвердился Годунов на трон основательно, считая себя родоначальником новой династии. Он отодвинул от управления всех соратников Ивана Грозного, и окружил себя лично преданными ему людьми. Подозрительный и недоверчивый, Годунов убрал с Касимовского престола царя Саин-Булата (Симеона Бекбулатовича), поставил в 1600 году, на царство в Ханкермане (Касимове) выходца из Казахстана, потомственного Чингизида, Ураз-Мухаммеда (?-1610). Состоявшаяся в Касимове коронация нового царя, прошла по свидетельству очевидцев очень пышно, при большом стечении местных мусульман и аристократов, *беев, сеидов, мулл и хафизов*.

Борис Годунов пытался быть хорошим царем. При нем издавались справедливые законы, наказывались взяточники, были урегулированы отношения землевладельцев и крестьян. Он ликвидировал зависимость Русской Православной Церкви от Константинопольского патриархата, и к началу XVII века, на Руси отмечался некоторый экономический подъем.

Но, как говорят историки, Борис был самым «несчастливым» царем на русском престоле. В 1601 и 1602 годах, летом случались заморозки вызвавшие неурожай и трехлетний голод. От голода погибло до трети населения Руси, а за голодом и массовыми смертями пришла чума.

Люди были уверены, что Бог наказывает Россию за царевича Дмитрия, якобы убитого по велению Годунова. Пошли слухи о том, что Дмитрий не был убит тогда в Угличе, а тайно скрылся, и скоро явится на свое законное царство.

Скоро не скоро, но в 1604 году, из Польши в пределы России и впрямь въехал, с воинским отрядом, человек, называвший себя «чуждом спасшимся царевичем Дмитрием». Он направлялся к Москве, чтобы «занять свое законное царство». Напрасно люди Годунова объясняли, что имя погибшего царевича, самозванно принял на себя беглый монах-расстрига Гришка Отрепьев (?-1606), народ верил новоявленному наследнику, и ему, на пути через «Северские» земли, присягали целые города.

Борис Годунов выслал навстречу самозванцу, верные войска из Мещерской Орды.¹⁷³ Под городом Севском, мещеряки наносят поражение отряду самозванца. У Лжедмитрия остается только 1500 человек, и он укрывается в городе Путивле, понимая, что теперь пощады не будет, и обратного пути нет. А царское войско вместо того чтобы добить самозванца, начинает по приказу Бориса, расправу с окрестными городами, посмеявшимися присягнуть Лжедмитрию.

Голландский купец Исаак Масса (1587-1635), в своих «Известиях о Московии», сохранил описание этой расправы. Он писал что: «Борис... повелителю Касимовских татар велел собрать свое войско, которое составляет 40 тысяч конных татар. Борис велел ему напасть на Комарницкую волость, и все разорить пожечь и истребить, всех мужчин подвергнув пыткам умертвить, а молодых женщин и детей взять на вечное рабство к себе в Татарию... и они так разорили Комарницкую волость, что в ней не осталось ни кола ни двора; они вешали мужчин за ноги на деревья, а потом жгли, женщин обесече-

¹⁷³ Сохранилась роспись этого похода. В нем участвовали Касимовские татары, Темниковские татары, Кадомские татары, и мордвины из Кадома и Темникова.

стив, сажали на раскаленные сковороды, насаживали на раскаленные гвозди и деревянные колья, детей бросали в огонь и в воду, а молодых девушек продавали...и чем больше мучили они людей, тем более люди склонялись признать Дмитрия своим государем, и пытки не могли заставить отступить от него, и чем дальше тем больше упорствовали...Жители окрестных мест стали думать: если наши правители с нами так обходятся, то лучше скорее перейти к Дмитрию. Московское войско ничего не достигло, только всю зиму грабило и разоряло, а войско Дмитрия подвигалось все дальше и дальше, занимая все, что могло захватить».¹⁷⁴

Желание наказать отступников сослужило плохую службу Годунову. Расправа окончательно отвернула от него всех жителей Юго-Западной Руси, а Лжедмитрий, отсидевшись в Путивле, собрался с силами, и двинулся на Москву. Вдобавок он пообещал в случае своей победы большие льготы для различных категорий населения, и больше всего для казаков, и это увеличило число его сторонников в разы. Инициатива ускользнула из рук Годунова, кроме того в Москве очень многие желали свержения ненавистного «татарина», и вот «неожиданно», 13 апреля 1605 года, Борис умирает. Лишь два месяца был на троне его сын Федор (1589-1605). 10 Июня 1605 года заговорщики задушили юного царя, вместе с его матерью, и 20 июня 1605 года, Лжедмитрий торжественно въехал в Москву.

Летом 1605 года Лжедмитрий был «помазан» на царство в Успенском соборе Кремля. Вся Русь была приведена к присяге новому царю. Православные «целовали крест» а мусульмане и язычники приводились к *шефти*. Правление Лжедмитрия началось мирно, волнения улеглись, все были уверены, что на троне «природный государь», сын Грозного царя. Лжедмитрий щедро награждал своих сторонников. Особенно большие «милости», были пожалованы казачьим *ордам*, Донской и Волжской. Не обошел новый царь своей милостью и «служилых» казаков царя Ураз Мухаммеда, простив им недавние преследования.

Но не всем в Москве полюбился новый царь. Вскоре возник заговор, во главе с боярином Василием Шуйским (1552-1612), прямым

потомком Рюрика, не уступавшем родовитостью Ивану Грозному. Целью заговора стало свержение Лжедмитрия. Удобный случай не замедлил представиться. 8 мая 1606 года, в самом конце «Великого Поста», состоялась пышная свадьба Лжедмитрия со знатной полячкой Мариной Мнишек (1588-1614), объявленной русской царицей. Глумление над православной традицией вызвало всеобщее возмущение, и через неделю Москва восстала. Лжедмитрий был убит, а 19 мая 1606 года, на Красной площади, был «выкрикнут на царство» Василий Шуйский, после чего собственно и началась «Великая Смута».

Ответом на свержение Лжедмитрия давшего неслыханные льготы казачеству, стало восстание казаков под руководством Ивана Болотникова (?-1608). Это восстание принято называть «Крестьянской войной», но это было именно казацкое восстание, потому что всех примкнувших к Болотникову крестьян и посадских людей немедленно объявляли «казаками», и они боролись отнюдь не за свободу крестьянства, а за то, чтобы обрести «казачьи вольности». За то, что бы перестать платить налоги, и самим стать владельцами «черных» людей. В «воровских полках» новоиспеченным казакам, уже вовсю раздавали поместья. Болотников шел на Москву под лозунгом «возвращения царя Дмитрия», якобы спасшегося во время майского переворота, и обещавшего скоро вернуться. Все южные города России отказались присягать Василию Шуйскому, колебалось и Поволжье. Касимовский царь Ураз-Мухаммед, получивший от Лжедмитрия большие вольности и уступки, отказался присягать Василию Шуйскому, и его поддержали «городовые» и «служилые» казаки, так же наделенные от Лжедмитрия всяческими льготами.

Из-за неурядиц в Москве, зашумели плохо «замиренные» Поволжские «инородцы», заволновались крестьяне и холопы, недовольные своим положением. Приверженцы уже мертвого Лжедмитрия разошлись по всему Приволжью, возмущая «черный» люд, и объясняя, что в Москве свергли «законного царя», сына Ивана Грозного.

Волнения росли, и вскоре распространились по всему Окско-Сурскому междуречью до самого Алатыря. Свияжск, Курмыш, Ядрин, Арзамас, Темников, другие города, отказались присягать Шуйско-

¹⁷⁴ И. Масса. «Краткое повествование о смуте в Московском государстве». Москва 1991 г.

му, и только Нижний Новгород и Казань остались верными Москве. Больше трети страны (главным образом недавно присоединенные земли) отвергли присягу царю Василию.

Войско Болотникова, в 1606 году, осадило Москву. В Поволжье движение Болотникова нашло самый широкий отклик. Отряды Курмышских татар, вместе с жителями соседних городов, соединившись с мордвой, марийцами и чувашами, выступили в поход на Казань, но были остановлены, близ деревни Бурундуки (совр. Чувашия), стрельцами Казанского воеводы Зюзина. В жестоком сражении восставшие потеряли все свои набаты и знамена, и были обращены назад. В Алатыре восставшие крестьяне, мордва и хохлы, следуя призыву Болотникова: «...воевод, гостей и всех торговых людей избивати и животы их грабити», вырезали всех чиновников и дворян, и утопили в Суре воеводу Ждана Сабурова, после чего провозгласив верность Лжедмитрию, двинулись походом на Нижний Новгород.

В Арзамасе восстание в поддержку «законного царя» возглавил Сибирский казачий атаман Борис Доможиров, обманутый, в свое время, Москвой. Он объединил местных казаков, «детей боярских», окрестную мордву, и соединившись с алатырцами, направил это «войско» на Нижний Новгород, поручив командование своим сыновьям Ивану и Матвею.

Осенью 1606 года, отрезанный от Москвы, Нижний Новгород оказался в осаде. Арзамасский дворянин Баим Болтин (?-1658), в своих записках рассказывал: «А стояли под Нижним Новгородом русские люди и бортники и мордва, а с ними были за воеводы Иван Доможиров нижегородец, да с ним выборные два мордвина Варкардин да Москов, и как они увидали, что царя Василия московские люди идут, на арзамасские и олатырские места, из под Нижнего воры разбежались». Осаду с Нижнего сняли воеводы Григорий Пушкин (Сулемша) и Сергей Ододуров, и они же «поворотили царю Василию» Арзамас и Алатырь, но брожения в Окско-Сурском междуречье не утихли.

Тем временем под Москвой терпит поражение армия Болотникова. Вскоре вождей восстания казнят, но Юг России продолжает бушевать, потому что, в конце мая 1607 года, в городе Стародубе,

появляется долгожданный, «чудом спасшийся Дмитрий». Очередной самозванец, личность которого еще более загадочна.

Одни историки утверждают, что это был московский мещанин Михаил Молчанов, другие говорят, что брянский попович Матвей Веревкин, а историк Р.Г. Скрынников (1931-2009) убежден, что это был еврей (согласно источникам: «язык еврейский знал, читал Талмуд и книги раввинов») посланный польским королем Сигизмундом. Как бы там ни было, этот Лжедмитрий II был не более чем марионеткой в руках противников Шуйского. К «назначенному» на должность царя авантюристу, стали стекаться изгнанные из Москвы поляки, недовольные Шуйским стрельцы, дворяне, крупные феодалы, казаки и иной «гулящий люд». Его признала «своим чудом спасшимся мужем» полячка Мнишек, уже коронованная русской царицей (она даже родила от него впоследствии сына), и вскоре он подошел со своей армией к Москве, встав лагерем возле села Тушино (его прозвали «Тушинским вором»). Правда сил для штурма у него не было, как не было и сил у царя Василия, для того чтобы расправиться с самозванцем.

Шуйский вступил в переговоры с Лжедмитрием, и с этого момента (лето 1608 г) на Руси сложилась ситуация двоевластия. Существовало как бы два центра, каждый со своими атрибутами власти, со своим войском, казной, «приказами», каждый со своим Патриархом (кстати, у самозванца Патриархом был Филарет Романов, отец будущего основоположника династии Романовых, Михаила). И там и там раздавались вотчины, титулы и награды, жаловались имения и творился суд. Многие открыто торговались с Шуйским и Лжедмитрием, и кто из них больше давал, к тому и примыкали.

В стране воцарился полный бардак, усугубленный еще и тем, что Русь наводнили шайки грабителей, которые именем того или другого государя грабили и разоряли села и местечки, губили и угоняли жителей в плен. В обстановке фактического безвластия соседние города порой враждовали друг с другом поддерживая разных государей. Все Приволжье (за исключением Казани и Нижнего) вновь присягнуло «спасшемуся» Лжедмитрию, и даже Заволжье, Балахна, Пуреховская волость и соседние земли до самой Вятки, поклялись ему в верности.

В Балахне верховодили атаман Тимофей Таскаев и «дети боярские» Лука Синий, и Семен Долгий, которые призывали «идти на Нижгород». Сначала в Нижний, архимандриту Печерского монастыря Иоилу пришло из Балахны, от игумена Тихоновской пустыни Ионы послание, с увещанием «присягнуть царю Дмитрию Ивановичу», а после отказа, 2 декабря 1608 года, крупный отряд балахнинцев выступил на Нижний Новгород. Но за день до этого, в Нижний пришел, посланный Шуйским, отряд стрельцов во главе с воеводой Ф.И. Шереметьевым, и нижегородцы приняли бой. Отряд из стрельцов, «детей боярских», пришлых казаков, а также иноземных солдат, взятых когда-то в плен, и поселенных в Нижнем, возглавил нижегородский воевода Андрей Алябьев. Алябьев встретил балахнинцев на подступах к городу и атаковал мятежников. Жестокый и упорный бой («дрались по самую Балахну») закончился победой Алябьева, и Балахна покорилась царю Василию.

Скоро в Нижнем становится известно, что в селах Ворсма и Павлово собирается большая толпа из Арзамасских татар, мордвы и русских «служилых» людей, с целью атаки Нижнего Новгорода. Алябьев, 10 декабря, нападает первым и рассеивает мятежников, а Ворсму сжигает. На другой день, остатки бунтовщиков сдаются под Павловым, и Березополье очищается от смутьянов. Но понимая всю важность Нижнего Новгорода как стратегического центра, «Тушинский штаб» посылает к городу крупные силы во главе с князем Семеном Вяземским. В январе «тушинцы» осадили Нижний, а Вяземский выслал ультиматум с требованием немедленно сдать город, в случае отказа обещая сжечь его. Нижегородцы ночью сделали вылазку, и благодаря внезапности разгромили казаков. Вяземский был повешен возле кремля. После этого, Алябьев осадил Муром, и 16 января, Муромский воевода Никифор Плещеев сдался нижегородцам.

Тем временем, в восточной части Окско-Сурского междуречья, князя Джан Али Шугуров и Еникеев, во главе мещераков, соединившись с татарами Бибая и Айдара Енибековых, чувашами Еникеем Коникова, и марийцами Екпая Такшейкова, большим войском начинают движение к Казани. Казанский воевода князь Иван Барятинский, призвав на помощь, из Нижнего Новгорода, воеводу Федора

Шереметьева, в феврале 1609, под Чебоксарами наголову громит войска Шугурова и Еникеева.

Поражение было настолько полным, что по свидетельству очевидцев: «Группы убитых лежали на протяжении семи верст, солдаты Шереметьева кололи повстанцев как свиней». Сразу после этой победы Барятинский занимает Арзамас и усмиряет сторонников Лжедмитрия в окрестных районах, а князь Шереметьев отдает приказ назначенным им Арзамасскому и Алатырскому воеводам: «Приводить во всех деревнях к шерти татар и черемисов что бы им быть под государевой рукою навеки неотступными, а в коих волостях откажут шертовать, те волости воевать, черемису и татар побивать, а жен их и детей в полон имать, и животы грабить и деревни жечь».

Таким образом, к весне 1609 года, все Окско-Сурское междуречье, за исключением Темниковского воеводства, примкнувшего к Касимовцам, было приведено к присяге Шуйскому, а города Нижний Новгород, Арзамас и Алатырь стали одними из важнейших центров сопротивления Лжедмитрию.

В разгоревшейся войне, казаки Касимовского царства и Тюменского воеводства поддерживали Лжедмитрия, отождествляя его с сыном Ивана Грозного, которому верно служили их отцы. К тому же, огромные льготы и привилегии, полученные от Лжедмитрия, позволяли верхушке «служилых» и «городовых» казаков «закрывать глаза» на явное самозванство обоих Лжедмитриев. Как позволяли это сделать и «вольным казакам» поддерживавшим «Тушинского вора». Казаки, начав, как союзники Лжедмитрия I, теперь выступали как самостоятельная политическая сила, поставившая на российский престол угодного им «казацкого царя».

К казакам, выступившим в начале «Смуты», организованными «Ордами», (*Донской, Волжской, Черкасской, Мещерской*), в процессе смуты пристала огромная масса беглых холопов, крестьян, разорившихся дворян и прочего люда, избравшего своим ремеслом войну и разбой. Вся эта орава требовала от «своего царя» денег, льгот, наделов с крестьянами, и ни в какую не желала возвращаться к своей прежней жизни, холопству и крестьянству.

Мещерские и Касимовские «природные» казаки были среди этой разнородной массы, наиболее организованным отрядом. Крупные

отряды касимовцев и мешеряков находились в Тушинской ставке, и даже личная охрана Лжедмитрия, состояла из Мещерских казаков. Касимовский царь Ураз Мухаммед и Темниковский воевода князь Брюшей Кобяков, были преданными сторонниками Лжедмитрия, и не раз сражались с войском Василия Шуйского. Правительство Шуйского пыталось переманить мешеряков к себе, сделав ряд уступок по уравниванию в правах «служилых» казаков с Московскими дворянами, но окончательный переход «Мещерской Орды» на сторону Москвы, случился только после убийства Ураз Мухаммеда (об этом ниже).

К началу 1609 года, в окружении Лжедмитрия все большую силу стали набирать поляки. Шведы, давние соперники поляков, опасаясь их усиления в России, предложили свою помощь Василию Шуйскому. Договор был заключен в феврале 1609 года, и за помощь Василий обещал отказаться от русских притязаний на Прибалтику. Шведский экспедиционный корпус под командованием генерала Делагарди, вошел в Россию, и к концу 1609 года, очистил северо-запад Руси от сторонников Лжедмитрия. Союз России и Швеции дал повод польскому королю Сигизмунду III (1566-1632) объявить о «возвращении» польской короне, якобы отторгнутых Русью, «литовских земель», и осенью 1606 года, поляки осадили Смоленск.

Между тем боярская верхушка в окружении и Шуйского, и Лжедмитрия, осознав все ничтожество своих правителей, обратилась к Сигизмунду с тайной просьбой дать на трон Руси своего сына Владислава (1595-1648). Сигизмунд согласился и двинулся к Москве. Разгромив, 3 июня 1610 года, армию Шуйского, Сигизмунд приблизился к Москве, и Московские бояре, низложив царя Василия, выдали его полякам.¹⁷⁵ После этого в Москве создано переходное правительство из семи знатнейших бояр Руси (*Семибоярщина*), признавшее русским царем королевича Владислава, и пустившее польские отряды в Кремль.

Лжедмитрия изгнали из Подмосковных пределов, а москвичи, в августе 1610 года, в Успенском соборе, в присутствии Патриарха

Гермогена (1530-1612), присягнули Владиславу. Само по себе призвание иноземца на русский трон не было чем-то необычным, достаточно вспомнить Рюрика, проблема была в вероисповедании Владислава. Он был католиком, поэтому многие крупные центры хоть и подчинились Москве, но замерли в ожидании крещения и «помазания» поляка. А шведы, оказавшиеся после низложения Шуйского, «не у дел», взяли и объявили своей собственностью, занятые Северо-Западные территории. Русское царство оказалось на грани распада.

Сбежавший из-под Москвы Лжедмитрий, закрепился в Калуге. Рядом с ним оставались Мещерские казаки, хранившие преданность «казацкому царю», но сам Лжедмитрий видимо уже плохо оценивал обстановку. Увидев на Московском троне католика, он заподозрил в претензиях на свой трон мусульманина, Касимовского царя Ураз Мухаммеда, и приказал убить его. Мещеряки не смогли простить смерть своего царя, даже «царю всея Руси», и вскоре начальник личной охраны Лжедмитрия, крещеный татарин Петр Мурат Урусов, отрубил Лжедмитрию голову.

В период отсутствия централизованной власти, на Руси очень выросла роль местного самоуправления. Крупные и мелкие города управлялись, так называемыми «земствами» и именно к ним было направлено требование, присягнуть Владиславу. Большинство «Земских собраний» городов уже готово было признать своим повелителем поляка, ему повсюду присягали, и быть бы ему русским царем, если бы не его приверженность католичеству.

Все началось с патриарха Гермогена, настаивавшего на принятии Владиславом православия. Поляки сначала обещали, но время шло, а Владислав не спешил, и Патриарх перешел в оппозицию к новому царю и семибоярщине. В 1611 году, Гермоген отказался подписать грамоту, что: «отдает себя на волю польского короля», и строптивого патриарха заключили в темницу Чудова монастыря, а вместо него поставили более сговорчивого Игнатия.

¹⁷⁵ Печальна дальнейшая судьба этого потомка гордых Рюриковичей. Во дворце польского короля он ползал на коленях и просил прощения у польских магнатов и короля, за то, что посмел стать русским царем. Умер в Польше в 1612 году.

Однако духовную власть Игнатия русские города не признали. Русь считала своим патриархом Гермогена.¹⁷⁶ Из заточения Гермоген стал рассылать призывы к свержению Владислава, и эти призывы, а также отсутствие Гермогеновой подписи на грамоте Владислава, дали духовное и правовое основание русским земствам, не исполнять присягу королевичу-поляку. Ярославцы писали жителям Казани: «Ермоген стал за веру и православие, и нам всем велел стоять до конца. Если бы он не сделал сего досточудного дела – погибли бы все».

Воззвания Гермогена «стояти за православную веру неотступно», позволили рязанскому дворянину Прокопию Ляпунову (?-1611), авторитетному «полевому командиру» Смутного времени, призвать, не служить королю католику, и очищать от поляков и литовцев русскую землю. Ляпунов объявил о сборе ополчения, и к нему в Рязань стали сходить вооруженные отряды со всей России. К нему же присоединились казаки, оставшиеся после смерти Лжедмитрия без «царя».

Среди руководителей ополчения не было согласия по вопросам стратегии и тактики, не было согласия по династическим вопросам, не было единодушия по методам ведения борьбы. После гибели Ляпунова, летом 1611 года, ополченцы разошлись по домам, и первое, Подмосковное «земское» ополчение, не сумевшее изгнать Москву от царя-католика, прекратило свое существование.

Но и у поляков, засевших в Москве, не было сил подчинить себе остальные города Руси. В «Земствах» стала крепнуть идея нового ополчения, и в сентябре 1611 года, верное Гермогену Нижегородское духовенство, благословляет земского старосту Кузьму Минина (?-1616) на призыв к избавлению Москвы от чужеземцев. Население города поддержало Минина, и в Нижнем Новгороде стало собираться второе, Нижегородское «земское ополчение». Вскоре, к Нижнему, стали подходить отряды из всех российских городов, готовясь к походу на Москву. Военным руководителем ополчения был опре-

делен Стародубский князь Д.И. Пожарский (1578-1642), избранный «земствами» как «правитель государства». Договорившись, за значительные уступки, о помощи со шведами, летом 1612 года, он выступает на Москву.

Присоединился ко второму ополчению и Брюшей Кобяков, принявший после гибели Ураз-Мухаммеда руководство Касимовым и Темниковым. Присоединились и другие колебавшиеся до этого Поволжские города. В 1612 году, в Темникове летописи отмечают представителей второго ополчения, воевод И. Бутурлина и Д. Погожего. Из Касимова, Темникова, Арзамаса, Алатыря уходят в Нижний Новгород отряды для участия в освобождении Москвы. В ополчении, согласно документам, находилось 25 татарских князей, а утвердительную грамоту «на царство» Михаила Романова подписали 8 главнейших татарских и мещерских князей.

Нет нужды пересказывать историю второго ополчения. После победы, был созван «Земский собор всей земли», который выбрал для Руси нового царя. Им, стал юный Мишенька Романов, сын Патриарха Филарета, и существенную помощь в этом оказали Романовым, казаки. После изгнания поляков, ополченцы разошлись по домам, и вскоре в Москве, где проходили выборы нового царя, остались только стрельцы регулярной армии, и очень много казаков, присоединившихся ко второму ополчению на завершающей стадии борьбы. Эти-то казаки и сыграли главную роль в выборах. Партия, возглавляемая Иваном Романовым и Борисом Салтыковым, за огромные деньги и «тосуль», уговорила казаков «кричать» за Михаила Романова (1596-1645). Казаки согласились еще и потому, что отец Михаила, Филарет Романов, будучи Патриархом в стане «Тушинского вора», «окоормлял» все казачье войско, и был «на короткой ноге» с казачьими атаманами (самого Филарета в Москве не было, поляки увезли его с собой в Польшу, он вернулся позже)

Когда начались выборы, большинство было против Романовых, и 7 февраля решили объявить перерыв, ожидая, что казаки уйдут из Москвы. Но 21 февраля, казаки ворвались в кремль на «Земский собор», и стали кричать, что царь Федор, умирая в 1598 году, «благословил посох свой Федору (Филарету) Романову» но так как Федор вскоре принял постриг (после чего собственно и стал Филаретом), то трон следует передать его сыну Михаилу. Подкупленные Романовским деньгами и обещанием «вольностей» и поместий, казаки, полагая, что они опять ставят на трон «казачьего царя», оттеснили других

¹⁷⁶ До отмены Петром Великим Патриаршества, Патриарх вся Руси по своему достоинству был равен царю, и его титул включал формулу «государь вся Руси». В отсутствии царя, Патриарх был полноправным правителем Руси.

кандидатов. Клану Романовых важно было опереться на любую силу, которая поможет им занять трон, и они наобещали казакам что называется «с три короба».

Понятно, что такая толпа «помещиков» и «служилых казаков» не нужна была самодержавию, да и платить им было нечем. Земли же, которые они требовали себе на «кормление», как правило, уже принадлежали другим дворянам и крупным феодалам, и отдавать их они не собирались. После изгнания поляков, в России началась борьба между царским правительством, опиравшимся на бояр и дворян, и казаками. В большинстве своем бывшими холопами этих дворян и бояр. Разгорелась настоящая «гражданская война», которая шла вплоть до 1618 года, и в этой войне крестьянство, устав от грабежей и насилия казаков, встало на сторону царя. Кстати говоря, казаки Мещерской, Донской и Волжской Орд, в этой войне не участвовали, удовлетворившись полученными от Романовых уступками. Во многом и эта разобщенность казаков помогла царскому правительству одержать победу и загнать значительную часть «вольных казаков» обратно в феодальную зависимость.

Оставшиеся в Касимове и Окско-Сурском междуречье, «служилые» мещеряки и татары, по-прежнему считались серьезной силой. Вожди второго ополчения, понимая это, щедро раздавали им поместья, бортовые уголья и давали другие льготы. Наиболее ранние подобные грамоты относятся еще к 1611 году, а в 1612 году, награды сыпались «как из рога изобилия». Эти награды не пропали даром для ополчения. В том же 1612 году, «служилое» казачество доказало свою преданность второму ополчению. Началось все с Заруцкого.

Казачий атаман И.М. Заруцкий был видным деятелем «Смутного времени». Поддерживающий идеи ополчения, он попытался «продвинуть» на престол сына Марины Мнишек от Лжедмитрия, «царевича Ивана», и после конфликта с Пожарским, ушел, с верными ему казаками, к Рязани. Декабрьская грамота второго ополчения о Заруцком, гласит: «Прибрал к себе воров и холопей боярских и пашенных мужиков (то есть новоиспеченных «казаков» авт.) которые не хотят покоя христианского и тишины, в рязанских пригородах стоит».

Заруцкий, как казачий лидер и атаман, рвался в земли Мещерской Орды, и в Поволжье, надеясь поднять казаков и «инородцев» именем «внука Ивана Грозного», «царевича Ивана», но обстановка в

Мещере изменилась не в пользу «казацкого царя». Кадомский князь Кудаш Кильдеяров, собрав отряды мордвы и татар, встретил Заруцкого боем, а Темниковские старосты, получив от Заруцкого грамоту с воззванием, собрали «мир» и зачитали грамоту вслух. Воззвание не имело успеха. Князья, мурзы, и простые горожане постановили: «К тому Ивашке (Заруцкий писал от имени «царевича Ивана» авт.) не приставать и воровству его не верить». Гонцов Заруцкого арестовали и отправили в Москву.¹⁷⁷

Однако Заруцкий,¹⁷⁸ перед этим наладил контакт с Ногайскими князьями, изменившими присяге Москве во время «Смуты», и призвал их ударить в тыл ополчению. Соединившись с крымцами, ногайские орды под командованием мурзы Нур-Мухаммада (Курмамета), ворвались в Окско-Сурское междуречье, но на их пути встали Арзамасские татары. Баюш Разгильдеев и Ямаш Мангушев мобилизовали оставшихся на «черте» казаков, мурз и стрельцов, и встретили степняков недалеко от деревни Чукалы (рядом с Бол. Болдино). В бою у Чукалы, Разгильдеев остановил ногайцев, а затем около мордовского Ардатова: «...побили ногайских людей...убили мурзу Курмамета, и знамя взяли».

Эту победу высоко оценили в Москве. В 1613 году, Михаил Романов жалует Розгильдеева и Мангушева княжеским титулом. В следующем, 1614 году, ногайцы во главе с мурзой Иштерьяком, снова вторгаются в Окско-Сурское междуречье, и поднимают на восстание местную мордву. Воеводы Сулешов и Барятинский не смогли справиться с ногайцами, но Баюш Розгильдеев с братом, придя во главе своего отряда, им на помощь, громят Иштерьяка, и отбрасывают обратно в степи. За эту победу Розгильдеев был пожалован

¹⁷⁷ Темников был тогда, абсолютно нерусским городом. Сохранились записи о населении Темникова от 1625 года. Согласно им, в Темникове проживало «воевода Афанасий Куколин, а с ним князей и мурз татарских 383, черкас (запорожских казаков) 15, мордвы 1020 дворов, а из них на службу хаживало 340 человек». О русских поселенцах, кроме воеводы, нет ни слова.

¹⁷⁸ В итоге Заруцкий плохо кончил. Не найдя поддержки в Поволжье, он ушел в 1613 году на Яик, где был схвачен казацкими старшинами и выдан Москве. Заруцкого посадили на кол, четырехлетнего ребенка Ивана повесили по приказу Романовых, а Марину Мнишек, как побывавшую на русском престоле казнить не посмели, и она умерла в тюрьме, через год, сойдя перед смертью с ума.

землями в Костроме. Примечательна судьба братьев Розгильдеевых, и показательна для Поволжья. Баюш крестился, и его дети стали русскими аристократами, князьями Баюшевыми, а его брат Чемай отказался принять православие, и стал «лапотным мурзой», а его потомки, крестьянами.

После воцарения Михаила Романова, «замирение» России продолжалось еще несколько лет. Войны с поляками и казаками требовали от Романовского правительства напряжения всех сил и средств. Новые подати и поборы тяжким бременем легли на крестьянство, а в Поволжье эти поборы усугубились еще и продолжавшимся сбором «пятой деньги» («пятинь»), введенной когда-то Кузьмой Мининым, на «спасение отечества». Эти сборы сопровождались жесточайшими злоупотреблениями царских чиновников, беспощадно обиравших «черное» население.

В 1615 году, податное сословие Поволжья, доведенное до отчаяния непомерными поборами, восстало. Русские переселенцы, мордва, чуваша, марийцы, удмурты и другие, подняли бунт. Казанский воевода писал тогда в донесении: «Говорили де чуваша и черемиса промеж собой. По се места мы де заодно не стояли за себя, а ныне де дождались на себя сверх ясаков всяких лишних наметов: велено де на нас ратным людям на жалованье деньги собирать. И чем де нам деньги на ратных людей давать, мы де разбежимся по лесам, или собрався станем за себя сами и денег не дадим».

Повстанцы осадили Свияжск, Казань, Арзамас, Муром, но превосходящими силами стрельцов и «служилых» казаков были рассеяны. Правда, сбор «пятой деньги» отменили.

«Смута» и гражданская война страшным ураганом прошли по России и Поволжью. Очевидец писал что: «Дворы от войны запустели, а пашенные земли лесом поросли». Только к 20-ым годам XVII столетия, Россия зажила относительно спокойно, и стала восстанавливаться. Восстановление разрушенного хозяйства также легло на плечи трудового народа, поборы продолжались и даже увеличивались. П.И. Мельников писал, что от поборов и бесчинств царских чиновников, *мордва терюхане*, в 1639 году, «летом не сжав хлеба» сбегали от лютовавшего сборщика налогов Петра Корсакова, «забрали

скот и разбежались по дремучим лесам Муромским и Салавирским, и по реке Сереже».

Сил для бунта у людей уже не было, к тому же и воевать «за волю» стало нечем. В 1633 году, царское правительство напуганное сопротивлением Поволжских «инородцев», приказывает изъять у нерусских жителей Поволжья, весь кузнечный промысел и другие виды металлообработки. «Ясачной» мордве, чуваше, татарам, марийцам, удмуртам и другим, под страхом заключения в острог и порки, запрещено заниматься металлообработкой, кузнечным и слесарным делом, изготовлением металлических орудий труда. «А велети тем татарам и черемисе торговати и меняти всякие товары, опричь заповедных товаров: меди и железа, олова и свинца и зелья пушечного и пищального, и серы горячие и иных заповедных товаров».

Следующий указ, изданный в 1645 году, звучал еще категоричней: «...у черемисов никакого вогненного бою и пороху и свинцу, и кузнечные и бронные и накие серебряные снасти не было». У «инородцев» отнимали даже луки со стрелами, а орудия труда предлагали покупать на торгу у русских купцов.

Эти строгости для жителей Поволжья были введены еще и потому, что все выступления Поволжских «инородцев» были наполнены стремлением к отделению Поволжья от Москвы. Они сражались не только за «царя Димитрия, сына Ивана Грозного», нет. После низложения, в 1610 году, Василия Шуйского, сначала в Астрахани, а затем в Казани, возникла идея создания в Поволжье независимого государства под эгидой мусульманской Персии. Причем эту идею поддерживали и туземцы и поселившиеся здесь русские. Казанский городской дьяк Никанор Шульгин организовал, в 1611 году, убийство Казанского воеводы Б. Белевского, преданного Москве, после чего объявил себя правителем «Казанского государства». В 1613 году, он отказался от присяги Москве, ища союза с Турцией и Персией. Только зимой 1613 года, Шульгин был арестован в Арзамасе, сторонниками Москвы. Сподвижники Лжедмитрия II также говорили о создании в Поволжье, отдельного от Москвы государства, во главе с «царем Иваном» (сыном Лжедмитрия II и Марины Мнишек). Не случайно Польский король Сигизмунд III, сыну которого королевичу Владиславу, присягала тогда Русь, писал к Московским

боярам, своим союзникам: «Остерегайтесь разделения Московского государства на мелкие части. Псков и Новгород на стороне шведского короля. Вам же известно, что Астрахань и Казань и другие татарские города, договорившись между собой, решили подчиниться Иранскому шаху. Казань, Астрахань, черемисы, степные города, Пермь и Вятка, не подчиняются нашим грамотам, и нашему сыну крест не целуют».¹⁷⁹

¹⁷⁹ Г. Газиз. «История татар». Москва 1994 г.

Глава 17

Правление Романовых

*Н*ачало правления Романовых, ознаменовалось для России продолжительными войнами со шведами и поляками, за возвращение Российских территорий, и Российского влияния в Восточной Европе. Польский королевич Владислав, присягу на верность которому принесли, в 1610 году, жители Московской Руси, требовал исполнения этой присяги, и именовал себя «Великим князем Московским».

Только после победы над Речью Посполитой, и заключения в 1667 году, «Андрусовского мира», поляки отказались от претензий на русский престол, вернули Смоленск и Чернигов, и признали Украину Российской землей. Шведы, содействовавшие и первому и второму ополчению, не желали отдавать обещанные им за помощь Северо-Западные земли (Новгород в 1611 году, присягнул шведскому королю), и их также пришлось выдворять оттуда, с боем.

Кроме того казаки, оказавшие существенную помощь Романовым при избрании Михаила на царство, поняв что обмануты, открыли военные действия против Романовского правительства. В ходе антиказацкой кампании, 1613-1620 годов, «вольное казачество» было полностью разгромлено, а многие беглые холопы и крестьяне, ставшие в период «Смуты» казаками, были возвращены в холопство, или бежали в степи между Доном и Волгой. Памятуя непредсказуемый нрав казаков, Романовы предприняли ряд мер к тому, чтобы каза-

чество перестало играть решающую роль, в российских армейских формированиях.

Они сделали ставку на профессиональное наемное войско, набранное как из русских людей, так и из европейских «солдат удачи», наемников, «расплодившихся» в Западной Европе в результате бушевавшей там «Тридцатилетней войны» (1618-1648). На их основе создавались полки «иноземного строя» из «рейтар» и «драгун». Кроме того, возросло число военнообязанных дворян. Однако необходимой для «кормления» увеличивающегося числа «служилых» людей, свободной земли в Центральной России уже не хватало, и тогда правительство обратило свои взоры на Поволжье.

«Черное», податное население Поволжья, объявленное «ясачным», еще Иваном Грозным, не желая работать на помещиков, которым отдавали их земли, уходило туда, куда еще не распространило, во всей полноте, свою власть самодержавие. Помещики были вынуждены заселять свои уделы крестьянами из Центральной России, а правительством были предприняты меры по «прикреплению» туземцев к земле. Эти меры стали провозвестниками крепостного права в Поволжье, которое в Центральной России, в том или ином виде, действовало уже много лет.

Но дворянам и «детям боярским», мало было земли жалованной им царем, и они бесцеремонно захватывали угодья принадлежащие общинам, объявляя их «порозжими» (пустыми). В грамоте XVII века, от имени царя сказано: «Ведомо Великому Государю учинилось, что Арзамасского и Олаторского уездов и всех низовых городов, у ясачных людей, и у татар и у чувашей и у мордвы, и у иных иноязычных данников, новокрещенных разных чинов, люди из старинного их владения многие их земли и леса и иные всякие угодья...заселили своими крестьянами, назвав эти земли порозжими и дикими полями и от такого утеснения иноверцы разошлись в разные места, и ныне также бредут врозь»

«Ясачные» иноверцы «бредли врозь» еще и потому, что увеличивались размеры налога (ясака), а также число и объем различных повинностей, возложенных на них царским правительством, не имевшим других способов развития инфраструктуры. Извоз, заготовка леса, ямская служба, прокладка дорог, строительство крепостей и

засек, тяжелым бременем ложились на «ясачное» население Поволжья, заставляя людей «ударяться в бега».

Но положение крепостных было еще хуже, чем положение «ясачных». Окончательное закрепощение российских крестьян произошло в 1649 году, после принятия Земским собором «Соборного уложения», коренным образом изменившего жизнь всего русского общества. Этим уложением, крепостное право в России закреплялось законодательно, и устанавливалась личная потомственная зависимость земледельцев от помещиков. Также значительно усложнялась жизнь горожан и ремесленников («Посацкого люда»). Эти нововведения вызвали серьезный отток населения Центральной России на восток, главным образом в Поволжье, еще не вполне охваченное административной властью.

П.И. Мельников говорил об этом оттоке: «С XVII века, в непроходимые заволжские дебри стали являться новые насельники... Беглые крестьяне не смогишие примирится с только что возникшим крепостным правом, отягощенные оброком и податями слобожане, лишенные промыслов посадские люди, беглые рейтары, драгуны, солдаты и иные ратные люди ненавистного им «иноземного строя», все это валом валило за Волгу и ставило свои пожитки по таким местам, где до того времени человек ноги не накладывал...Тогда и сложилась поговорка «нечем платить долгу, пойду за Волгу».¹⁸⁰ Но не только Заволжье манило беглецов. Многие уходили жить «на черту», на недавно присоединенные земли Окско-Сурского междуречья, справедливо полагая, что здесь рабочие руки нужны и местное начальство их «не выдаст».

Побеги трудового люда тяжело сказывались на хозяйстве дворян центральных районов Руси. В грамоте от 1660 года, на имя царя Алексея (1629-1676), сменившего в 1645 году, своего отца Михаила, дворяне и «дети боярские», разных подмосковных городов, писали что: «людишки наши и крестьяне от нас побежали в низовые города, и в Нижний Новгород с товарищи, и в Казань и в Казанские пригороды, и в новые города по черте».

¹⁸⁰ П.И. Мельников-Печерский. «В лесах». Горький 1986 г.

Правительство принимало меры по розыску и возврату беглых, предусматривало строгие наказания помещикам и духовенству за укрывательство беглецов, однако эти меры не давали должного результата, и количество беглых в Поволжье увеличивалось. Романовское правительство, одной рукой наказывая беглецов и их покровителей, другой поощряло заселение Поволжья русскими людьми, понимая их ведущую роль в русификации края. Осознавая значение для России Уральского региона и Сибири, в Москве понимали, что успешная колонизация этих краев, возможна только после полной русификации Поволжья, которая сделает его плацдармом для освоения уральских и сибирских богатств. Поэтому заселение Поволжья, пусть и беглыми, но русскими крестьянами было одним из главных инструментов в деле этой русификации. Другим главным инструментом стало распространение православной веры.

После долгих лет «Смуты» и безвластия, коренное население Поволжья значительно отодвинулось от московских порядков, и даже те русские крестьяне переселенцы которые пришли сюда до «Смуты», по свидетельству Казанского архиепископа «испортились», забывая свой язык и религию, и переходя к местным традициям и обычаям.

Чуваши, буртасы, марийцы, мордва, стали забывать о принятой от царя «Русской вере», и возвращаться к своим языческим верованиям. Жившие в конце XVII века, в России, иезуиты писали своему руководству в Рим: «Мордвины были уже раз обращены попами в христианство (после покорения Казани авт.), или лучше сказать принуждены к этому, потому что всех их согнали к воде и когда они вошли то попы произнесли следующую формулу: «крещаются рабы Божьи во имя Отца аминь, Сына аминь, и Святого Духа аминь». Какое неразумение! После того как были розданы крещеным иконы, с объяснением что от них будут иметь все блага, и так как иконы у русских называются «богами», то мордвины переменили одно идолопоклонство на другое, потому что, считая иконы «богами», они ставили их на кладбища, а когда несмотря на то, на стада стали нападать волки, то мордвины отослали иконы через почетное посольство в Москву, заявив, что предпочитают оставаться при своих богах».

В «Смуту» пострадали и подверглись разорению многие церкви и монастыри, пострадало и само духовенство. Немало миссионеров погибло от рук бунтовавших. Так, восставшая мордва утопила игумена Троицкого монастыря в Алатыре. Что же касается феодальной знати Поволжья, то среди нее, по прежнему был широко распространен ислам, чему способствовало и Касимовское царство и влиятельные исламские государства, южные соседи России.

Правительство Романовых, понимая всю важность привлечения в православие местной феодальной верхушки, решает действовать экономическими методами. Сперва, в 1628 году, царь Михаил издает указ, запрещающий некрещеным феодалам иметь в собственности православных крестьян, что сразу подрывает экономическую основу крупных феодальных владений. А затем для принявших православие, местных феодалов и земледельцев, придумываются всякие льготы и привилегии.

Здесь стоит привести один малоизвестный документ, опубликованный в трудах профессора И.Д. Кузнецова. Это акт времен правления царя Федора (1661-1682), свидетельствующий о подобных льготах: «Ежели иноверцы учнут бить челом Великому государю о крещение в православную веру, то тех мурз и татар и мордву и чувашу и черемису и вотяков и буртас и иных всяких вер иноземцев и их дворовых людей, велети крестить в православную веру и давати им новокрещеным в Арзамасе из приказные избы Великого государя жалованье, по его государевой милости, на платья мужеска и женска полу, всякому человеку по два рубля, да сверх того государева денежного жалованья им же новокрещеным мурзам и служилым татарам, в службах и во всяких великого государя податех, также мордве чуваше и черемисе, и вотякам и буртасам, во всяких податях давать льготы на три годы...чтобы тех новокрещеных мурз и служилых татар на службу великого государя не высылали, и с тягла их и мордвы и чуваша и черемисы и вотяков и буртас и иных всяких вер иноземцев и новокрещеных податей никаких не имали три годы, и ничем не убытчили, и ото всяких людей оберегали...и которые мурзы и татарова и чуваша и черемиса и вотяки и буртасы в православную веру крестятся, и их новокрещеных от русских всяких чинов людей, и от мурз и от татар и от мордвы ото всяких обид оберегать,

чтобы их дворяне и дети боярские и всяких чинов люди во дворы себе в холопство и во крестьянство, и на них жилых кабал и иных крепостей не имели. И впредь им новокрещеным от великого государя превеликая милость будет».¹⁸¹

Для «новокрещенов» уклонявшихся от соблюдения православных обрядов, или крестившихся только ради корысти, были предусмотрены разного рода санкции: «...и тех смирить, сажать в темницы и в оковы, иных же отсылать к митрополиту для наложения на них епитимьи (покаяния авт.)». Конечно, вынужденное проявлять определенную гибкость в отношении полунезависимых татарских и мордовских князей и мурз, царское правительство, тем же «Соборным уложением» защищает их права и земельные владения от произвола, однако на деле, и по службе, и по привилегиям, и по судебной защите, все большее предпочтение отдается «новокрещенам».

Еще одним шагом к утверждению православия в Поволжье, явился запрет на распространение ислама среди православных, что было довольно часто встречающимся явлением и в Поволжье, и вообще на Руси. Статья 24 главы 22 «Соборного уложения», прямо указывала что: «Буде кто бусурман какими нибудь мерами насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере и обрежет,¹⁸² а сыщется то до пряма, и того бусурмана по сыску казнить, зжечь огнем без всякого милосердия».

Распространением христианства среди Поволжских «иностранцев», по прежнему занимались, главным образом, монастыри. После замирения края они приступили к своей миссионерской деятельности с новой силой, причем настойчивость монахов часто граничила с принуждением. У П.И. Мельникова записана история об игумене Арзамасского *Спасского* монастыря, Иове, который так досадил окрестной мордве требованием креститься, что они разбежались по лесам, а игумен ловил их и крестил силой. К крещению «иностранцев» по прежнему подходили формально, и едва удалялись священники,

туземцы тут же забывали о своем «рождении в духе», и продолжали жить по старому, молясь в своих священных рощах и на кладбищах. Хотя следует сказать, что русскую традицию «отмечать» православные праздники мордва все же таки усвоила. Иезуит Филипп де Авриль (1654-1698), дважды побывавший в России, в своих заметках опубликованных в 1691 году, сетуя на формальное крещение мордвы и распространение среди них языческих обрядов, указывал, однако, что например праздник Святого Николая, мордва, так же как и русские, отмечает «повальным пьянством».

В Российских верхах, все же большее внимание уделялось привлечению в православие феодальной знати, с дальнейшим вовлечением ее в орбиту деятельности русского дворянства, и проводимая правительством политика противопоставления крещеных и некрещеных (с поощрением первых и притеснением вторых), в скором времени дала свои результаты. Со 2-й половины XVII века, среди «служилого» населения Поволжья стала складываться прослойка из добровольно перешедших в православие местных казаков, тарханов и мурз, ставшая опорой Романовского правительства в деле дальнейшей русификации края.

Служилые «новокрещены» получали права, которых не было даже у самых знатных и богатых некрещеных феодалов. Феодалы «новокрещены» были приравнены в правах к русским землевладельцам, и могли использовать, по существу, рабский труд православных крестьян, чего они были лишены до крещения. Само собой, «новокрещены» утрачивали и свой язык, и свою родовую принадлежность, и становились русскими людьми, вливались в ряды русского дворянства. Так потомки какого-нибудь мордовского князька, приняв в XIV веке ислам, становились «татарами», а их потомки в веке XVII, приняв православие, становились уже «русскими» людьми.

В дальнейшем, по мере укрепления самодержавия в регионе, отношение к неправославным подданным усугублялось. По указу все того же царя Федора, у некрещеных землевладельцев Поволжья, отбирались в казну земли населенные православными людьми. Нежелавшие переходить в православие землевладельцы, оставшись без работников, разорялись, и вынуждены были сами обрабатывать

¹⁸¹ Буртасы в документе фигурируют наряду с другими этносами Поволжья, даже в конце XVII века.

¹⁸² Обряд обрезания, принятый в исламе, привел к тому, что мордва стала называть татар-мусульман «печкасами», то есть «обрезанными». Вообще всех тюрок мордва называла «гузт» (гузы), выделяя мешеряков термином «мшиар».

оставшуюся у них землю, храня только память о своем княжеском происхождении. Таких, в насмешку, называли «лапотные мурзы».

Ужесточили, в конце XVII века, и меры в отношении некрещеных «инородцев» простолюдинов. Кроме того, что согласно приведенному выше указу, крестившиеся получали денежное довольствие и освобождались от уплаты податей, размер этой подати раскладывался между нежелавшими креститься. В отношении отдельных категорий населения применялись и принудительные меры. Так, в 1682 году, к Курмышским татарам и мурзам был направлен именной царский указ, гласивший, что бы те: «упрямство свое отложили и в православную веру крестились». Кстати, после этого указа, татары *Курмышской* и *Мурзицкой* (Присурье) волостей, разбежались по всему Поволжью, не желая креститься.

Нужно сказать, что и другие Поволжские «инородцы» в большинстве своем упорно придерживались своих древних верований. Известно, что мордовские старшины и знать, еще и в 1629 году, съезжалась в деревню *Чукалы* (рядом с мордовским городом Ардатов) на свои традиционные «всемордовские» моления о родителях, проходившие у них раз в пятьдесят лет. Приносили в жертву лошадей и коров, насыпали большой *мар* (курган) земли. Характерно, что некоторые группы мордвы эрзи, к середине XVIII века, уже практически забыли свой родной язык, даже между собой говорили по-русски, но продолжали хранить «мордовскую веру».

Между тем, весь XVII век, неуклонно росло число русских поселений в Окско-Сурском междуречье. Особенно увеличился приток земледельцев после создания, в 1636 году, Алатырской засечной черты, и в 1653 году, Симбирской засечной черты. Привлеченные безопасностью от набегов степняков, сюда охотно переселялись русские крестьяне, а помещики, получившие земли вдоль засек, заселяли их своими крепостными, выведенными из Руси. Сюда же стали переселяться и жители Западных и Южных русских областей, бежавшие от ужасов Русско-Польских войн, и от набегов Крымских татар. Как уже говорилось, они принесли в топонимику края, топофомант-ка (*Липов-ка, Ломов-ка, Саваслей-ка* и др.).

Бежали в междуречье и малороссийские крестьяне, уходившие от панского гнета, и от набегов крымцев. Память о них хранится в на-

званиях селений *Хохлово, Хохловка, Хохлики*¹⁸³ и др. Кроме того, царское правительство поселяло в Поволжье многочисленных пленных шведов, и поляков, о чем напоминают такие названия как *Ляхово, Ляхи, Швеицкое, Шведово* и др.

С увеличением числа жителей и ростом новых городов, стало развиваться сельское хозяйство, ремесла, торговля, что вызвало экономический подъем в крае. Пролегавший через Окско-Сурское междуречье, древний торговый путь, связывающий Среднюю Азию и Персию с Северной и Западной Европой, получил новое развитие. В 1664 году, князь Иван Дашков, обосновывая перед царем выгоды от использования этого торгового пути писал: «через Симбирск (Симбирск, ныне Ульяновск) путь угоден тем, что от Москвы до него дорога горным путем на Муром, на Арзамас, на Алатырь, на Корсунов, а гонцу поспеть можно с Москвы в десять ден. И для близости к Москве кизилбашские (персидские авт.) купчины ходят и московские торговые люди со всяким товаром ходят к Москве чрез те города, а раньше хаживали через Казань. А только бегать с Москвы до Симбирска водяным путем реками Москвою, Окою и Волгою...не поспеть и в четыре недели».

Развитие торговли, рост капиталов, способствовали увеличению торговых связей с иностранными государствами. Окско-Сурское междуречье, вместе с землями Волго-Камья, располагались на границе Московской метрополии и Уральских и Сибирских колоний, и стали центром международной торговли, как и в прежние времена, связывая между собой Европу и Азию. На Средней Волге, около знаменитого Макарьевского «*Желтоводского*» монастыря, стала набирать свою силу международная ярмарка, ставшая продолжением древнего торжища возле Казани.

После побед Ивана Грозного, из-за кровопролитных «Черемисских войн», и «Великой Смуты», торжище утихло совсем, став событием местного значения. И только с воцарением в Среднем Поволжье мира, оно возобновилось, но уже в новом месте, ближе к Нижнему Новгороду. В 1707 году, посетивший Макарьевскую яр-

¹⁸³ Малороссийских крестьян называли «хохлами» из-за причесок. Они носили чубы (хохлы).

марку, Корнелий де Бруин, писал, что ярмарка проводилась в июле, и продолжалась 15 дней.

Главными товарами, поставляемыми из Окско-Сурского междуречья на внутренний и мировой рынки, были хлеб, мед и пушнина. Из донесений купца и разведчика Иоганна де Родеса, мы узнаем, что хотя самыми лучшими считались тогда сибирские меха, но все же, главным образом, пушнина добывалась в Казанских областях, к которым относился тогда и наш регион. Во 2-й половине XVII века, добыча пушнины и заготовка меда диких пчел, были подорваны развитием «поташного» производства».

Поташ» (карбонат калия), древесная зола, используемая в производстве стекла, в сельском хозяйстве и строительстве, стала одной из главных статей Российского экспорта на Западные рынки. Изготовлением и продажей поташа занималось и царское правительство, и большинство помещиков края.¹⁸⁴ Связанное со сжиганием большого количества древесины, это изготовление привело к массовой вырубке лесов, в лесных районах Поволжья, и в свою очередь к исчезновению многих видов ценных пушных зверьков, а также и к истреблению «бортных ухажав» (мест где жили дикие пчелы). Местные пчеловоды, в конце XVII века, вынуждены были перейти к пасечному пчеловодству. С другой стороны, увеличение количества пахотных земель вызвало дополнительный рост населения края.

Административно Окско-Сурское междуречье, до начала XVIII века, оставалось частью Казанских земель, управляемых Казанским приказом. На территории междуречья исторически сложились административные единицы-воеводства, или уезды: *Курмышский, Алатырский, Ядринский, Арзамасский, Нижегородский* и *Темниковский*. Видимо, в 1-й половине XVII века, территории среднего и нижнего левобере-

жья Теши были отчуждены от Темникова, и переданы в ведение Муромского и Арзамасского уездов.

«Служилые» казаки и татары все в большем количестве переселяются на Восток, для службы на новых границах России, а на их место переселяется мордва из Арзамасского и Нижегородского уездов, вытесняемые русской колонизацией, и «своятся», крепостные русские крестьяне для обработки, полученной помещиками земли. В Западной части междуречья все более распространяется русский язык и православная религия, и Темниковский край все больше становится русской землей.

Но этого нельзя сказать о западном соседе Темниковского воеводства, Касимовском царстве. Мещерский «Иски-юрт», в 1-й половине XVII века, по прежнему остается оплотом мусульманства в Центральной России. Поволжский ислам, за века соседства с Московским православием, оказал сильное влияние на нравы и обычаи Московской Руси. Это влияние было искоренено Никоновскими реформами, но в старообрядческой среде, сохранившей традиции древнего Московского «правоверия», отмечаются обряды сходные с мусульманскими. Отрицательное отношение к употреблению спиртного,¹⁸⁵ правило хоронить покойников в день смерти, отношение к женщине и ее поведению, строгое и обязательное отношение к молитве (у мусульман пять, а у старообрядцев восемь раз в день, использование ковриков для молитвы), были даже разговоры о, существовавшем когда-то, «православном шариате».

Иностранец Георг Шлезинг, в своей книге «Религия Московитов», написанной в 1695 году, описывает такие обычаи, существовавшие в Московской Руси как, закрытое содержание женщин в тереме (терем-гарем), а также правило предписывающее женщинам закрывать лицо при появлении на людях. Любопытно его сообщение о том, что московиты, приветствуя друг друга, говорят «*салам*» (салам), а многие носят чалму (в чалме изображен на средневековой гравюре царь Иван III).¹⁸⁶ Еще раньше, в середине XVI века, Миха-

¹⁸⁴ Производство поташа поначалу было очень выгодным. Им занимались все земледельцы края. К концу XVII века, по всему региону располагались, так называемые, «бродные станы» (майданы, гарты). Отсюда фамилия *Бродник*, *Броденный*, *Бродкин*, *Броданов* и т.п. «*Буда*» – ящик, в котором замачивали золу. На этом производстве работали и крепостные и вольнонаемные. В 1721 году, Петр Великий объявил государственную монополию на производство поташа. Однако, к середине XVIII века, это производство становится дороже, чем стоимость поташа на европейском рынке, после чего сворачивается. Производство поташа вызвало развитие попутных промыслов, углежжения, смолокурения, изготовления дегтя и др.

¹⁸⁵ Известно, что пьянство на Руси при Иване III и Василии III было под строжайшим запретом. Первый кабак появился, только при Иване Грозном.

¹⁸⁶ В конце XVII века, персидский автор книги «Хафт Иклим», возмущался, что московиты хоть и носят мусульманскую одежду, но все еще едят свинину.

лон Литвин, описывая московитов, предполагал у них с татарами «одну веру».

Касимовские татары и казаки-мещеряки, после «Смуты» продолжают служить русскому престолу. Мещеряков используют для колонизации Поволжья и Башкирских степей, они служат по засечным чертам, создавая, как уже говорилось в прошлых главах, *казачьи станицы*, Мещерские и Арзамасские. Татары и мещеряки участвуют в войнах за освобождение русских земель от поляков и шведов. Так князь Д.И. Пожарский, в 1615 году, выступив против поляков, имел в своем отряде, согласно «рописи», 230 Алатырских, 228 Арзамасских, 430 Темниковских и 120 Курмышских князей, татар, и мурз, а в походе, на занятый шведами Псков, в августе того же года, половину армии Ф. Шереметьева составляли «служилые» татары. Важную роль сыграли татары в сражении за Смоленск, в 1639 году, и в других битвах с поляками. Касимовцы вместе с Арзамасскими и Алаторскими казаками, татарами и мурзами, участвовали в изнурительном «Калмиюсском походе» по Приазовью, в 1655 году.

Однако, иметь под боком большое, сильное, да к тому же еще и мусульманское государство, было для Романовского самодержавия «не с руки», особенно после того как Россия вступила в противоборство с лидером тогдашнего «исламского мира» Турцией. К тому же неродовитость династии Романовых, в то время когда рядом правят потомственные Чингизиды, заставляла нервничать царский двор. Касимовское царство, игравшее в XVI – начале XVII века, очень важную роль в русско-крымских, русско-турецких, русско-казанских, и даже русско-казахских отношениях, и служившее свидетельством благожелательного отношения к исламу на Руси для остального «исламского мира», во 2-й половине XVII века, становится ненужным, и даже опасным.

Роль последнего Касимовского царя Сеид-Бурхана (?-1679),¹⁸⁷ была ничтожной. По свидетельству современников, Романовы опа-

сались, что оный Сеид-Бурхан может стать знаменем восстания нерусских народов Поволжья, однако и погубить его не решались. После смерти Сеид-Бурхана, *Ханкерманский султанат* (Касимовское царство) управлялся его матерью, царицей (хатун) Фатимой-султан, а после ее смерти, в 1681 году, Мещерский юрт был упразднен, а его земли отписали на «царскую корону». Так закончилась история Касимовского царства, исламского государства Центральной России, длившаяся более 200 лет. Впрочем, даже после упразднения султаната, ислам продолжал свободно исповедоваться в центре Руси, вплоть до самого начала XVIII века, когда после воцарения Петра начались гонения на мусульман.

В целом, заселение Поволжья русскими земледельцами, и политика христианизации и русификации туземных народов, привели к тому, что в конце XVII начале XVIII веков, к северу от воображаемой линии городов Уфа-Самара-Саратов-Тамбов-Воронеж, стало складываться русскоязычное население, связывающее свою жизнь и судьбу, с жизнью и судьбой России. И, тем не менее, коренные жители Поволжья, мордва, марийцы, чуваша, татары и другие, в общем-то доброжелательно относясь к русским переселенцам-земледельцам, не желали мириться с административной и духовной властью Москвы, терпя от ее наместников унижения и притеснения.

Несмотря на все «заклинания» советских и постсоветских историков, о: «Стремлении мордовского (чувашского, марийского и др.) народа к воссоединению с передовым русским народом», эти народы восставали при первой же возможности, сопровождая свои выступления уничтожением царских чиновников и православного духовенства, разрушением монастырей и храмов. Жестокое подавление восстаний «Смутного времени», не сумело загасить антимосковские настроения коренных жителей Поволжья, подогреваемые не только притеснениями царской власти, но и постоянным брожением в Южных степях, с которыми Поволжье было неразрывно связано.

Мордва, марийцы, чуваша, татары, башкиры и др., готовы были подняться на борьбу при первом же ослаблении центральной власти. Другим серьезным фактором нестабильности Поволжья,

¹⁸⁷ По некоторым данным, был обманом крещен, в 1654 году, под именем Василий, на что крымский султан Мухаммед Гирей в своей ноте правительству России писал: «Ханкерманского султана насильно сделали христианином. Нас возмутило это непристойное дело».

и России в целом, сделались начатые, в середине XVII века, реформы по унификации русского и греческого православия. Эти реформы вылились, в конечном итоге, в страшный «Раскол» внутри русского общества, превративший, без преувеличения сказать, лучшую часть трудового русского народа, в «людей второго сорта».

Глава 18

Раскол

В середине XVII века, России удалось вернуть свой вес и влияние в Восточной Европе. Были отвоеваны Новгород и Русский север, разгромлена Польша, и присоединена Украина. Присоединение Украины усилило контакты с греческим православием, а большой приток в Московию единоверных беженцев с Балкан (сербов, греков, болгар и др.) спасавшихся от турецкой экспансии, способствовал культурному росту русского православия.

Тогда же выявилась серьезная проблема. Русское Московское православие, в течение долгого времени, развивавшееся вдали от традиционных центров православия вселенского, приобрело черты весьма отличные от него. Верхушка Московского Патриархата, в связи с давлением католицизма, очень опасалось проникновения «ересей». Даже Киевская духовная семинария была объявлена в Москве рассадником «ересей» и ее книги были под запретом. Любые попытки изменить порядок и ход богослужений или каноны встречались «в штыхы». В результате отличия Московского православия, от Греческого вселенского, были прямо таки вопиющими, начиная от догматики и состава Богослужебных книг, и заканчивая ритуалами.

Православное население Украины и присоединенных Западных областей, творило службу и исполняло ритуалы в соответствии с

канонами православия вселенского, и его, ни в коем случае, нельзя было отпугнуть Московскими церковными обычаями.

Кроме того, Россия расширялась на восток и юг, все больше становясь империей, и ей были необходимы «Духовные скрепы», позволяющие объединить общей идеологией многонациональное население растущей страны. Такими «скрепами» должно было стать Русское Московское Православие, после соответствующего обновления его идеологической парадигмы. Вдобавок состояние духовенства Московской Руси, как говорится «оставляло желать лучшего». Многие священники, особенно в глубинке, были безграмотны, службу творили по памяти, не соблюдая церковных канонов, а многие проникали в священники за взятки. После принятия «Соборного уложения», многие крестьяне, чтобы избежать закрепощения, стали уходить в монастыри, принимали там «духовный сан», а затем возвращались к своим занятиям или ударялись в бродяжничество. Таких называли, «*черные попы*».

Священный собор 1667 года, потребовал возвращать этих «деятелей» помещикам, и прямо констатировал, что в священники попадают: «Сельские невежды, из которых иные и скота пасти не умеют». Кое-где доходило до того, что подобные «отцы-пастыри», для желающего избежать длинной церковной службы, читали молитвы в шапку, принесенную его родственниками, и дома, надевая такую шапку, ее владелец мог полагать, что оттуда на него исходит «священная благодать». Встречались священники, которые творили молитвы под дубом, а потом раздавали ветки и желуди как «священные», за плату. Один архиерей, в своих записях рассказывал, как однажды пытался экзаменовать встреченного им сельского священника в вопросах веры, но так и не добился от него ответа, какому Богу тот служит. Сельский поп¹⁸⁸ все время твердил про какого-то «Николу-Бога», а про других, мол, он и не слышал.

Неудивительно, что иностранцы в XVI-XVII веках, отмечали в Московских провинциях, непочтение местных жителей к своему духовенству. В документах того времени встречаются дела о священ-

никах, которых прихожане «били и увечили» не пуская в церковь, из-за их непотребного образа жизни. Много было жалоб и на так называемых «бесместных попов», то есть, священников не получивших прихода, и собиравшихся в Москве, возле Кремля, а там: «бесчинства чинят всякие, меж собой бранятся, и укоризны чинят скаредные и смехотворные, а иные меж себя играют и на кулачки бьются». Перемены были необходимы.

Можно сказать, что призыв к переменам, прозвучал из Нижегородских пределов. В 1636 году, Патриарх Иосаф получил из Нижнего Новгорода большое челобитное послание. Девять священников Нижегородских приходских церквей просили помощи и «святительского» содействия Патриарха, ибо увидели вокруг: «Повреждение истины, в наставниках и церквях неисправление, веры оскудение и церковный мятеж». Священники писали, что в большинстве церквей попы невежественные и грубые, недостойные своего звания. Совершают службу «наскоро», «с леностью и небрежением великим, любят «стяжание», и заискивают перед властью. Народ же, без пастырей добрых, уклоняется от веры, обращается к язычеству и суевериям. Судя по челобитной, священники составили кружок «ревнителей благочестия», с целью обличения лжи, и исправления всего «хромого», что видели вокруг. Одним из подписавших это письмо, был Нижегородский священник Иван Неронов (1591-1670),¹⁸⁹ уроженец города Устюга, служивший сначала в Лыскове, а затем в Нижнем. Вскоре Неронов перебирается в Москву, где близко сходится с протопопом Стефаном Бонифатьевым (?-1656), духовником самого царя.

Затем, на рубеже 40-50-х годов, при дворе Алексея Михайловича складывается «Кружок боголюбцев», объединивший наиболее грамотных и деятельных представителей Русского Православия. Одним из видных участников этого «кружка», становится еще один выходец из Окско-Сурского междуречья, протопоп Аввакум Петров (1620-1682)¹⁹⁰.

¹⁸⁸ Именно так (от латинского «папа») звучал чин священника, до реформы Никона. После реформ, *поп* превратился в *иерея*, и соответственно *протопоп* в *протоиерея*.

¹⁸⁹ Иван Неронов (Миронов), с началом возвышения Никона был его противником, но после низложения мятежного Патриарха, покаялся и боролся с расколом.

¹⁹⁰ Отец Аввакум обладал незаурядным умом и исключительным литературным талантом. Его произведения считаются образцом русской прозы XVII века.

Его родиной было село Григорово близ Княгинина, а священником он служил первоначально в селе Лопатицы. Религиозный до фанатизма, строгий и требовательный, Аввакум горячо и ревностно вступил в борьбу со всяким «нечестием и неправдою». Судьба свела его в «кружке» со своим непримиримым, в будущем врагом, священником Никоном Миновым, также уроженцем Окско-Сурского междуречья. Никон, в «миру» Никита, Минов (1605-1681), крещеный мордвин, родом из села Вельдеманово (недалеко от п. Перевоз), сын простых крестьян, своим трудом и способностями «выбившийся» в люди. Будучи Новгородским Митрополитом, он познакомился с царем, а вскоре уже стал его «собинным» (особенным) другом, и также был ревностным сторонником перемен.

«Кружок» собранный возле царя, желанием возвысить роль Православия и искоренить языческие и мусульманские обычаи, пришедшие в него за долгие века совместного существования, всерьез принялся за дело, но вскоре пути его участников разошлись. Никон, поставленный царем, в 1652 году, Патриархом Руси, открещивается от своих старых соратников. Он видит свою задачу не в исправлении Богослужения и клира, а в создании Вселенской Церкви под руководством русского Патриарха, и объявляет о полной реформе русской церкви, по образцу греческой («еллинской»), а его сторонники становятся его противниками.

Неизменяемость веры, непреложность церковных обрядов, были основой их мировоззрения. В новых переменах им чудился призрак еретического Запада. К тому же и методы, которыми Никон стал проводить реформы, вызвали резкое неприятие духовенства и мирян. Он стремился к такому же единовластию в церковном управлении, какое было в управлении государственном, при нем общины были лишены права выбирать себе священников, а духовенство полностью перешло под контроль центральной церковной власти.

По селам и городам нашего края, стали слышны резкие выпады против Патриарха. Многие «чинились указам Никона послушны», отказывались принимать новые книги. «Поп Авраамий в Лыскове говорил про книги новоисправленные, что их перепортил Никон патриарх со старцем Арсением греком по своему умышлению». «В селе Мурашкине, в Троицком монастыре, на обеде у стариц... черный поп

Иван Курочка, да старец Феокист кузнец Троицкого монастыря, беглый поп Никита говорили про Никона богоотметчика и смутителя многомятежного посмешные слова». Подобные разговоры ширились, и по совпадению, после назначения Никона Патриархом, Приволжье постигло страшное моровое поветрие. Города пустели, а деревни вымирали полностью. Оставшиеся в живых разбегались, и некому было хоронить мертвецов. Это было воспринято верующими как наказание за реформы Никона, и постепенно конфликт приобрел эсхатологическую «окраску».

Ведь дело было даже не в том, двумя пальцами крестится или тремя, и в несоответствии богослужебных книг. Дело было в несоответствии идеологических установок старого Московского православия и нового вселенского. Сторонники старых обрядов исповедовали теорию того, что Москва это третий Рим, а православные Руси это «новый Израиль», носители и хранители древнего благочестия, во враждебном окружении ересей и язычества, обязанные беречь свое самобытное православие вплоть до самого конца света.

Сторонники же Никона обосновывали идею создания на основе Русской церкви нового Вселенского Православного царства, и ради обновления церкви, «подстройки» ее под выполнение этой задачи, готовы были отказаться от многих старых, «изживших» себя обрядов. Царь, понимая необходимость «идеологического обоснования» расширения империи, принял сторону Никона, и поставил несогласных с Патриархом в положение изгоев, а догматические споры вскоре переросли в кровопролитие.

Сторонники «древнего благочестия» объявили Никона предвозвестником антихриста. Их главный вождь протопоп Аввакум писал, что «пришло время духа антихристового. Все на лицо антихриста устроили. Путь ему подстилают, скоро будет и сам антихрист». Явившаяся, в 1664 году, над Центральной Россией, комета: «звезда велика и долга по поднебесной широте борзолетящая» служила для противников Никона еще одним подтверждением скорого конца

света.¹⁹¹ Никон, вместо того чтобы проявить гибкость и разъяснить свою позицию, начал преследования несогласных, что вызвало небывалое сопротивление. При этом сопротивлялась «лучшая» часть верующих, наиболее думающая, те люди, которым были небезразличны судьбы Русского Православия. Легко было бы отказаться от двуперстия и многого другого, если этого требует Патриарх, но как отказаться, если этого требует сам провозвестник антихриста (в образе Патриарха)? Перемены в общественной жизни, закрепощение крестьян и закабаление горожан, также были восприняты как признаки «последних времен».

Никон, обладая широчайшим умом и организаторскими способностями, развил бурную деятельность по созданию обновленной идеологии, построил под Москвой, на реке Истре, точную копию Библейского Иерусалима, Новый Иерусалим, сделав его своей резиденцией, и постоянно вмешивался во внутреннюю и внешнюю политику государства, провозгласив тезис о том что «Священство выше Царства». Конечно же, царь Алексей Михайлович с этим не согласился, и в 1658 году, Патриарх подвергается «опале», а собранный в 1666 году, церковный собор, низлагает Никона, и он ссылается в отдаленный монастырь. Однако и там мятежный Патриарх, проявив поистине мордовское упрямство, не смирился перед царем, а «маховик» реформ, запущенный им, продолжал действовать.

Несогласные с реформами сопротивлялись, распространились случаи самосожжения, и добровольного самоумерщвления, много таких случаев было в Окско-Сурском междуречье. «Нижегородский летописец» сообщает, что в: «Закудемском стану (правый берег Тешы авт.) во многих селах и деревнях крестьяне совсем от раскольников развратились, и многие по прелести их с женами и детьми на овинах пожигались». Поощрял такие поступки и протопоп Аввакум. Он в частности говорил: «добро те зделали что в огонь забежали... не дождався еретического осуждения...цело и непорочно соблюдут правоверие». Вспоминал случай самосожжения и святитель Игна-

тий Тобольский, когда жители Княгинина и Мурашкина, в назначенный день собрались все на гумне, и, связав себя по два, по три человека, послали одного зажечь овин, после чего все сгорели. Но большинство несогласных просто уходило в «скиты», скрывались в густых лесах Заволжья, и Окско-Сурского междуречья.

Первые скиты в Заволжских (Керженских лесах) лесах появились в середине 50-х годов XVII века, и их появление было связано с разорением Соловецкого монастыря. Вслед за Соловецким восстанием, на Руси вспыхнули стрелецкие бунты, одной из причин которых также было неприятие церковных реформ. Многие бунтовавшие стрельцы, после поражения мятежа, бежали в леса Окско-Сурского междуречья, разнося здесь раскольничьи учения. Известно, что в 1698 году, после очередного «стрелецкого бунта», много мятежных стрельцов было сослано, и поселено в Выездной слободе города Арзамаса.

К концу XVII века, земли вокруг Нижнего Новгорода становятся центром «Раскола». Все Заволжье, селения Княгинино, Лысково, Мурашкино, Павлово, Богородское, уезды Арзамасский и Ардатовский наполняются беглыми «раскольниками», и отсюда раскольничьи проповедники расходятся во все пределы Российского государства.

Движение, начатое когда-то нашими земляками Аввакумом, Иваном Нероновым и Никоном, превратилось в одну из главных трагедий России, последствия которой сказались и на самой царской власти, и на всем русском обществе. И хотя в 1906 году, преследования «раскольников» были официально запрещены, и они признаны Русской Православной Церковью такими же Православными верующими, только придерживающимися «старого обряда» (старообрядцы), последствия той страшной трагедии не преодолены до сих пор.

¹⁹¹ Конец света был назначен на 1668 год. В этом году раскольники не стали пахать землю, перестали кормить скот. Люди каялись друг другу в грехах, молились, и надев белые одежды, ложились в гробы. «Кончина мира» не наступила, а гонения усилились.

Глава 19

Нечай-царевич

Проводимые Романовыми реформы, вместе с бесконечными войнами, значительно осложнили жизнь податного населения России. Недовольство усилением крепостничества и поборами, подкреплялось еще и крайней продажностью административного аппарата. Взятки и «посулы», воеводам и приказным людям, стали обычным делом, а ремесленников в городах заставляли бесплатно работать на воевод и дьяков. Недовольство росло и выражалось не только в массовых побегах «за Волгу», и в Южные степи, но и постоянными выступлениями против властей, которые принимали характер настоящих восстаний.

Введенный налог на соль, вызвал так называемый «Соляной бунт» в Москве (1661 год), эхом прокатившийся по многим городам Руси. Бунтовали Новгород (1650) и Псков (1662), недовольные усилением налогового гнета. Введение в оборот медных денег, наравне с серебряными, породило «Медный бунт» (1662). Церковная реформа, дала толчок новым волнениям, охватившим все слои русского общества.

Нестабильной была ситуация в Башкирии, на Урале и в Сибири. Туземцы всячески сопротивлялись русской колонизации, объединялись для борьбы с ней. Было неспокойно и в степях между Волгой и Доном. Конечно, Донские и Волжские (Астраханские) казаки, получившие после «Смуты» огромные льготы от Романовых, участвова-

ли во всех военных операциях царского правительства, и на западе, против Польши и Швеции, и на юге против Крымских татар и турок. Но «казацкая вольница» была категорически против усиления в своих землях Московской административной власти, и всячески сопротивлялась этим поползновениям.

Обстановка в степях стала накаляться после того как, во 2-й половине XVII века, туда увеличился поток «беглых». Бежали крестьяне Среднего Поволжья и Центральной Руси, уходившие от закрепощения, бежали горожане-должники не желавшие идти в «тягло», бежали «раскольники» скрывавшиеся от «Никониан», бунтовщики, участвовавшие в «гилях» (бунтах).

Все они бежали из государства, в котором стало трудно жить, уходили на Дон и Волгу, в надежде стать «вольными казаками». В связи с огромным количеством «утеклецов», царское правительство вынужденно было организовать «сыск» с целью наказания и возвращения беглых обратно. По всей степи рыскали отряды стрельцов, разыскивавшие беглецов, поровшие их, и отправлявшие обратно, к владельцам, попирая древнее казацкое правило, что «с Дону выдачи нет». Плюс ко всему, царское правительство писало «старым» казакам «Атаманам и Великому войску» гневные письма с требованием не принимать беглецов.

Новоприбывшие «утеклецы» селились в основном в верховьях Дона, по рекам Хопру и Медведице. Они получили у «старых» («низовых», живущих на Нижнем Дону) казаков, название «голутвенных» (голых, неимущих), так как были лишены средств к существованию («старые» казаки запрещали распаивать степь, боясь, что плодородные земли привлекут сюда российских помещиков). «Голутвенные» казаки вынуждены были, или наниматься в батраки к «старым», или к ним же на службу «исполу» (за половину воинской добычи). А чаще, просто разбойничали на реках и торговых путях.

И все равно положение «голутвенных» казаков было несравнимо лучше, нежели у их закрепощенных и закабаленных собратьев оставшихся на Руси. Связи между новоявленными казаками и жителями оставленных ими районов, были достаточно крепкими и активными, и все Поволжье внимательно следило за Южными степями, именно

оттуда ожидая избавления от гнета, несправедливости, и притеснений. Ожидая доброго «Казацкого царя».

Движение Степана Разина (1630-1671), начавшееся в 60-х годах XVII века, стало, несомненно, откликом на эти ожидания. Это движение не было стихийным бунтом, восстанием «черни» и казаков, как представлялось в дореволюционной историографии, как не было и «классовой борьбой», как представлялось в историографии советской. Это, безусловно, было выступлением Юга России и Поволжья, за установление более справедливого и лояльного к казакам и земледельцам режима, за поставление «Казацкого царя», и изменение политической ситуации в Южных степях и в Поволжье.

Не случайно, когда Юг России и Поволжье полыхали в огне восстания, северные города наоборот сплотились вокруг Москвы. Когда успехи Разина были особенно значимы, Романовское правительство даже пыталось вести с ним переговоры, и было согласено на значительные уступки, и только убежденность Разина в своей скорой победе сорвала эти переговоры. Вообще в этом «бунте» достаточно таких обстоятельств, которые заставляют взглянуть на него как на хорошо подготовленное выступление.

Во первых, разведка. Разин, как будет видно в дальнейшем, не отличавшийся особенной набожностью, дважды ходил на «богомолье» в Соловецкий монастырь (оплот старообрядчества). Пешком прошел Разин всю Россию, от верховьев Дона до Белого моря. Первый раз он ушел в 1652 году, а второе «паломничество» совершил в 1662 году. И если эти путешествия можно отнести к личной инициативе любознательного казака, то отсылка его с казачьей «станцией» (посольством), в Москву, в 1658 году, без ведома руководства «Великого войска Донского», случиться никак не могла. Казачья верхушка, несомненно, поддерживала атамана в его борьбе, но занимала выжидательную позицию, и после его поражения приняла сторону Москвы.

Путешествия Разина в преддверии восстания не случайны. Дороги, укрепления, настроения местных жителей, лучше всего можно узнать при личном посещении, так же как и наладить контакты с союзниками. Известно, что восставшие в 1667 году, монахи Соловецкого монастыря были связаны с разинцами, и если контактам

опального патриарха Никона, находившегося, с 1658 года, в ссылке на Вологодчине (как раз на пути Разина на Соловки), с Разиным прямых подтверждений нет, то косвенные «улики» говорят сами за себя. Из «наказной памяти» написанной, в 1672 году, известно, что: «приезжал к Синбирску (к Разину авт.) старец от него, Никона, и говорил, чтоб Стеньке идти вверх Волгою, а он Никон в свою сторону пойдет... и то де старец сказывал, что у Никона есть готовых людей тыщ пять». Кроме того, одним из требований Разина к царю, было условие восстановить Никона на Патриаршем престоле.

Во вторых международные контакты Разина. Из донесений иностранных агентов живших тогда в Москве, известно, что к Разину на Дон приезжал Свейский (Шведский) посол, а полякам, за неоказание помощи Романовым, Разин обещал вернуть все завоеванное тогда Россией у Речи Посполитой. Разин вел переговоры о союзе с Крымским царем, и с Персидским шахом, он призывал на помощь украинских гетманов Петра Дорошенко и Демьяна Многогрешного, также занимавших выжидательную позицию. То есть Разин в глазах тогдашних соседей Руси не был смутьяном и бунтовщиком, а был реальным политическим субъектом, претендентом на лидерство и власть.¹⁹²

В третьих организация «бунта» больше напоминала спланированную и подготовленную войну. Собранное, в 1670 году, в донском городке *Кагальнике* (ставке Разина) войско, было разделено на пехоту, кавалерию, и речной флот (отряды на стругах).¹⁹³ В армии Разина царила железная дисциплина и порядок. Голландский наемник на службе у Романовых, Людвиг Фабрициус, захваченный разинцами в плен, в своих записках отмечал: «Как бы неслыханно этот разбойник ни тиранствовал, все же среди казаков он хотел установить полный порядок. Проклятия, ругательства, кражи, блуд, все это Стенька ста-

¹⁹² Голландские купцы, находившиеся во время восстания в Астрахани, рассказывали, что Разин делал намеки на свое родство по матери, с крымскими царями Гиреями. Его мать была пленной татаркой из Крыма, и сам он, по сообщению русского дипломата Г. Михайлова, был «*тума*» (ребенок от брака татарки и нетатарина). Степан, как и его братья, Иван и Фрол, знали татарский и турецкий языки. Кроме того известно что их отец, Тимофей, не был потомственным казаком. Он пришел на Дон и «выбил в люди» благодаря своим способностям.

¹⁹³ Струг – судно, которое казаки использовали для плавания и по рекам и по морю.

рался полностью искоренить. Ибо если кто-либо уворовывал у другого что-либо, хоть не дороже булавки, ему завязывали над головой рубаху, насыпали туда песку и так бросали его в воду...».

Дальнейший ход военных действий также показал серьезное отношение штаба повстанцев к работе с «личным составом» и местным населением. В случае необходимости проводилась принудительная мобилизация людей и лошадей, и организовывались работы по строительству укреплений и дорог, заготавливалось оружие и амуниция. «Штаб», отнюдь не громкое слово для этого случая. Атаманы и есаулы разрабатывали планы ведения военных действий, шла большая пропагандистская работа. Везде рассылались «прелестные письма» (от *пфельцать* зазывать) возвания атамана, призывавшие: «...за великого государя стоять и ему... Стеньке, и всему войску служить, а изменников выводить». Эти «письма» распространялись повсюду, и доходили даже до Карелии и Западной Украины.

Понимая, что одними лозунгами истребления бояр и дворян, многого не добьешься, Разин идеологической составляющей движения, выдвинул идею возведения на престол «хорошего царя». Таким царем должен был стать...сын царя Алексея Михайловича (на самом деле умерший, 17 января 1670 года, от болезни, в возрасте 16 лет), якобы не умерший, а бежавший к Разину, от «лютости отца и от злобы боярской».

Легенда о царевиче-избавителе была очень востребована среди крестьян и казаков, и когда восстание распространилось на огромной территории между Доном, Волгой и Окой, имя царевича Алексея Алексеевича «освящало» его, царевичу присягали и «целовали крест», и готовы были умереть за него. Впрочем, в некоторых письмах, Разин, набравшись наглости, выступал и от имени самого Алексея Михайловича, якобы окруженного изменниками и «кравапийцами».

Другим «козырем» для привлечения сторонников, стала созданная Разиным легенда о присутствии в его армии...низложенного Патриарха Никона, тоже, как будто бы, бежавшего к нему из ссылки. В одном из донесений Романовских воевод к царю сказано: «Да их же государь, воровская прелесть, во все люди кричали, что с ними будто бы царевич Алексей Алексеевич, да Патриарх Никон.

И малодушные люди то ставят в правду, их воровскую затейку, и от того государь пущая беда и поколебание в людях». Специально для «царевича» и «Патриарха» в Разинской флотилии содержались два струга, один обитый красной материей с красной палаткой, царский, а другой, обитый черной материей с черной палаткой, патриарший. Струги строго охранялись и к «монаршим» особам никого не допускали.

Насколько серьезны были намерения Разина по возрождению «степной династии» говорит тот факт, что при его ставке содержался 16-летний подросток, родственник князей Черкасских, князь Андрей, захваченный Разиным в Астрахани.¹⁹⁴ Черкасские были потомственными Чингизидами, и юноша готовился Разиным для принятия Казанской и Астраханской корон. Сам князь Черкасский служил Романовым и находился в Москве, но его высокое происхождение не давало покоя царскому двору. Не случайно, одним из главных вопросов царя к арестованному Разину, был вопрос, не состоял ли он в тайной связи с боярами Черкасскими?

Конечно, душой и стержнем восстания был сам атаман Разин, фигура, безусловно, харизматичная, поэтому любопытно рассмотреть его личные мотивы. Выходец из «низовых» казаков, находившихся в привилегированном положении, но, тем не менее, всегда сопротивлявшихся проникновению Московской административной власти на Дон, Разин, несомненно, симпатий к Москве не испытывал. Старые «низовые» казаки, наследники Золотоордынского прошлого степи, стремились к как можно большей независимости от любой власти.

Свои порядки на Дону подкреплялись и своей идеологией. Казаки низовьев Дона и Волги, конечно, были, в большинстве своем, христианами, но это христианство было отнюдь не «Московским». В 60-е года XVII века, на предложение Москвы построить на Нижнем Дону Божии храмы, казаки ответили, что не нуждаются в церквях, так как они: «люди полевые». Не нашли отклика среди «низовых» казаков и проповеди старообрядцев бежавших на Дон. Можно не сомневаться что среди «низовых» казаков Дона и Волги, в XVII веке, еще сильны были влияния других мировых религий в разное время

¹⁹⁴ Казнен осенью 1671 года.

господствовавших в южных степях. Веротерпимость свойственная жителям степи позволяла исповедовать любую веру.

Что же касается самого Разина, то судя по описаниям современников, православным христианином назвать его трудно. Упомянутый выше Фабрициус писал: «...Распался сверх всякой меры: свирепствовал против честных и невинных людей, грабил и осквернял храмы, и все что принесено и посвящено Богу, при этом изгонял духовных лиц из их владений».¹⁹⁵ Многие считали его колдуном и чернокнижником, и когда Разина взяли в Москву на казнь, то содержали в специальных «намоленных» кандалах, опасаясь, что от обычных он легко избавится с помощью колдовства. В смертном приговоре Разину также упомянута его антицерковная деятельность: «...говорил про спасителя нашего Иисуса Христа всякие хульные слова, и на Дону церковью Божиих ставить и всякого пения петъ не велел, и священников с Дону сбил и велел венчаться около вербы». Правда, у Разина, по воспоминаниям современников, как будто бы был «духовник», некий «черный поп» отец Феодосий, верный собутыльник вождя, сбежавший из крымского плена, но какую религию исповедовал этот «духовник» осталось неизвестным. Разин был одержим и «личными счетами» к окружению царя. Его старший брат Иван Разин, служил в 1665 году, в войсках царского воеводы князя Юрия Долгорукого (?-1682) и был казнен по приказу князя за дезертирство. Отомстить ненавистному боярину Степан почитал «делом чести».

Боевые действия начались весной 1670 года. Семитысячный отряд Разинцев выступил на Астрахань. Разбив небольшие воинские подразделения, высланные против него, Разин в короткое время, с мая по август, завладел Астраханью, Царицыным, Самарою, и Саратовым. Захватив (или освободив?) всю Нижнюю Волгу, разинцы, 4 сентября 1670 года, на 260 стругах подошли к Симбирску, и осадили город, бывший важным стратегическим центром Поволжья. Здесь речь зашла о политических требованиях Разина, потому что масштабы восстания приняла угрожающие Московскому трону размеры.

Численность бунтовавших, по разным оценкам, достигала 200000 человек, и к осени полыхало уже все Поволжье. Современник

событий, англичанин Фома Ньюкемб, в 1672 году, писал: «Стенька настолько предрезал в своих замыслах, что весь Приволжский край и дальше вглубь страны, до городов Ахтиара (Алатыря) и Арзамаса, все было вовлечено в бунт. Число бунтовщиков достигло 200 тысяч, и часть «черемисских татар» (чувашей авт.), и все русские простолюдины этих местностей, принадлежащие московским знатным господам, восстали против воевод, убивая и вешая их. Наконец пламя возмущения распространилось так далеко, что вспыхнуло не далее 12 миль от Москвы».¹⁹⁶

Лейпцигские газеты того времени писали что: «царь Алексей Михайлович настолько оробел, что не собирается посылать против Разина войска».¹⁹⁷ Напуганное царское правительство стало искать возможности мира с Разиным, и вступило в переговоры с мятежниками-южанами. Главным требованием Разина, кроме, разумеется, выдачи Ю. Долгорукого и золота, было, как уже говорилось выше, выделение Казанской и Астраханской областей в отдельное от Москвы царство (царевич у Разина был наготове), и возвращение на престол Патриарха Никона. Москва уже готова была пойти на уступки (европейские дипломаты, находившиеся в Москве, сообщали, что царь рассматривал возможность бегства за границу), но у Разина началось «головокружение от успехов». Ему казалось, что Москва вот-вот, сама падет к его ногам, и договариваться, с охваченным паникой противником, нет смысла.

Посланный на помощь Симбирску крупный отряд во главе с князем Юрием Барятинским (1618-1685) был отброшен разинцами, и после Симбирска атаман уже планировал идти через Тамбов на Москву, но «камнем преткновения» стал гарнизон Симбирской крепости. Воевода Иван Милославский (?-1681) сумел организовать оборону так, что Разин застрял под Симбирском на целый месяц, и потерял стратегическую инициативу.

А восстание в Окско-Сурском междуречье разгоралось и без личного участия Разина. Жители Приволжья, как раз закончившие полевые работы, охотно покидали свои дома, собирали «круг», называ-

¹⁹⁵ Цит. по А. Сахаров. «Степан Разин». Москва 1973 г.

¹⁹⁶ Иностраннные известия о восстании Степана Разина. Ленинград 1975 г.

¹⁹⁷ Там же.

ли себя казаками, и шли громить помещичьи и дворянские усадьбы. Посланные повстанческим штабом эмиссары организовывали отряды по письмам атамана: «от Степана Тимофеича Разина...я выслал казаков, и вам бы заодно изменников выводить. А мои казаки како промысла станут чинить, и вам бы итить к ним в совет. И кабальные и опальные шли бы в полк к моим казакам».¹⁹⁸

Вооруженные отряды появились под Пензой и под Тамбовом, в Мокшанских лесах и в Присурье. Под Саранском взбунтовались татары, около Нижнего Ломова перекрыли дорогу мятежные Мещерские казаки. Грамоты направленные «сел и деревень черней русским людем и татарам и чуваше и мордве» подняли мордву, черемисов, татар, чувашей желавших вернуть свои исконные земли, ставшие вдруг вотчинными, монастырскими, царскими. Подняли недавних язычников за своих старых богов, заставляя рушить храмы, истреблять священников и монахов. К мордве грамоты писались по-мордовски, к татарам по-татарски, к черемисе и чувашам на их языках. От имени царевича Алексея воля была объявлена всем. Русские крестьяне, татары, мордва, чуваша, черемисы, все освобождались от «крепости», долговой кабалы, «ясака», и объявлялись свободными в вере.

Не отвергал Разин и «классовых врагов»: «А которые...дворяне и дети боярские и мурзы и татарове похотев заодно тоже стоять за Дом Пресвятой Богородицы,¹⁹⁹ и за всех святых, и за великого государя...и вам бы чернь, тех дворян и детей боярских и мурз ничем не тронуть и домов их не разорять».

Поволжские мусульмане были в первых рядах восставших. Одним из их вождей был Кадомский мурза Хасан Карачурин «служилый татарин», перешедший к Разину под Симбирском, из отряда

Ю. Барятинского.²⁰⁰ Он лично составил воззвание к мусульманам Поволжья, в котором говорилось: «Будет вам ведомо казанским бусурманам и абазам которые мечеть держат...Иктене-мурзе, да Мамаю-мулле, да Ханышу мурзе, да Москову мурзе...и всем бусурманам от Степана Тимофеича в сем свете и в будущем челобитье. Слово наше для Бога и для Пророка и для государя, и для войска быть всем заодно».

Некоторая часть Поволжских мусульман осталась верна Москве, но значительная часть перешла на сторону восставших и составляла среди повстанцев немалую силу, такую, что иностранные агенты в своих донесениях, порой называли Разинское восстание «Татарским мятежом».

Поднимать Среднее Поволжье, ранней осенью 1670 года, ушли лучшие Разинские атаманы и есаулы. В Правобережье Суры, под Цивильском, восставшей мордвой и чувашами руководил товарищ Разина, мордовский атаман Акай Боляев.²⁰¹ Атаманы Михаил Харитонов и Леонид Федоров пройдя через Пензенские земли, вышли к реке Мокше, и собрав большой отряд, взяли Кадом, и осадили Шацк в котором засел царский воевода Яков Хитрово. Города Керенск (ныне Вадинск) и нижний Ломов, привел к Разинской присяге атаман Матвей Семенов. Атаман Максим Осипов, приняв на себя высокое имя царевича Алексея, и войдя в Алатырский уезд с 30 соратниками, вскоре уже собрал отряд в 3000 человек, и сжег Алатырский острог вместе с воеводой Акинфеем Бутурлиным.

В это же время начались волнения в Лыскове. Его жители «били челом» новоявленному «царевичу» чтобы прибыл к ним и установил порядок «как ведется в казачестве». Осипов прибыл в село и его встречали «крестным ходом» с колокольным звоном и хоругвями. Тогда же вспыхнул мятеж в селе Мурашкине населенном новокре-

¹⁹⁸ Цит. по А. Сахаров. «Степан Разин». Москва 1973 г.

¹⁹⁹ Распространенное до Никоновских реформ, название всей совокупности Восточного Православия. «Господь помог князю постоять за Дом Пресвятой Богородицы» – говорили новгородцы после победы Александра Невского над тевтонцами. «Тимур не посмел разрушить Дом Пресвятой Богородицы» – были уверены в Московской Руси, после того как Тамерлан отвернул свои армии от ее границ. Кузьма Минин призывал нижегородцев «встать как один за русскую землю и за Дом Пресвятой Богородицы». Разин призывал стоять за Дом Пресвятой Богородицы, Пугачев воевал под этим лозунгом и др.

²⁰⁰ Барятинский, следуя под Симбирск, должен был провести мобилизацию «служилых» татар и казаков, но писал царю что из «служилого» люда не смог собрать и половину всех военнообязанных, а из тех же, кто пришел служить: «татары которые в рейтарах и сотнях служить худы... и ненадежны с первого бою, и с тех боев многие утекли в дома свои, и нельзя на них в бою положиться».

²⁰¹ Так же как и Хасан Карачурин был «служилым» мурзой. Служил на Саранской линии, и со своим отрядом примкнул к Разину.

щенной мордвой. Восставшие отрубили голову воеводе Племянникову и сожгли церковь Рождества Христова, после чего захватили местный арсенал.

Лысково и Мурашкино стали центрами восстания в крае. «Царевич Алексей» везде вводил «казачий круг», «жаловал всех волей», освобождал от «крепости» и кабалы, делил поровну помещичье добро, и приводил «подданных» к присяге и *шерти*. «Царевичу» Осинову присягнули и Ядрин, и Курмыш, и после того как его отряд пополнился Мурашкинскими казаками, Арзамасскими татарами, а также чувашами, марийцами и мордвой, он выдвинулся к крупному селению Бор, недалеко от Нижнего Новгорода. А восставшие Лысковцы, во главе с местным атаманом Мишкой Чертоусенком, осадили 1 октября, богатый Макарьевский монастырь. Монахи отчаянно сопротивлялись, ожидая помощи из Москвы или Нижнего, но помощь не пришла, и 10 октября монастырь был взят, разграблен, и стал лагерем восставших разинцев.

Забунтовало все междуречье, и Арзамасские воеводы в страхе писали в Москву: «В Арзамасском уезде во многих местах, в селах и в деревнях крестьяне забунтовали и помещиков и вотчинников побивают, а которые поместья и вотчины московских людей, и их в тех поместьях и вотчинах... и поместья и вотчины их разоряют». Как водится на Руси, восстание сопровождалось страшным террором. Воевод, помещиков, людей духовного звания, приказных, не успевших укрыться в Арзамасе, Нижнем Новгороде, Шацке или в Казани, вешали, «сажали в воду» (топили), сажали на кол, четвертовали. В одном из донесений в Москву говорится: «по уездам рубят помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а черных де людей, крестьян и казаков и иных служилых людей никого не рубят, не грабят».

В восставшем Темникове сформировался повстанческий отряд в 5000 человек, под руководством атамана Федора Сидорова и некой «старицы» Алены «Арзамасской», уроженки Арзамасской выездной слободы, «постригшейся» после смерти мужа в монахини, но сбегавшей из монастыря. Из показаний пленных разинцев следовало, что: «В Шацком уезде ходит баба ведунья, вдова крестьянина Темниковского уезда Красной Слободы, и с ней воровских людей 600

человек». Восставшие ждали, когда Разин двинется на Москву, но время шло, а атаман все стоял под Симбирском, боясь оставить в тылу крупный отряд Барятинского и Милославского. Это дало возможность Москве собраться с силами. В конце сентября в Арзамас, с ополчением прибыл главный воевода князь Ю. Долгорукий.

Воевода вышел из Москвы еще в начале сентября, пытаясь пробиться к Алатырю, но вынужден был, 26 сентября, остановиться и занять оборону в Арзамасе, Его армия, собранная из дворян и помещиков («всей породы») северных русских городов, Москвы, Костромы, Галича, Вологды, Углича, Ярославля, Ростова, Владимира²⁰² и других, была усилена полками «иноземного строя», составленными целиком из западноевропейских наемников, опытных рубак «Тридцатилетней войны».²⁰³ Кроме того, Долгорукову были даны полномочия для мобилизации местных «служилых» людей, но эта мобилизация не прибавила бойцов.

Не шли в Арзамас Нижегородские и Муромские дворяне, боясь погибнуть дорогой, а дворяне Курмышского и Алатырского уездов или разбежались, или погибли, или присоединились к восставшим. Не смог Долгорукий собрать и Арзамасских дворян, и требовал от Арзамасского воеводы Леонтия Шейсупова объявить «сыск». Грустным был ответ воеводы: «не до сыску...нам пришло время думать о своих головах. В Арзамасском уезде многие люди изменили, а в Олаторе...и в Саранске, и в Троецкой и в Красной слободах, все градские и уездные изменили, а в городах воевод и приказных людей казнили».

²⁰² Царский приказ от 1 августа 1670 года, гласил: «И вы бы...дворяне московские и жильцы, памятья Господа Бога...и святую церковь, и нашего государя крестное целование, и свою породу, и службы и кровь...и свои прародительские чести, нам великому государю...и за все Московское государство...служили бы со всяким усердием». В армии Долгорукова были собраны дворяне из 40 городов северной половины Руси.

²⁰³ Еще в 1646 году, князь Иван Милославский ездил в Голландию с поручением нанять: «опытных капитанов и солдат самых ученых». Военные документы тех лет пестрят именами иностранных легионеров: «полковник Гамильтон, майор Фролиус, капитан Реттих» и др. Полки из иностранных наемников играли в тогдашней русской армии большую роль, а к моменту воцарения Петра Великого составляли половину русского войска (63 полка, 90000 чел.)

Долгорукий оказался в Арзамасе, словно в осаде. В самом Арзамасском уезде восстали многочисленные мордовские села. На Арзамас шли «воры» с Юго-Запада, от Шацка и Темникова. Тревожные вести приходили с Севера. Там: «на Павловском перевозе, и в Богородицком, и в Ворсме, и в иных местах около тех сел мужики собравшись с ворами, ходят грабят и побивают до смерти и всякое разорение чинят». В Нижегородском уезде восставшие: «воры все дороги переняли и учинили... засеки и заставы крепкие и многолюдные, конных и пеших... побивают до смерти».

Повстанцы контролировали почти весь уезд и собирались идти к Нижнему Новгороду. Они убеждали всех присоединиться к ним, говоря: «Вот Нижний возьмем, в то же число увидите все крестьяне царевича. Мы идем за царевича Алексея Алексеевича и за батюшку Степана Тимофеича, а у нас ясак Нечай, значит, что вы царевича не чаєте, а он нечаянно придет к вам». Этот самый «*Нечай*» стал, в Окско-Сурском междуречье, боевым кличем восставших.

В самом Нижнем Новгороде тоже было неспокойно. Воевода Голохвастов, как мог поддерживал порядок, но восставшие «воровские от Нижегородского уезда, от Лыскова, от Мурашкина, и от Терюшевской волости», уже подступали «станами» к городу, а Нижегородская чернь несколько раз посылала гонцов в Мурашкино, к «царевичу» Осипову призывая разинцев в Нижний.

Но время было упущено, и вот, 1 октября 1760 года, под Симбирском, князь Барятинский наносит тяжелое поражение Разину. После четырехдневного боя восставшие разбиты, а сам Разин, раненый бежит на Дон. Затем, через две недели, Я. Хитрово отгоняет атамана Харитонову от Шацка. А вскоре опытный и умелый воевода князь Ю. Долгорукий, не раз бивший поляков, наконец, начинает действовать.

В конце сентября Долгорукий направляет воевод, князя Константина Щербатова и Федора Леонтьева, к селу Путятино близ Сергача, где сосредоточился крупный отряд повстанцев. Четыре раза сходились мятежники с царскими солдатами, пока не были рассеяны регулярной армией. Много было убитых (в том числе и атаман повстанцев Семен Савельев), еще больше попало в плен. Еще одно поражение было нанесено восставшим у деревни Исупово, в 12

верстах от Арзамаса, а 11 октября, князь Щербатов разгромил крупный отряд повстанцев у села Поя близ Лукоянова.

Усмирив мятежников у Арзамаса, Долгорукий поспешил направить полки в главное «скопище воровских прелестей», в село Мурашкино.²⁰⁴ 22 Октября, царские войска под руководством Щербатого и Леонтьева подступили к селу, и в 3 верстах от него, их встретила повстанческая армия. По свидетельству очевидца в сражении участвовало с обеих сторон не меньше 100 тысяч человек. С Леонтьевым и Щербатовым пришли лучшие полки Долгоруковской армии, среди повстанцев выделялись отряды татар, мещеряков, и мордвы-Мурашкинских казаков.

В начавшемся бою перевес сначала был на стороне восставших, но дело решила конница из немцев рейтар, стремительной атакой опрокинувшая повстанцев, и обратившая их в бегство. Победителям достались 21 пушка и 18 знамен. На следующий день, под Лысковым, сражалась уже не повстанческая армия, а толпа, которую московиты без труда одолели. Участник событий писал, что казни начались прямо на поле боя. «Одних пригвождали к доскам, других сажали на кол, третьих цепляли крюком за ребра. Но никого не наказывали строже, чем пленных казаков-мордвин», видимо оказавших наиболее упорное сопротивление.

Заняв Мурашкино, царские воеводы немедленно приступили к расправе. 151 двор и 71 дворовое место были сожжены, 228 человек казнены, 184 голов скота реквизированы, «лавки и амбары пожжены без остатка». Уцелевшие жители ютились в «ямах и шалашах». Богатое торговое село было уничтожено, и это было только началом «возмездия». Еще один центр восстания, татарская деревня Маклаковка (ныне Ожгибовка, рядом с Пильной) была окружена Леонтьевым, и сожжена вместе с укрывшимися в ней татарами и мордвой. Жители Лыскова сдались, покаялись, и, валя вину на буйных «мурашей», выдали 30 мятежников, во главе с двоюродным братом Разина. 24 октября, воеводы с войском подошли от Мурашкина к Нижнему и рассеяли «воров», пленных наказав: «смертию; повесить

²⁰⁴ Голландец Койэтт писал: «между мятежниками те, кто находились в небольших городках Лыскове, Мурашкине и Павловском перевозе были самые храбрые и неустрашимые».

около города по воротам, иным отсець головы, других четвертовать в городе». Курмышских крестьян, перекрывших дорогу из Нижнего в Казань, Леонтьев отогнал в село Мигино, и сжег село дотла. Однако, несмотря на поражения, восстание продолжалось, вспыхивая то тут, то там.

25 ноября восстали села Гагино и Большое Маресьево, и уже воевода Василий Панин громил бунтовщиков и жег их жилища. Упорные бои шли под Цивильском и Ядриным, и в Заволжье, и везде, где побеждали московиты, проходили жестокие расправы. По приказу Долгорукого пленных не брали. Сдававшимся рубили головы прямо на поле боя.

4 декабря, сам Долгорукий подошел к Темникову. Ему навстречу вышли «лучшие люди». Они винулись, обещали выдать всех «воров». Рассеяны были отряды атамана Шилова и крестьянина Чирка, орудовавшие в «брынских» (Саровских) лесах. Солдаты захватили в плен «старицу Алену», атаманствовавшую в Темникове вместе с Федором Сидоровым. Всех пленных Долгорукий приказал казнить отсечением головы, а «старицу» как колдунью сожгли в срубе (казнь для еретиков и чернокнижников). 20 ноября, в сражении у речки Варнавы (правый приток Мокши), воевода Лихарев разбил отряды атамана Белоуса, а Бярятинский, разгромив Разина, двинулся от Симбирска к Алатырю, где на его пути встал мурза Акай Боляев, возглавивший восставших после бегства Разина.

12 ноября 1670 года, Боляев, с пятнадцатитысячной армией вступил в бой с Бярятинским на реке Барыш, близ впадения в нее речки Кандаратки. После упорного сражения Боляев, потеряв 24 знамени, 3500 человек убитыми и все пушки, отошел, а воевода, 23 ноября вступил в Алатырь. Однако перегруппировавшись в декабре, Боляев выдвинулся к мордовскому Ардатову, уже с 20-ти тысячной армией при 20 пушках, но был разбит объединившимися царскими войсками,²⁰⁵ прижавшими восставших к реке Инсару. В декабре воевода Бутурлин снял осаду с Тамбова и рассеял по лесам отряды Харитонов, и в декабре же были усмирены Заволжье, и была очищена от

мятежников «Слободская Украина». 30 декабря, сдался последний крупный город повстанцев Пенза, а в январе 1671 года, закончились упорные и кровопролитные бои на территории Чувашии.

Кончилась война и началась расправа. Восстание было подавлено с исключительной жестокостью. На террор «южан» «северяне» ответили своим террором. Целые деревни были стерты с лица земли. В Арзамасе, за три месяца (с декабря 1670 по февраль 1671) было казнено 11 тысяч человек. Очевидец казней, голландский дипломат Кунрад фон Кленк рассказывал, что: «На место казней страшно было смотреть, оно походило на преддверие ада. Кругом стояли висельницы на которых колыхалось по нескольку человек. В другом месте валялось много обезглавленных тел, плавающих в крови. В разных местах находились посаженные на кол люди, и коих немало оставалось живыми, до трех суток и слышны были их голоса».²⁰⁶

В Нижегородском уезде свирепствовал воевода Бухвостов. Со всего уезда везли в Нижний людей и допрашивали, пытали и казнили. 29 человек по приказу воеводы казнено, 57 бито кнутом, и им отсекли одну руку по запястье, и без числа отрубали по одному пальцу на руке и ноге. В Арзамасский и Алаторский уезды, в декабре 1670, прибыло две сотни Костромских дворян и «детей боярских», для того чтобы: «приводить русских к вере по чиновной книге, а татар и мордву по их вере к шерти».

Казнили и пытали в Курмыше, Алатыре, Темникове. Известный нам Л. Фабрициус, описывая действия воеводы Одоевского, в 1671 году, в Астрахани, ужасался: «Одоевский велел взять под арест всех жителей Астрахани... Свирепствовал он до ужаса: многих велел заживо четвертовать, кого заживо сжечь, кому вырезать из глотки язык, кого заживо зарыть в землю. Итак поступал с виновными так и с невинными. Под конец, когда жителей осталось мало, приказал срыть город».

Жестоко мстили северяне за свой страх и испуг. За каждого своего убитого положили на плаху десятки крестьян и казаков, за каждую сожженную усадьбу «государевы люди» выжигали целые

²⁰⁵ Раненый мурза пытался укрыться в своей деревне Костяшово, но был схвачен и отправлен в Арзамас, где его четвертовали.

²⁰⁶ Б. Койэтт. «Посольство Кунрада фон Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу». Рязань 2002 г.

села. За зиму 1670-1671 годов, от пыток и казней погибло более 70 тысяч человек. Огромная утрата для сравнительно небольшого тогда населения Поволжья.

Почти год понадобился Романовым, чтобы покорить Нижнюю Волгу. Только к 1672 году, замирили царские воеводы Нижневолжские города. Донские старшины вовремя сориентировались, и весной 1671, выдали мятежных братьев Разиных, Степана и Фрола, Москве. Астраханскому казачеству прощения не было. За разбой, за мятеж, за поругание христианских святынь (казаки разрушили все храмы в Астрахани, и казнили митрополита Иосифа), все войско принудительно переселялось на Терек. 6 июня 1671 года, Степан Разин, ранее преданный Патриархом Иасафом церковной «анафеме» был четвертован в Москве.

Кровавые расправы с жителями Поволжья, были, конечно, не только следствием Разинского движения, но и результатом всех прошлых выступлений и мятежей, начиная со «Смутного времени». Население, уже не раз присягавшее на верность Московской короне, и каждый раз с легкостью нарушавшее свою присягу, в очередной раз заставили «целовать крест» и *шефтить* на верность Москве. Царский указ, от 1697 года, продублировал прошлые запреты на огнестрельное оружие, кузнечный промысел и изготовление металлических орудий труда, для нерусских жителей Поволжья. Только в этот раз нарушение запрета предписывало более строгие наказания.

Все Поволжские восстания, начиная от «Великой Смуты» и заканчивая «Разинщиной», были тесно связаны со Степью, и были не просто борьбой за «лучшую жизнь» а постоянными попытками вернуть, возродить, бывшее степное владычество на просторах великой равнины, установить справедливую власть.

Бунтовавшие «инородцы», всегда с надеждой смотрели на Степь, и бежали туда от гнета и колонизации, становясь «казаками», а поднявший Дон и Волгу Разин, одним из главных требований к Москве выдвигал выделение Казанских и Астраханских земель в отдельное царство. Не случайно в Европе, Разинское движение называли «Татарским мятежом», подразумевая под этим не только активное участие «инородцев» в восстании, но и борьбу «Степной Татарии» против Москвы. Последовавшее за ним, Булавинское восстание так-

же призывало к борьбе за традиции «Старого поля» уничтожаемые царской администрацией.

Эта столетняя борьба, была борьбой Поволжья за право остаться в Азии, в то время как Романовы все больше устремляли Россию в Европу. При Романовых началось давление на Поволжский ислам, началась насильственная христианизация и европеизация страны. При наследнике Алексея, царе Федоре Романове, Российское государство вступило в непримиримую войну с Османской Империей и оттянуло ее силы от экспансии в Европу (тем самым помогла Европе избежать турецкого порабощения), а затем, в результате двухвекового противостояния, подорвала могущество «Блистательной порты», предопределив в конечном итоге ее гибель.

После воцарения Романовых в Москве стала искореняться «татарщина» (вспомните Крижанича), стал вытесняться из делового оборота татарский язык и одежда, и стали заменяться на польские, а потом немецкие. Романовское самодержавие, сделав попытку подчинить себе церковь, вызвало губительный «Раскол», а затем устранило и сам институт Патриаршества (возвращенный только в 1917 году, после падения Романовых). Романовы, убежденные, что все самое лучшее, передовое и прогрессивное идет с Запада, перестроили Россию по Западному образцу. Поволжье при Романовых стало Россией, а Окско-Сурское междуречье, русской землей.

Глава 20

Век Просвещения

XVIII век вошел в мировую историю как «Век Просвещения». Ломка феодальных порядков, и переход к капитализму, породили в Западной Европе течения, провозгласившие своими целями «царство разума и свободы», и «естественное равенство» всех людей. Большая роль в построении этого «царства», и вообще установления нового общественного порядка, отводилась распространению знаний, просвещению, что и дало название веку.

Для России «Век Просвещения» ознаменован уверенным вхождением страны в число ведущих мировых держав, преобразованием старой «удельной» Руси в многонациональное светское государство.

Петр Алексеевич Романов, вошедший на престол в 1696 году, стал верным продолжателем курса своего отца, царя Алексея Михайловича, направленным на передел России по западному образцу, на «модернизацию» страны, превращение ее в «европейскую монархию». Ведь вопреки распространенному мнению, Россия до Петра Алексеевича не была отгорожена от Европы каким-то «железным занавесом». Европейские новшества и технологии проникали в Московию с самого начала XVII века. Царь Михаил Федорович занятый «усмирением страны», еще не так активно увлекался западными идеями, зато при Алексее Михайловиче «инновации» стали приходить на Русь, одна за одной.

Многие знатные Московские люди увлекались Западной культурой и образованием. В России переводились и печатались европейские книги и газеты, распространялись европейские обычаи и одежда, правда в конце XVII века, в моде было польское и венгерское платье, и лишь затем его вытеснило немецкое. О перестройке армии на европейский манер, уже говорилось. Полки «иноземного строя» играли важную роль в военных операциях Руси, а Адам Олеарий отмечал, что в окружении царя Алексея много выехавших из Западной Европы: «Высших военных офицеров, частью оставшихся в своей религии, а частью крестившихся»²⁰⁷. Воинские звания также в большинстве своем были введены при царе Алексее Михайловиче, да и первые корабли «Западного образца» были построены в его правление. Можно сказать, что «культурный переход» начинался уже при Алексее Михайловиче «Тишайшем», но Петр Алексеевич, в силу своей натуры, превратил этот «переход» в «перелом».

Вспыльчивый и импульсивный, обуреваемый самыми дикими страстями, подверженный алкоголизму, Петр начал свои преобразования властно и круто, не считаясь ни с ресурсами, ни с экономикой, ни с мнением людей. Эти реформы не имели ни плана, ни четко сформулированной цели и проводились зачастую под давлением внешних обстоятельств, а тяжелые войны Петра разоряли народ. По мнению многих историков и экономистов, реформы Петра были проведены с крайним напряжением материальных и людских сил, и хотя считается, что он ликвидировал отсталость России от других стран, способствуя становлению промышленности, науки и предпринимательства, но после смерти Петра страна осталась разоренной, а казна пустой.

Петр окончательно покончил с «казацкими вольностями» и со «служилым казачеством». «Служилые» казаки и татары были переведены в разряд «государственных крестьян», и стали привлекаться к различным государственным работам. Главным образом, к заготовке и транспортировке леса. Они составили целую социальную прослойку *лашманов*, а впоследствии были обложены налогами и

²⁰⁷ А. Олеарий. «Описание путешествия в Московию». Смоленск 2003 г.

приравнялись, таким образом, к «черному» (податному) сословию Руси²⁰⁸.

Петр «закрыл» щекотливые «шведский» и «польский» вопросы, не дававшие покоя Романовым. Разгромив Карла XII, он аннулировал претензии шведов на исполнение обещаний, данных им в «Смутное время», а устранив от власти, в Речи Посполитой, династию Вазы, представителю которой, королевичу Владиславу присягал на верность его дедушка Михаил, царь Петр Алексеевич, в 1721 году, с «чистой совестью» объявил себя Российским императором.

Завершил Петр и начатое при его отце, дело окончательного подчинения церкви государству. После смерти, в 1700 году, Патриарха Адриана, в ответ на просьбу архиереев «дать им» нового предстоятеля, Петр швырнул перед ними саблю и сказал: «Вот вам Патриарх». Вместо Патриаршей власти, в 1721 году, был учрежден «Священный Синод», чисто чиновниче, бюрократическое ведомство, призванное управлять церковными делами. Главой Синода ставился гражданский чиновник, «обер-прокурор».

Учреждение Святейшего Синода, превратило церковь в еще одно рядовое «министерство», и способствовало катастрофической потере авторитета церкви в народе. Это сказалось потом, через 200 лет, когда поруганная и разоренная Русская Православная Церковь взошла на свою «кровавую Голгофу», и народ ее не поддержал.

Какой-то особенной ненавистью воспыал Петр к старообрядцам. Движение раскола росло, и царь приказал принять меры «решительные и строгие». Действовать против «раскольников» «мечем духовным и гражданским» и всех их, как «лютых неприятелей государства... истреблять и искоренять». С «раскольников» брали двойные налоги, жестоко наказывали, обязывали нашивать на одежду желтые куски материи. Даже любимый сюжет историков, запрет на ношение бороды, был введен, главным образом, против «раскольников». Этот запрет не касался крестьян, а среди остальных сословий наиболее упорно отказывались сбривать бороды старообрядцы, и с 1702 года, всех бородатых дворян и купцов обложи-

ли внушительными пошлинами, а бляху, свидетельствовавшую, что пошлина уплачена, предлагалось носить на груди.

Если при царях Алексее и Федоре сожжение еретика (а «раскольники» собором 1666-1668 годов, были объявлены еретиками) было случаем нечастым, то при Петре, такие костры запылали повсюду. В «раскольничьей» среде зрело убеждение, что никто иной как сам антихрист воплотился в лице Петра, а «все господа, которые при милости государевой, суть антихристовы слуги».

Важным нововведением Петра стала административная реформа России. То, что старая система себя изжила, было ясно уже правительству Алексея Романова, начавшему было переустройство Руси, но Петр со свойственной ему горячностью осуществил это переустройство вмиг, как говорится «на коленке». В 1708-1710 годах, вся Россия была разделена на восемь губерний,²⁰⁹ и наш регион вошел в состав Казанской губернии, где были собраны исторически единые земли Мещерского, Казанского, Астраханского и Симбирского краев.

Но, в 1714 году, вдруг возникла необходимость выделения отдельной Нижегородской губернии, которую создали, но через четыре года упразднили, чтобы в 1719 году, создать вновь. То же творилось и с другими губерниями, и все это говорило о поспешности и непродуманности административных преобразований, проводимых Петром.

Многие критиковали введенное им административное деление. Видный ученый и общественный деятель XVIII века, историк В.Н. Татищев справедливо указывал что, «многие уезды смешаны, так что одного в середине другого уезды лежат», и считал необходимым «отразить области, бывшие княжеские владения и другие, упомянутые в титуле императорском». Говоря в реалиях того времени, Татищев призывал отразить в административном делении географическое размещение российских народностей, с которым Петр абсолютно не посчитался. В 30-е годы XVIII века, Татищев предло-

²⁰⁸ Боевые традиции Мещерских казаков не были забыты в русской армии. В 1708 году, из мишарей и татар был сформирован «Симбирский» рейтарский полк.

²⁰⁹ Губа от русского слова *огуб* (охват). В XVI-XVII веках, территория, где действовала власть губного старосты, называлась «губа», и совпадала, как правило, с территорией волости или уезда. Соответственно совокупность «губ» стала называться «губернией». Управлял губернией «губернатор» (от латинского «gubernator»-наставник).

жил свой проект административного деления России, в губерниях и провинциях которого можно найти такие как «Югорская», «Мордовская», «Черемисская», «Чуваская», «Мещерская» и другие, то есть, предлагал выделить этнические и исторические области народов составивших население империи.

Первоначально губернии делились на воеводства и уезды, потом Петр ввел промежуточное деление на провинции, которое было отменено Екатериной II, оставившей только уезды. Она же, в 1775 году, упразднила все «воеводства», и разделила государство на губернии и наместничества, но после ее смерти, в 1796 году, наместничества были отменены и остались одни губернии.

В момент образования Казанской губернии, в 1709 году, численность ее населения составила 590 тысяч человек, а площадь 954 тысячи кв. верст (1,6 чел на версту), при общей численности населения тогдашней России в 9,8 млн. человек.²¹⁰

Первым губернатором в Казань был назначен граф П.М. Апраксин (1659-1728), а делилась она на двенадцать уездов: Алатырский, Арзамасский, Астраханский, Казанский, Пензенский, Симбирский, Свияжский, Уфимский, Темниковский, Нижегородский, и другие, из которых Алатырский, Темниковский и Арзамасский, в 1719 году, были переданы в состав Нижегородской губернии. Первым губернатором в Нижнем Новгороде был граф А.И. Измайлов, а саму губернию, первоначально разделили на три провинции, Алатырскую, Арзамасскую и Нижегородскую.

Екатерининской реформой 1775 года, Российская империя была разделена уже на 50 губерний,²¹¹ и большинство губерний стали называться по своим центральным городам (Тверская, Вологодская и т.д.). Некоторые губернии называли по рекам (Енисейская и др.), а некоторые сохранили свои исторические названия (Таврическая и др.). Воеводства, как уже говорилось выше, были упразднены, а провинции переименовались в уезды.

При Екатерине II, правление в губерниях полностью передавалось в руки губернаторов, получивших верховную власть в регионе.²¹² Нижегородская губерния была разбита на 13 уездов, и наш край вошел в состав Ардатовского уезда, выделившегося из уездов Арзамасского, Темниковского и Муромского. Таким образом, Окско-Сурское междуречье, исторически существовавшее как западная часть Казанских земель, стало с XVIII века, *Нижегородчиной*.

Символом Нижегородских земель стало, утвержденное Екатериной II на гербе Нижнего Новгорода, изображение оленя. Почему олень, стал символом города? Возможно, здесь есть какая-то связь с гербами первых Нижегородских князей Рюриковичей, принесенных ими со своей Днепровской прародины, а возможно, что олень есть стилизованное изображение...лося, бывшего на гербе Нижнего изначально. Животное, издревле водившееся в лесах Поволжья, упоминается в указе царя Алексея Михайловича, от 1666 года, где сказано: «Печать Нижегородская, на ней лось ступает». Лось в старину занимал в хозяйстве жителей Среднего Поволжья несколько большее место, чем объект охоты. Лосей, вплоть до конца XVIII века, использовали в Среднем Поволжье, как и на севере России, как выючных и ездовых животных и запрягали в повозки, а Петр I даже издавал распоряжения запрещающие пахать на лосях, и въезжать на них в города

Огромные предприятия Петра I, строительство городов, содержание армии и флота, постоянные войны требовали гигантских расходов. Было введено много новых налогов, податей, сборов, но средств, все равно, не хватало. Для лучшего сбора налогов была проведена «сословная» реформа, разделившая все сословия русского общества по видам труда. «Шляхту» (дворян) обязали служить до самой смерти или гибели, ограничив при этом права землевладения, что ухудшило положение дворян. Быт городских ремесленников устраивался по Западному образцу, ломались многие вековые устои жизни горожан, и ухудшалось их материальное положение, а замена

²¹⁰ Россия всегда отставала в численности населения от Европы. Например, в Германии уже к 1500 году насчитывалось 11 млн. человек, а во Франции более 15 млн. человек.

²¹¹ Делили приблизительно по 200-300 тысяч «душ» (мужчин) населения в каждой.

²¹² Губернатор ведал судами, сбором налогов, рекрутским набором. Ему подчинялся разветвленный бюрократический аппарат, и войска, находившиеся на территории губернии.

«подворного» налогообложения» на «подушную» подать, сразу увеличила налоговый гнет на крестьян.

После проведенной, в 1718-1724 годах, переписи населения был оформлен разряд «государственных» крестьян, в который были отнесены все крестьяне, проживающие на государственных землях, не принадлежавших помещикам. Этих крестьян стали называть «казенными». В 1724 году, в состав «казенных» крестьян вошли все «ясачные» крестьяне Нижегородской губернии. Следует отметить, что крепостных крестьян в Поволжье, в начале XVIII века, было только 25% от общего числа земледельцев, в основном крестьяне были «ясачными» или «монастырскими». Их положение было несравнимо лучше, нежели у крепостных, но введенные Петровским правительством налоги, вкуче с увеличивающимися натуральными повинностями (строительная, постоянная, рекрутская, лесозаготовительная и др.), сводили на нет все преимущества существования «ясачных» крестьян, и они массово стали уходить на восток.

Первая половина XVIII века, ознаменована широчайшим расселением мордвы, чувашей, татар, мещеряков, марийцев и др., бежавших от закрепощения и увеличивающихся поборов, по всему пространству между Волгой и Уралом, на Урале, и в Оренбуржье. В 1716 году, в некоторых областях Поволжья пустовало до половины дворов «ясачных» крестьян. На смену им, в Поволжье шел нескончаемый поток русских земледельцев, как выводимых помещиками, так и жителей присоединенных к России Западных и Юго-Западных областей, уходивших от бескормизы и недостатка пахотной земли. Много было и беглых, и особенно много было беглых «раскольников». «Раскольники» предпочитали для бегства дремучие леса Заволжья, и селились по рекам Керженцу, Ветлуге и Вятке, полагая себя в недосягаемости для Москвы, но царское правительство доставало их и там.

На Нижегородчине главным гонителем «раскола» был, поставленный в 1719 году епископом, владыка Питирим. Питирим, не ограничиваясь мерами «духовного воздействия», привлекал к участию в борьбе и светские власти, но лучше всего дело пошло, когда на помощь ему придали военную команду под главенством капитана гвардии Ю. Ржевского. Солдаты получили право силой загонять

упорствующих в монастыри, а неплатящих двойные налоги отправлять на каторгу.

Служивые с рвением исполняли приказ царя, и сохранился рапорт капитана о расправах над «отказниками». «Ныне до Вашего Величества послал раскольников необратимых и замерзельных, они же и указу твоему учинились противны, положенного окладу платить не хотят и за то биты кнутом, и вынуты ноздри и послано на каторжную работу...». Питирим со своей стороны сообщал в Синод, что несколько тысяч раскольников «увещеваемы», и «приведены в соединение к церкви». Многие «раскольники» прежде чем «прийти к соединению» побывали в тюрьме, узнали дыбу и кнут.

«Раскольники» к этому времени разделились на три главных толка. *Беспоповцы*, *Поповцы* и *Беглопоповцы*. Беспоповцы не признававшие «Никонианских» священников (за что их и прозвали так), были наиболее непримиримыми с новыми государственными и церковными порядками. Они бежали дальше на восток, уходили за границы России,²¹³ и не шли ни на какой контакт с церковнослужителями. Поэтому церковь обратила свою деятельность на две другие, наиболее многочисленные, группы «раскольников», на *Поповцев*, признававших священников, при условии их «перекрещивания» (отсюда и прозвание), и *Беглопоповцев* наиболее близких по церковным порядкам к правящей церкви.

Питирим применял политику «кнута и пряника». Он вступал с «раскольниками» в диспуты, и подвергал их пыткам, увещевал, а непокорных сажал в тюрьмы, разорял раскольниковы скиты, и, в конце концов, добился своего. Больше половины Нижегородских «раскольников» вернулись в лоно церкви, и многих из них переселили из Заволжья в Окско-Сурское междуречье, рядом с местными «новокрещенами» и некрещеными аборигенами. Будучи трудолюбивыми и набожными людьми, они выгодно отличались от местных жителей, недавних бунтовщиков и «нехристей», и охотно принимались местными воеводами и землевладельцами. Многие села региона пополнились бывшими «раскольниками», но по отчетам переписи

²¹³ Много старообрядцев бежало, в конце XVII начале XVIII веков, в Австрию и Польшу. При Екатерине Великой их под конвоем возвращали в Россию на жительство.

1718-24 годов, видно, что большую часть населения Окско-Сурского междуречья, все таки составляли «новокрещены», то есть, коренные жители Приволжья, принявшие христианство.

В первой половине XVIII века, христианизация края приняла по-настоящему широкие масштабы, и по-настоящему принудительный характер. Хорошо понимая важность всеобщего православного вероисповедания как инструмента для полноценного управления империей, имперское правительство использовало для достижения этой цели все средства. «Новокрещены» по прежнему освобождались, на три года, от уплаты налогов (эти налоги уплачивали за них некрещеные члены общины), им давали льготы при рекрутском наборе, а у нежелающих креститься местных землевладельцев мусульман, не только отнимались «холопы», переводимые в разряд «казенных» крестьян, но, по указу 1715 года, стали отниматься и надель.

По-прежнему, главным оплотом христианизации края оставались монастыри. Крупным центром христианизации был город Арзамас, в котором, по утверждению П.И. Мельникова, в середине XVIII века, при населении в 7556 чел. мирян, находилось три монастыря, 27 церквей и при них 600 человек духовного звания (для сравнения в Нижнем Новгороде было 33 церкви и 7 монастырей, при 20000 чел. населения). Из основанных, еще в XVI-XVII веках, «Новоспасского» и «Введенского» монастырей города Арзамаса, из Санаксарского монастыря, из монастырей Алатыря и Выксы, из Макарьевского «Желтоводского», из других обителей, повсюду расходились монахи, основывая с благословения своих игуменов новые общины, восстанавливались церкви и монастыри, сожженные во время «Разинщины».

В 1710 году, монахами из Арзамаса, была основана обитель в Сарове, впоследствии самый знаменитый монастырь Поволжья. Повсюду миссионеры несли «Слово Божье», и все же темпы христианизации не устраивали ни руководство церкви, ни правительство. Если в начале XVIII века, во всем Казанском крае было немногим более 13 тысяч «новокрещенов», то к 1721 году, их число составило только 30 тысяч человек. Многие «новокрещены» воспринимали новую веру формально, и крестились или ради сиюминутных выгод, или под страхом наказания. Казанский митрополит Тихон доносил

в Синод, что «новокрещены»: «в церковь не приходят, и к приключающимся домовым своим требам священников не призывают, и не исповедуют, и умерших своих без священников погребают сами».

В 1731 году, в Свияжске, в одном из монастырей, была создана «Комиссия крещеных дел». Действовавшие от ее имени миссионеры значительно увеличили число новообращенных «иноверцев», но дискредитировали себя тем, что пристраивали «новокрещенов», в «крепость» к помещикам, за плату (то есть по существу продавали в рабство). «Комиссию» разогнали, а вместо нее, в 1740 году, была учреждена «Контора новокрещеных дел», получившая самые широкие полномочия и даже собственные воинские команды для охраны миссионеров. «Контора» получила право на крещение мусульман и язычников Казанской, Нижегородской, Астраханской и Воронежской губерний.

Правившая в то время императрица Анна Леопольдовна (1718-1746) издала указ, запрещавший насильное крещение, приказала выдавать «новокрещенам» подарки, освобождать от налогов и рекрутчины, но на деле все зависело от людей проводивших крещение. Так поставленный в 1738 году, Казанский епископ Лука «прославился» тем, что насильно забирал детей из татарских семей и помещал их в духовные школы, а на праздники организовывал «крестные ходы» к домам некрещеных, провоцируя их на антицерковные выступления. Описаны случаи, когда миссионеры, вместе с солдатами, входили в нерусскую деревню, сгоняли всех ее жителей к ближайшему водоему и «кстили». Людей хватали прямо на улицах, тащили в церковь, окатывали водой и объявляли христианами. Назначенный во главе «Конторы» епископ Дмитрий, насильно переселял «невокрещенов» в деревни с некрещеными, а нежелающих креститься депортировал на восток.

В 1742 году, был обнародован указ о запрете строительства новых мечетей и о сносе уже имеющихся.²¹⁴ На месте снесенных, часто строились христианские храмы. Вообще, с первой половины XVIII века, в крае началось массовое строительство церквей, причем рас-

²¹⁴ Первый указ о сносе мечетей в Поволжье вышел в 1726 году, но мечетей в крае не убавилось, и указ дублировали.

ходы по их сооружению, а также по покупке церковной утвари и последующем содержании священников, как правило, возлагались на плечи «инородцев» (как крещеных так и не крещеных) того села где строилась церковь. В указе, от 4 февраля 1744 года, адресованном «Конторе новокрещеных дел» сказано: «...на строение в новокрещенских деревнях деревянных церквей, дабы излишнего казенного расхода не последовало, лес, где оный имеется вывозить, и те церкви строить тех мест и приходов жителям, также и тем, кто креститься не желают»²¹⁵.

Благие пожелания царского правительства об устройстве школ для обучения детишек «инородцев» выполнялись плохо. За период с 1745 по 1749 годы, было открыто всего 4 школы, а злоупотребления чиновников и клира росли. Многие миссионеры, проводя крещение: «Отбирали для себя у новокрещеных продовольствия, сколько хотели» а также «и лисицами и куницами не платя денег», и не гнушались даже «пряжею, шерстью и иной живностью». Современник говорил что: «не через проповеди Слова Божия оных приводили в закон, но совершенным разорением». Во многих областях Поволжья сопротивление насильственной христианизации доходило до вооруженных выступлений. Примером такого выступления в Окско-Сурском междуречье, может служить восстание, не желавшей креститься, *Терюшевской мордвы*.

Уже упоминаемая в очерке, этнографическая группа мордвы-эрзи, *мордва терюхане*, заселяла, в середине XVIII века, земли современного Дальнеконстантиновского, частей Сосновского, Арзамасского, Большемурашкинского, и других районов Нижегородской области. *Терюхане* находившиеся под русским влиянием с XIV века, практически позабыли свой родной язык, и даже между собой говорили по-русски. Но, несмотря на это, называли себя мордвой, и были некрещеными.

Поводом к восстанию послужил приезд, в мае 1743 года, в село Сарлей Терюшевской волости (ныне населенный пункт Дальнеконстантиновского р-на) владыки Дмитрия. К этому времени, он оставил пост главы «Конторы новокрещенных дел», и был назначен еписко-

пом Нижегородским и Алатырским. Владыку давно уже беспокоило наличие, рядом с центром губернии, большого количества некрещеных язычников, а уж тот факт, что «нехристи» говорили по-русски, привел епископа к выводу: «...что мордвой назывались они ложно». Особое недовольство священнослужителя вызвало, написанное терюханами прошение на «Высочайшее имя», с просьбой миссионеров к ним не посылать, потому что они: «Христианской веры принять не могут, а желают быть в своей мордовской вере по-прежнему».

В центре села владыка Дмитрий увидел мордовское языческое кладбище, и зная, что оно служит местом «мордовских молений», приказал: «оное кладбище разруша сжечь». Стихийно собравшиеся крестьяне едва не побили священнослужителя, однако ему удалось спрятаться, а вскоре после его отъезда, управляющий вотчины князь Баратаев, арестовал 20 самых активных селян и переслал их епископу в Нижний.

Оскорбленный владыка выместил злобу на арестантах. Он держал их: «в кандалах и колодках, бил мучительно смертно. Многих из них: «в купель окунал связанных, и крест одевал на связанных же», но на этом дело не кончилось. В июле того же года, владыка выслал в Терюшевскую волость игумена, с воинской командой, для поголовного крещения ее жителей. Начавшиеся бесчинства вызвали ответное сопротивление, и мордва восстала. Волнения продолжались до осени, а 26 ноября, возле деревни Лапшиха, произошло вооруженное столкновение воинской команды и повстанцев. Восставшие были разгромлены, 74 человека погибли, а предводители восстания, Несмеян Васильев «Кривой», и Пумрас Семенов попали в плен. Семенова повесили, а Несмеян, за то, что разбил икону и сорвал с себя публично крест, был объявлен богохульником и сожжен на костре, в центре села Сарлей, при огромной толпе согнанного сюда народа.

Однако, несмотря на расправу, беспорядки продолжались до 1745 года, и нашли отклик в ряде селений соседних Арзамасского, Алатырского и Ардатовского уездов. Мордва волновалась повсюду, а жители села Шониha (ныне ж. д. станция), уничтожили мужской монастырь в Оранках. Владыка Дмитрий напрямую связывал волнения в Арзамасском уезде с беспорядками в Терюшевской волости. «В Арзамасском уезде таковые же некрещенные, смотря на тех Терю-

²¹⁵ П.В. Денисов. «Религиозные верования Чуваш». Чебоксары. 1959 г.

шевских противников, посланным из Арзамасской провинциальной канцелярии офицеру с солдаты, таковую же противность показали, и солдат побили». А в Ардатовском уезде, не желавшие креститься «инородцы» так запугали миссионеров, что: «Духовные правители, боясь смертного убийства не ездить в тое Ардатовскую волость». В письме губернатору, владыка просил послать туда воинскую команду.

Подобные методы христианизации имели после себя страшные последствия. Крупный ученый-этнограф А. Можаровский (1846-1907), отмечал, что когда явился Пугачев: «Новокрещенные инородцы, пристав к нему первым долгом почли отомстить духовенству. Почти во всех инородческих селах духовенство было или избито, или перевешано, а храмы сожжены». Тем не менее, деятельность «Конторы», одобренная большими материальными и людскими ресурсами, принесла свои плоды, и к моменту закрытия «Конторы», в 1764 году, ее сотрудниками было крещено порядка 300 тысяч человек, что дало основание полагать «крещение язычников законченным». Хотя, безусловно, где-то формальный, а где-то насильственный подход конторских миссионеров, не сделал большинство «инородческого» населения Поволжья «истинно верующими христианами», поэтому, даже и в XIX веке, исследователи Поволжских народов отмечали среди них широкое распространение языческих верований.

Петровские «реформы» и последовавшая за ними «Бироновицина», вконец разорили страну, не сделав исключением и Поволжье. Налоги, сборы и повинности росли день ото дня. Например, в 1722 году, Нижегородская губерния должна была изготовить 80 морских «новоманерных судов», а в августе того же года, «немедля изготовить сосновых лесов на 20 катов (галер)», и для работ собрать в Нижнем 2000 человек. В 1732 году, для «заготовки корабельного лесу в Казанской и Нижегородской губерниях, собрать ясачных иноверцев 6000 человек». В 1743 году, для строительства Азовской крепости, из Нижегородской губернии затребовано 3000 человек. Все эти предприятия обеспечивались в первую очередь за счет «черного» сословия, а за недоимки жестоко карали. После неурожаев 1737-39 годов, в связи с недобором налогов, герцог Бирон учредил «Доимоч-

ный приказ», и офицеры этого приказа вместе с гвардейцами ездили по всей стране, взыскивая недоимки. Доставалось всем: Воевод сажали в цепи, помещиков в тюрьмы, жгли дворы и дома крестьян, пытали их, выбивая деньги. Посланный в Нижегородскую губернию для обследования положения крестьян подполковник Свечкин, в своем отчете Сенату докладывал, что: «Все крестьяне очень сильно разорены, а некрещенные от многого платежа в совершенную бедность пришли, и многие не для закону, но избавления себя от таких несносных им отягощений, не имея чем платить, крестились, прочие же, обессилившись в воровство устремились».

В первой половине XVIII века, «пышным цветом» расцвели на «горных» трактах Окско-Сурского междуречья, разбои. Разоренные отчаявшиеся люди вынуждены были добывать свой хлеб с помощью грабежа купцов и путников, и для многих это стало профессией. Целые деревни жили разбоями. По правому берегу Волги разбойничьи логова начинались от самого Васильсурска, где орудовал атаман *Галай*, потом села Фокино и Бармино, где хоронились разбойники *Фока* и *Матвей Барма*, а между Лысковым и Нижним было село Татинец, про которое говорили: «Татинец – всех воров кормилец». Бесчисленные «ватаги» разбойников орудовали в густых лесах междуречья, подвергая разбойничьим нападениям отдаленные монастыри. Отсюда и берут свое начало многочисленные легенды о разбойниках «Мурзицах», «Туре и Тапке» и других, так «любимых» народной этимологией.

Некоторое оживление экономики России началось с правления императрицы Елизаветы (1609-1761), дочери Петра. Продолжилось оно и в правление Екатерины II «Великой» (1729-1796). Чистокровная немка, пришедшая к власти в результате дворцового переворота, она всей душой полюбила Россию, но Россию дворянскую. Иностранка, волей судьбы оказавшаяся на русском троне, она не знала страны и народа, и полагала своей надежной опорой лишь дворянство, приведшее ее к власти и верно служившее «матушке императрице». Бесконечные льготы, раздача «казенных» земель и крестьян в качестве награды за те или иные заслуги, и наконец, отмена налогов и обязательной дворянской службы, все эти блага дворянское сословие обрело при Екатерине II, и от Екатерины II. В Поволжье

раздача императрицей «казенных» земель, вместе с проживавшими на них крестьянами, привела к тому, что к концу XVIII века, уже 85% крестьян были крепостными.

Но помещики, при Екатерине II, приобрели еще и неслыханные права на своих подданных. Крестьяне стали полной собственностью землевладельцев, чем-то вроде «домашнего скота». Их продавали и проигрывали в карты, били за малейшую оплошность, и безжалостно эксплуатировали. Крестьян разрешено было продавать по отдельности, разрушая семьи. Дошло до того что крестьян лишили права жаловаться на своих помещиков, а посмевших жаловаться ссылали на каторгу. Дворяне получили право ссылать крепостных на каторгу даже не за какую-то провинность, а просто за «предерзостное поведение». Саких крестьян называли «рабами», а Екатерина говорила: «если раб не персона (не человек), следует его скотом домашним признать». Фактически Екатерина подобными правами дарованными дворянству, довершила, начатое «Расколом», разделение русского общества на два «народа», «народ господ» и «народ рабов». На «короткой дистанции» становления империи, этот, по существу, рабовладельческий строй, возможно, и укрепил страну, позволив увеличить ее размеры и могущество, но в конечном итоге, через 150 лет, погубил Романовых.

Поволжские помещики «выжимали» из своих подданных «все соки». К увеличившемуся в два раза оброку добавилась еще и «барщина», по условию которой на помещичьих угодьях надо было отработать 4-5 дней в неделю, а остальные 2-3 дня можно потратить на свой надел, но в некоторых поместьях крестьян вообще лишили наделов, превратив их в «рабов на плантациях». Полное бесправие земледельцев, созданное чудовищными Екатерининскими законами, делало их жизнь невыносимой. Вчерашние «ясачные» и «казенные», лично свободные жители Поволжья, вдруг в одночасье ставшие «частной собственностью», снимались со своих мест и уходили на восток и на юг. Деревни населенные бывшими жителями Поволжья, можно было встретить уже и в Западной Сибири, и в Предкавказье, и даже в Закавказье и Средней Азии.

На замену ушедшим «инородцам», все XVIII столетие, в Поволжье не иссякал приток русских переселенцев с запада Руси, и

особенно из Южновеликорусских губерний, Орловской, Курской, Брянской и других. Русские земледельцы южане уходили в сравнительно малонаселенное Поволжье, от нехватки пахотной земли, возникшей в своих густонаселенных плодородных краях. Многие селились в Поволжских городах, и рядом со вновь открывавшимися промыслами, пополняя ряды ремесленников и «*работных людей*», а иных манили глухие Приволжские монастыри, бывшие «передним краем» борьбы с язычеством и магометанством.

В непроходимых дебрях хотели они укрыться от «Мира» стяжав *Подвиги Духа* и *Подвиги Веры*. С этими переселенцами южанами, пришел в 1778 году, в дремучие Темниковские леса, курский мещанин Прохор Мошнин (1759-1833), ставший впоследствии одним из самых почитаемых русских святых, Серафимом Саровским.

Екатерина «Великая», в соответствии с веяниями своего века, играла роль «просвещенной» государыни. В 1773 году, она издала указ о веротерпимости. Все религии в стране получали право на существование, запрещалось принудительное обращение в православие, а мусульманам разрешалось строить мечети. Раньше этого, в 1762 году, при восшествии на престол, она, в своем манифесте, призвала русских людей придерживавшихся «старой веры», возвращаться из-за границы (куда много «раскольников», особенно *Беспоповцев*, бежало от Петровских преследований) и селиться на специально отведенных для них свободных землях. Правда возвращались они на родину неохотно, и часто приходилось организовывать специальные воинские экспедиции (главным образом в покоренную Польшу), которые под конвоем возвращали беглецов обратно.

После этих экспедиций-походов, в Поволжье появились селения, населенные полностью старообрядцами (как правило, Беспоповцами). Местные «новокрещены», или потомки старообрядцев примирившихся с официальной церковью, дивились их нравам и нежеланию общаться с «Никонианами», мирянами и священниками, и называли их «*Нетовцами*», «*Самокрестами*» или «*Кулугурами*».

Имперская политика Екатерины II значительно увеличила территорию России. Можно сказать, что при Екатерине осуществилась победа земледельческой цивилизации над цивилизацией степной. Ее армии завоевали степи Причерноморья, разгромив Османскую

империю, и уничтожив Крымское царство. В конце XVIII века, на тучные черноземы, толщиной два метра, хлынули земледельцы не только Центральной России, но и немцы, и сербы, и украинцы, и белорусы, и болгары, и представители других народов. Буквально за какие-то 50-60 лет, в степи выросли города и села, зацвели сады и пашни.

Расширение страны, растущие потребности в ресурсах, способствовали росту и развитию российской промышленности. Становление «горного дела» на Урале, и возникновение здесь большого числа заводов также вызвало отток русского и нерусского населения Поволжья. На Уральских заводах работали и крепостные крестьяне «свезенные» сюда своими владельцами, и «раскольники» и беглые крестьяне не желавшие становиться крепостными. Все они становились «работными людьми» своими руками, создававшими промышленную мощь Урала.

Развивалась промышленность и в Окско-Сурском междуречье. Главной статьей дохода стала заготовка леса, так необходимого для флота, который сплавляли по рекам к местам постройки судов. В мелких поместных заводиках производили для нужд флота пеньку, смолу и деготь, традиционно заготавливалось много меда и кож. Во 2-й половине XVIII века, в регионе возникает металлургическое производство, после того как в бассейне реки Велетьмы были разведаны большие запасы «болотной» железной руды. Строительство заводов, привлекло в Западную часть междуречья, большое количество переселенцев, также ставших «работными людьми». Об их судьбе, и о начале промышленного производства металла в крае, выксунским писателем Н.П. Ключаревым, написана замечательная книга – «Работные люди».

Окско-Сурское междуречье по-прежнему было пересечением главных торговых путей, только к началу XIX века, центр международной торговли сместился к месту слияния Оки и Волги. На весь мир прогремела, в XIX веке, знаменитая Нижегородская ярмарка, наследница торжищ древнего Булгара, Казани и Макарьевской ярмарки.

Развивалось и земледелие края. Пустующих, необработанных земель практически не осталось, и Екатерина II, возвращаясь в 1767

году, из своего «Казанского путешествия», через Арзамас в Муром, писала графу Панину: «От Алатыря до Арзамаса, и от Арзамаса до Муромских лесов земли час от часу хуже, селения чаще, и ни пяди земли нет, коя бы была не разработана, и нигде голоду нет».

Это путешествие императрицы, тоже стало своего рода «исторической вехой» как и поход Ивана Грозного, хотя теперь о нем почти забыли. Пышность, с которой местное дворянство встречало «матушку императрицу», была на грани расточительства, а губернское начальство строго запретило обывателям жаловаться, и занималось откровенной показухой. По пути следования кортежа расставляли нарядных крестьян, они водили хороводы, кланялись «матушке» и благодарили начальство.

Можно утверждать, что к концу XVIII века, население Окско-Сурского междуречья становилось все более и более, если не русским, то русскоязычным.²¹⁶ Но коренные жители региона, униженные принудительной христианизацией, обобранные казной и помещиками, не переставали надеяться на избавление от гнета, на приход «справедливого царя». Эти чаяния разделяли с ними русские переселенцы, и их потомки, находившиеся в крепостной зависимости, принявшей при Екатерине II чудовищные формы и размеры. Они ждали прихода «мужицкого царя».

²¹⁶ Это можно рассмотреть на примере Темникова. В примечаниях к главе «Смутное время» описан состав населения этого города, бывшего в начале XVII века, сплошь нерусским. Если сравнить те данные, с данными о его населении за 1779 год (т. е. по через 154 года), мы увидим, что в Темникове проживает 25001 человек, из которых «мурз и татар», только 3074 человека, а из этих мурз и татар, «новокрещен» -34 человека. Т. е. подавляющее большинство населения Темникова в 1779 году (87,5%), это русские или крещеная мордва и татары, записанные в «крестьяне» (христиане).

Глава 21

«Царь» и «Пророк»

Мяжелые войны, которые вела Россия, Екатерининский «фаворитизм»,²¹⁷ постоянное увеличение налогов, повинностей, рекрутчины, усиление крепостного гнета, делали существование «податного» сословия, невыносимым. Возмущения крестьян и «инородцев» проходили по всей империи. Подсчитано, что за время царствования Екатерины II, только в Европейской России (не считая Сибири и Урала), произошло 120 восстаний и бунтов.

В Поволжье недовольство «низов» усугублялось еще и принудительной христианизацией, насильственным закрепощением «ясачных» крестьян, и злоупотреблениями царской администрации, по отношению к нерусским народам края. Мордва, татары, чуваш, марийцы, удмурты волновались постоянно, нескончаемая череда восстаний сотрясала Башкирию, где сопротивление царской власти было особенно упорным и кровопролитным. Были недовольства и

среди казаков, утративших свои вольности. Постоянное брожение наблюдалось и в старообрядческой среде.

Непонятная ситуация с низложением Петра III,²¹⁸ и «сомнительным» воцарением его супруги, взбудоражила страну. Император Петр III начал свое правление с некоторой либерализации российских порядков. Он вернул из ссылки и каторги многих невинно осужденных, упразднил «тайную канцелярию», застенки которой наводили ужас на жителей России, дал некоторые вольности дворянству, сделал ряд распоряжений в защиту крестьян, запретил преследования старообрядцев. Этими и другими мерами он вызвал надежды «низов» российского общества на скорое облегчение своей участи. Поэтому его насильственная смерть породила слухи о «чудесном спасении доброго императора», и о скором его возвращении.

Повсюду стали появляться самозванцы, называвшие себя именем смещенного Петра III. Они объявлялись и в России (Черниговщина, Курск, Воронежская губерния, Поволжье, Астрахань и др.), и за рубежом империи (Балканы и Чехия). За все время Екатерининского царствования появилось порядка 25 самозванцев выдававших себя за «Государя Петра Федоровича», а всего под разными именами фигурировало 54 лжемонарха.

Самозванцы появлялись каждый год, причем в иные года сразу по несколько человек. Были свои самозванцы и в Окско-Сурском междуречье. Речь идет об Иове (Иване) Евдокимове, скрывавшимся у «раскольников» на Керженце, и объявившемся в Нижегородском уезде. За свое самозванство Евдокимов был бит кнутом, ему отрезали язык, губы, нос и уши, и сослали в Сибирь. Также Арзамасский краевед П. Еремеев записал местное предание о самозванце, явившемся в середине XVIII века, в Арзамасе, и назвавшемся «Государем Петром III». На поверку «государь» оказался дьячком из близлежащего села Чернуха. Отрубленная голова дьячка была выставлена на длинном железном шесте, и долго приводила в трепет жителей города.²¹⁹

²¹⁷ Война с Турцией 1768-1774 годов, обошлась в 50 млн. рублей, при общем бюджете России 80 млн. рублей. Огромные деньги Екатерина тратила на фаворитов. Братья Орловы обошлись российскому бюджету в 17 млн. руб. Ланской «стоил» около 8 млн. руб. Корсаков и Зорич по 1 млн. руб., Зубов «вышел» в 3,5 млн. руб. Потемкин и Безбородько «встали» матушке императрице по 50 млн. руб. каждый. Не остались без внимания и мимолетные увлечения матушки. Для сравнения: крепостной («душа») стоил тогда 250-300 рублей, корова 8-10 рублей.

²¹⁸ Петр III, внук Петра I, погиб в 1762 году, от рук заговорщиков, в результате дворцового переворота. На российский трон была возведена его супруга, немецкая принцесса Фредерика-Амалия Ангальт-Цербская (в крещении Екатерина). Есть мнение, что за заговором стояла Англия недовольная сближением Петра III с Пруссией.

²¹⁹ П. Еремеев. «Арзамас-городок». Арзамас 2008 г.

Идея возвращения Петра III была очень популярна в среде старообрядцев, связывавших с его личностью, непонятно на чем основанные, надежды о возвращении к «древнему благочестию». Ждали его и «инородцы», полагая что «законный государь» предоставит самостоятельность национальным окраинам. Из доносов в «Тайную канцелярию» (восстановленную Екатериной II), известно, что башкиры, после подавления в 1755 году, восстания Батырши, говорили: «Ныне женский пол царствует, но надо иметь терпение, скоро на престол мужской пол возведен будет, и мы в то время для себя милости дождемся». В другом донесении говорится, что некий татарин на допросе показал, будто башкиры прямо предостерегали его: «Зачем тебе жить в Казанском уезде? Скоро будет война с Россией, причем такая что Сибирские и Уральские казаки будут с нами...».

Казаки Южнороссийских степей, к середине XVIII века, утратили большинство своих вольностей. Прекратились походы «за зипунами», само казачество все сильнее расслаивалось на бедных и богатых, а приказы из Петербурга стали иметь преимущество перед решениями «Казачьего круга». Казачья беднота связывала утрату былой «вольницы» с несправедливым правлением имперского центра, и желала перемены власти, возвращения былой независимости «Старого поля».

В Петербурге, среди знати также хватало недовольных установленными порядками и «фаворитизмом». Сосредоточение богатств огромной страны в руках узкой группы людей вызывало зависть и ненависть среди аристократии и дворян. Попытка подпоручика В. Миновича (1740-1764), в 1764 году, освободить из заточения Ивана Антоновича (1740-1764)²²⁰, с целью возвращения ему российского престола, говорит о возможном наличии «Антиекатерининской» партии в столице.

Разумеется, за границей зорко следили за всеми внутренними делами в Российской империи. Османь, прямые враги России, поощряли все выступления «инородцев», способные ослабить Рома-

²²⁰ Иван Антонович, внук Ивана V, брата и соправителя Петра I. Императрица Анна Иоанновна, умирая, завещала ему российский престол, но Елизавета заточила 16-ти летнего Ивана Антоновича в тюрьму, где он просидел до 1764 года. Был опасен и для Екатерины II, которая после попытки Миновича, приказала Ивана Антоновича убить.

новскую империю. Французы, заметившие, что российская внешняя политика все более «дрейфует» в сторону сближения с соперницей Франции, Британской империей, также поддерживали внутрисосийские антиправительственные выступления (считается доказанным, что и Турция, и Франция, финансировали Пугачева). Слухи о скором появлении «законного императора», были как нельзя на руку российским недругам, желавшим дестабилизации обстановки внутри страны.

Одним словом, появление «законного императора Петра III», как оппонента царствующей императрицы, было востребовано и внутри страны и за ее пределами, и отвечало чаяниям самых разных слоев и групп как российского, так и заграничного общества.

В сентябре 1773 года, среди казаков *Яицкого* (на реке *Яик*) казачьего войска, явился очередной «чудом спасшийся» император «Петр III». Он немедленно пожаловал «яицких» казаков: «Рякою с вершины до устья, и землею и травами, и денежным жалованьем, и свинцом и порохом и хлебным провиантом». Разумеется, все это было пожаловано авансом за будущую службу и за помощь «ампиратору Петру Федоровичу» вступить в свое «законное царство», и наказать свою «взбрыкнувшую» супругу.

Появление «ампиратора» именно среди *Яицкого* казачества нельзя назвать случайным. *Яицкое* казачье войско располагалось на самой границе тогдашней России с дикими Казахскими степями, и эти территории были наполнены и беглыми крестьянами и скрывавшимися «раскольниками». Рядом с казаками на реке Иргиз, в XVIII веке, сложилась большая община старообрядцев ухидивших в свое время из России, от преследований за веру. Вся территория к востоку от реки *Яик* была буквально «пропитана» беглыми «раскольниками», враждебными Петербургу и Москве. Сами *Яицкие* казаки, выступившие в 1772 году, против вмешательства правительства в их внутренние дела, были жестоко подавлены имперскими войсками, и также затаили злобу на центральную власть.

И те и другие, представляли собой сплоченную силу, готовую и к борьбе и к лишениям. Старообрядцы к тому же имели обширные связи со своими общинами расположенными и в России, и на Урале,

и в Сибири, и за границей (Польша, Австрия, Турция), и этот «ампиратор» был уже не первым самозванцем выпестованным ими.

То, что Пугачев был креатурой старообрядцев, было видно из материалов расследования бунта, а вот был ли он «завербован иностранными спецслужбами» это большой вопрос, но время и место для выступления Пугачева было выбрано как нельзя более удачно. Во первых Россия вела тяжелейшую войну с Османской империей, и сосредоточила на юго-западе свои лучшие и главные силы, а оставшиеся в Поволжье небольшие гарнизоны и воинские команды не могли оказать серьезного сопротивления «ампиратору». Во вторых, Пугачев выступил осенью, когда заканчивались полевые работы и, следовательно, ему можно было рассчитывать на поддержку земледельцев готовых оставить свои дома «под зиму». И в третьих трудно было найти внутри России силы более враждебные к Романовым чем «раскольники», «голотвенные» казаки и «инородцы» Поволжья. Мятеж внутри России был крайне выгоден и проигрывавшим войну туркам, да и французы с австрияками не желали выхода России к Черному морю.

Интересна и личность самого самозванца назвавшего себя «Петром III». Выходец из донских казаков, уроженец той самой станицы Зимовейской, где веком раньше родился Степан Разин, Емельян Пугачев (1742-1774) был: «казак, и в роду все были казаки». Он, как и многие донские казаки в XVIII столетии, служил в иррегулярных частях царской армии. Призванный в 19 лет (через неделю после женитьбы), он участвовал в «Семилетней войне» (1756-1763), затем в походах за беглыми старообрядцами в Польшу (тогда видимо и сошелся с ними наиболее близко), и затем был призван, в 1768 году, на войну с турками, откуда пытался демобилизоваться по болезни, а после того как ему было отказано, в 1771 году, просто дезертировал.

Человек неглупый и решительный, Емельян был натурой склонной к артистизму и бродяжничеству. Достаточно сказать, что, в 1772 году, он был арестован и заключен в Казанский острог именно по обвинению в бродяжничестве, а запоздалый приговор по нему звучал так: «оному Пугачеву за побег его (дезертирство авт.)...учинить наказание плетью и послать как бродягу привыкшего к праздной и предрезкой жизни в город Пелым, где употреблять в казенную рабо-

ту». Что же до артистизма, то соратники Пугачева говорили о нем: «прехитрой, лукавый и весьма притворный человек, ибо...мог плакать, когда только захочет в любое время».²²¹

Раскольники сыграли в его судьбе решающую роль. Они помогали ему скрываться после дезертирства, помогли бежать из острога, помогли легализоваться после побега, в России. Пугачев был нужен «раскольникам» не меньше чем они ему, потому что с такими «данными» как нельзя лучше подходил на роль «ампиратора», и видимо Емельян действительно находился под сильным влиянием старообрядцев (по словам своего сподвижника Падурова «он был раскольник»), и действительно был врагом официальной церкви. По данным следствия он «попущал» казакам, когда те выкалывали иконам глаза, раскалывали и разрубали их, «попущал» мордве и чувашам когда те истребляли православных священников и жгли храмы.

Видимо «раскольники» и предложили Пугачеву назваться «Петром III», во время посещения им, в августе 1773 года, в Мечетной слободе, авторитетнейшего среди старообрядцев старца Филарета, имевшего связи и со старообрядческими общинами за границей, и с Москвой и с Петербургом. Старец, так сказать, «благословил» Пугачева на самозванство.

Беглый солдат, прошедший суровую армейскую школу, не сидевший в «острогах» (тюрьмах), Пугачев был довольно жестоким человеком. Его первая жена (Пугачев не «развенчавшись» с первой женой, «обвенчался», в 1774 году, будучи уже «царем», с 19-летней казачкой Устиньей), встретившая мужа в 1774 году, после долгой разлуки, говорила потом на допросе, что Емельян: «Стал такой собака, что хоть чуть на кого рассердится, то уж и ступай в петлю». По показаниям пугачевцев, во время похода Пугачев всем приказывал: «чтоб никто не отставал, и страшал смертию если кто отстанет, или уйдет», и держал свое слово. Но эта жестокость сочеталась в Пугачеве и с какой-то человечностью. По словам соратников, он: «не любил когда чинили губительство безвинных людей», и как настоящий старообрядец: «от излишнего вина воздерживался, и употреблял редко».

²²¹ «Емельян Пугачев на следствии». Москва. 1997 г.

Нет фактов указывающих на то, что Пугачев был «иностранным наймитом». Во всяком случае, на допросах он ничего об этом не сказал, хотя масштабный «розыск» учиненный императрицей после подавления бунта, говорит о подозрениях Екатерины на «иностранное вмешательство». Не исключая, что за бунтом стоит Франция, императрица именovala вождя восстания: «маркиз де Пугачев».

Может быть, Пугачева использовали вслепую, может быть эцентричный казак знал, что является «игрушкой» в чужих руках, но все-же решил попробовать себя в роли царя, но одно можно утверждать совершенно точно. Заговорщицкий центр существовал до Пугачева, и без Пугачева. На первом этапе восстания Пугачевым полностью руководила Яицкая казачья верхушка, составлявшая «Военную коллегия» и контролировавшая «государя». Пугачев нередко и сам жаловался, что: «улица моя тесна». Только после разгрома Пугачевских армий под Оренбургом (февраль–март 1774 г), роль «Военной коллегии» умалась, и Пугачев обрел самостоятельность, но его «звезда» уже клонилась к закату. Впрочем, к этому времени обратного пути не было, да и сам Пугачев уж слишком «вошел в роль».

Нельзя исключать связи заговорщиков с некоторыми дворянскими, а возможно и придворными кругами Петербурга, желавшими свержения Екатерины. Известный всем (по произведению А.С. Пушкина) прототип Швабрина, подпоручик М.А. Шванвич, якобы «взятый в плен», в ноябре 1773 года, под Оренбургом, и «принужденный» бунтовщиками служить, не где-нибудь, а в «военной коллегии», в качестве секретаря,²²² был сыном ротмистра А.М. Шванвича, которого знал и любил настоящий Петр III. При этом, оба Шванвича были крестниками императрицы Елизаветы, не благоволившей, как известно, к своей невестке.²²³

Любопытно, что одним из главных знамен Пугачева, было знамя любимого императором Петром III, «Голштейнского» полка. Захваченное правительственными войсками, 20 августа 1774 года, после

боя у Солениковой ватаги, где Пугачев был разбит окончательно, это знамя смутило многих солдат императрицы, сама Екатерина строго потребовала выяснить, как знамя попало к бунтовщикам. Расследование засекретили, публике сказали, что повстанцы ранее сами отбили это знамя у правительственных войск, но что делало в действующей армии, знамя давно расформированного полка?

И в восстании, и в самой личности Пугачева, немало загадок, которые не спешили раскрывать ни царские, ни советские историки. И образ стихийного бунтовщика, злодея и самозванца, рисуемый дореволюционной историографией, и образ, едва ли не идейного борца с самодержавием, рисуемый историографией советской, не позволяли исследовать тайные пружины и корни Пугачевского восстания.

Можно ли назвать это восстание «казацким мятежом»? Или «крестьянской войной», или даже последней войной «степного Юга» против «Севера»? Войной «Юга» против «Севера Руси», какими были «Смута» и «Разинщина», вряд ли. «Юг» к этому времени был побежден, и превращался в «Украину», «Новороссию» и «Поволжскую Великороссию», да и «казацким мятежом» в полной мере восстание Пугачева назвать нельзя. Известно, что Донские казаки совершенно не поддерживали Пугачева, и более того, участвовали в подавлении восстания, в составе карательных отрядов. Начавшееся как «казацкий мятеж» это движение сразу переросло в крестьянскую войну, но оно также носило в себе элементы «сепаратизма», привнесенные в него Поволжскими «инородцами», и кочевниками Северо-Казахстанских степей, калмыками и казаками.²²⁴

Скорее здесь подойдет эпитет «Гражданская война». Первая гражданская война между двумя, искусственно созданными Романовским правлением, народами России. Народом господ и народом рабов, причем рабы эту войну, как и следующую, в XX веке, вели не на покорение противника, а на истребление, пролив реки господской крови и не жалея крови своей. В этот раз «господа» победили, а «рабы» затаились на долгие 150 лет, но нет сомнения, что следу-

²²² Ему принадлежит авторство Пугачевских манифестов на немецком языке, которые очень напугали императрицу. Вероятно, он и принес, в Пугачевскую «Военную коллегия», книгу с образцами текстов манифестов и указов.

²²³ А.С. Мельников. «Легенда о русском принце». Ленинград 1987 г.

²²⁴ Известно, что башкиры, на Урале уничтожали не только заводы и органы государственной власти, но и русских переселенцев, крестьян и «работных людей», желая очистить Урал от русских вообще. Добровольно присоединившись к России в XVI веке, башкиры в XVIII веке, искали возможности соединиться с единоверной Турцией.

ющая гражданская война вспыхнула бы гораздо раньше, если бы не нашествие Наполеона, сплотившее оба «народа» в борьбе с внешней угрозой, и не реформа Александра II «Освободителя» (1818-1881), половинчатая, и запоздавшая с «освобождением».

Сентябрьское выступление Пугачева и осада им в октябре Оренбурга, к декабрю «зажгло» огромную территорию Астраханской и Казанской губерний. Позже «пламя» перекинулось на Урал, и в начале 1774 года, под знаменами «Петра III» было уже порядка 200 тысяч человек. Армия Пугачева, во всяком случае, ее «ядро» (50-60 тыс. чел.), не была стихийным сборищем недовольных, как и сам Пугачев не был «главарем банды». С самого начала он располагал значительными суммами, из которых платил жалованье Яицким казакам а «Военная коллегия», сделала из восставших вполне боеспособное войско. На всей территории охваченной восстанием, армию Пугачева называли «царским войском», а правительственные войска «царицыным войском».

Своей массовостью восстание обязано было и пропаганде проводимой «Военной коллегией». Пугачевские воззвания «манифесты» рассылались повсюду, и писались на всех языках. К татарам по-татарски и арабски, к башкирам по-башкирски, к калмыкам по-калмыкски, к мордве по-мордовски, к чувашам по-чувашски и т.д. Суд, который на первых порах вел сам «Петр III», вскоре перешел в ведение «Военной коллегии», и она же руководила «органами местного самоуправления» – «Казацкими кругами», организуемыми во всех без исключения местах занятых повстанцами.

Формирование войска, назначение командиров,²²⁵ присвоение воинских званий, вручение наград,²²⁶ заготовка фуража и провианта, оружия и амуниции,²²⁷ и многое другое было в ведении «Военной коллегии». Для руководства военными действиями, был создан «штаб» куда вошли ближайшие сподвижники «Петра III»: «Чика»

Зарубин, Белобородов, Падуров, Соколов «Хлопуша» и другие. Начальником штаба стал Яицкий войсковой атаман Овчинников. Всех призванных служить приводили к присяге, заканчивающейся словами: «готовы тебе служить надежда-государь верой и правдой». Дезертиров и мародеров строго наказывали, сам Пугачев «многих в том провинившихся вешал без пощады». При войске существовала казна, из которой делали выплаты местному населению за провиант и фураж, и выплачивали жалованье рядовым солдатам и «чиновным казакам» и атаманам (на первых порах регулярно). Выплачивалось даже пособие семьям мобилизованных и погибших.

Армия «ампиратора» включала в себя пехоту, кавалерию и артиллерию, и делилась на полки по территориальному и национальному признакам, а во главе полков стояли командиры одной национальности с подчиненными.²²⁸ У каждого полка было свое знамя, и на знаменах казаков изображался «раскольниковый» крест,²²⁹ Образ Спаса или Николая Чудотворца.

Была у восставших и своя идеология, выработанная без сомнения еще до начала восстания и эволюционировавшая по ходу его. Если первые «манифесты» направлены главным образом к казакам, то по мере расширения восстания они обращались к все более широким слоям населения империи, обещая льготы и привилегии. Староверов «Петр III» жаловал «крестом бороною и молитвою», нехристиан «верою и молитвою», кочевников «...до последка землями... денежным жалованьем, свинцом и порохом и пребывать как степные звери», и всех без исключения «ампиратор» жаловал «...волею, и навечно казаками». В случае победы будущее государство представлялось как некое «Казацкое царство», без налогов и податей, без рабов и господ, где все казаки и все равны.

«Манифесты» Пугачева, раз от разу, становились все жестче и радикальнее, и свой последний манифест, «Крестьянский», от 21

²²⁵ Среди командиров Пугачевской армии было казаков-52 человека, крестьян-38 человек, заводских работников-35 человек, башкиров-30 человек, татар-20 человек, калмыков-12 человек и один казах.

²²⁶ Пугачев награждал медалями, сделанными из царских монет с профилем Петра III. Также награждали одеждой, сукном, оружием.

²²⁷ На Урале даже организовали литье пушек для Пугачевской армии.

²²⁸ Формированием отрядов занимался мещеряк Бахтияр Канкаев. Он проводил в районах Уфы и Кунгура мобилизацию по «одному человеку с двух домов».

²²⁹ Царь Петр Алексеевич пытался утвердить в православии четырехконечный крест, который старообрядцы называли «крыж», и оставались верны кресту восьмиконечному. В XIX веке, восьмиконечный крест вытеснил «крыж» из русской православной символики.

июля 1774 года, который Пугачев обнародовал в Окско-Сурском междуречье, был самым беспощадным и кровожадным.

Но как бы, ни было организовано и сплоченно «казацкое войско», все равно вымуштрованная регулярная армия превосходила его в искусстве боя. После первых успехов восстания, когда перед пугачевцами распахивали свои ворота города, а «лучшие люди» и духовенство²³⁰ встречали их «хлебом-солью», повстанцы потерпели ряд поражений от армейских команд, присланных под Оренбург, и Пугачев вынужден был, летом 1774 года сместить эпицентр восстания на Урал, где оно разгорелось с новой силой. Постоянно отбиваясь от карательных отрядов, Пугачев, 11 июля 1774 года, подошел к Казани с более чем, 20-ти тысячной армией. Власти Казани не смогли толком организовать оборону города, и Пугачев практически взял Казань (оставался только Кремль), но тут к городу подошли армейские части под командованием подполковника И. Михельсона, и мощным ударом рассеяли Пугачевское войско.

Из сражения под Казанью видно насколько регулярная армия превосходила в выучке повстанцев. У Пугачева перед сражением было 20000 человек и 30 пушек, а у Михельсона 2000 человек и ни одной пушки. После двух боев у повстанцев погибло 2500 человек и 5000 сдались, а у Михельсона погибло 35 человек при 121 раненом, и ему досталась вся артиллерия восставших. Русские солдаты воевали воистину «По-суворовски». Поражение было полным а сам Пугачев с небольшим отрядом бежал в западном направлении, и переправившись через Волгу,²³¹ возле села Сундырь (ныне Мариинский посад), вступил в земли чувашей.

²³⁰ В 1764 году Екатерина отобрала у церкви все земли вместе с крестьянами. В России сразу 954 монастыря остались без средств к существованию (финансировалось только 160 монастырей). Приходские священники были «посажены» на скудное жалованье и были недовольны нововведениями. Неудивительно, что на территории охваченной восстанием, во многих церквях Екатерину исключили из «ектений» (молитв о здравии), а где-то даже молились за «государя-императора».

²³¹ Любопытно описание переправы осуществленной яицкими казаками. Из дров и сухого тальника они изготовили много маленьких плотов («салы»), связанных веревками. Раздевшись, казаки положили на них свою одежду, оружие и седла, и привязали эти плоты к хвостам лошадей. Держась за гриву лошади, казаки форсировали реку. «Один в один» похоже на способ переправы средневековых воинов-степняков.

А здесь «ампиратора» как будто ждали. На восстание поднялась вся Чувашия. Гнев и ненависть восставших «инородцев» обрушилась на дворян, чиновников, священников и миссионеров. Массовые казни духовенства и дворян стали обычным делом, и каратели не успевали справляться с бунтовщиками, но сам Пугачев спешил на запад, в Окско-Сурское междуречье, рассчитывая поднять на бунт многомиллионное население Приволжских губерний. Пройдя за три дня всю Чувашию, «Петр III» прибывает 21 июля в Курмыш: «С немалою воровскою толпой...вступил в город Курмыш конницею с Яицкими казаками и через реку переезжал вплавь».

Здесь, на левом берегу Суры, он и обнародует свой знаменитый «Крестьянский манифест» обращенный именно к крестьянам. «Жалуем сим именным указом...всех находившихся прежде в ...подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственно нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободой, и вечно казаками...».

«Государь» не требовал ни рекрутских наборов, ни подушных и прочих податей, и отдавал во владение крестьянам земли, леса, рыбные ловли, и соленые озера «без оброку». Этот последний манифест Пугачева характерен своей кровожадностью. «Петр III» требовал истреблять злодеев дворян «под корень» – «ловить, казнить и вешать». Манифест дал начало самому мощному и кровопролитному этапу восстания, крестьянскому восстанию в Поволжье.

Размах восстания был широчайший. Сдались Алатырь, Саранск и Пенза, и везде погибло «великое множество дворянства». В Шатцкой провинции многие: «дворянские фамилии были мучительно истреблены». В Нижегородской губернии более трети селений (все в Окско-Сурском междуречье) приняли участие в восстании. Из живших в губернии полутора тысяч дворян, истреблено было без малого треть. Крестьяне вешали и приказчиков и купцов, прежде чем убить, всех «противников» подвергали мучительным пыткам, мордва и татары резали духовенство и жгли церкви. «Дерзость и буйность простого народа до самого высокого градуса дошла...и повсюду чернь, сего изверга рода человеческого (Пугачева авт.) с восклицаниями встречала».

Восстание охватило уже и Темников, отряды повстанцев были замечены у Арзамаса и Ардатова, дошли до левобережья Тешы,²³² и были опасения, что бунт перейдет и в Московскую губернию, границы которой были тогда возле Саваслейки. После того как восстало крупное село Болтино, и смутьяны оказались уже в 15 верстах от Нижнего, нижегородский губернатор А. Ступишин писал в Петербург, что: «ручаться за безопасность Нижнего, да и Москвы уже нельзя», и просил ввести войска для защиты губернского города и Арзамаса, через который шла большая дорога на Москву.

Правительство напуганное масштабами восстания, спешно заключает мир с Турцией (21.07.1774), и возможно Пугачев спас тогда Османов от полной гибели, так удачно складывалась для русской армии ситуация на Черном море. Для удара по повстанцам, сосредотачивается огромная армия. Сама Екатерина говорила потом, что такую армию: «Против иного государства не зазорно выставить». Возглавили эту армию лучшие российские полководцы, а главнокомандующим стал граф П. Панин (1721-1789), генерал-аншеф, бывший и пруссаков и турок.

Еще раньше, из действующей армии, был отозван генерал-поручик А.В. Суворов (1730-1800), проследовавший через Арзамас, к войскам, предназначенным для перехвата самозванца. Очень ему хотелось «потрафить» матушке-императрице, и самому взять злодея. А Пугачев, предчувствуя скорый конец, рвался на юг, помышляя скрыться на Кубани принадлежавшей тогда туркам. Суворова опередили «Донцы-Молодцы» перехватившие «ампиратора» в степях, и Емельяна в железной клетке повезли в Москву. Маршрут арестанта пролегал через Арзамас и Муром, и железную клетку с «ампиратором» видели и жители наших краев, а на Руси начались суды и расправы.

Восстание еще полыхало, а Арзамасская провинция снова стала местом ужасных казней. Правительственные войска вели себя как оккупанты в завоеванной стране. Граф Панин в циркуляре от 28 августа 1774 года, приказал во всех городах и селениях, жители кото-

рых приняли участие в бунте, всех активных участников: «Казнить смертью отрублением сперва руки и ноги, а потом головы, и тела класть на колеса у проезжих дорог... ради таковой кары при всех тех селениях, которые бунтовали, или ослушными оказались, поставить и впредь до указу не снимать по одной висельнице, по одному колесу, и по одному глаголю для вешания за ребро...».

По всему Юго-Востоку Нижегородской губернии стояли висельницы и «глаголи», а по рекам поплыли плоты с повешенными, для устрашения живущих. Плыли такие плоты и по Теше. Панин требовал чтобы каратели заставляли жителей выдавать участников бунта, а в случае отказа, приказывал вешать каждого третьего из жителей того села где проходило дознание, а остальных пороть под висельницами «наиболее жесточайшим способом». Казненных хоронили вдоль дорог, и места захоронения их получили в народе названия «Панинских кладбищ».

4ноября 1774 года, Пугачева казнили в Москве. Емельян Иванович остался верен своей артистической натуре до конца. По пути к месту казни он раскланивался перед собравшейся толпой зевак, и просил прощения «у всего народа Православного». Весь 1774 год, вестником народного несчастья, в небе над Россией висела комета, о которой поэт Г.Р. Державин (1743-1816) сказал: «она... принадлежала к числу наиболее замечательных в XVIII веке, отличалась длинным хвостом с шестью загнутыми лучами». А в Среднее Поволжье, ко всем бедам и несчастьям побежденного и терзаемого народа, пришел еще и голод. Он начался после страшной засухи лета 1774 года. Погибли и нивы и луга, от бескормицы люди умирали тысячами. Граф Панин писал в октябре 1774 года, светлейшему князю Г. Потемкину: «Во всех тех местах Воронежской, Нижегородской и Казанской губерний, где я проезжал, был очевидцем, что уже с сентября месяца обыватели иного хлеба не едят, кроме как с лебедью, с желудями, а в некоторых местах и с мохом».

Может быть, в связи с голодом, расправы зимой 1774 года, в Нижегородской губернии, не были такими уж жестокими. Пороли и ссылали многих, но по суду казнили только 12 человек, кроме того подати за 1774 год собирали только за треть года, а на пособия пострадавшим от голода было выделено 1 миллион рублей, хотя Па-

²³² Из донесений известно, что отряд мятежников занял село Теплый стан (ныне Теплово Кулебакского района).

нин еще год оставался в Казани, руководя подавлением отдельных вспышек бунта.

«Казацкий царь» не сумел освободить народ от гнета и притеснений, но поражение не убило в людях веру в «Высшую справедливость», когда-нибудь обязательно грядущую на земле. Усиление крепостничества, жестокие расправы, борьба с «раскольниками» и принудительная христианизация, вызвали в XVIII-XIX веках, бурный рост различных нелегальных и полуполигальных сект, религиозных учений и «толков», с которыми беспощадно боролась Русская Православная Церковь. Среди крестьян размножились бесконечные «толки» «хлыстов», «бегунов», «дыфников», «скопцов», и других, пытавшихся по-своему объяснить христианское учение, а среди Поволжских народов возникали учения, заключавшие в себе некий синкретизм православия и древних языческих верований. Например, в Нижегородском уезде оформилась секта «молокан», среди марийцев широко распространилась сектантская община «*Кугу Сорга*», а среди мордвы, в начале XIX века, явился «Пророк мордовской веры».

Прежде чем рассказать о «пророке», необходимо сказать о народе, из среды которого он вышел. Мордва Терюшевской волости, *терюхане* (*терюшевецы*), уже не раз упоминалась на страницах книги. Считается, что эта этнографическая группа, именованная по волостному центру, древнему селу Терюшево, получившему свое название от старинного мордовского имени *Тюрай* (*Тюряш*, *Теряй*),²³³ была небольшой частью огромного этнического массива мордовских эрзянских племен, издревле живших в правобережье Волги, от устья Оки до устья Суры, от мест где расположено современное Павлово, до мест где находятся современный Ядрин и Курмыш.

По-разному складывалась судьба, разных групп и племен «Окско-Сурской» мордвы. Какие-то племена, хоть и берегли свой язык и обычаи, но влились в *угро-тюркское* «море», став со временем мокшей. Какие-то, сумели отстоять свою самобытность, и остались *эрзей*. А предки *терюхан*, оказавшись, начиная с XIII века, в сфере культурного и политического влияния древнерусских княжеств, по-

степенно утратили свой язык, перейдя на русский, и хранили только память о том, что они «мордва», и свою «мордовскую веру».

Со славянами мордва устья Оки познакомилась когда, в X веке, князь Святослав на ладьях спустился по Оке в Волгу, идя громить Хазар. Потом, в течение 200 лет, Рюриковичи завоевывали Среднюю Оку, и бассейн Клязьмы, и немало беженцев сородичей эрзян, и родственных мерян, спасалось в лесах Окско-Сурского междуречья от христианизации принесенной завоевателями.

В XII веке, потомки Рюрика обратили свои взоры на устье Оки, но свои земли мордва не собиралась уступать никому. Испокон веку жили они на этих землях, имена колдуна Дятла и вождя Сковорца хранили мордовские предания, еще один легендарный мордвин, Соловей-Разбойник, прославившийся своим умением свистеть, также жил в этих местах. Страшный свист Соловья не пустая выдумка былинного сказителя. Мордва, живущая в древности в дремучих Приокских лесах, владела особым умением свистеть так, что у противников «кровь леденела в жилах». В преданиях упоминается и вотчина Соловья-Разбойника, село «*Перевоз*», а селения с таким названием есть в междуречье и сегодня.

Легендарный панок Абрам встал на пути Суздальских Рюриковичей. Предание о его борьбе и поражении, приводилось в книге, но после того как суздальцы взяли устье Оки, в борьбу с ними вступил знаменитый инязор Пургас, сражавшийся с завоевателями на равных. Этот Пургас, со своей «Пургасовой Русью», единственная память былой мордовской государственности, и этой памятью дорожит теперь вся мордва.

Увы, никаких письменных свидетельств о древнем прошлом Окско-Сурской мордвы не сохранилось, и только легенды и скудные записи летописцев других народов о «мордвичах», все, что осталось от этого прошлого. Но то, что дошло до нас: фольклор, остатки богатейшей культуры, хозяйственная деятельность (земледелие мордва знала до прихода славян, а бортничество было мордовской «монополией»), все это говорит о том, что мордва находилась на высокой ступени развития. Самые отчаянные патриоты мордовского народа говорят даже о следах некоей собственной письменности мордвы, следах какой-то алфавитной системы, предполагая, что знаки-тамги

²³³ От этого имени и «областные» фамилии Тюрин, Терехин, Терешков, Тюряев, Тюркин и т.п. Современное село Терюшево находится в 12 км от Дальнего Константинова.

оставляемые древними мордовскими пчеловодами на «бортях», как и знаки, выкладываемые мордовскими охотниками из шишек и веток на земле, напоминают даже не иероглифы, а «как минимум» слоговое письмо.

Впрочем, если и была какая-то письменность, то эрзяне ее не сохранили, как не сохранили и свою государственность, но зато сохранили преданность своей «мордовской вере», которую пронесли через века, несмотря на давление мусульманства, а затем христианства. Описанная многими этнографами «мордовская вера», как правило, подается как вера языческая, и все-таки, это не язычество каким мы его понимаем.

Концепция Бога-Творца, исповедуемая «языческой» мордвой, уже приподнимает их религию над язычеством на другой, более высокий уровень. Бог для мордвы был единым, а все другие «божества» не более чем его творения, созданные им для управления силами природы и для взаимодействия с людьми. В религиозных верованиях мордвы видно влияние самой древней монотеистической религии мира, иудаизма, пришедшее к мордве через хазар. Окско-Сурское междуречье почти 300 лет было во власти хазар, и тогда же сложились «языческие» верования мордвы, которые они бережно пронесли через последующие столетия. Конечно «мордовская вера» не поднималась до тех высот миропонимания, какие имелись и имеются в иудаизме, но заимствование культовой символики (например, родовой подсвечник у мордвы называется «штатол») и обрядности, объяснимо только влиянием хазарского иудаизма.

Конец вражде русских князей и Пургаса, положили в XIII веке, татары, завоевав и включив Окско-Сурское междуречье в состав Золотой Орды. Впрочем, северная часть междуречья только 100 лет была в поле деятельности Татарских беев, уже к середине XIV века, земли в междуречье Оки, Волги и Теши переходят в подчинение Нижегородского княжества, и с этого времени судьба мордвы Северной части Окско-Сурского междуречья, становится навсегда связана с Нижним Новгородом и его жителями. Даже столетнее владычество Казани не разорвало эти связи, а уж после присоединения Казанского царства к Московии, они возобновляются с новой силой.

Длительное пребывание в составе таких разных государств, не смогло изменить лесной народ. Мордва правобережья Волги оставалась мордвой, и Сигизмунд Герберштейн, в 50-е годы XVI века, находит предков *терюхан*²³⁴ в устье Оки: «народ мордва живет у Волги, ниже Нижнего Новгорода, на южном (правом авт.) берегу. Они во всем похожи на черемисов, за исключением того что живут в домах».²³⁵

Терюхане мирно и добровольно перешли «под руку» Москвы, однако дальнейшая политика Московских государей, сделала их непримиримыми противниками новой власти. Бунты Приволжской мордвы известны уже в «Смутное время», а впоследствии терюхане были активными участниками «Разинщины». Именно среди Приволжской мордвы, нашел «Нечай царевич»-атаман Осипов, своих самых преданных сторонников Мурашкинских казаков, отдавших за него свои жизни. Восстания мордвы Терюшевской волости, в 1745 году, и участие в Пугачевском бунте, когда восставшая мордва села Болтина была в 15 верстах от Нижнего, показали, что терюхане по прежнему не желают мириться с «крепостью» и насильным крещением. О нежелании русифицироваться речи уже не было. Терюхане к этому времени почти все говорили по-русски.

Финские народы, всегда и везде, легко принимали язык, более развитого экономически и политически, народа-созерена. Десятки восточно-финских «чудских» племен растворились в славянском море, Поволжские угро-финны, попав под угро-тюркское влияние, стали мокшей, марийцы, переняв язык и традиции суваров, стали чувашами, и даже современная суверенная Финляндия, еще одним государственным языком, приняла язык своих соседей шведов, от которых долго была в зависимости. Также и терюхане, долгое время, живя рядом с русскими, перешли на русский язык, и к середине XVIII века, только одно делало их мордвой. Исповедание «мордов-

²³⁴ Здесь под *терюханами*, понимается вся совокупность древней мордвы северно-западной части Окско-Сурского междуречья.

²³⁵ С. Герберштейн. «Записки о Московии», Москва 2007 г. О черемисах он пишет: «они весьма опытные лучники, причем лука никогда не выпускают из рук. Они находят в нем такое удовольствие, что даже не дают сыновьям еду, пока те предварительно не поразят стрелой намеченную цель».

ской веры». Терюхане, крещение которых велось с XVI века, в большинстве своем были крещены за 200 лет, но самые упорные, ни в какую не желали отказываться от веры отцов, направляя просьбы к правительству не присылать к ним миссионеров, и не лишать их «мордовской веры».

Такая приверженность к своим древним традициям могла возникнуть только у сильного духом, и думающего народа, не случайно выходцем из крещеных терюхан был Патриарх Никон, и хотя нет данных о происхождении отца Аввакума, тот факт, что он был родом из мест расселения мордвы терюхан, говорит сам за себя. Это были два самых видных церковных деятеля Руси XVII века, а их мужество, верность своим убеждениям и несгибаемость, сделают честь любому народу, из среды которого вышли такие борцы. Терюхане хранили преданность вере отцов, но если уж принимали другую веру, то ни в коем случае не могли относиться к ней формально, принимали ее всей душой, и ни ислам, ни православие не были для мордвина сборником застывших ритуалов и догм. Неудивительно, что именно среди терюхан явился «мордовский пророк», память о котором осталась, увы, только в сухих протоколах допросов.

К концу XVIII века, завершалась христианизация Окско-Сурского междуречья. Все больше строилось церквей, все больше мордвы становилось христианами и следовательно русскими. Старики где-то еще продолжали хранить свою веру, но новое поколение уже меньше интересовалось религией отцов, тем более насильственная христианизация уже сменялась просветительской деятельностью, и «Закон Божий» усваивался вместе с грамотой. Развивающиеся товарно-денежные отношения все сильнее являли для нерусской молодежи выгоды владения русским языком, и принадлежности к русскому народу.²³⁶ В этот момент, когда уходила в прошлое «мордовская вера» и объявился «пророк».

Летом 1808 года, Нижегородский губернатор А.М. Руновский (1761-1813) был опять встревожен новостями из Терюшевской во-

лости Нижегородского уезда. Буквально четыре года назад, мордва некоторых деревень отказалась убирать помещичий хлеб. Управляющий попробовал было угрожать им, но крестьяне просто убили управляющего и разгромили контору. Мордва стала свозить помещичий хлеб на свои гумна, и только военная команда, посланная из Нижнего, смогла навести порядок. Но на этот раз новость имела характер «из ряда вон выходящих». Губернатору доложили, что среди недавно крещеной мордвы, в селе Большое Сеськино (в 20 верстах от Терюшево, существует и поныне), 44-летний крещеный мордвин Кузьма Алексеев, провозгласил себя «Божьим пророком» и проповедует «мордовскую веру».

Уроженец села Большое Сеськино, крестьянин Кузьма Алексеев начал свою деятельность в 1802 году. Сперва его речи носили сумбурный характер, но после подавления волнений 1804 года, он стал проповедовать завершение вооруженной борьбы против крепостничества, и ожидание скорой ликвидации крепостного права по «Божьему повелению». Эти проповеди получили успех среди окрестной мордвы, и вскоре Кузьма уже имел своих учеников, распространявших его учение среди крещеной и некрещеной мордвы Арзамасского, Ардатовского и других уездов Нижегородской губернии. Местные власти проповедника уже не раз секли, но он не унимался, а весной 1808 года с ним случилось событие, изменившее всю его жизнь. Во время молитвы (вероятно христианской и направленной к Христу), он услышал свыше указание: «Молитесь Богу по эрзянски, и подавать милостину, так как приходят последние дни века сего...».

Кузьма объявил мордовским крестьянам, что они не должны принадлежать помещикам, не должны платить оброков, но должны вернуть свои древние обычаи, возродить «мордовскую веру» перед наступлением Божьего суда. Он говорил: «Когда все люди будут эрзянской веры, и будут ходить в эрзянской одежде, начнется праведный суд; мордовские молитвы дойдут до неба, ударит двенадцать громов, в один раз знаменуя кончину мира, и сойдет Дом Давидов чтобы судить по старой вере, и все веры преклонит под свою веру. После этого солнце будет ходить о правую руку, и всходить там, где ныне заходит, поэтому молиться надо, не на восток, а на запад, оттуда и придет освобождение. Вера будет одна, Мордовская, и

²³⁶ Мельников-Печерский, проводивший, в середине XIX века, этнографические исследования среди мордвы Арзамасского уезда, утверждал, что большинство жителей сел и деревень вокруг Арзамаса называя себя русскими, были на самом деле потомками обрусевшей мордвы, и свои мордовские корни помнили только старики.

ковши мордвы, хранящиеся в Нижнем Новгороде, дождавшись Давида, вернутся к мордве».

По указанию губернатора, Кузьма Алексеев снова был беспощадно высечен, но это только «фразадорило» «мордовского пророка». Его проповеди становились все радикальнее, а число его сторонников неуклонно росло, и вскоре он, практически автономно, управлял довольно большой территорией, получив среди окрестных крестьян кличку «Кузька Бог»,²³⁷ а его нападки на христианство приобрели уже характер ереси. Кузьма утверждал, что ему является посланник творца Мельседей, учащий что: «Иисус Христос не Бог, а чин, и чин этот низложен», а «Дом Давидов» сойдет на ручей, близ Большого Сеськино, для чего: «Надо молится каждую пятницу и воскресенье».

Что за верования нашли свое отражение в проповедях Кузьмы?²³⁸ Несомненно, здесь слышны эсхатологические мотивы, имевшие тогда широкое хождение среди «низов» российского общества. Ожиданием «конца света» была наполнена вся крестьянская среда Руси, старообрядцы уверяли что «антихристовы слуги» уже правят миром.

Однако проповеди Кузьмы выбивались из общего ряда именно своим ветхозаветным основанием, которое «пророк», несомненно, обрел в постулатах древней «мордовской веры». Судите сами: «являвшийся» Кузьме «Мельседей», это не кто иной, как Мельхиседек, ветхозаветный царь-первосвященник, благословивший Авраама, родоначальника иудеев. Мельхиседек один из самых загадочных и таинственных персонажей Библии, и одна из самых почитаемых персон, как в иудаизме, так и в христианстве. «Дом Давидов» – это, несомненно, династия Библейских царей Израиля, основателем которой был царь Давид. «Дом Давидов» – Род Давида имеет ключе-

вое значение для Библейской истории Израиля, причем упоминается «Дом» в связке с известной прародительницей иудеев, Библейской Рахилью. Одним из лозунгов «Кузьки Бога» было: «да сгинут несправедливые боги, да воцарится род Давидов и Рахилькин». Тот ручей близ Сеськина, на который должен был «снизойти» «Дом Давидов», еще долго потом называли «*Рахлей(ка)*» («*Рахиль*»).

Вскоре Кузьма уже организовывал в лесу массовые моления «Озкс*ы», участие в которых принимали сотни людей, а моление, состоявшееся 12 сентября 1809 года, собрало более 4000 «новокрещен» и незамеченным не осталось. Соседний помещик, князь П.С. Трубецкой написал донос в волостную управу, после чего прибыл отряд солдат и стали наводить порядок. Кого секли, кого приводили к церковному покаянию, сам Кузьма сдался властям, однако во время приведения народа к присяге отказался целовать крест. «Пророк» получил 80 ударов плетью и был отправлен в Нижний Новгород, где его дело было признано настолько серьезным, что его взял на контроль сам министр внутренних дел империи, князь А.Б. Куракин (1759-1818), придав ему характер «уголовного». Несмотря на то, что русские газеты называли К. Алексеева «шарлатаном» и «высочкой», его делом интересовался император Александр I (1777-1825).

Состоявшийся вскоре суд над «пророком» не нашел ничего лучшего как обвинить Кузьму в «корыстолюбии», после чего он был бит кнутом, ему «вынули» ноздри, выжгли на лбу «В.О.Р.», и отправили в Сибирь. Дальнейшая судьба Кузьмы Алексеева осталась неизвестной, а мордва Окско-Сурского междуречья еще долго вспоминала «Кузьку бога», называя его «*Пазмарий*» (Божий пророк).

²³⁷ По мордовски святой – это *куза* (*хуза*). Этот термин мордва заимствовала от мусульман, переиначив мусульманское слово *хаджа* (*хаджа*).

²³⁸ Ожидания «конца света» были очень распространены в крестьянской среде того времени. В чем-то похожие «откровения», излагал, в 70-х годах XVIII века, духовный вождь секты «скопцов» Кондратий Селиванов, называвший себя «великим искупителем» и «пророком-государем Петром III». Но Селиванов говорил что «искупитель» явится с востока, а Кузьма утверждал, что спасение придет с запада, что дало повод построить конспирологическую версию о связях «мордовского пророка» с ...Францией. Дескать, Кузьма возвещал приход Наполеона.

Глава 22

Великая Россия

В XIX веке Окско-Сурское междуречье окончательно стало русским. Политика христианизации и русификации местных народов, вкупе с заселением Поволжья русскими колонистами, принесла ожидаемый результат. Окско-Сурское междуречье стало той частью России, которую теперь называют *Великороссией*.

Местные тюрки были, или вытеснены восточнее, или ассимилированы, и только исповедание ислама позволило небольшой их части сохранить свою этническую основу. Поселения татар и татар-мишарей, островками разбросаны, по всему междуречью, как знаки памяти о былом их могуществе и гегемонии здесь.

Мордва ассимилировалась почти без остатка, и даже в тех немногих оставшихся мордовских селениях междуречья, заметно преобладание русского языка и забвение мордовских обычаев. Впрочем, жители междуречья, как и жители всего Среднего Поволжья, и когда делились на племена, и теперь, демонстрируют пример необычайно мирного сосуществования друг с другом, выработав традиции совместного проживания, в которых взаимное уважение всегда шло рядом с веротерпимостью, и почтению к чужим обычаям. В XVIII веке, исследователь флоры и фауны Поволжья Иоганн Фальк (1732-1774) отмечал, что: «Согласие между различными народами в Поволжье достойно удивления, Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни за какие либо дела».

Этнографы XIX века, изучавшие Поволжские народы, также отмечали очень мирное этноконфессиональное соседство Поволжских обитателей, но уже обращали внимание на значительное влияние на жизнь «инородцев» русского языка и русских традиций. Профессор Казанского университета Н.В. Никольский (1878-1961), в своих работах посвященных этнографии чувашей писал, что: «Среди молодежи распространяется обыкновение одеваться на русский лад... Красивым нарядом мужчины считается русская одежда...».

В трудах других этнографов говорится: «Избы мордвы ничем не отличаются от таких же изб великороссов... При разговоре мордва называет себя русскими именами. Свадьба мало отличается от великоросской... Также мало отличается от великоросского и обряд погребения». «Татарские усадьбы по размерам не отличаются от русских, расположение построек в усадьбах хоть и специфически татарское, но в больших городах и торговых селах постройка домов ведется, так же, как и у русских». «Казакин к татарам попал видимо от русских (скорее наоборот авт.) являясь формой служилых казаков татар, и он одинакового покроя с покроем казакина русских служилых казаков... крестьяне обычно носят лапти так называемого татарского образца, которые представляют по виду и технике изготовления упрощенный чувашский лапоть; сельское хозяйство татарина построено в общих чертах одинаково со всеми народностями края, применяются одни и те же системы землепользования, сеются те же хлеба, употребляется тот же инвентарь, породы скота те же».

На едином пространстве Поволжья собранном в единой империи, у всех обитателей, независимо от национальности и вероисповедания складывался единый уклад жизни, и единый образ ведения хозяйства. На смену бывшему в течение нескольких веков, языком межнационального общения, татарскому, в XVIII веке окончательно пришел язык русский. Язык главной религии империи и язык имперской администрации. На смену принудительной христианизации, в конце XVIII века, пришла христианизация цивилизованная, проводимая с учетом местных условий и обычаев.

В конце XVIII века, наиболее дальновидные деятели Русской Православной Церкви стали использовать для более результативного внедрения христианства родные языки Поволжских народов,

а со второй половины XIX века, вводится разработанная русским востоковедом и тюркологом Н.И. Ильминским (1822-1891), система подготовки священников и церковнослужителей, набранных из молодежи коренного населения. Ильминский утверждал, что: «... инородец движимый только врожденным инстинктом, прямо и непосредственно может воздействовать на ум и сердце одноплеменных ему инородцев... а к человеку своего племени инородцы имеют больше доверия нежели к человеку чужому».

«Свет Просвещения», засиявший в XVIII веке в Европе, дошел в веке XIX, и до Поволжья. Повсюду стали открываться высшие учебные заведения, гимназии, церковно-приходские школы. Получение «инородцами» начального образования, в церковно-приходских школах на русском языке, дало несказанно больший эффект русификации и христианизации, нежели все прошлые годы «миссионерской деятельности». Во первых язык. Имперский министр народного просвещения А.И. Георгиевский (1830-1911), в 1867 году сказал, что ни в коем случае нельзя учить «инородцев» грамоте на родном языке, ибо родной язык: «Может послужить к пробуждению племенного самолюбия, и уважения к собственному языку».

Свои соображения по поводу языка преподавания в начальных школах он изложил на страницах «Журнала Министерства Народного Просвещения», где в частности доказывал что: «Язык это народ; утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, введите его в школу и церковь, и вы тем самым утвердите соответствующую народность, а доселе безразличную в отношении к своему языку массу инородцев, и с явным даже влечением к усвоению языка русского, вы обратите в племя, которое будет дорожить своими особенностями, и будет настаивать на своем обособлении».

Во вторых вера. Богослужение на едином славянском языке, способствовало превращению разноэтнической массы населения в единый русский народ. Христианизация народов Поволжья (а еще сильнее, произошедшая в XX веке «Советизация»), сделала возможными смешанные браки, также способствовавшие сближению всех жителей Поволжья. Небольшими общностями, где сохранялся

родной язык, были общности мусульман, которых всех в конце XIX века, называли «татарами».

Третьим главным условием русификации края, стало начальное «гуманитарное» образование, преподавание предмета «Отечественная история». Именно история, как наука, имеет определяющую роль в образовании и становлении нации. Дети тюрков и мордвы, обучаясь русской истории, впитывали ее в себя, хотели чувствовать себя русскими и славянами, наследниками славы Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова.

Благодаря выполнению этих трех условий, в XIX веке, произошло то, что в науке называется «этнической трансформацией», сменой этнического самосознания, когда меняется даже не столько образ жизни, сколько образ мыслей людей, и они начинают соотносить свою жизнь и судьбу с жизнью и судьбой этноса к которому их предки не принадлежали.

Сложился новый народ, *Великороссы Поволжья*, антропологически и ментально отличный от других отраслей русского народа: украинцев, белорусов, Южновеликороссов, Великороссов Центра России, но тем не менее Русский народ-защитник «Дома Пресвятой Богородицы». Небесная царица не оставила этот народ, избрав своим четвертым уделом на земле Среднее Поволжье, Дивеевскую обитель Окско-Сурского междуречья, где являлась великому молитвеннику за Россию, преподобному Серафиму Саровскому

Вобрав в себя элементы славян и тюрков, угров и финнов, Великороссы Поволжья уверенно заняли свое место среди других народов России, обустривая и защищая свою землю. Но, ни человек, ни тем более народ, не может отказаться от своих корней без ущерба для своего будущего. Память об этих корнях живет в географических названиях, которые, несмотря на свое «нерусское» звучание принадлежат предкам Поволжских Великороссов. Река Теша, получившая свое имя от угро-тюрков, обжитая потом мордвой, стала, несмотря на свое название русской рекой, как и сотни других рек Великой России.

Содержание

Глава 1	
<i>Введение. Реки России.</i>	3
Глава 2	
<i>Археология и антропология.</i>	10
Глава 3	
<i>Скифы, сарматы, ирки.</i>	22
Глава 4	
<i>Великое Переселение.</i>	34
Глава 5	
<i>Угро-тюрки. Финно-угры.</i>	42
Глава 6	
<i>Мордия и Великая Венгрия.</i>	62
Глава 7	
<i>Славяне и Русь.</i>	88
Глава 8	
<i>Хазары, и Волжские Булгары.</i>	110
Глава 9	
<i>Тюркская гегемония.</i>	126
Глава 10	
<i>Золотая Орда и татары.</i>	147
Глава 11	
<i>Меищерский улус и Нижегородское княжество.</i>	162

Глава 12	
<i>Касимовское царство и Казань.</i>	175
Глава 13	
<i>Поход Ивана Грозного.</i>	184
Глава 14	
<i>В составе России.</i>	216
Глава 15	
<i>Казачество.</i>	230
Глава 16	
<i>Смутное время.</i>	236
Глава 17	
<i>Правление Романовых.</i>	253
Глава 18	
<i>Раскол.</i>	267
Глава 19	
<i>Нечай-царевич.</i>	274
Глава 20	
<i>Век Просвещения.</i>	292
Глава 21	
<i>«Царь» и «Пророк».</i>	310
Глава 22	
<i>Великая Россия.</i>	332

Литературно-художественное издание

12+

Мальшев А.В.

Как Меша стала русской рекой

Очерки истории и топонимики
Окско-Сурского междуречья

Оригинал-макет подготовлен Издательством Эдитус
в авторской редакции

Отпечатано в ООО «Эдитус»
129515, г. Москва, ул. Академика Королева, 13
8 (800) 775-30-87
www.editus.ru

Подписано в печать 14.08.17
Формат 148x210. Печ. л. 42,25
Печать цифровая. Бумага офсетная
Тираж 500 экз. Заказ № 2017080111

www.editus.ru

